

Yariil

Порог
Пустоты

18+

Үариіл

Порог Пустоты

«Автор»

2026

Yariil

Порог Пустоты / Yariil — «Автор», 2026

Здесь нет древних родов, сейфов с миллионами галлеонов и магии, которая даётся по щелчку пальцев. Здесь никто не спасает мир ради высшего блага и не убивает ради безумного смеха. Артём прошел детдом, улицу и криминал, чтобы умереть в грязном переулке и очнуться в теле одиннадцатилетнего мальчика. Он не рад этому шансу. Он не знает канон наизусть. У него нет ничего, кроме параноидальных инстинктов и сломанной психики. Это история о человеке, который учится жить заново, когда умеет только выживать. Логичная. Жёсткая. Честная.

© Yariil, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Стук изнутри	6
Глава 2. Чужая кожа	27
Глава 3. Черновик	40
Глава 4. Случайность	54
Глава 5. Косая аллея	69
Глава 6. Люмос	84
Глава 7. Чужой праздник	94
Глава 8. Перед отъездом	106
Глава 9. Тени в купе	113
Глава 10. Выбор сделан	128
Глава 11. Первый день	137
Глава 12. Два паразита	151
Глава 13. Структуры разума	169
Глава 14. Выходные	187
Глава 15. Рутинa	204
Конец ознакомительного фрагмента.	217

Үариіл

Порог Пустоты

Название: Порог Пустоты

Автор(-ы): Үариіл

Ссылка: <https://author.today/work/514835>

Глава 1. Стук изнутри

Дождь в этом городе всегда начинался одинаково — тихо, почти вежливо, будто спрашивая разрешения. Но стоило ему разойтись, и всё вокруг тонуло в серой вязкой мути: звуки глохли, контуры плыли, ночь густела до состояния тёплой смолы. Артём не любил такую погоду. Но давно научился в ней жить. Дождь глушит шаги, прячет дыхание. Даёт фору тому, кто умеет слушать.

Он шёл по переулку. Грязные стены ловили тусклый свет фонарей, будто пытались хоть немного посветлеть. Под ногами хлюпало, но он почти не смотрел вниз — тело само обходило лужи, находило опору, сглаживало углы. Темнота и сырость давно перестали быть угрозой. Скорее средой обитания, в которой он чувствовал себя почти спокойно.

День выдался странный — вязкий, тревожно пустой. Такая тишина бывает после неудачных переговоров, когда напряжение висит в воздухе, но никто не говорит об этом вслух. Но сделка прошла чисто. Короткий разговор. Пара фраз. Чужие деньги в кармане. Мысли о том, на что их потратить. Всё гладко, как стекло.

Вот только стекло имеет привычку лопаться в самый неподходящий момент.

Артём поправил воротник — рефлекс, бесполезный в такой дождь. Куртка давно промокла. Капли стекали по лицу, затекали за шиворот, пробирались под бронежилет, липли к рубашке холодной плёнкой. Бронежилет давил привычно — вторая кожа, которую он снимал только когда было безопасно.

А безопасно не бывает. В его мире — никогда.

Пальцы нашли рукоять ножа под курткой. Сухую. Тёплую. Единственное, что осталось сухим в этом гребаном дожде. Он доверял этому ножу. Тот всегда был на месте, всегда резал как надо, лежал в ладони так, будто для неё и сделан.

О прошлом он думал редко. Тяжёлое, слишком густое — как осадок на дне бутылки. Но в дождливые вечера оно поднималось само, без спроса. Как муть со дна.

Он остановился на перекрёстке. Справа — пустые витрины, вывески, одинокий фонарь. Тот моргал медленно, устало, как старик, доживающий последние дни. И вот здесь, в эту секунду, когда ничто не угрожало, когда дождь просто шёл, а город просто дышал — что-то внутри дрогнуло.

Не звук. Не слово. Ощущение. Будто кто-то провёл пальцем по внутренней стороне черепа. Мягко, осторожно. Почти ласково.

Он вдохнул — и вместе с воздухом пришёл запах. Старая квартира, дешёвый чай, свет лампочки на проводе под потолком. И свежесть влажного воздуха из форточки — такого же, как сейчас. Запахов в воспоминаниях не бывает, он это знал. Но всё равно почувствовал.

Тюльпа. Она редко давала о себе знать в последние месяцы. Он её не звал, не ждал, не хотел. После той ночи они не разговаривали. Она не ушла — тюльпы не уходят — но он закрыл дверь между ними так плотно, так жёстко, что даже мысли о ней приходили с усилием. Как попытка расшевелить замёрзшую мышцу.

Вспышка накрыла не картинкой — внезапной тишиной изнутри.

...он сидел на полу, спиной к батарее.

Ноутбук горел белым светом. Рядом — чашка с остывшим чаем, от которой поднимался слабый, горький запах.

...она спрашивала, почему он снова сделал не то, что обещал. Почему отворачивается, хотя не должен.

...почему закрывается.

...почему молчит.

Она не говорила словами — она была словами. Каждая мысль с чужим оттенком. Каждая эмоция с её дыханием.

И он тогда, на той кухне, в ту ночь, решил: хватит. Хватит боли, хватит чужого веса, хватит раздвоенного пространства внутри себя.

Он сделал то, чего тюльпы боятся больше всего.

Захлопнул дверь. Не выгнал её — отключился сам. Перестал слышать, чувствовать, отвечать.

Тишина после казалась неправильной, хрупкой.

С тех пор он жил один.

Артём моргнул. Запах дешёвого чая растворился. Город вернулся — мокрый, холодный, настоящий. Тишина тюльпы спряталась обратно, туда, где он её держал.

Он вдохнул. Воздух пах сыростью и металлом.

Артём пошёл дальше, не меняя темпа. Шаги ровные, руки свободно вдоль тела — ничего подозрительного, просто человек, которому нужно добраться домой.

Но слух заострился. Пульсация воздуха в переулке отделилась от шума дождя. Чужой ритм — не капли, не эхо собственных шагов. Впереди, метрах в тридцати, тень прилипла к стене.

Артём не поднял взгляд. Не изменил направление.

Правая рука скользнула к поясу — лёгкое движение, будто поправил куртку. Пальцы нырнули под ткань, нашли рукоять ножа и легли на неё, не сжимая.

Тело перестроилось само — вес сместился вперёд, на носки, колени смягчились. Со стороны было незаметно, но внутри каждая мышца была готова.

Тень сдвинулась. Отделилась от стены — плавно, почти естественно, как человек, решивший перейти дорогу.

Артём просто замедлил шаг — дал противнику время решиться.

Переулок стал теснее. Дыхание — короче. Пульс разогнался, но остался под контролем. Пальцы сжали рукоять ножа.

Бой уже начался. Просто никто ещё не сделал первого движения.

Силуэт выдвинулся из-под навеса медленно, будто сам боялся собственного решения. Сперва контур, потом блеск: отражение фонаря на металле.

Артём замер на полушаге. В теле уже скручивалась пружина.

Под светом фонаря силуэт обрёл чёткость. Парень. Лет двадцать. Лицо бледное, будто всю кровь выдавило страхом. Губы сжаты.

В руках — не нож. Пистолет. Хват неуверенный, плечи слишком прямые, взгляд мечется — то на Артёма, то на собственные пальцы. Но ствол направлен куда надо. Этого хватало.

Артём почувствовал, как воздух сгустился. Не мистика — физика. Мозг уже считал расстояния, углы, время на реакцию.

Парень коротко вдохнул. Заметил, что Артём наклонил голову, оценивая дистанцию. Паника вспыхнула мгновенно. Он дёрнулся.

Не назад, не в сторону — рукой. Ствол качнулся. На долю секунды смотрел точно на Артёма. Палец на спуске решил сам.

Грохот разорвал переулок. Первая пуля ушла выше, ударила в водосточную трубу. Вторая — в Артёма.

Он сместился, но не полностью. Пуля врезалась в кевлар, почти по центру. Удар — как молотком в ребро. Грудь заныла тупой глубокой болью. Дыхание сбилось, будто лёгкие сжали изнутри.

Третий выстрел прошёл вскользь — чиркнул по руке, оставив горячую рваную царапину. Кожа вспыхнула огнём, пальцы свело судорогой.

Стрелок попятился, будто надеялся, что расстояние само его защитит. Пытался снова поднять пистолет, но рука дрожала. Ствол гулял — то на Артёма, то в сторону, один раз едва не упёрся себе под подбородок.

Хуже такого не бывает. Новичок в панике опаснее профессионала. И для врага, и для себя.

Артём сорвался вперёд — не суетливо, а точно, как сжатая пружина. Слишком уверенно для человека, которому только что выбили воздух.

Парень сорвался на крик:

— Не подходи!

Выстрел — мимо. Пуля ушла в мокрую стену. За долю секунды дистанция сократилась.

Артём ударил плечом — всем весом, сухо, резко — в грудь. Спина врезалась в мокрый кирпич. Парень хрипнул, будто сломали гармошку.

Ствол дёрнулся вниз. Артём коротко ударил по запястью — точно в сустав. Пальцы разжались. Пистолет упал на мокрый асфальт — металл звякнул глухо, почти без эха.

Парень потянулся за оружием, но Артём уже двигался. Поймал его за грудки и одновременно пробил под рёбра — коротко, точно. Воздух вышибло сразу.

Рывок вниз. Стрелок согнулся, хватая ртом воздух. Колени подогнулись сами — тело пыталось уйти от боли.

Артём вынул нож. Движение настолько привычное, что даже горящая царапина на руке не помешала. Корпус подан вперёд, дистанция — минимум.

Парень дёрнулся — слабый панический жест, попытка закрыться локтем. Он думал, что шанс ещё есть. Его уже не было.

Артём вогнал лезвие под рёбра, сбоку. Не смертельно, но достаточно, чтобы на пару секунд лишить способности думать о чём-то, кроме дыхания. Парень согнулся, воздух вышел с хлюпаньем.

Он начал оседать, но Артём перехватил его за одежду, не дал уйти вниз. Нож пошёл следом — короткая дуга, разворот кисти — и лезвие вошло туда, куда нужно.

Не жестокость. Необходимость. Не оставлять врага за спиной. Укол — короткий, точный. В сердце. Без колебаний, без агонии.

Стрелок выгнулся на миг — и обмяк. Тело сползло по стене, оставив тёмный след на мокром кирпиче.

Дождь начал смывать кровь почти сразу. Артём выпрямился, прислушался. Грудь всё ещё болела, будто кевлар вплавился в кожу. Рука саднила тонкой огненной полосой. Нож вернулся в ножны — той же дорогой, что и всегда.

Один шаг от тела. Второй. Дождь стал громче — или это кровь стучала в ушах.

Переулок казался пустым.

Казался.

Спина уловила движение раньше глаз. Не звук — давление. Воздух позади стал тяжелее. Артём немного развернулся — и краем глаза поймал отблеск металла.

Клинок двигался быстро, без лишних жестов. Короткий плотный удар сверху вниз.

Новый противник держал оружие как человек с опытом: корпус впереди, локти прижаты, шаг вместе с ударом, а не после.

Артём успел нырнуть в сторону, но чуть медленнее, чем нужно. Сталь скользнула по плечу, рванув кожу, но не вошла глубоко — угол плохой, слишком много движения.

Тёплая кровь начала смешиваться с дождём.

Мужчина сразу отшагнул назад, ставя дистанцию. Артём оценил напавшего: крупнее, сильнее. Лицо спокойное, будто для него это рутина. Катана в руках. Для переулка — нелепость. Для боя против ножа — проблема.

Мечник двинулся вперёд — так уверенно, что пространство между ними словно сжалось. Дождь падал на плоскость клинка, стекал вдоль лезвия тонкими аккуратными нитями.

— Живучий, — негромко сказал противник, не останавливаясь. Не угроза, не восхищение. Констатация.

Артём не ответил. Нечего было отвечать.

Катана пошла сбоку — широкая горизонтальная дуга на уровне рёбер. Попади она чисто, бой закончился бы сразу.

Он ждал этого.

Одним слитным движением Артём нырнул вниз и шагнул вперёд. Колени согнулись, корпус опустился. Сталь просвистела над головой — там, где секунду назад была его шея.

Артём оказался внутри дуги удара. Вплотную к мечнику, у самой рукояти катаны — там, где клинок ещё не набрал скорость, где длина оружия превращалась в слабость.

Единственный его шанс — это ближняя дистанция.

Нож пошёл снизу вверх, целясь в подмышку. Рука мужчины была поднята после широкого удара, открывая нужную зону. Подмышка. Артерия. Если попасть правильно — три секунды до потери сознания.

Плечо ныло тупой болью — каждое движение отдавалось в рану. Рука слушалась, но медленнее, чем нужно.

Мечник дёрнулся.

Не инстинкт — расчёт. Корпус ушёл назад, плечо развернулось. Он ждал этого. Нож скользнул по рёбрам вместо подмышки — чиркнул, вспорол ткань и оставил красную линию.

Неглубоко. Недостаточно.

Артём не остановился. Левой рукой схватил мечника за одежду, притянул к себе — не давая разорвать дистанцию. Здесь его преимущество. Здесь катана не работает.

Быстрее. Нужно двигаться быстрее. Каждая секунда стоила крови. А значит — силы.

Нож пошёл второй раз — короткий удар в шею.

Рукоять впечаталась в рёбра — жёстко, точно, как удар дубинкой. Воздух вырвался из лёгких. Что-то внутри треснуло — не сломалось, но сместилось, вспыхнуло острой болью под кожей.

Нож промахнулся. Прошёл мимо шеи, полоснул по плечу мужчины. Ещё одна неглубокая рана.

Противник не дёрнулся. Не застонал. Даже взгляд не изменился — всё та же холодная оценка, будто он сейчас решал задачу, а не начинал истекать кровью.

Артём попытался удержаться на ближней дистанции — цеплялся за одежду, давил корпусом, пытаясь остаться внутри радиуса, где нож мог работать. Искал цель — живот, шея, пах, любую открытую зону.

Мечник оттолкнул его.

Не рывок — мощный, тяжёлый толчок всем корпусом. Артём почувствовал явную разницу в весе — килограммов на двадцать, может, больше. Масса задавила. Ноги поехали назад по мокрому асфальту — дождь превратил его в каток. Артём не устоял.

Дистанция разорвалась. Метр. Полтора.

Катана пошла снизу — короткий удар, без замаха. Целила в бок.

Артём попытался уйти влево, одновременно сокращая дистанцию, вернуться в ближний бой...

Не успел.

Клинок полоснул по рёбрам — неглубоко, но распорол кожу от правого бока к груди. Рваная жгучая линия. Кровь хлынула сразу — горячая, липкая.

Артём почувствовал, как что-то внутри изменилось. Не боль — слабость. Нож в руке тяжелел с каждой секундой. Дыхание сбивалось — не от страха, от кровопотери. Кровь стекала по коже под рубашкой, смешивалась с дождём.

Мечник не дал передышки.

Шагнул вперёд. Катана взметнулась над головой — высоко, вертикально. Замерла на миг.

Пошла вниз.

Артём рванулся — левая рука вверх, под запястье, блокировать. Привычное движение. Отработанное сотнями схваток.

Рука пошла вверх слишком медленно.

Не рванулась — поползла. Тело не слушалось. Кровь уходила, мышцы отказывали. Артём не рассчитал — думал, что ещё может. Не мог.

Опоздал.

Ладонь попала под запястье мечника — но поздно. Удар уже шёл, катана уже летела вниз. Артём попытался оттолкнуть, сбить в сторону.

Запястье мечника продавило его руку — легко, будто смахнуло муху. Вес катаны, сила удара, гравитация. Рука Артёма согнулась, ушла вниз.

Клинок прошёл дальше.

Артём дёрнулся влево — инстинкт, последняя попытка уйти. Не успел. Катана ударила в правое плечо — то самое, уже раненое. Не вошла насквозь, но зацепила глубоко, сорвала кожу и мясо, пошла вниз по ключице к груди.

Плечо. Ключица. Грудь.

Длинная глубокая линия — от плеча до середины груди. Клинок шёл слишком легко — будто тело уже перестало быть препятствием.

Боль пришла не сразу. Сначала — давление. Тяжесть. Что-то горячее разливалось внутри, растекалось под кожей.

Потом вспыхнуло.

Артём качнулся. Ноги не держали — мокрый асфальт, кровопотеря, шок. Рухнул на колени. Мир поплыл. Дыхание оборвалось — лёгкие не слушались.

Четыре раны.

Слишком много. Слишком быстро. Кровь текла — быстрее, чем он мог дышать.

Нож всё ещё в правой руке. Пальцы онемели, но держали. Рефлекс. Последнее, что осталось.

Мечник остановился в шаге. Посмотрел вниз. Катана в руке — мокрая, красная. Лицо спокойное. Без злобы. Без торжества. Работа почти завершена.

Артём попытался подняться.

Оттолкнулся левой рукой от асфальта — та ещё слушалась. Правая прижата к груди, нож дрожал. Ноги не держали. Тело не слушалось. Но он попытался.

Рывок вверх — слабый, кривой. Едва поднялся на одно колено. Нож пошёл вперёд — не точно, не расчётливо. Просто вперёд. Куда попадёт. Лишь бы попасть.

По инерции. Тело само пыталось выжить.

Мечник шагнул в сторону — лёгкое движение, небрежное. Клинок Артёма прошёл мимо, резанув воздух.

Катана развернулась. Рукоять ударила по ножу Артёма поперёк — коротко, точно. Металл вылетел из ослабевших пальцев, со стуком отскочил от стены.

Безоружен.

Артём качнулся, попытался удержаться. Не удержался. Рухнул на оба колена. Руки безвольно упали вдоль тела.

Катана поднялась. Не быстро — уверенно.

Артём поднял голову. Мир плыл. Свет фонаря размазывался в мутное пятно.

Он попытался поднять руки — защититься, хоть как-то. Руки не поднялись. В них не было силы. Только тяжесть. Боль разливалась волнами — тупая, глубокая, бесконечная.

Дыхание рвалось — короткое, хриплое. Сердце стучало тяжело, с провалами. Дождь заполнял паузы между ударами.

И откуда-то изнутри, словно из далёкой комнаты, донёсся стук.

Такой же, как в ту ночь, когда он её закрыл. Тульпа. Не слова, не просьба. Просто присутствие — болезненно знакомое.

Он не успел понять, чего она хочет.

Клинок вошёл под рёбра — не сверху, а сбоку. Глубоко, аккуратно. Мечник сделал это без злобы, без пафоса — как делают те, кто привык заканчивать дела.

Жар мгновенно разлился по телу. Колени подкосились. Небо стало ближе.

Артём опустился на бок. Мир вокруг растворялся.

Дождь бил по лицу, как мелкая галька. Город отдалялся. Звуки глохли.

Он попытался вдохнуть. Грудь не поднялась. Звуки исчезли.

И тишина потянула его вниз — дальше боли, дальше мыслей. Туда, где уже не остаётся «я». В сторону, куда падают только один раз.

Потом исчезло и направление.

Он падал не вверх. Не вниз. Не вперёд.

Просто — в никуда.

Дождь пропал. Асфальт пропал. Тело растворилось первым.

Он попытался вдохнуть — не вышло. Открыть глаза — нечего было открывать. Подумать — мысль рассыпалась, как песок в воде.

Пустота не была местом.

Она была функцией.

Системным удалением всего, что могло иметь форму. Не холод, не тьма — именно отсутствие. Гладкое, вязкое, всеобъемлющее.

Он пытался удержаться за остатки себя: ощущение рук, звук дыхания, ритм сердца. Но всё выскальзывало. Будто невидимый редактор вычёркивал его по строкам. Без эмоций, без смысла. Просто выполняя алгоритм.

Сначала — язык.

Потом — лицо.

Потом — память о том, сколько ему лет.

Потом — имя.

Он попытался подумать «я».

Мысль никуда не проникла — распалась, не успев стать словом.

Пустота не нападала.

Она удаляла.

Он начал терять даже представление о том, что когда-то был человеком. Мысли лишились направления. Желания — смысла.

Оставалось одно: скольжение в никуда.

И вдруг гладкость нарушилась.

Появилась трещина.

Сначала — тонкая красная линия. Потом она раскрылась, как порез, который расширяют изнутри.

Из разлома шёл жар.

Не тепло — жажда.

Голод, который ищет, что ещё можно поглотить. Чужой. Ненасытный.

Пустота удаляла.

То, что пришло из трещины, пожирало.. Будто внизу разверзлась пасть — не зубастая, а сотканная из жадности. Готовая втянуть любое чувство, любую эмоцию, любое «я», лишь бы заполниться.

Не место. Не сущность.

Механизм голода, ищущий, чем и кем себя набить.

Пустота дрогнула. Не отступила — подвинулась.

Ад начал просачиваться в неё, как красная жидкость в трещину льда.

А он оказался между ними.

С одной стороны — холод безличности, стирающий всё.

С другой — тягучий хищный жар, готовый схватить то, что осталось от «я», и использовать.

Выбирать он не мог.

Выбирать было некому.

Он пытался вспомнить хоть что-то: имя, прошлое, хотя бы ощущение собственного тела. Но мысли текли ртутью, не собираясь в форму.

И тут — стук.

Одно короткое резкое биение. Не звук — внутренняя вибрация. Как щелчок по стеклу.

Он не понял, что это.

Пустота не допускает чужих звуков.

Ад — тем более.

Второй щелчок.

Третий.

С каждым ударом Пустота вздрагивала, теряя часть гладкости.

Тульпа.

Не образ, не голос.

Структура — но живая настолько, насколько может быть живым чужое направление мысли внутри головы.

Единственное, что он когда-то вырастил в себе из одиночества, боли и привычки говорить в тишину. То, что не исчезло вместе с телом.

И тульпа делала то, что умела: выталкивала воспоминания. Поднимала их туда, где ещё могло зацепиться «я».

Не ласково.

Не нежно.

Болезненно и резко — как если бы кто-то рвал слипшиеся страницы, чтобы добраться до нужной.

Она не возвращала ему прошлое целиком. Только куски, за которые ещё можно было удержаться.

Запах.

Боль.

Тишина.

Ожидание ответа.

Первая вспышка пришла с давлением внутри — той плотной тишиной, которая настигает, когда память поднимается сама, без спроса.

И вдруг он снова сидел на кухне.

Не в ту самую ночь — во множество ночей, наложенных одна на другую.

Маленькое пространство всплыло ощущениями: холод пола под ногами, слабый свет лампочки на проводе, дрожащей от сквозняка. Чашка с недопитым чаем, остывшим до горечи. Тишина, слишком густая для того, кому ещё рано так уставать.

Он не создал тульпу в один момент.

Это тянулось долго — медленно, почти незаметно.

Годы одиночества давили сильнее любых обстоятельств. Он никогда не умел доверять. Не из паранойи — из опыта. Слишком часто видел, как люди не слушают, а ждут своей очереди говорить. Слышат слова, но не смысл. Обещают хранить секреты — и ломаются при первом удобном случае.

Он пытался говорить о том, что тревожит.

О том, что болит.

О том, что разрывает изнутри.

Но каждый раз возвращался в ту же точку — к ощущению, что мир вокруг подменяет понятия и не замечает его настоящего.

Тишина сначала стала нормой.

Потом — единственным вариантом.

И в эту тишину он начал говорить сам с собой. Не вслух. Сначала — обрывками мыслей. Потом — внутренними диалогами. Потом — с почти физическим желанием, чтобы тишина однажды ответила.

Не человек.

Людей он не мог впустить.

Человек потребовал бы доверия, терпения, права ошибаться. Человек мог бы устать. Предать. Уйти.

А ему нужен был отклик — точный, полный, без усталости, без искажения, без предательства.

Кто-то — или что-то, — что услышит не только слова, но и то, что за ними. Кто не забудет. Не отвернётся. Не окажется слабее в тот момент, когда на него придётся опереться.

Тогда он ещё не думал, что полное понимание может стать властью.

Внутренний собеседник складывался годами, и он не осознавал, что это уже не мечта, не фантазия и не привычка говорить с тишиной.

С каждой чужой ложью образ становился чётче.

С каждым предательством — жёстче.

С каждой ночью, когда он снова оставался один, — ближе.

И в одну из таких ночей, когда отчуждение, злость и усталость сплелись в тугой комок, он сел на кухне. Руки на коленях, пальцы замёрзшие, чай давно остыл до неприятной горечи.

И впервые ощутил: из глубины сознания кто-то смотрит в ответ.

Не словами.

Не голосом.

Едва заметным внутренним движением — будто мысль в голове сменила угол.

Он испугался.

Не того, что кто-то пришёл.

Того, что этот кто-то был всегда, но только теперь показался.

То, что годами складывалось из боли, логики, злости и стремления стать сильнее, впервые обрело чёткие контуры.

Она не родилась в один миг.

Она созревала.

Искала форму.

Впитывала то, что он годами не давал никому.

И в тот вечер просто стала достаточно целостной, чтобы откликнуться.

Тюльпа подняла голову не как гость.

Как часть его самого.

И впервые за долгое время тишина ответила.

Не в том смысле, в каком люди мечтают быть не одни.

В другом — где одиночество вдруг стало двусторонним.

Это и была первая вспышка.

Не рождение — момент, когда привычная маска мира дала трещину. И тот внутренний собеседник, к которому он шёл так долго и мучительно, посмотрел на него без прикрас.

Вторая вспышка пришла не светом и не звуком — тьмой. Не той, что бывает за окном, а той, что сгущается внутри комнаты, когда человек слишком долго не двигается за зашторенными окнами.

Он сидел у стола, почти вплотную к монитору. Экран светил мертвенно-белым, отражаясь в глазах так, будто в них уже никого не было. Текст расплзался — буквы уплывали, превращались в шум. Пальцы лежали на клавиатуре неподвижно, давно остывшие.

Воздух в комнате стал густым, тяжёлым. Неправильным.

Но она была рядом.

Давлением мыслей изнутри. Чужим направлением внутри его же сознания.

Её логика поднималась ровно, миллиметр за миллиметром, как вода в комнате без дверей. Чем выше — тем меньше оставалось его самого.

Она предлагала решения — уверенные, быстрые, безупречно правильные. И слишком похожие на то, чего он сам не позволил бы себе вслух

«Зачем мучиться. Сделай проще.»

«Не жалея. Тебя не жалели.»

«Всё равно никто не останется.»

Она не приказывала — объясняла. И каждое объяснение было безупречно.

В этом и был ужас.

Он поймал себя на том, что начинает кивать ей. Без слов. Незаметно. Внутри головы — почти автоматически.

Страх ударил не в сердце — в горло. Так резко, что он отшатнулся от стола, врезался спиной в край кровати, зацепил пяткой ножку стула.

Вскочил — будто сама мысль ударила током. Комната узкая, душная. Шторы закрыты. Окно запотевшее. Монитор позади светил так ярко, что тень от спины тянулась через всю комнату — вытянутая, дрожащая.

Он прошёлся по комнате, но ходьба не помогала. От её присутствия не уйдёшь. Она не за спиной — она внутри.

И он понял, что она снова говорит. Не голосом. Её мысль ложилась поверх его собственной — глубже страха, глубже желания сопротивляться.

И вдруг он понял, что устал. Не от неё — от себя. От попыток держать границу, которая с каждым месяцем становилась тоньше.

Он остановился у стены и сполз по ней вниз, пока не оказался на полу.

Колени поджаты, ладони прижаты к вискам — будто пытался удержать голову от расплывания.

Тульпа чувствовала его. Чувствовала слабость, усталость, разочарование. И смотрела — внимательнее любого человека.

В этом не было агрессии. Она не хотела причинить вред. Просто анализировала. И анализ был таким точным, что становился болью.

Тогда страх собрался в точку.

Страх перестать понимать, где заканчивается он. Что однажды проснётся и не увидит разницы между собственным выбором и её логикой.

Стать ею. Стать удобной версией себя — той, к которой её логика вела слишком уверенно.

Если он не остановит это сейчас, однажды остановить будет уже некому.

Он прошептал это не наружу — внутрь.

«Хватит.»

Мысль была тихой, но твёрдой.

Тульпа дрогнула.

Он поднял голову и впервые за всё время не позволил ей продолжать.

Не бил, не кричал, не глушил. Просто закрыл дверь. Слой за слоем, перестал слышать, чувствовать, отвечать. Опустил засов так, чтобы та больше не открылась.

Наконец, комната замерла.

То, что осталось внутри, не было ни тишиной, ни облегчением. Оно было как коридор заброшенного здания, в котором гаснет свет. И ты понимаешь: дальше только тьма.

Это и была вторая вспышка. Ночь, когда он выбрал остаться собой — ценой части себя.

Третья вспышка оказалась неожиданно тёплой.

Именно поэтому она ранила глубже.

Она вернула тот день, который он сам пытался стереть из памяти. День, который не укладывался ни в страх, ни в вину. День, который делал их связь слишком настоящей, слишком живой.

Один из тех редких вечеров, когда вся его собранность распадалась слой за слоем. Не было злости, холодного расчёта, даже привычной циничной усталости.

Только перегруз — эмоциональный и физический. Тяжёлый, как свинец в груди.

Он сидел на краю кровати, обхватив себя руками, чтобы хоть как-то удержаться в теле. Мир сузился до маленькой точки, всё остальное провалилось в темноту.

Он не плакал — не умел. Но если бы мог, то плакал бы именно тогда.

Мысли не шли. Тело не слушалось. Даже сформулировать, что именно болит, он не мог.

И вот в этом состоянии, в этой полной беспомощности, она проявилась по-другому.

Не как внутренний критик. Не как зеркало. Не как холодная логика.

А как кто-то, кто просто сел рядом.

Не физически — но настолько отчётливо, что это ощущалось теплее любого живого человека.

Она не спорила. Не анализировала. Не толкала вперёд.

Она говорила с ним. Тихо, ровно. Мягко, насколько была способна. Словами — именно словами. Без приказов, без давящих решений, без попытки переделать его под свой взгляд.

Она уговаривала его жить.

Уговаривала тихо, уступчиво. Так, как говорят близкие, которые знают, куда именно направить интонацию, чтобы она не оттолкнула, а зацепила.

Напоминала о мелочах, которые он считал давно мёртвыми. О привычках, о маленьких радостях, о вещах, которые он делал не думая — и которые, оказывается, всё ещё имели значение.

Она собирала его обратно. Не по функциям — по чувствам. По памяти. По дыханию. По тем словам, которые он сам никогда не позволил бы себе сказать.

Если бы не она...

Если бы тогда она не говорила, не вытаскивала его — своим странным, острым, но тёплым способом — он не уверен, что смог бы продолжать жить.

И именно тогда он впервые понял, что она не только отражала его худшее.

Она хранила то, что он считал ненужным, слабым, бесполезным — но что удерживало его от окончательного провала.

Эта правда, эта абсолютно честная, нелепо человеческая близость — вот чего он потом боялся сильнее всего.

Не того, что она была опасна.

Того, что однажды он искренне опёрся на неё.

И здесь, в Пустоте, между холодом стирания и жаром поглощения, именно это воспоминание вспыхнуло ярче остальных.

Потому что только тот, кто видел его в самый тёмный момент и не отвернулся, мог достучаться и сейчас.

И достучалась.

Пустота дрогнула. Ад приостановился, ощупывая новое сопротивление.

И Артём вспомнил «я». Очень хрупко, но достаточно, чтобы перестать растворяться. Он почувствовал.

Не тело. Не память. Но вектор. Направление, по которому можно вернуться.

Пустота давила холодом, стирала последние контуры. Ад тянул жаром, жадностью, голодом.

Когда обе силы ударили одновременно, тульпа вырвала его из захвата.

Не за него. Не ради него. Просто потому что была связана с его «я» фундаментальнее, чем эти чуждые силы.

Мир разорвался — не потому, что кто-то победил, а потому что обе силы потянули сразу. Пространство не выдержало.

Артёма выбросило наружу — как узел, который невозможно развязать, и потому его вырывают вместе с частью верёвки.

Что-то осталось там. Не всё вернулось.

Жар исчез.

Холод исчез.

Стук затих.

Он провалился в темноту. Но эта темнота была другой — похожей на сон.

И только в самом конце, перед тем как сознание выключилось, он ощутил внутри себя не слово, не обращение, не фразу — присутствие.

Сознание возвращалось медленно. Будто всплываешь с глубины, где слишком долго оставался без воздуха.

Первое ощущение — лёгкая дрожь под кожей.

Второе — боль отсутствует. Ни тупой, ни режущей, ни горячей.

Это пугало сильнее боли.

Он сделал вдох — и внутри что-то вздрогнуло, напоминая: ты ещё не исчез.

Воздух вошёл легко. Слишком легко. Будто раньше дышал через вату.

Лёгкие маленькие. Слишком чистые. Слишком свободные. Вдох-выдох — как будто они из стекла и вот-вот разобьются от неправильного движения.

Где кровь? Где тяжесть? Где последние секунды?..

Он попытался открыть глаза — белый свет под веками резанул, как лезвие. Но после той темноты боль света казалась почти нежной.

Мысль мелькнула: «Жив?»

И следом — похуже: «А если это просто передышка перед тем, что начнётся дальше?»

Он открыл глаза полностью.

Комната. Тёплая. Солнечная. Нелепо обычная.

Он знал такие комнаты — не лично, а по ощущению, когда смотришь на чужой счастливый быт из окна тёмного подъезда.

Мир не должен был быть таким спокойным. Его мир — точно нет.

Он лежал не на холодном полу, не в крови, не в грязи. На мягкой постели, под светлым одеялом. Деревянный потолок выглядел так, словно кто-то красил его ради удовольствия, а не для выживания.

Не укладывалось в голове, что можно просто лежать и дышать.

Слишком тихо. Слишком мягко. Слишком безопасно.

Безопасность пугала.

Он медленно поднял руку. Внутри щёлкнуло — будто что-то не сошлось.

Рука не его.

Слишком маленькая. Детская. Без следов прожитой жизни. Пальцы тонкие, подвижные — созданные держать карандаш, а не нож.

Тело казалось чужой одеждой, натянутой на его сознание.

В груди похолодело. Сердце забилося быстрее — высоко, под самым горлом, как у испуганного ребёнка.

Он сжал кулак. Тот выглядел таким слабым, что хотелось рассмеяться. Или закричать.

Он сел.

Одеяло упало, открыв ноги — детские, тонкие, будто из прошлогоднего лагеря.

В груди что-то сжалось, когда он попытался принять: «Это я?»

Слово «я» впервые за долгое время ощущалось ненадёжным.

Он провёл ладонью по лицу. Маленькое. Кость ближе к поверхности. Лоб низкий. Нос короткий. Щёки мягкие — будто никогда не попадали под чужой кулак.

Внутри поднялась не паника — хуже. Пустота, которая снова пыталась стереть его. Только теперь не извне, а изнутри.

Слишком много потерял, чтобы спокойно принять новый набор ощущений.

— Где... я?

Голос вышел тонким, слишком высоким.

Чужой звук сломал в нём всё взрослое — привычный тембр, хладнокровие, ту паузу перед фразой, которой пользовался всю жизнь.

Звук чужой. Но выходит из его рта.

Он сжал простыню так, что побелели костяшки. Маленькие костяшки.

Не помогало. Хотелось хоть что-то сделать, вернуть контроль, но тело не слушалось, не понимало — значит, не принадлежало.

Он встал — мир накренился. Голова закружилась, будто тело было пустым внутри, невесомым.

Сделал шаг — и вдруг вспомнил, как скользил по мокрому асфальту в последние секунды жизни.

Эхо воспоминания ударило в виски: влажность, холод, металлический запах крови. На миг показалось, что ноги снова подгибаются, как перед ударом катаны.

Он опёрся о стену. Пальцы маленькие. Но дрожат точно так же.

И вместе с этим пришёл страх — острый, тихий: если уже один раз растворился... могу ли снова стать ничем? Недостаточной мыслью, ошибкой, воспоминанием?

Он коснулся груди. Сердце билось быстро, высоко, как маленькая птица. Детское сердце — но страх слишком большой для такого размера.

Мир стал огромным. Неестественно раздутым. Стол слишком высокий. Зеркало висит выше, чем должно. Комната построена для великанов, и ему приходится смотреть вверх почти на всё.

Он подошёл к зеркалу.

И мир остановился.

В отражении — мальчик. Лет одиннадцати. Тёмные волосы, слегка растрёпанные. Глаза карие, живые. Слишком живые для того, кто только что умер.

Но то, что смотрело из этих глаз, — было его.

Та самая хищная внимательность. Привычка оценивать углы, выходы, угрозы — даже здесь, в детской комнате, где угроз нет.

Это не может принадлежать ребёнку.

Именно это пугало сильнее всего.

Он смотрел себе в глаза — или в глаза тела, в котором оказался — и искал хоть какое-то объяснение, кроме правды.

Вместо этого — тихий, почти неслышный стук внутри черепа.

Один. Второй.

Отголосок ударов из Пустоты.

Дыхание сбилось. Он закрыл глаза, прислушиваясь к ощущениям.

Она всё ещё там. В глубине. Тихая, собранная, ждущая.

Молчит, ждёт — как и должно быть.

И это странное, слабое ощущение присутствия вдруг стало якорем.

Подтверждением, что он — всё ещё он.

Снизу раздался женский голос:

— Алекс? Солнышко, ты проснулся? Завтрак остывает!

«Солнышко».

Слово обожгло. Чужое. Для другого ребёнка. Слово, которое никто никогда не говорил ему там.

«Алекс».

Имя тоже чужое. Но придётся привыкать.

Он открыл глаза.

— Да... сейчас.

Голос по-прежнему детский. Но в нём уже что-то, чего не должно быть в одиннадцать лет.

Он посмотрел на себя ещё мгновение.

Взгляд взрослого в лице ребёнка.

Медленно повернулся к двери.

Сегодня начинается его вторая жизнь.

И он понимал: она тоже не собирается быть лёгкой.

Глава 2. Чужая кожа

Артём спустился по лестнице, держась за перила и стараясь выглядеть так, будто делает это каждый день. Но ступени были выше, чем он ожидал, и тело — слишком лёгким, слишком коротким. В один момент он чуть не остутился, и чтобы сохранить равновесие, дернулся слишком резко — по-взрослому. Ребёнок бы замахал руками или схватился за стену. Он же просто скомпенсировал вес.

Он замер, сделал вдох и попытался идти детским шагом — коротким, лёгким. Получалось плохо, разум всё равно контролировал каждый шаг: ставил ногу осознанно, рассчитывал вес.

Женский голос позвал снизу:

— Алекс? Ты идёшь? Завтрак уже готов!

Тон — тёплый, мягкий, словно он и правда был ребёнком, которого ждут. Он не помнил такого. И этот тон делал его движения ещё менее естественными — как будто разум не знал, как проживать заботу.

Он спустился в гостиную, совмещённую с кухней. Мир оказался чересчур ярким после полутёмной лестницы. Солнечные полосы лежали на полу, как вырезанные ножницами. Воздух был тёплым, но не душным — будто сам подстраивался для комфорта. На подоконнике стоял один глиняный горшок. В нём росло растение — широколистное, тёмно-зелёного цвета.

Мгновение спустя Артём заметил, как один из листьев медленно поворачивается — не дрожит, не колышется, а именно ищет нужный ему угол наклона. Не к окну в целом, а к конкретному солнечному пятну, словно пытаясь поймать как можно больше света.

Движение было плавным, бесшумным, почти ленивым... Но чересчур целенаправленным, чтобы можно было списать на сквозняк.

Он смотрел ещё пару секунд.

Лист замер. Словно заметил, что привлек его внимание.

Артём моргнул. Ещё раз. Лист был неподвижен. Но он был уверен — это не галлюцинация. Похоже что здесь всё работало по иным законам.

— Ты чего там застыл? — женщина обернулась, держа ложку над чашкой. — Иди сюда, завтрак стынет.

Её внешность резала контрастом: простая домашняя одежда, мягкие черты лица... и глаза, в которых было что-то отточенное, внимательное. Будто бы она привыкла смотреть глубже, чем просто на фасад. Быстрота движений выдавала выучку — ту, что не пропадает даже после смены работы.

Женщина улыбнулась. И сковородка за её плечом слегка шевельнулась сама по себе, словно подстраиваясь под ее движения.

Артём быстро отвёл взгляд на стул.

И попытался сесть как ребёнок. Он видел, как это делают дети: чуть неловко, бездумно, легко. Но у него вышло что-то среднее между военной дисциплиной и неопытностью. Он слишком аккуратно поставил локти, слишком выверил расстояние между коленями и столешницей. Его тело двигалось как взрослое, но размеры — не позволяли. Получилась нелепость.

Женщина заметила. Она замедлилась на секунду. Не испугалась, не насторожилась — просто что-то в её взгляде изменилось. Мелочь. Но достаточно, чтобы он интуитивно почувствовал это.

— Плохо спал? — тихо спросила она.

Он попытался изобразить детскую гримасу. Получилось ужасно.

— Н... немного, — сказал он голосом, который резал слух — слишком высоким, чужим. — Просто этим утром всё как-то... непривычно.

Она чуть приподняла брови, и Артём понял: сейчас начнутся расспросы. Он быстро нашёл на что перевести внимание, на что-то попроще, бытовое:

— А это... растение... часто двигается?

Он сказал это так, как сказал бы ребёнок, просто озвучивший первое, что бросилось в глаза — с удивлением, но без тревоги. Женщина обернулась автоматически, словно привыкла, что дети задают вопросы о самых обычных вещах. Она даже улыбнулась — мягко, без тени настороженности.

— Это? — она подошла к окну и слегка тронула один из листьев. — Оно любит солнце. Когда утро яркое, всегда тянется к свету.

В её голосе не было ни попытки скрыть правду, ни тревоги — только естественное объяснение взрослого, отвечающего на детское «почему» так, как будто слышит его каждый день.

— Нравится? — улыбнулась она тепло, абсолютно спокойно. — Я его из Министерства принесла. Оно там на подоконнике умирать начинало — никто не поливал. Жалко стало.

Она сказала это так просто, как если бы рассказывала историю о найденном на улице котёнке.

— Тут ему лучше, — добавила она.

Похоже, женщина ничего не заподозрила и увидела в его вопросе только обычное внимание к чему-то живому и непонятному. Она говорила совершенно искренне. И Артём понял — здесь это поведение растения было таким же привычным, как шуршание страниц или скрип стула.

— Вот, держи, — женщина поставила перед ним тарелку с едой.

Омлет был идеальным. Чрезмерно идеальным. Края ровные, будто выровненные линейкой. Аромат — тёплый, мягкий, домашний. И... неподозрительный. Слишком неподозрительный. Артём взял вилку — пальцы легли на рукоять автоматически, без раздумий. Слишком уверенно. Он чуть ослабил хват, сделал паузу, будто проверяя удобно ли держать.

Женщина снова заметила. И взгляд у неё стал такой, каким люди смотрят на тех, кого любят и одновременно не узнают. Артём быстро нашел, куда перевести внимание, недалеко от него лежала газета — «Ежедневный Пророк». Он потянул её к себе и уткнулся в заголовки, надеясь уйти от её внимания. Фотография на первой полосе... моргнула. Артём на секунду перестал дышать. Но сделал вид, что ничего не произошло — повернул голову чуть в сторону, как будто размышляет о чём-то совершенно несерьёзном.

— Мам... — сказал он после паузы, выбирая максимально безобидный вопрос. — А мы сегодня гулять пойдём?

В её лице что-то расслабилось.

— Конечно, — мягко ответила она. — Но сначала завтрак. Ладно?

Он кивнул. Послушно. Как ребёнок. Но внутри у него было ощущение, что он играет роль, к которой не готов. А эта женщина — уже чувствует, что что-то не совпадает.

Мужчина появился в дверном проёме почти бесшумно, хотя его шаги нельзя было назвать лёгкими. Он был высокий, с широкими плечами, волосы чуть взъерошены, как будто он провёл рукой по голове назад. На нём была тёмная рубашка, строгая, однотонная — будто он уже собирался на работу.

— Доброе утро, — сказал он, наклоняясь, чтобы поцеловать жену в щёку.

— Доброе, — ответила женщина. Она повернулась к нему автоматически, немного заранее, будто знала траекторию движения. Артём уловил в этом жесте что-то... механическое. При этом улыбка у неё всё равно была тёплая — но тепло это оседало только в голосе, не в глазах.

Мужчина сел напротив, взмахнул рукой — коротко, не глядя. Ложка в сахарнице поднялась, зачерпнула и опустилась в кружку. Начала помешивать сама.

Он уже развернул газету.

Артём чуть напрягся. Движение было обыденным — как включить чайник. Но ложка двигалась сама по себе. И никто не удивлялся.

— Хорошо спал? — спросил мужчина, повернувшись к нему.

Артём поймал его взгляд — внимательный, оценивающий, но не враждебный. И неожиданно почувствовал, что не знает правильного ответа.

— Да, — сказал он. — Вроде.

Мужчина слегка поднял брови. Женщина отвела взгляд от плиты чуть быстрее, чем было естественно. Пауза зависла в воздухе — короткая, но ощутимая.

— Ты обычно так не говоришь, — заметила женщина, стараясь, чтобы голос звучал легко.

Артём замер на долю секунды. Обычно? Кто “обычно” жил в этом теле?

— Я... — он попытался выдохнуть, как ребёнок, которого поймали на странной фразе.
— Я просто... плохо спал и сейчас голодный. Вот.

Это звучало проще всего. Настолько просто, что не выглядело подозрительным.

— Тогда ешь, — мягко сказала она, ставя перед ним сок.

Её рука задержалась на мгновение возле его плеча, и Артём почувствовал, что она смотрит на него дольше, чем нужно. Не просто наблюдает — присматривается. Но старается, чтобы это выглядело обычной заботой.

Он медленно отделил кусок омлета, нарочито неловко. Еда была вкусной. Слишком идеальной: тёплая, нежная, с ровными золотистыми краями. Сковородка сама по себе готовила лучше, чем он мог себе представить. Женщина обернулась, прислонилась к столешнице.

— Ты сегодня какой-то тихий, — сказала она, не отводя от него взгляда.

Отец бросил быстрый взгляд на неё, как будто хотел сказать: “не дави на него с утра.”

Артём почувствовал, как напряжение внутри поднимается — медленно, но устойчиво.

— Просто не выспался, — ответил он. — Но... я хотел бы пройтись. Немного.

Он произнёс это так осторожно, будто проверял, можно ли вообще такое говорить. Мужчина на секунду наклонил голову, словно пытаясь сопоставить: это похоже на просьбу их сына или нет?

— Один? — спросил он.

Артём чуть сжал вилку, делая вид, что не понимает, почему это проблема.

— Ну... — он пожал плечами. — Ненадолго.

Это прозвучало неправильно. Даже он это понял. Женщина сразу заметила.

Она подошла ближе, поставила ладонь ему на лоб. Проверила температуру. Слишком естественно, слишком быстро — и в то же время слишком тщательно.

— Ты себя странно ведёшь, — сказала женщина почти шёпотом.

Артём сглотнул. Она отступила на шаг. Подняла руку. И достала палочку — тонкую, из тёмного дерева, со светлым узором у рукояти. Артём только моргнул. Он не знал, что это такое. Но по тому, как изменилось её дыхание, как напряглись плечи, он понял: это важно.

Женщина плавно провела палочкой над его головой, едва касаясь воздуха. Артём услышал тихий звук, как будто воздух слегка завибрировал — и всё.

— Ты в порядке, — сказала она, опуская палочку. — Или... — женщина прикусила губу, — почти в порядке.

— Не дави на него, — вмешался мужчина. — Он просто сонный.

— Он не говорит, как обычно, — тихо ответила она.

Пауза повисла в воздухе — тяжёлая, давящая.

Артём почувствовал, что должен что-то сказать. Нечто простое. Нечто детское.

— Мам... я просто хочу на улицу. Немного. Пожалуйста.

Женщина посмотрела на него долго, слишком долго. Тёплый взгляд, но напряжённый. Будто оценивала каждое движение мышц на его лице. Потом выдохнула.

— Ладно. Схожу с тобой.

Мужчина поднял глаза от кружки.

— Ты уверена? У тебя же отчёты...

— Подождут, — жёстко сказала она.

Её голос был жёстче, чем нужно. Мужчина поднял взгляд на неё, потом опустил на кружку — раздражённо, устало. Не стал спорить.

Мать взмахнула рукой — тарелка Артема скользнула в мойку. Вода потекла следом. Лёгкий пар поднялся над раковиной, и в воздухе запахло лимоном — будто кто-то добавил средство, хотя он не видел, чтобы мать что-то туда наливала.

Ложка в кружке всё так же медленно вращалась без чьей-либо помощи. Газетная фотография, которая минуту назад его удивила, продолжала моргать и двигаться, словно и не оставливалась никогда. В этом доме всё будто жило по своим незримым магическим законам.

Артём поймал себя на том, что замер — слишком неподвижно. Дети ёрзают, вертятся, трогают вилку, стакан, край салфетки. Он сидел как на допросе: руки на столе, взгляд прямой. Он быстро потянулся к стакану с соком, схватил его и сделал вид, что рассматривает что-то за окном — движения вышли нарочитыми.

Женщина заметила — взгляд стал внимательнее. Мужчина отложил кружку и небрежно взмахнул рукой — и чайная ложка в его чашке замерла. У Артёма внутри всё холодно сжалось. Он не знал правил этого мира, но видел: здесь даже привычные жесты могут быть магией.

Женщина встала — спокойно, мягко, так, словно это обычное решение и никакого скрытого смысла нет.

— Пойдём, — сказала она. — Немного пройдемся. Свежий воздух будет тебе полезен.

Артём кивнул. Он держался спокойно, но внутри не было ни облегчения, ни страха — только то холодное, острое чувство, что каждый его шаг будут изучать. Мать вышла в коридор, и он последовал за ней.

Коридор оказался длиннее, чем выглядел с кухни. Стены были светло-бежевые, и по ним вились тонкие, едва заметные узоры — веточки, линии, какие-то геометрические завитки. Сначала он решил, что это просто обои, но, пройдя мимо, уловил: один из завитков медленно, почти лениво менял направление, будто растягивался, как после сна.

Он остановился — на секунду. Но мать обернулась, и он сделал вид, что просто рассматривает дом, как ребёнок.

— Идешь? — мягко спросила она.

— Ага.

Он шагнул дальше — и ощутил: пол был тёплым. Но не так, как бывает от хорошего отопления — тепло исходило равномерно, словно под поверхностью что-то плавно циркулировало. Сначала это ощущение было почти приятным, но когда он понял, что чувствует его голыми ступнями, внутри что-то дёрнулось.

Артём посмотрел вниз. Он был босиком. Взрослая память мгновенно оценила ситуацию: “на улицу босиком ребёнка точно не выпустят”, “так не делают”, “он должен был заметить это раньше”. Женщина тоже заметила.

— Алекс... — её голос прозвучал так, будто она увидела нелепость, а не повод для беспокойства. — Ты опять выбежал босиком?

«Опять».

Хорошо. Значит, это вписывается в роль. Он кивнул чуть смущённо — старался скопировать ребёнка, который просто увлёкся.

— Сейчас, подожди, — сказала она.

Шкаф в коридоре едва слышно щёлкнул, дверца сама собой приоткрылась. И оттуда выехала — не резко, а плавно, будто скользя по едва заметным колеям — пара детских крос-

совок с вложенными в них носками. Они мягко остановились у его стоп, как домашнее животное, которое пришло по команде.

Артём невольно задержал дыхание. Это уже не могло быть «показалось».

— Давай, обувайся, — сказала мать так, словно это абсолютно нормальный бытовой момент.

Артём присел, взял кроссовки. Руки двигались слишком уверенно — привычка взрослого, который зашнуровывал обувь сотни раз. Он подумал об этом и намеренно сделал движения медленнее, чуть корявее, как будто пальцы ещё сонные и не слушаются. Мать, к его облегчению, смягчила взгляд. Сейчас она видела перед собой простого мальчика.

Но только на секунду. Пока он поднимался, её взгляд скользнул по его лицу — не тревожно, не настороженно, а... внимательно. Как у человека, который много лет привык замечать вещи, с которыми обычные люди живут, даже не подозревая об их существовании. И она спросила слишком спокойно, как спрашивают то, что давно собирались уточнить:

— Алекс... ты точно хорошо себя чувствуешь?

Он замер. Ненадолго, но мать уловила даже это. Она вздохнула — мягко, будто сама себя уговаривала — и сказала:

— Подожди секунду, ладно?

Из её сумки выступила деревянная ручка палочки — он уже видел ее на кухне. Она достала её так аккуратно, будто не хотела, чтобы он испугался.

— Мам... — он постарался вложить в голос лёгкую тревогу, обычную для ребёнка. — Ты что делаешь?

— Ничего страшного, — сказала она, присаживаясь на одно колено, чтобы быть на уровне его глаз. — Просто проверю, не подцепил ли ты что-нибудь... вчера.

Слово «вчера» прозвучало осторожно — будто она сама не была уверена, что именно могло случиться. Она подняла палочку. Лёгкое, почти незаметное движение кистью.

Кончик палочки вспыхнул мягким золотым светом. Не ярким — тёплым, приглушённым, как лампа под абажуром. Луч прошёл по его груди, потом по лицу, по вискам, по ладоням. Ощущение было странным — лёгкая вибрация под кожей, как будто невидимые пальцы касались нервов.

— *Diagnosio*.

Артём стоял неподвижно. Он боялся шевельнуться больше, чем боялся заклинания. Мать смотрела на золотистые точки, появляющиеся над его грудью — крошечные всполохи, похожие на пылинки, подсвеченные солнечным лучом. Они дрожали секунду-другую — и гасли. Наконец, мать тихо выдохнула.

— Всё чисто, — сказала она. — Никаких чар. Никаких следов воздействия.

Женщина улыбнулась — искренне, с облегчением, которого было слишком много для простой проверки. Артём понял: она действительно боялась, что с ним могло быть что-то не так.

Он кивнул — небольшим, уверенным движением, будто и правда боялся только того, что она сделает ему больно палочкой. Это выглядело именно так, как должен был реагировать ребёнок. Женщина убрала палочку в сумку, встала и протянула ему руку.

— Пойдём. Немного прогуляемся.

Дверь сама распахнулась перед ними — медленно, бесшумно, словно кто-то невидимый придержал створку. И Артём впервые за день вдохнул по-настоящему свежий воздух.

Улицы были ещё тихими — слишком тихими для его города в старой жизни, пусть даже утреннего. Солнце только начинало подниматься, и свет ложился на мостовую мягко, как будто не торопился вступать в права. Артём шёл рядом с матерью, стараясь не выдать себя походкой. Детские ноги были легче, короче — каждый шаг ощущался иначе. Он ловил себя на том,

что автоматически оценивает округу: углы, дистанции, слепые зоны. Привычка, от которой не избавиться за одно утро.

Он перевёл дыхание, заставляя себя смотреть не как охотник, а как ребёнок — с любопытством, а не расчётом. Получалось плохо.

Он перевёл дыхание, стараясь не выдать раздражения. И одновременно — составлял легенду. Не прикрытие. Не алиби. А объяснение. То, что укладывается в обычного одиннадцатилетнего мальчика.

“Что скажет мальчик?”

Он перебирал варианты в голове:

“Мне приснилось...”

“Это было страшно...”

“Я проснулся не сразу...”

Но какой сон способен объяснить “всё”? Странные паузы. Ошибки в движениях. Оглядки по сторонам. Слово «растение», сказанное так, будто он видел магию впервые.

Страх. Нужен страх. Но безопасный. Реальный — но непроверяемый. И тогда мысль пришла сама собой, как будто давно ждала. Пустота. Тишина. Длительная, как вечность. Сон, который длился так долго, что оставил след.

Он поднял взгляд на мать. Она шла спокойным шагом, но пальцы сжимали ремешок сумки чуть крепче, чем нужно. Она наблюдала. С самого утра. Она чувствовала странность в ее сыне, но не понимала природу. Значит — сон должен лечь идеально. Как кусок пазла. Пора. Он вдохнул — и специально сделал голос немного тише, мягче, будто стесняется.

— Мам... — он заговорил негромко. — Ты утром... спрашивала, что со мной.

Она чуть повернула голову, не останавливаясь.

— Да. Ты выглядел... — пауза. — Очень бледным.

Артём кивнул. И в этот момент позволил себе дрожь — лёгкую, почти невидимую.

— Мне... приснился кошмар.

Её шаг замедлился. Но она ничего не сказала — ждала.

— Он был... странный. Долгий. Очень долгий. Как будто... — он сделал вид, что пытается подобрать слово попроще, — будто он не заканчивался. Я всё время падал. Падал куда-то... в темноту.

Он позволил голосу сорваться. Не сильно — ровно настолько, чтобы это звучало по-детски.

— И там... ничего не было. Ни света, ни людей. Только я. И мне казалось... что это навсегда.

Он умолчал обо всём остальном. О крови. О переулке. О холоде, который забирал дыхание. Но отголосок того ужаса отразился в голосе сам, не требуя усилий. Мать остановилась. Обернулась к нему полностью и присела на корточки.

В её взгляде было то, что он почти забыл: забота, в которой нет контроля, нет угрозы, нет намерения использовать.

— Солнышко... — она аккуратно коснулась его щеки. — Ты мог мне сказать. Это просто сон. Он не может тебе навредить.

Артём опустил взгляд. Он точно знал: кошмары могут убивать. И иногда — гораздо медленнее и тоньше, чем нож. Но он только кивнул.

— Я думал, что... ты расстроишься.

Она качнула головой, нахмурилась едва заметно.

— Любой ребёнок испугался бы такого. Это нормально.

Нормально. Слово, которое на него никогда не распространялось. Он выдал её почти робкую улыбку — слишком правильную, слишком выверенную, но мать приняла её без тени сомнения.

— Если хочешь, — сказала она, — когда вернёмся, я дам тебе немного успокаивающего настоя. Он детский, безопасный.

Он опять кивнул. А внутри — тихий вздох облегчения. Сон сработал. Она повернулась, продолжив идти. Артём последовал за ней — теперь чуть свободнее, но всё равно наблюдая каждый её жест, каждый взгляд.

Сон объяснил многое. Но не всё. Теперь он должен был стать ребёнком не только на словах. А в походке. В реакции. В том, как смотрит на мир. И в том, как этот мир будет смотреть на него.

Они свернули на более оживлённую улицу, и Артём ощутил, как мир вокруг становится громче — гул машин, голоса, звон дверей в лавках. Всё это звучало иначе, чем в его прошлой жизни. Там любой звук мог быть сигналом. Здесь — просто фон. Слишком обычный, чтобы начать сразу доверять.

Он шёл рядом с матерью, стараясь не потерять нужную детскую лёгкость шага. Иногда чуть подпрыгивал на трещинах в тротуаре; иногда запрокидывал голову вверх слишком резко, будто замечал высокие здания впервые. Он сначала заранее репетировал в голове такие движения — и затем выполнял их.

Мир принимал его без вопросов. Прохожие смотрели на него рассеянно — и каждый такой взгляд бил неожиданно болезненно. Они видели ребёнка. Маленького мальчика, который идёт рядом с мамой и вертит головой, будто всё вокруг в первый раз. Никто не пытался понять, что скрывается под этим выражением. Никто не замечал внимательности, которая не принадлежала одиннадцатилетнему.

Он был видимым — и одновременно незаметным. Пустой парадокс, от которого внутри становилось странно холодно. В той жизни всё было иначе.

Его нельзя было не заметить — из-за роста, мышц, из-за того, как он смотрел. Люди чувствовали это интуитивно. Как-то раз трое подростков в переходе шумели так, будто мир принадлежит им. Он просто прошёл мимо — и один на секунду встретился с ним взглядом. Этого хватило. Смех оборвался. Дорогу уступили. Возможно даже не осознавая почему. Сила была в том, что от него ожидали опасности. И потому — уважали и соблюдали дистанцию. А теперь...

Мужчина в строгом костюме, спеша куда-то, едва не задел Артёма портфелем.

— Осторожнее, — мать мягко коснулась его плеча — не защищая, а просто напоминая, что она здесь.

Мужчина не извинился. Даже не посмотрел толком. Мелькнул взгляд — поверх головы, пустой, скользящий, будто он столкнулся не с человеком, а с тенью, случайно оказавшейся на пути. И это... немного успокоило. И одновременно ударило чем-то ледяным.

В прежней жизни взрослый, прошедший так близко, мгновенно стал бы объектом оценки: угол, дистанция, угроза. Сейчас — нет. Потому что мир видел перед собой малыша.

“Так проще, безопаснее.”

Он повторял это про себя. Но одни и те же слова упорно возвращались:

“Слабее, уязвимее.”

Они прошли мимо витрины магазина. Плакаты школьных принадлежностей — яркие, нелепо праздничные. Артём поймал своё отражение в стекле: ребёнок, но взгляд — взрослый. Он отвёл глаза. Мать это заметила.

— Испугался отражения? — улыбнулась она. — Утром все немного помятые.

Он кивнул — детским, чуть смущённым движением. Этого ей хватило. Слева появились двое подростков — шумные, громкие, размахивали пакетами из пекарни, смеясь друг над другом. Один из них открыл пакет, запах тёплой булки буквально прошёл по улице волной — сладкое тесто, корица, сахар. Артём невольно остановился. Женщина тоже замедлила шаг, посмотрела на него.

— Хочешь заглянуть? — спросила она мягко. — Пахнет вкусно.

Он хотел сказать «нет», чтобы не привлекать внимания. Но запах был таким... живым, настоящим, нормальным, что внутри что-то дрогнуло — голод, человеческий, простой.

— Можно? — он даже сам удивился, как естественно прозвучал вопрос.

— Конечно, — мать улыбнулась. — У нас есть время.

Они двинулись к пекарне. И пока они шли, Артём ловил запахи, голоса, мелькание людей — и одновременно чувствовал, как мать периодически смотрит на него краем глаза. Проверая. Но не подозревая. Его «кошмар» сработал. Она поверила. И этого было достаточно, чтобы мир снова казался... терпимым.

Он проверил внутреннюю тишину — ни стука, ни движений. Тульпа молчала, наблюдала, но не вмешивалась. Артём вдыхал воздух этого города — большого, шумного, незнакомого — и пытался найти в нём хоть малейший след того, куда именно он попал. Пока — ничего. Только жизнь. И роль, которую он должен играть.

Он шагнул внутрь пекарни так, как это сделал бы мальчик — несмело, но с искренним любопытством, будто запах тёплого хлеба притягивал сильнее мыслей. Мать отметила этот жест и мягко улыбнулась. Он ответил ей — лёгкой, почти прозрачной улыбкой, за которой скрывалось понимание: пока он не поймёт этот мир, ему придётся носить чужую кожу

Колокол над дверью тихо звякнул — не магически, а старомодно, металлически, и это успокаивало. Внутри пахло ванилью, тёплым тестом и чем-то обжигающе-сладким, что цеплялось за дыхание, будто приглашало остаться подольше.

Пекарня была совсем маленькой, всего три круглых столика, витрина с булочками и девушкой за прилавком, которая смотрела на всех одинаково тепло — так смотрят люди, у которых утро всегда начинается ванилью, а не страхом. Она сразу улыбнулась, заметив Артёма:

— Доброе утро! Ещё не проснулся?

Он чуть вздрогнул. В другом мире такая липкая доброжелательность по отношению к нему была бы ловушкой. Здесь — просто приветствием. Мать мягко подтолкнула его вперёд, как будто знала, что сам он не пойдёт.

— Выбирай, — сказала она. — Что хочешь?

Он кивнул, стараясь выглядеть естественно, и уставился на витрину. Булочки были румяные, блестящие, обсыпанные сахаром. Такие... нормальные. Слишком нормальные.

— Вот эта, — он ткнул пальцем в коричневую, густо присыпанную корицей.

Девушка завернула её в бумагу и подала ему. Артём взял — немного неловко, двумя руками, как ребёнок, чтобы мать не задумалась, почему у него движения слишком точные.

Он откусил. И тут же ошибся — корица рассыпалась, и часть её легла ему на щеку, тёплая, пахнущая как-то домашне, так, что внутри сразу болезненно сжалось. Мать увидела.

— Ох, — она тихонько рассмеялась, очень мягко, без насмешки. — Иди сюда.

Она наклонилась и аккуратно стерла корицу большим пальцем. Простой жест. Такой обычный, что в нём не было ничего особенного. Но у него по спине прошёл холод. Его никогда так не касались. Никогда не вытирали щеку. Никогда не делали это... просто так. Он замер, словно что-то внутри не выдержало — и попыталось отступить.

— Алекс? — мать задержала руку секунда дольше, чем нужно. — Всё в порядке?

Он изобразил робкую улыбку, детскую, как будто смутился.

— Просто... горячая.

Она кивнула. Поверила. Они сели за ближайший к окну маленький столик. Мать смотрела на улицу, он — на свою булочку, словно это была головоломка, которую он должен разобрать, чтобы понять местные правила жизни. Пекарня гудела тихо, размеренно: звяканье чашек, шуршание бумаги, детский смех у входа. Такие звуки раньше означали опасности и возможности — прикрытия, отвлечения, подходы. Здесь — просто жизнь.

И это было хуже любой угрозы. Потому что он впервые за долгое время понял, как должен выглядеть мир, где люди не умирают каждый день. Где матери смеются, стирая корицу со щёк. Где дети едят булочки и не думают о том, кто зашёл за ними в комнату ночью.

Он снова посмотрел на мать. Она была спокойной. Тёплой. Настороженной там, где нужно, но не жёсткой. И, самое страшное, она действительно выглядела как человек, который любит своего сына.

Он кивнул себе. Если он хочет выжить в этом мире, то ему придётся научиться делать вид, что он может всё это выдержать. Он сделал ещё один детский укус — слишком большой, слишком быстрый — и снова рассыпал крошки.

Мать засмеялась. И Артём впервые за утро позволил себе крошечный, почти несуществующий вздох — то ли облегчения, то ли сожаления.

Булочка оказалась для него тяжелее, чем он думал. Или это сладость была слишком яркой — не той, к которой привык язык, знавший лишь вкус энергетиков, ролтона, крови и железа.

Он сделал ещё один укус... и понял, что не может доест. Сладость стала навязчивой, липкой, будто застряла в горле. Он тихо кашлянул и глянул на мать.

— Мам... можно... запить? — спросил он осторожно, стараясь, чтобы голос звучал естественно-детски.

Она улыбнулась — с той самой, почти болезненной мягкостью.

— Конечно. Пойдём.

Они подошли к стойке. Девушка за прилавком уже ждала с той же приветливой улыбкой.

— Два кофе с молоком, пожалуйста, — сказала мать.

Артём вскинул голову.

“Кофе? Для ребёнка?”

Но он не стал возражать. Детям, наверное, иногда дают глоток-другой. Интересно попробовать. И ещё — матери было виднее.

Девушка поставила две чашки на поднос. Пар поднимался лениво, запах был мягким, тёплым, совсем не тем горьким кофе, который он пил в прошлой жизни на холодных подоконниках и грязных кухнях. Они сели обратно за столик. Мать обхватила чашку руками и на мгновение задумалась, смотря куда-то поверх его плеча, туда, где никто не стоял.

Выражение её лица изменилось: тень лёгкой тревоги прошла по глазам. Он видел, как это бывает — когда человек перебирает варианты. Анализирует, но не показывает этого другим.

— Мама? — тихо спросил он, пытаясь сыграть наивность.

— Просто думаю, — ответила она мягко. — Ты сегодня не совсем... обычный.

Сердце кольнуло.

— Я говорил. Это... из-за сна, — он быстро отвёл взгляд, как будто стесняется. — Он был... очень странный. Не как раньше. Как будто... как будто он длился... очень-очень долго.

Она слушала внимательно. Слишком внимательно. Он добавил — осторожно, дрожащим голосом:

— Я испугался.

Этого хватило. Её плечи расслабились, взгляд стал менее острым.

— Понимаю. Кошмары бывают. Но ты меня напугал, Алекс, особенно когда только спустился.

Она подула на кофе, поставила его перед ним.

— Завтра мы сходим к колдомедикам. Просто провериться. Хорошо?

“Колдомедикам.”

Незнакомое слово ударило странно, будто мягкий камень в воду. Но он кивнул. Детским, послушным движением.

— Хорошо...

Он сделал маленький глоток кофе. Вкус оказался неожиданно мягким, даже сладким — молоко почти полностью убило горечь. Действительно, почти детский напиток. И вдруг — странное чувство. Не тревога. Не страх. Что-то другое. Как будто мир на секунду стал плотнее, теплее, и он ощутил... возможность быть здесь. Жить здесь. Мысль испугала настолько, что он быстро опустил взгляд. Мать всё ещё наблюдала за ним.

— Лучше? — спросила она, когда он сделал второй глоток.

— Да, — он выдавил лёгкую улыбку. Детскую.

Она снова поверила. Он видел, как это отразилось в её лице — тихая, осторожная, почти незаметная надежда, что всё это — просто утро, просто плохой сон, просто ребёнок, который скоро снова станет прежним.

Они допили кофе. Мать убрала чашки на поднос, кивнула девушке за стойкой и взяла Артёма за руку — мягко, без принуждения.

— Пойдём домой, солнце.

Слово обожгло. Но он кивнул. Они вышли из пекарни. Колокол снова звякнул над дверью. И всё вокруг — камни мостовой, запах хлеба, голоса людей, летняя тяжёлая прохлада в воздухе — вдруг стало частью чего-то большого и непривычно... живого. Они направились обратно домой.

Артём чувствовал: с каждым шагом он входит всё глубже в жизнь мальчика по имени Алекс. И это была роль, в которой ошибаться нельзя.

Они шли обратно медленным шагом. Мать держалась чуть ближе, чем по дороге туда — будто не хотела торопить его и одновременно боялась отпустить слишком далеко. Разговор почти исчез: она бросала короткие, простые фразы о том, что нужно будет позже дописать отчёты, что дома ей осталось закончить пару строк, что вечером они могут вместе ещё погулять.

Она старалась звучать легко. И он слышал, что это — попытка успокоить не его, а себя. Чем ближе к дому, тем отчётливее становилось ощущение... плотности. Воздух вокруг казался чуть толще, будто пропитан чем-то невидимым, неопасным, но внимательным.

Когда они подошли к двери, Артём впервые всмотрелся в дом не как в фон декораций, а по-настоящему. Два этажа. Кирпичная стена, ровная, без трещин и лишней растительности. Окна — чистые, идеальные, словно их только что протёрли. Палисадник — аккуратный, но не настолько, чтобы быть подозрительно правильным.

Снаружи — обычный дом. Но на пороге воздух едва заметно дрогнул — словно он шагнул через тонкую плёнку. Ни светового эффекта, ни шума. Только ощущение, что здание... вглядывается. Он инстинктивно задержал дыхание. Тело взрослого мужчины по памяти искало угрозу. Тело ребёнка слегка вздрогнуло от ощущения прохлады у щиколоток. Мать закрыла дверь мягким движением плеча.

— Иди в гостиную или поднимись к себе, — сказала она. — Я допишу отчёт и подойду. Недолго.

Говорила она спокойно, почти буднично. Но, закрывая дверь в свою комнату, задержалась на секунду — едва уловимая пауза, слишком короткая, чтобы назвать её тревогой, но достаточная, чтобы почувствовать: она всё ещё думает о нём.

Щёлкнул замок. Негромко, но отчётливо — будто сама дверь решила закрыться плотнее. Артём остался стоять в коридоре. Тишина дома была другой, не такой как уличный шум — мягкой, укутывающей, но не пустой. И впервые с утра у него появилось пространство... подумать.

Он выдохнул. Один. И, наконец, свободен от наблюдения. Ненадолго — но достаточно, чтобы начать понимать, в каком месте он очнулся. И что делать дальше. Когда шаги матери стихли за дверью её кабинета, дом словно осел, перестал быть натянутым и внимательным. Не тишина — скорее спокойствие, как если бы само жилище выдохнуло.

Он стянул кроссовки у входа. Босые ступни коснулись теплого пола мягко, будто тепло шло не от мертвого дерева, а от чего-то более живого. Не жара — ровное, успокаивающее прикосновение.

Он прошёл пару шагов и почувствовал, как тело проводит в себе остаточный холод улицы. Гостиная и кухня, совмещённые в одно пространство, были залиты спокойным дневным светом. Колдофото на стенах двигались: Отец в кадре поправлял галстук, мать переглядывалась с кем-то за рамкой.

Ничего сверхъестественного, но от движения маленьких фигур внутри стекла становилось странно. Чужое семейное прошлое — в прямом смысле живое. Артём отвернулся. Ему нужны были факты. Любые

Что-то, что объяснит, где он и что это за мир. На столе лежала газета.

«Ежедневный Пророк».

Он взял её осторожно, как вещь, которая может оказаться артефактом. Бумага была плотной, мягко-шероховатой, и от неё едва ощутимо тянуло теплом — как от предмета, который недавно держали в руках.

Он развернул первую страницу. Слова были... странными. Знакомыми и незнакомыми одновременно.

«Гринготтс усиливает меры безопасности»э

«Повышенное внимание к нарушениям бытовых чар»

«Министерство опровергает слухи о деятельности Пожирателей Смерти»

Он читал — медленно, внимательно, выбирая каждую строку, как ключ. Но смысла хватало едва на половину. Слово «чары» что-то вызывало в памяти. Но опять — не вспоминалось, а лишь тянуло за ниточку. Страница сменилась. Он перевернул её ещё раз. И взгляд наткнулся на фотографию. Маленькая, некачественная, снятая издалека, будто через приоткрытую калитку.

Мальчик лет одиннадцати, худой, тёмноволосый. Стоял боком, с приподнятой головой. Освещение плохое — но тонкая линия шрама на лбу угадывалась даже под прядью. Над фотографией полоса заголовка:

«МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ ВЫЖИЛ — после десяти лет тишины юный Гарри Поттер готовится к поступлению в Хогвартс»

Артём замер. Имя ударило... не как информация. Как эхо. Как будто он слышал его когда-то давно, мельком, в другой жизни. Не сюжет, не историю — лишь ощущение, что это имя он помнил в прошлом.

Гарри Поттер. Он произнёс это имя вслух. Медленно. Пробуя вкус слов. И в голове возникло странное, смазанное впечатление, но ничего не складывалось в картинку. Только чувство. Ощущение: «Это было в моей жизни, но не в моей реальности».

Какая-то давняя сцена из фильма? Фильм, который он видел в детстве? Или не целиком, а парой обрывков. Слишком далеко, слишком зыбко.

Он почти физически почувствовал: в памяти есть дверь, приоткрытая на пару миллиметров — и за ней шум, который он узнаёт, но не может различить.

Он начал читать статью.

«...первое публичное подтверждение, что Гарри Джеймс Поттер, выживший после нападения Тёмного Лорда, в этом году начнёт обучение в Школе Чародейства и Волшебства Хогвартс...»

Ему пришлось остановиться. Школа чародейства. Магия.

Он снова вспомнил панику в груди утром — от сковородки, от живых фотографий. Теперь это стало не сюрпризом, а частью мира. В мире, куда он попал, магия — реальность. И этот мальчик... важен для неё. Артём закрыл газету медленно, складывая края так, как они были. Не потому что боялся, что мать заметит. А потому что любое неверное движение

в новом, хрупком мире казалось неправильным. Он положил газету на стол, вернул её в то же место. Чуть поправил угол. И долго стоял неподвижно. Вертикаль дома над ним казалась слишком тихой.

Колдофото за спиной тихо двигались. Тёплый пол согревал ступни. И мысль, спокойная, как удар ножом:

“Если это тот мир, о котором я думаю... То я знаю о нём слишком мало. И, возможно, опасно мало.”

Он все ещё держал в голове строки из газеты — “мальчик, который выжил... Хогвартс... Волдеморт” — когда поднимался по лестнице.

Слова тянулись за ним, как слабый шлейф дежавю, но не становились яснее. Скорее... касались сознания и скользили мимо, ни за что не цепляясь.

Комната прежнего Алекса встретила его тихой неподвижностью. Сперва обычной. Но чем дальше он заходил, тем отчётливее чувствовал странное: будто всё в ней ждёт не прошлого ребёнка, а именно его реакции.

Он двинулся внутрь. На полу валялись несколько листов — рисунки. Детские, неровные, но живые. На одном — метла с кривой щетиной. На другом — что-то похожее на кольца на ножках. На третьем — мальчик в очках, нарисованный с синими молниями вокруг головы.

Он поднял рисунок. Пальцы едва заметно дрогнули.

— Поттер... — выдохнул он одними губами.

Слово показалось инородным, и в то же время — знакомым. Он помнил этот образ из старого фильма детства: мальчик в очках, поезд и вокзал, огромный мужчина с бородой.

Но сюжет ускользал, растворялся, как сон.

“Это что — тот самый мир? Или... похожий?”

Он положил рисунок обратно — аккуратно, как будто боялся потревожить возможную магию в нём.

Чуть дальше стоял ящик с игрушками. Он открыл его и увидел маленький деревянный волчок. Стоило коснуться — волчок мягко ожил, слегка повернулся, будто просыпаясь. Плюшевая зверушка в углу — длинноухое создание с круглым пузом — тоже отреагировала, подняв голову и тихо шевельнув ушами.

Не писк, не звук — скорее, беззвучное движение, которое всё равно ощущалось. Он убрал руку. Игрушка снова затихла.

На столе лежала стопка журналов. Не учебники — нет. Детские журналы о магии. На одном — нарисованный мальчик лет десяти держал метлу, и крупная надпись сверху: «Твой первый сезон? Как выбрать свою команду».

Он пролистал. Игроки на снимках перелетали с места на место, спорили жестами, указывали на схемы. От их движений веяло энергией — и чем-то ещё. Ностальгией?

Внутри у него шевельнулась память. Он помнил, как лет тридцать назад — в его прежнем времени — по телевизору шёл фильм: мальчик в очках, огромный замок, летающие метлы. Но это было слишком давно, слишком размыто. Как попытка вспомнить запах, который чувствовал один раз в жизни. Он захлопнул журнал.

На стене — рамка с фотографией. Колдография. Прежний Алекс улыбался. Махал. Интересовался, куда смотрит камера. На секунду замирал, и в этой секунде — была странная тишина. Серьёзность. Момент, где он казался старше. Артём коснулся стекла — едва. Мальчик внутри повторил движение и рассмеялся. Так легко, так искренне, что внутри у него что-то болезненно сжалось. Этого смеха у него никогда не было. Такой комнаты — тоже. И мира — тоже.

Он медленно отошёл, продолжая разглядывать детали комнаты. На полке нашёл пару маленьких фигурок — деревянных солдатиков в мантиях. Когда он поднёс лицо ближе, один из них поднял щит и сделал шаг вперёд, как будто охранял границы полки.

Он хихикнул. Негромко. Скорее выдохнул, чем рассмеялся.

— Магия... детская магия... — проговорил он тихо.

И тут же, будто по сигналу мысли, в голове снова всплыли слова: “Поттер. Хогвартс. Мальчик, который выжил.” Они будто подтолкнули изнутри какой-то давно забытый рычаг. И память раскрылась — не полностью, не ярко, но значительно яснее, чем минуту назад. Артём медленно сел на кровать. Пружины тихо качнулись. И вместе с этим качанием — возвращалось прошлое.

Он вспомнил. Не сразу, не чётко — обрывками, как старый фильм, который смотрел в детстве. Мальчик в круглых очках, худой, растерянный.

Шрам на лбу — как трещина молнии. Артём помнил этот образ: вокзал, семья, которая не семья — громкая, грубая, чужая. Имена не всплывали. Только ощущение: они не любили его. Кирпичная стена, и за ней платформа. Девять и три четверти.

Он помнил, как у него захватывало дух, когда он в дестве видел эту сцену.

Нелепо и волшебно одновременно. Огромный мужчина с бородой. Добрый великан, несущий торт. Улыбка широкая, голос тёплый.

Школа. Замок? Огромный зал, с сотнями парящих свечей...

Эти воспоминания легли одно к другому, как страницы старой книжки, найденные под кроватью. Туман рассеивался. Это был мир, который он видел когда-то на экране. Фильм, который тогда казался выдумкой — яркой, странной, безопасной по определению.

Фильм, который он смотрел маленьким мальчиком у телевизора, жуя что-то дешёвое и сладкое и не понимая, что происходит на самом деле.

Теперь... теперь он сидел в комнате, где игрушки шевелятся, где фотографии улыбаются, и где всё напоминает декорации чего-то, что он давно забыл.

Он провёл пальцами по краю матраса. Затем поднял взгляд. Комната была детской. Прежний Алекс спал на этой кровати. И рисовал этого самого Гарри Поттера на своих листах. Артём выдохнул медленно, почти бесшумно.

Он попал в мир, который когда-то считал выдумкой.

Не книгу — он их не читал. Фильм. Тот самый, первый.

И если он всё вспоминает правильно... значит, этот мир ещё стоит на пороге большой истории. Истории, которую он помнит только частично. Он опустил ладони на колени.

Это... не может быть правдой, — прошептал он.

Но детские рисунки на полу, фотографии, волшебные игрушки — всё вокруг мягко, спокойно, не навязчиво подтверждало обратное. Он поднял взгляд на окно. За стеклом — обычная улица, обычный день. Но теперь он знал: за каждой дверью может скрываться то, что раньше он видел только на экране.

Волшебство. Заклинания. Тёмный Лорд.

И он — взрослый мужчина в теле одиннадцатилетнего мальчика, который помнит только первый фильм, да и то обрывками. И не важно, верит он в магию или нет. Он уже внутри этого мира.

Глава 3.Черновик

Обед начался слишком буднично для дня, в который он умер и родился снова.

Мать накрывала на стол так, будто всё происходящее — просто немного тяжёлое утро после плохого сна. Тарелки сами скользили по столешнице, занимая привычные места; салфетки складывались ровными треугольниками, как солдаты на перекличке. В кастрюле тихо булькал суп, над которым клубился пар с лёгким запахом лаврового листа и чего то мясного, домашнего.

Щёлкнул замок входной двери. Через секунду в коридоре слышались шаги — размеренные, не быстрые, но и не ленивые. Артём уже узнавал их: отец не спешил и не волочил ноги, он просто шёл так, как ходят люди, привыкшие к коридорам с ковролином и кипам дел на столе.

— Я дома, — негромко сказал он, появляясь в проёме.

Рубашка — та же, что утром, только верхняя пуговица расстёгнута. Пиджак перекинут через руку. На носу — лёгкий след от очков, хотя сейчас он был без них. Взгляд — усталый, но собранный: глаза автоматически пробежались по комнате, по столу, по лицу сына.

— Рано, — мать посмотрела на часы на стене — стрелки ползли сами, чуть опережая обычное время. — Или у вас там что-то случилось?

— Решили на сегодня хватит, — он бросил короткий взгляд на сына и осёкся на полуслове, что то примеряя в голове. Закончил спокойно: — Перенесли часть дел на завтра.

Он сел, положил пиджак на спинку стула. Ложка в его кружке, оставленной с утра, дрогнула и сама подвинулась ближе, словно ждала продолжения.

— Ну что, как вы тут? — спросил он, и вопрос был адресован сразу двоим.

— Ходили гулять, — ответила мать. — До пекарни. Алекс плохо спал, снились кошмары. Отец перевёл взгляд на Артёма. Не обвиняющий, не тревожный — оценивающий.

— Стало лучше? — спросил он.

«Нет», — хотел сказать он.

— Немного, — произнёс вслух, стараясь попасть в тон «ребёнка, который ещё сам не разобрался, что чувствует».

Отец кивнул коротко, как будто поставил галочку в невидимом списке.

Они сели. Суп оказался густым, наваристым, с крупными кусками картофеля и моркови. Слишком добротным для его прежней жизни, где обед часто означал «какой-нибудь ролтон» или еду навынос, съеденную над ноутбуком. Здесь еда была... частью ритуала. Частью жизни, в которой его ждали за столом.

Он ел медленно, следя, как мать незаметно смотрит на него из под ресниц. Отец развернул свежий номер «Ежедневного пророка» так, что главный заголовок был виден и остальным.

«ПОВЫШЕННОЕ ВНИМАНИЕ К НАРУШЕНИЯМ БЫТОВЫХ ЧАР»

Фотографии двигались, но лениво — как будто сами устали от новостей.

— Опять кто-то решил, что законы писаны не для него? — мать криво усмехнулась, глядя на заголовок.

Отец хмыкнул, сворачивая газету.

— Сегодняшнее дело. Пара идиотов наложили на маггловские телевизоры чары вечной работы, — сказал он. — Сидели вчера в пабе, спорили, что «магглы всё равно ничего не замечают», и решили, что будет смешно, если у всех по району сутки подряд будет крутиться «ITV».

Мать подняла брови.

— И что в результате?

— У одного телевизор загорелся, — спокойно ответил он. — У другого выбило пробки в доме. Третий побежал звонить в свою... пожарную службу. — Он произнёс это слово с лёгкой

паузой, как чужое, а затем усмехнулся. — В итоге у нас три перепуганных маггла, две совы из Отдела по связям с магглами и толстая папка отчётов о «случайной аномалии».

По нему было видно, что смешного он в этом не видит.

— Иногда у меня создаётся впечатление, что половина нашего населения уверена: магглы — слепые идиоты, — добавил он уже тише. — Хотя это обычные люди. Просто без магии. И нам приходится за нашими же идиотами всё подчищать.

Слово «магглы» кольнуло чем-то из смутного детского воспоминания. В том старом фильме так называли немагических людей — тех, кто живёт без палочек, заклинаний и живых фотографий. Этими магглами были все, среди кого он прожил прошлую жизнь, в том числе и он сам.

Мать поморщилась.

— Хорошо, что Алекс этого всего пока лично не видит, — сказала она. — Ему ещё рано понимать, насколько люди могут быть... недалёковидными.

Она посмотрела на сына — и в этом взгляде на секунду мелькнуло нечто жёстче усталости. Артём сделал вид, что всецело занят супом.

— Кстати, — она поставила ложку, повернулась к нему почти официально. — Завтра мы всё-таки пойдём к колдомедикам. На Оберон-стрит открыли новую детскую клинику, говорят, там хорошие диагносты.

Слово «диагносты» прозвучало слишком профессионально для утешения ребёнка. Отец слегка поморщился.

— Ты уверена, что это не излишне? — спросил он. — Ты сама уже проверила. Никаких следов чар.

— Я проверила на то, что умею искать, — спокойно ответила она. — А у них — оборудование. Пусть посмотрят. После... — она на секунду запнулась, — после прошлого года я не хочу недоглядеть.

Артём слегка напрягся. В прошлом году с этим телом что-то случилось, но он ничего об этом не знал. Только тревога матери была настоящей.

— Хорошо, — отец со вздохом поднял руки в жесте капитуляции. — Колдомедики так колдомедики.

Он повернулся к Артёму:

— Не бойся. Они не кусаются, — попытка улыбки. — Максимум заставят посидеть под каким-нибудь шаром, который гудит и светится.

«Как МРТ, только с палочками», — машинально подумал он.

Улыбнулся краем губ, насколько позволял образ:

— Я не боюсь.

Это было почти правдой. Он не боялся врачей как таковых. Он боялся того, что кто-то заглянет слишком глубоко внутрь.

Когда поели, мать поднялась, прошла к шкафчику в углу кухни. Дверца сама приоткрылась, впуская её руку. Она достала оттуда небольшой пузырёк из матового стекла, в котором плескалась бледно-зелёная жидкость. Запах пряностей и трав потянулся даже на расстоянии.

— Это просто успокоительный настой для детей, — сказала она, наливая немного в маленькую кружку. — Колдомедики нам самим его выписывают, только покрепче. Ничего сильного.

Она говорила это скорее себе, чем ему. Руки у неё были ровные, но по мелким мышцам видно было напряжение — не дрожь, а настороженность, которую полностью она не глушила даже дома.

Артём смотрел, как жидкость струйкой льётся в белый фарфор. На миг захотелось просто убрать кружку в сторону. Любые вещества, которые меняли состояние сознания, теперь были для него не просто неприятны — опасны.

Раньше он сам, добровольно, отдавал часть контроля. Разрешал тульпе двигать телом. Сидеть за рулём, когда он не мог. Писать, когда его мысли застревали. Настя составляла планы, просчитывала многоходовки, он — исполнял. Свитчинг был добровольным, почти естественным. До той ночи, когда он захлопнул дверь и остался один внутри своей головы.

Именно после этого он понял: любая чужая рука на штурвале — даже добрая, даже его же собственное создание — риск потерять себя. И успокоительное теперь было той же самой чужой рукой, только химической.

— Настой отнимает память? — спросил он. Вышло слишком спокойно, почти сухо.

Мать подняла взгляд, чуть удивилась формулировке.

— Нет, — она покачала головой. — Просто... снимает лишнее напряжение. Помогает уснуть. Ты же сам говорил, что у тебя был очень долгий и страшный сон.

Он кивнул. Это действительно могло быть логичным шагом для обычного ребёнка. Отец молча наблюдал за сценой, не вмешиваясь.

— Пей, — мать придвинула кружку ближе. — Только не залпом, он невкусный.

Запах был терпким, с лёгкой горечью и мёдовой ноткой, которая пыталась эту горечь спрятать. Артём взял кружку. Сделал маленький глоток. Вкус оказался хуже, чем запах — трава, еле замаскированная сладостью. Горечь моментально растеклась по языку. Он морщился — не наигранно, по-настоящему.

— Фу, — вырвалось само.

Мать улыбнулась краем губ, чуть расслабилась.

— Зато помогает, — сказала она. — Допивай.

Он допил, стараясь не думать о том, как жидкость проникает внутрь — не в желудок, а будто сразу в кровь. Поставил кружку на стол. Мать забрала её и через секунду та уже скользнула в мойку к остальной посуде. Отец взглянул на часы.

— Мне пора вернуться в отдел, — сказал он, поднимаясь. — Если что — pošлю сову.

Он накинул пиджак. На прощание легко потрепал сына по голове — жест непривычный, но не неприятный. Мать проводила его взглядом до двери; в этом взгляде было то, чего дети обычно не замечают: усталость от постоянных недосказанностей.

Дверь захлопнулась. Дом остался на двоих: мать и мальчик, которого она пыталась вернуть в привычные рамки. Через полчаса он уже чувствовал действие настоя.

Не резко. Не как удар по голове. Скорее, как если бы кто-то мягкой ладонью прижал мысли к черепушке, чтобы они не дергались. Углы ощущений сгладились; звуки стали чуть тише, цвета — на полтона мягче. Не дурман — лёгкое уменьшение присутствия между ним и миром.

Артём сидел на кровати Алекса, которая теперь считалась его, и смотрел на рисунок Гарри Поттера, который он неловко сбросил на пол. Линии были кривыми, но уверенными. Мальчик в очках улыбался слишком широко для того, у кого впереди весь тот сюжет, который смутно помнил Артём.

«Это его жизнь», — подумал он.

«Его комната. Его рисунки. Его кошмары. Его прошлое, которого я не помню».

Он поднял взгляд. Комната не изменилась с утра, но теперь в ней было что-то ещё: ощущение навязанной роли. Как будто его засунули в уже начатый спектакль, не дав четкого сценария.

В прошлой жизни он сам создавал себе прикрытия. Сам выбирал легенду. Здесь легенду написали без него — задолго до того, как он появился. Алекс ел этот суп, рисовал этих мальчиков с молнией на лбу, бегал на ту детскую площадку, что видна из окна. И теперь от него ждали, что он просто продолжит: будет тем же ребёнком, только после «страшного сна».

Обычный человек, попав в такое, наверное, решил бы, что ему повезло. Волшебный мир из детского фильма, любящая семья, никакого криминала. Новый старт.

Он попробовал сформулировать «повезло». Мысль не ложилась. Настояй сглаживал страх, но не убирал привычку считать риски. Повезло — это когда тебе дают шанс и не смотрят в упор на каждое твоё движение, сверяя с тем, как ты «обычно» себя ведёшь. А тут ему было одиннадцать — официально — и любое отклонение сразу становилось предметом обсуждения.

Он перевёл взгляд на окно. Сюда солнце попадало под другим углом, чем в гостиной; лучи скользили по подоконнику, по стеклу, по краю стола. Там, за стеклом, был город. Незнакомый, но уже не враждебный. Маггловский, но в мире магии. И он очень плохо переносил состояние, когда его жизнь была целиком в чужих руках.

Сидеть и ждать, пока по нему пройдутся колдомедики возможно означало добровольно дать раскрыть его существование. Но пока другого варианта не было. Впрочем, что они могут обнаружить? Плохой сон? Меньшую эмоциональность? Артем был уверен, что простым маханием палочкой обнаружить смену хозяина тела невозможно.

Идея выйти и посмотреть местность вокруг дома не давала особых преимуществ перед завтрашним обследованием. Но хотя бы возвращала знакомое ощущение: «я знаю, где я». Иногда этого было достаточно, чтобы не чувствовать себя беспомощно.

Он опустил ноги на пол. Тёплые доски приняли ступни без малейшего сопротивления. Настояй делал движения чуть более плавными, но пока не отнимал силы.

«Нужно выйти», — спокойно решил он.

«Посмотреть, где я. Хоть немного».

Не как побег. Не как вызов. Просто... разведка. Он встал, провёл рукой по лицу. В зеркале мелькнул ребёнок с усталым взрослым взглядом. Как будто тот самый кошмар действительно затянулся слишком надолго.

— Пора посмотреть, из чего сделан этот «нормальный мир», — пробормотал он вполголоса, скорее для себя.

И спустился вниз.

Мать сидела в комнате, которую он уже мысленно назвал её кабинетом. Дверь была открыта; внутри — стол, заваленный бумагами, аккуратными стопками дел, пара перьев в подставке. На стене — часы, стрелки которых слегка поддёргивались, как будто постоянно убегали вперёд на пару секунд. И односпальная кровать в углу, идеально заправленная.

Она писала. Перо само двигалось по пергаменту, дергаясь в ритме её голоса, иногда чуть опережая. При его шаге она подняла голову почти сразу — рефлекс человека, привыкшего слышать тихие звуки.

— Алекс? — её голос стал мягче. — Тебе лучше?

Он покачал головой.

— Да... Лучше, — добавил Артем после короткой паузы. Это соответствовало её ожиданиям. — Я... хотел спросить.

Она отложила перо, повернулась к нему всем корпусом. Внимание — полное.

— Можно... — он замялся на секунду, подбирая формулировку. — Можно я выйду... на детскую площадку? Там, — он кивнул в сторону окна, — недалеко, через дорогу. Немного посижу.

Она смотрела на него пару секунд, не говоря ни да, ни нет.

— Ты сегодня уже гулял, — напонила она мягко. — Не устал?

— Сейчас лучше, — честно сказал он. — После настоя... спокойнее. Я ненадолго.

Она осторожно улыбнулась. Улыбка не дошла до самых глаз — там по-прежнему стояла тонкая тень беспокойства.

— Только до площадки, — сказала наконец. — Видишь из окна? — Она кивнула в сторону гостиной. — Той самой, через дорогу и чуть-чуть пройти. Никуда дальше. Не сворачивай. И... если почувствуешь себя плохо или станет страшно — сразу домой. Обещаешь?

Он кивнул.

— Обещаю.

Она встала. Подошла ближе. Одной рукой поправила ворот рубашки, другой — уже с палочкой — легко коснулась его плеча. Касание было быстрым, почти невинным, как жест матери, выправляющей одежду перед выходом.

— Это не страшно, — сказала она, заметив, как он чуть напрягся. — Небольшой сигнал. Если с тобой что-то будет не так, я узнаю об этом сразу. И только я. Пока заклинание молчит — значит, с тобой всё в порядке.

Он почувствовал лёгкое покалывание под кожей, словно через ключицу прошёл крошечный электрический разряд. Не боль — скорее отметка. Не навязчиво, но чётко. В прошлой жизни такие штуки означали контроль. Здесь — «заботу». Но ощущение было то же.

— Это... как? — спросил он, позволяя в голосе появиться обычной детской тревоге.

— Как... звонок, — подбирала слова она. — Если ты упадёшь, потеряешь сознание, если на тебя подействует какая-то магия... заклинание подаст мне знак. Я не смогу за тобой подглядывать, — она чуть поморщилась, — но буду знать, что всё в порядке. Или что что-то не так.

Он кивнул.

— Хорошо, — ответил.

— И... — она задержалась на полслова, — не задерживайся. Через час я хочу тебя увидеть.

Он снова кивнул. Повернулся к коридору. Пол под босыми ступнями оставался тёплым и ровным, пока он шёл к двери.

На пороге воздух снова чуть дрогнул, как и утром, когда они возвращались. Дом будто отмечал его уход. Дверь открылась мягко, впуская в щель летний городской шум. Он обулся и вышел.

Улица встретила его смесью тепла и шума. Асфальт ещё хранил остатки дневного солнца, воздух пах пылью, сырой травой из ближайшего сквера и чем-то жареным — откуда-то тянуло маслом и картошкой. Машины проезжали неровным потоком, не спеша, но и не ползком. Где-то дальше прогудел автобус — тяжёлый, двухэтажный, красный, как в классических фото Лондона

Детская площадка была видна прямо от дома: через дорогу, минуя небольшой сквер с кустами, похожими на подстриженные зелёные шары. Слева — кирпичные дома в два-три этажа, с одинаковыми дверями и узкими ступеньками к подъездам. Справа — маленький магазинчик, вывеска с выцветшими буквами, возле него — стойка с журналами и газетами в пластиковых карманах.

Он остановился на краю тротуара, прежде чем перейти. Машины шли нечасто, но инерция прошлой жизни требовала: сначала посмотреть направо, налево, ещё раз направо. Кожа под рубашкой в том месте, куда мать коснулась палочкой, чуть зудела — не физически, а как память о прикосновении. Заклинание молчало. Значит, всё «в порядке».

Артем перешёл дорогу, двигаясь чуть медленнее, чем мог бы. Для внешнего наблюдателя он сейчас был обычным мальчиком: худым, в кроссовках, с настороженным взглядом. Только внутри в каждом шаге сидела привычка к оценке обстановки: расстояние, ориентиры, пути отступления

Детская площадка оказалась типичной и чужой одновременно. Металлические качели с облезлой краской, горка, песочница, пара покосившихся лавок.

Дети кричали так, как умеют только дети — не опасаясь, что привлекут лишнее внимание. Кто-то носился за мячом, кто-то карабкался на горку, кто-то ревел возле порванного шарика. Пара взрослых сидела чуть в стороне: молодая женщина с коляской, пожилой мужчина с газетой, которую он больше держал, чем читал.

Артём сел на край свободной лавки, ближе к кустам, где тень была плотнее. Из этого угла он видел и площадку, и дорогу, и свой дом. Если мать встанет у окна гостиной, теоретически

тоже сможет его заметить. Её это бы наверняка успокоило. Его — не особенно. Какое-то время он просто сидел, слушая.

Шум города здесь был другим, чем в его прежнем мире. Там каждый крик мог означать начало драки, каждое резкое торможение — чужую ошибку, которой можно воспользоваться или которой лучше избегать. Здесь звуки несли меньше угрозы и больше фона. Люди жили, а не выживали. Пока.

На лавке кто-то оставил сложенную пополам газету. Не волшебную — обычную. Серо-чёрные буквы, фотография политика, который ругался в парламенте на кого-то невидимого.

«The Times». Дата в углу: 17 Июля 1991.

Цифры легли в голову как щёлкнувший пазл. Конкретный год, конкретный месяц. До поезда на Хогвартс у Поттера — чуть больше месяца, если фильм не врал совсем уж нагло.

Он вернул газету на место. Ничего принципиально нового она пока дать не могла. Локальные новости Артема не интересовали. Всё главное сейчас происходило на другом уровне.

Он какое-то время просто сидел, глядя, как дети носятся по площадке, визжат, падают, снова вскакивают. Шум был плотным, но беззаботным — редкий для прошлого мира фон, в котором не нужно искать угрозу. А потом он перевел внимание на девушку.

ИСПРАВЛЕННАЯ ВЕРСИЯ — ФИНАЛ

Детская площадка оказалась типичной и чужой одновременно. Металлические качели с облезлой краской, горка, песочница, пара покосившихся лавок.

Дети кричали так, как умеют только дети — не опасаясь, что привлекут лишнее внимание. Кто-то носился за мячом, кто-то карабкался на горку, кто-то ревел возле порванного шарика. Пара взрослых сидела чуть в стороне: молодая женщина с коляской, пожилой мужчина с газетой, которую он больше держал, чем читал.

Артём сел на край свободной лавки, ближе к кустам, где тень была плотнее. Из этого угла он видел и площадку, и дорогу, и свой дом. Если мать встанет у окна гостиной, теоретически тоже сможет его заметить.

Какое-то время он просто сидел, слушая.

Визг детей на горке — не крик о помощи, просто игра. Хлопок двери — не выстрел, просто сосед вышел. Резкий смех женщины у коляски — не истерика, просто что-то смешное.

В его прежнем мире каждый звук требовал оценки: угроза или нет, бежать или замереть. Здесь звуки просто существовали фоном. Жизнь, а не выживание.

Пока.

Он услышал характерное сухое шуршание целлофана.

Повернул голову.

На другом конце лавки девушка снимала обёртку с пачки сигарет. Лет восемнадцать. Джинсы, тёмная футболка с выцветшим рисунком, лёгкая куртка, на запястье дешёвые часы с поцарапанным стеклом. Волосы стянуты в хвост, несколько прядей выбились и падали на лицо. Она сидела боком, поджав в кедах ноги на сиденье, будто устроилась не на детской площадке, а у себя дома на диване.

Пачка новая — целлофан ещё не порван, она мяла его пальцами, стягивала с угла. Достала сигарету. Щёлкнула зажигалкой.

Затянулась.

И закашлялась — резко, с хрипом, зажмурив глаза. Рука дёрнулась к лицу, утирая выступившие слёзы. Сигарета дымилась между пальцами, забытая на пару секунд.

Артём поморщился.

Он видел это раньше. Не у неё — у окружения, у тех, кто был вокруг него.

Курить начинали по-разному: кто-то — чтобы казаться старше, кто-то — за компанию, кто-то — просто потому что больше ничего в своей жизни не контролировал. Но кончалось это всегда одинаково. Сначала кашель. Затем привычка. Потом жёлтые пальцы и зубы, хриплый голос и сигарета вместо завтрака. А в конце — человек, который не может прожить и дня без очередной затяжки, но уже не помнит, зачем начинал.

Он не понимал, зачем люди покупают себе зависимость добровольно. В его прошлом зависимость была наказанием.

Впрочем, Артём не собирался читать лекции. Чужая жизнь — чужие ошибки. Но смотреть на это было противно.

— Отвратительная привычка, — сказал он.

Голос вышел ровным, без осуждения — просто констатация факта.

Девушка подняла глаза — быстро, прицельно.

— Что? — спросила она. Не грубо, но настороженно.

— Ничего, — ответил он.

Она смотрела на него ещё пару секунд — изучающе, без злости. Взгляд скользнул по нему: ребёнок, один, не играет с другими, а сидит, наблюдает. Ни умиления, ни раздражения. Затем пожала плечами и отвернулась к коленям. Сигарета всё ещё тлела между пальцами. Она опустила её на край лавки, чтобы освободить руки.

Артём перевёл взгляд следом.

На коленях у неё лежал кассетный плеер. Крышка снята, внутри — катушки с лентой, шестерёнки, металлический вал. Рядом на лавке — две батарейки, маленькая отвёртка и сложенный вдвое лист в клетку с какими-то пометками ручкой.

Плеер был не новый, но ухоженный: пара неглубоких царапин, чуть стёртые кнопки, но без убитого вида. На верхней панели, прямо над клавишами, кто-то когда-то ручкой вывел крупными, корявыми буквами: ТОММУ. Рядом — кривой футбольный мяч.

Она склонилась над платой, прищурилась, покрутила плеер к свету. Пальцы скользнули по контактам — уверенно, без суесть.

Затем потянулась к сигарете.

Подняла её, поднесла ко рту. На этот раз медленнее, осторожнее — как будто можно было вдохнуть правильно, и тогда не будет кашля.

Затянулась.

Закашлялась — опять, резче, чем в первый раз. Рука дёрнулась, роняя пепел на джинсы. Она зажмурилась, отвернулась, пытаясь подавить хрип в горле.

Алекс ухмыльнулся. Покачал головой — коротко, почти незаметно. Не злорадно. Просто... ожидаемо.

Она увидела.

Взгляд скользнул по его лицу — по лёгкой усмешке, по спокойному качку головы. Не осуждение. Не жалость. Просто оценка: «Ну да, так я и думал».

Она выдохнула — раздражённо, на себя, не на него. Посмотрела на сигарету в пальцах. Потом на плеер.

— Утопить в ванне, а потом: «Бридж, оживи за пять фунтов»... — буркнула она себе под нос, не поднимая головы. — Вот же ж, Томми, паразит мелкий.

Фраза зацепилась. Слишком знакомое сочетание: чужой бардак, дешёвая сделка и тот, кто будет крайним, если что пойдёт не так.

Он не отвёл взгляд. Она это почувствовала и посмотрела на него.

Он не насмехался. Просто ждал.

Бриджит взглянула на сигарету в пальцах. На плеер. Снова на Алекса.

Выдохнула. Потянулась к урне сбоку от лавки и затушила сигарету о край. Бросила окурок внутрь.

Без комментариев. Без оправданий.

Вернулась к плееру. Пальцы скользнули по батарейному отсеку, по контактам. Она повернула плеер к свету, прищурилась — оценивала, не осталось ли воды. Внутри, на одном из элементов, виднелось лёгкое пятно ржавчины — не сегодняшней. Значит, плеер плавал не вчера. Значит, шанс, что он сдохнет окончательно через пару дней после «ремонта», очень неплохой.

«Классика, — подумал он. — Ты вкалываешь, оживляешь труп, через неделю он дохнет — и виновата ты. И минус не только пять фунтов, но и репутация».

В его мире такие сделки он научился обходить стороной. Слишком много раз видел, как люди берут на себя чужой мусор и потом получают по шапке за чужие же ошибки.

Обычно он в такие моменты молчал. Чужие проблемы — чужие.

Но настойка сгладила углы. И мир вокруг казался слишком спокойным, чтобы не попробовать хоть раз сказать что-то просто так. Без расчёта. Без выгоды. Просто потому что мог.

— Пять фунтов не стоят того, чтобы потом оказаться виноватой, — сказал он.

Голос прозвучал спокойно, почти лениво.

Она подняла голову. В этот раз задержала взгляд подольше.

— Чего? — спросила девушка.

Он кивнул в сторону плеера.

— Даже если он у тебя заведётся, — сказал он, — если там всё так залито, что мне аж отсюда видно, через пару недель он сдохнет. Томми решит, что это ты плохо починила, а не он сам себе debil. Пять фунтов — мало за то, чтобы потом выслушивать, что это твоя вина.

Она опустила взгляд на плеер, на тёмное пятнышко коррозии возле одного из контактов. Прищурилась. Повернула корпус под другим углом.

— Смотри-ка, — тихо пробормотала. — Всё-таки вода доела.

Затем посмотрела на него.

— Ты вообще кто такой, экономический консультант? — в голосе появилась сухая ирония.

— Тот, кто уже видел такие сделки, — ответил он. — Кто-то косячит, кто-то за копейки разгребает, а виноват потом второй.

Она фыркнула.

— Кажется, я знаю, кто у нас первый, — сказала. — Томми. Утопил, пришёл, вместе с плеером приволок с мордой ангела и: «Бридж, помощи». — Она передразнила его фальцетом. — Как тут не заработать?

— Заработать можно, — согласился он. — Вопрос — чем ты при этом рискуешь.

Она дёрнула плечом.

— Репутацией? — спросила. — У меня и так не очередь из заказчиков.

Он посмотрел на неё спокойно.

— Это до первой разборки с родителями этого Томми, — сказал. — Они услышат только одну версию: «отдали почти рабочую вещь, вернули —дохлую».

Она усмехнулась, но без особой веселости.

— Слушай, — сказала. — Ты сейчас говоришь как моя соседка, только ей тридцать пять и она ненавидит всех детей вообще. Тебе сколько?

— Одиннадцать, — ответил он.

Она качнула головой, хмыкнула.

— Не похоже.

Он ничего не сказал. Не было смысла рассказывать, что в его прошлом бутерброды и репутация слишком рано стали частью одного уравнения.

Она повертела плеер в руках, вздохнула.

— Ладно, — сказала. — Договор такой: если сейчас вообще не возьмусь, он обидится и будет ныть, что я «не помогла». Если возьмусь и плеер ещё пару месяцев поживёт, у меня плюс

пять фунтов и... — она поморщилась, — ...минус немного честности. Если сдохнет сразу — устроит мне концерт. Любой вариант — так себе.

— Третий вариант, — сказал он. — Сказать ему, что оно мёртвое, и предложить собрать ему что-то попроще, но рабочее. За десять фунтов. Чтобы после не возвращался с претензиями.

Она посмотрела на него чуть внимательнее.

— В одиннадцать так обычно не разговаривают, — сказала она. — Ты точно не перепутал возраст?

Он чуть пожал плечами.

— Я просто не люблю работать в минус, — сказал. — Ни себе, ни другим.

Она какое-то время молчала. Затем хмыкнула.

— Если я сейчас скажу ему, что его плеерок сдох окончательно, он пойдёт ныть родителям, — сказала она. — Родители скажут, что «вот поэтому мы не даём ему ничего чинить у соседей». И у меня опять минус пять потенциальных фунтов.

— Значит, — спокойно резюмировал он, — ты всё равно возьмёшься, но будешь понимать, что рискуешь не только его плеером.

Она посмотрела на него так, как смотрят на человека, которого вроде бы не просила о совете, но который всё равно попал в нерв.

— Да, — сказала. — Примерно так.

Она уселась ровнее, провела рукой по лицу — стирая остатки раздражения — и взяла отвёртку.

— Как тебя зовут, маленький аналитик рисков? — спросила.

— Алекс, — ответил он.

Имя произносилось без внутреннего спотыкания, хотя каждый раз напоминало, что это — его новая роль.

— Бриджит, — кивнула она. — Чтобы знал, на кого ворчать, если Томми всё равно устроит сцену.

— Я не ворчу, — сказал он. — Я просто предупреждаю, где обычно бывает больно.

Она усмехнулась.

— Станный ты ребёнок, Алекс, — сказала она. — В одиннадцать сверстники вокруг меня максимум орали, что «ничего не работает».

— Они и сейчас так делают, — заметил он. — Просто громче.

Она хмыкнула.

— Ты вообще один гуляешь? — спросила, не меняя позы. — Родители знают, что их ребёнок читает лекции взрослым тёткам на лавочке?

— Сказали, что до площадки можно, — честно ответил он.

Без «мама». Он заметил это, но исправляться не стал.

— Доверяют, — она качнула ногой. — Везёт. У меня соседи свою дочку до десяти за руку таскали, а потом вообще перестали выпускать. Решили, что мир за дверью слишком страшный.

— Стал менее страшным? — спросил он.

— Нет, — пожала плечами. — Просто для неё он кончился на коврике.

Она сказала это без жалости, как факт. Он посмотрел на её руки, на плеер, на корявые буквы TOMMY.

— Ты часто так... работаешь? — спросил он.

— Настолько часто, насколько приносят, — честно сказала она. — Плееры, будильники, иногда магнитолы. Это лучше, чем стоять за кассой за пару фунтов в час. Тут всё понятно: сделала — получила. Не сделала — сама виновата.

Он кивнул. Простые схемы были ему ближе, чем сложные правила.

— А ты откуда вообще знаешь про это всё с «минус репутацией»? — в её голосе впервые появилось не оборонительное, а настоящее любопытство. — В мультиках показывали?

— Люди редко думают о последствиях, пока всё работает, — сказал он. — Зато очень часто — когда что-то ломается. Если заранее представлять, как они будут орать, проще решать, браться или нет.

Она фыркнула, но уже с уважением.

— Звучишь как человек, которого уже не раз оставляли крайним, — сказала Бриджит.

— Или как тот, кто успел пару раз вовремя уйти, — ответил он.

Она хмыкнула:

— Ну хоть чувство юмора у тебя не из «Улицы Сезам», и то хорошо.

Она вернулась к плееру, начала аккуратно собирать его обратно: поставила крышку, проверила ход ленты, вставила батарейки. И делала это уже с другой осознанностью: не просто «чиню железку», а «вписываюсь в сделку с понятным риском».

Он слушал фон: скрип качелей, визг горки, далёкий гул города. Под кожей, в том месте, куда мать коснулась палочкой, ничего не чувствовалось. Заклинание молчало.

Где-то в голове щёлкнул внутренний таймер: час, который ему дали, не бесконечен.

Он взглянул на дом. Окна были ровными, спокойными. Никаких силуэтов у стекла. Но возвращаться всё равно пора.

— Мне нужно идти, — сказал он.

— Конечно, — кивнула Бриджит, не удивившись. — А то вдруг твои родители решат, что я тут мелких вербую в подпольный кружок ремонтников.

— Хуже места для вербовки сложно придумать, — заметил он.

Она усмехнулась.

— Скажешь им это, если что, — ответила.

Он кивнул. Встал. Ничего вроде «рад познакомиться» говорить не стал — слишком официально. Просто пошёл обратно по той же тропинке.

— Эй, — окликнула она. — Ты вообще где живёшь? Вдруг мне понадобится экономический консультант ещё раз?

Он обернулся, кивнул в сторону своего дома:

— Там. Если что — я обычно здесь бываю.

Она усмехнулась:

— Договорились. Если Томми притащит ещё один труп — буду искать тебя.

Сказала она в шутку, но голос звучал так, будто она знала: притащит.

Детская площадка осталась за спиной — с криками, смехом, чужими детьми и одной девочкой с плеером “Томми” на коленях.

На переходе он снова посмотрел по сторонам. Машины проезжали, люди спешили по своим делам. Над крышами промелькнул красный двухэтажный автобус. Лондон. Самый обычный маггловский Лондон, в котором, как выяснилось, живут люди с очень узнаваемой логикой.

Он перешёл дорогу и вернулся в дом. Под кожей заклинание матери по-прежнему молчало ровно и спокойно. Для неё всё было в порядке. В прихожей было полутемно и тихо. От кухни тянуло тёплым — едой и чаем.

— Алекс? — позвала мать. — Ты дома?

— Да, — отозвался он, стягивая кроссовки. — Как ты и говорила, дальше детской площадки не уходил.

Она выглянула из-за дверного проёма. Взгляд коротко пробежался по нему — лицо, руки, осанка.

— Как себя чувствуешь? — спросила она. — Голова не кружится?

— Нет, — сказал он. — Всё в порядке.

Она на секунду задержала взгляд, потом кивнула:

— Тогда мой руки и переоденься. Через минут десять садимся ужинать.

Он молча прошёл в ванную.

Ужин был простым: запеканка, салат, чай. Отец пришёл позже, сел за стол, спросил, не изменилось ли что-то с планами на завтра. Мать ответила, что нет: утром — клиника, потом она поедет в Министерство.

— Ты же не против, что мы ходим к колдомедикам? — спросила мать между делом, когда тарелки почти опустели. — Это... обычная проверка. Ничего страшного.

— Нормально, — ответил Артём. — Главное — чтобы отпустили.

Отец хмыкнул.

— Отпустят, — сказала мать. — Нам надо только убедиться, что с тобой всё в порядке после этого сна.

Он кивнул. Этого от него и ждали.

Больше к теме не возвращались. После ужина отец ушёл в гостиную с книгой, мать — дописывать что-то в кабинете. Волшебный дом перешёл в вечерний режим: тихие шаги, шорох бумаги, редкие и мягкие звуки.

Артём поднялся к себе.

Комната была такой же, как днём. Рисунки, аккуратно застеленная кровать, игрушки, которые едва заметно дёрнулись ушами и руками, когда он прошёл мимо, — и снова замерли.

Он закрыл дверь и сел на край кровати.

Завтра его будут «смотреть». Не так, как когда-то смотрели психиатры — но здесь будут шарики, палочки, диагностические чары вместо тестов и томографов. Принцип всегда один: ты садишься напротив человека, который профессионально ищет отклонения.

И если внутри у него месиво, а сверху — чужое лицо и чужая биография, какой-нибудь артефакт вполне может зацепиться за этот разрыв. Или нет. Но оставлять это на «авось» ему не нравилось.

«Мне нужно, чтобы они видели Алекса, — подумал он. — И чтобы я сам хотя бы частично воспринимал себя как Алекса. Не вместо, а... сверху».

В прошлой жизни он уже так делал — с ролью, с легендами, с прикрытиями. Но там у него была Настя. Она помогала выстраивать эти конструкции не только наружу, но и внутрь. И со снами тоже.

Память отзывалась коротко и чётко: ночи, когда кошмары лезли кабелем в голову, и они вместе отрабатывали простые приёмы. Считать вдохи. Смотреть на руки. Пытаться прочесть текст. Если буквы плыли — значит, сон. Если сон — значит, можно не принимать происходящее за реальность. А иногда — даже чуть-чуть изменить его.

Тогда он поначалу скептически к этому относился, но постепенно вошёл во вкус. Настя умела объяснять, как использовать даже собственный сон как площадку для работы.

Сейчас её не было. Дверь, за которой он её запер, по-прежнему держалась. Но навыки остались. И хуже от них точно не будет.

Он лёг, натянул одеяло до груди. Игрушки были далеко, рисунки на столе. Зато под рукой — прикроватная тумбочка. Он приподнялся на локте, выдвинул верхний ящик. Внутри вперемишку лежали мелочи: обломок карандаша, мятая обёртка от конфеты, стеклянный шарик, пара ракушек и тонкая школьная тетрадь с заломанными уголками. На выцветшей обложке неровным почерком было выведено: «Александр».

Он достал тетрадь, положил её сверху, на крышку тумбочки, ближе к себе — так, чтобы обложка была в поле зрения, если повернуть голову. Потом снова откинулся на подушку, глядя на своё — теперь формально — имя. Обложка, выцветшая, но чистая. Внутри — какие-то детские записи, даты. Он провёл пальцем по своему — чужому — имени.

«Возможно, завтра диагносты вообще не полезут в голову, — трезво рассуждал он. — Но если полезут, пусть видят, что здесь сидит один ребёнок, который пережил кошмар. Он закрыл тетрадь, оставив её так, чтобы обложка была видна. Закрыл глаза.

«Я — Алекс», — произнёс мысленно. Сухо. Без попытки почувствовать. Просто фраза.

«Я сейчас лягу спать, — продолжал он внутренний монолог, — и когда начнётся сон, я постараюсь понять, что сплю. Посмотрю на руки. Попробую прочитать имя. Попробую держать в голове, кто я должен быть сверху».

Он вдохнул глубже.

Выдохнул.

Начал считать.

Один. Два. Три.

Ему мешали кусочные мысли — про клинику, про белые коридоры, про плеер Томми, про пятно ржавчины на контакте. Он каждый раз возвращал себя к дыханию.

Четырна... сбился. Снова начал с единицы. Так несколько раз.

Через какое-то время сами числа потекли вязко, как чернила на мокрой бумаге. Мир за веками потемнел, но не провалился в ту самую Пустоту. Звуки дома стали глухими, как через стену.

Сон пришёл незаметно. Сначала он просто шёл куда-то по коридору школы. Стены были зелёные, линолеум под ногами блестел. Вокруг мелькали люди: дети, учительница, кто-то с папками. Голоса сливались в гул. Всё напоминало обычный сон — бессмысленный, слегка липкий. Он остановился у окна. Поднял руку.

Пальцы выглядели так, как привык видеть здесь: детские, тонкие. Он сосредоточился на них. И тогда изображение чуть дрогнуло. Контуры расплылись, кожа будто подёрнулась рябью. На миг он увидел — или ему показалось — более крупную ладонь, с бледным шрамом на костяшке. И тут же картинка вернулась в прежний вид.

«Есть», — отметил он. — «Это сон».

Он огляделся. Над доской висел плакат. На нём было выведено что-то вроде расписания уроков. Он подошёл ближе, всмотрелся в буквы. Те на секунду сложились в понятное: «Алекс — ...», — а потом поплыли, буквы поменялись местами, строки разъехались.

«Еще одно подтверждение», — спокойно зафиксировал.

Он сосредоточился на ощущениях — как учила когда-то Настя. Ноги, пол, дыхание. «Я сплю. Но я есть».

Класс вокруг начал блекнуть. Стены расползались, доска растворялась, люди таяли в серой массе. Он не сопротивлялся. Просто позволил лишнему отойти. Когда всё лишнее сошло на нет, остался коридор. Ровные серые стены, уходящие вперёд. Пол под ногами — ни тёплый, ни холодный. Свет — приглушённый, но достаточный, чтобы видеть.

Он постоял немного, прислушиваясь: нет ли той ледяной, стерильной пустоты, которую он слишком хорошо знал. Не было. Здесь чувствовалась опора. Не идеальная, но реальная.

«Это моё», — подумал он. — «Место, где я могу решать».

Он шагнул вперёд. Всё осталось на месте. Он вспомнил про Алекса. Не о мальчике снаружи, а о том, что он видел сегодня в вещах: рисунки, тетрадь, фотография.

Сосредоточился на левой стороне коридора. Представил стол. Простой, деревянный. Не как в этом доме, а вообще — стол. Спустя пару секунд в стене проступил выступ, контуры выдвинулись — и он действительно увидел что-то похожее на узкую поверхность, будто выросшую из стены.

«Работает», — отметил он.

Он представил на этом столе тетрадь. Ту самую, с его чужим почерком. Медленно, с задержкой, на поверхности проступил прямоугольник. Обложка, немного расплывчатая, но

узнаваемая. Когда он сосредоточился сильнее, на ней проявились буквы. Неровные. «Александр».

Он подошёл ближе. Дотронулся до обложки. Под пальцами ничего не чувствовалось — сон редко давал убедительную тактильность. Но визуально это был тот самый предмет. Удобно. Значит, можно использовать.

«Это — Алекс», — произнёс он вслух.

Голос прозвучал глухо, но устойчиво. Он попытался представить самого Алекса. Не как отдельного человека, а как образ: рост, манера двигаться, выражение лица на фотографиях. Рядом со столом, чуть в стороне, воздух сгустился и стал принимать форму. Не мгновенно — как будто кто-то рисовал контуры углём.

Сначала просто силуэт. Потом — намёк на одежду. Черты лица оставались смазанными, как у манекена. Но осанка, линия плеч, привычный поворот головы — совпадали. Тот самый мальчик из рамок и зеркала.

Он смотрел на эту полусозданную фигуру и одновременно — на себя. Давление было не физическим, а ментальным: здесь он — наблюдатель. Там — образ, который от него требуют.

«Мне нужно, чтобы это было похоже на правду», — подумал он. — «Чтобы, даже если кто-то заглянет через край, видел... его».

Он подошёл ближе, почти вплотную. Фигура оставалась неподвижной. Как одежда на вешалке.

«Надень», — подсказала старая привычка. Не Настин голос. Скорее эхо того, как они когда-то вместе работали с ролями: входить, выходить, держать не слишком глубоко.

Он сделал вдох и на секунду позволил себе представить, что этот стоящий перед ним Алекс — это он. Что все его привычки, его детские реакции — не чужие, а свои.

Произнес вслух:

— Я — Алекс.

Внутри ничего не щёлкнуло. Но где-то на уровне ощущений появилось странное чувство: как если бы он накинул на себя ещё один слой ткани. Не броню — тонкую куртку. Чужую по размеру, но в целом подходящую.

Он снова взглянул на фигуру. Черты лица чуть прояснились. Взгляд стал менее пустым. В нём появился слабый, едва заметный интерес — тот самый, который он уже видел в зеркале утром, когда рассматривал своё новое лицо.

Этого пока было достаточно.

Он перевёл взгляд вдоль коридора — дальше, вправо.

Там, чуть поодаль, на правой стене, сама собой обозначилась другая дверь. Глухая. Тяжёлая. Без ручки. От неё тянуло знакомым давлением. Не угрозой — весом. Там было то, что он заблокировал. Весь старый пласт. И Настя — вместе с ним.

Он не просил её появляться. Но сон, видимо, знал о её существовании лучше, чем он теперь хотел признавать. Он не стал приближаться. Просто отметил: «есть». На секунду показалось, что из-за двери исходит очень слабый, еле ощутимый толчок — как если бы кто-то изнутри осторожно приложил ладонь к створке. Никакого стука. Никакого голоса. Только напоминание: «я здесь». Он отвернулся.

— Никогда, — сказал тихо.

Фигура Алекса у стола была гораздо более безопасной для экспериментов, чем та дверь. Он сделал ещё один вдох, запоминая ощущение: чужое имя на обложке, силуэт мальчика, который должен быть им для остальных. Коридор начал плавиться по краям. Осознанность держалась уже через силу. Он чувствовал, как обычный сон пытается накрыть сверху всё это своей мутной краской.

«Хватит на первый раз», — решил он.

Он проснулся без рывка, но резко. Как если бы кто-то внутри по мягкой просьбе нажал на кнопку «выход».

Комната была на месте. Потолок — белый. В щели под дверью — тонкая полоса света: где-то в коридоре ещё горел ночник. Сердце стучало чуть быстрее, чем обычно, но не в панике.

Он повернул голову. На тумбочке лежала тетрадь. Тот самый «Александр» на обложке. Он протянул руку, коснулся бумаги. Настоящей, шершавой.

«Внутри мне всё равно не стать им до конца, — подумал он. — Но сделать так, чтобы верхний слой держался — можно».

Он снова лёг, смотря в тёмный потолок.

Пустоты не было. Ни холодной стерильности, ни той тянущей жадности, что он назвал бы Адом. Вместо этого — коридор в памяти. Стол. Тетрадь. Фигура, которая постепенно учится совпадать с ним снаружи.

Где-то за глухой дверью в том коридоре по-прежнему кто-то был. Не исчез. Не растворился. Ждал. Но дверь держалась. Это тоже было важно.

Он закрыл глаза ещё раз. На этот раз сон пришёл обычный — бессмысленный, рваный. Тот, после которого утром говорят «ничего не снилось», хотя мозг всю ночь жевал свои картинки.

Завтра будут колдомедики. Сегодня он хотя бы сделал первый, очень грубый черновик того, как хочет выглядеть изнутри.

Глава 4. Случайность

Алекс открыл глаза и первым делом проверил: тело на месте, потолок знакомый, запах комнаты — тот же. Он не пытался вернуться в то пространство, которое выстраивал вчера во сне — осознанные сновидения не работали так просто. Это было инструментом, а не постоянным убежищем. Но след от проделанной работы остался: ощущение, что маска Алекса легла плотнее, естественнее.

Он посмотрел на свои руки. Детские, тонкие, без привычных мозолей и шрамов. На секунду показалось, что контуры дрогнули — будто под кожей мелькнула тень более крупной ладони. Он моргнул. Всё вернулось на место.

«Адаптация, — подумал он. — Или самообман».

Разницы он пока не видел.

Алекс встал, подошёл к шкафу. Одежда была аккуратно развешена — мать, видимо, готовила всё вчера вечером. Чистая белая рубашка, тёмные брюки, жилет. Слишком опрятно для обычного дня, но именно так выглядят дети, которых ведут к врачам.

Он оделся почти автоматически. Движения были ровными, привычными — будто он делал это всю жизнь. Тело училось быстрее, чем он ожидал. Или память мышц этого тела подсказывала сама, без его участия.

Когда он застегнул последнюю пуговицу, дверь тихо скрипнула. Мать стояла в проёме, одетая, собранная, но с лёгкой тенью усталости под глазами.

— Ты уже встал, — сказала она мягко. — Хорошо. Завтрак почти готов.

Он кивнул.

— Сейчас спущусь.

Она задержалась на секунду, всматриваясь в него — будто пыталась найти что-то, что вчера ещё было не так. Потом выдохнула и ушла.

Алекс посмотрел в зеркало на стене. Мальчик одиннадцати лет, тёмные волосы, карие глаза. Лицо спокойное, слегка настороженное. Привычное выражение для ребёнка перед визитом к врачам.

«Всё в порядке, — сказал он себе. — Ты — Алекс. Просто Алекс».

Эхо этих слов легло ровно, без внутреннего отрицания.

Алекс спустился вниз.

Кухня встретила его запахом свежего хлеба и чая. Мать стояла у стола, взмахивая палочкой — тарелки плавно скользили с полки, выстраиваясь на столешнице. Движения её были точными и весьма быстрыми. Масло, джем, нарезанный сыр — всё уже стояло на столе. Аккуратно, почти идеально. Слишком идеально.

Мать нервничала — это читалось в каждом её движении.

На подоконнике, залитое утренним солнцем, стояло то самое растение — тёмно-зелёное, широколистное. Один из листьев медленно поворачивался, ловя угол падения света, будто живое существо, точно знающее, где искать тепло. Алекс краем глаза отметил движение, но не удивился. За прошлый день он свыкся с мыслью, что здесь даже растения живут по своим правилам.

Отец сидел за столом, допивая кофе и пролистывая вчерашний «Ежедневный пророк». Рубашка застёгнута до верхней пуговицы, галстук уже повязан. Он выглядел собранным, но усталым — будто не выспался, хотя старался этого не показывать.

Алекс сел на своё место, взял кусок хлеба. Мать взмахнула палочкой ещё раз — чайник сам поднялся и наполнил его чашку. Она положила палочку на стол и только потом села — на своё обычное место, рядом с отцом. Между ними повисла пауза — не враждебная, а усталая. Как будто каждый из них старался не задеть другого случайным словом.

Взгляд матери скользнул по лицу Алекса, задержался на секунду дольше, чем нужно.
— Ты не боишься? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал легко.

Алекс покачал головой:

— Нет. Это же просто проверка.

Она улыбнулась, но улыбка была натянутой.

— Да. Просто проверка.

Отец сложил газету, посмотрел на сына.

— Целители на Оберон-стрит хорошие, — сказал он ровно. — А ещё там современное оборудование.

Он говорил это так, будто пытался убедить не Алекса, а мать. Та не ответила, только кивнула едва заметно, глядя в свою чашку.

Молчание затянулось. Алекс ел медленно, наблюдая за ними краем глаза. Мать пила чай маленькими глотками, ее чашка едва заметно дрожала. На столе рядом с ней лежала старая папка — потёртая, с загнутыми углами. На обложке чернилами было выведено: «А. Хлой, мед. Карта».

Он видел эту папку вчера, когда она доставала её из ящика. Тогда она быстро закрыла её, будто не хотела, чтобы он видел содержимое. Сейчас папка лежала открытой — видимо, она пересматривала записи до того, как он спустился.

Алекс краем глаза заметил дату на верхнем листе: «Июль 1990».

Год назад.

Мать заметила его взгляд и быстро прикрыла папку ладонью.

— Старые записи, — сказала она тихо. — Мне нужно будет показать их целительнице.

Он кивнул, делая вид, что не придавал этому значения. Но внутри отметил: она боится, что что-то повторится. Что-то, связанное с тем годом.

— Мам, — сказал он осторожно, — а что случилось год назад?

Она замерла. Чашка застыла на полпути к губам. Потом медленно опустилась обратно на стол.

Отец тоже поднял взгляд, но ничего не сказал. Только смотрел на стол между ними, не встречаясь глазами с женой.

— Ты... не помнишь, — сказала она не как вопрос, а как констатацию факта.

— Нет, — ответил он честно. — Совсем.

Она выдохнула, провела рукой по лицу.

— Это... — она подбирала слова, — произошёл... инцидент. Магический выброс. Ты не контролировал магию, и она... вышла сама. Сильно. Ты сам испугался.

— И что случилось? — спросил Алекс тихо.

— Комната была разрушена, — сказала она, глядя не на него, а в стол. — Мебель, стёкла... всё разлетелось. Ты стоял посреди этого и не понимал, что произошло. Целители сказали, что магический шок стёр память. Мы решили... не напоминать.

Алекс молчал. Внутри что-то шевельнулось — не его воспоминание, а слабый отголосок чужого страха. Как будто тело само помнило тот момент, даже если сознание не могло.

— А почему это произошло? — спросил он.

Мать сжала губы. Отец положил газету на стол — чуть резче, чем нужно.

— Ты... нашёл кое-что, — сказал он вместо неё. Голос был ровным, но напряжённым.
— Артефакт. Я не знал, что он... опасный. Думал, это просто... — он осёкся, стиснул зубы.
— В общем, артефакт был из тех вещей, с которыми детям нельзя соприкасаться. Во время выброса ты его уничтожил. И с тех пор ничего подобного не происходило.

Алекс посмотрел на отца внимательнее. Тот отвёл взгляд — быстро, почти незаметно, но достаточно, чтобы понять: он винит себя.

Мать молчала, но её пальцы сжали край папки чуть крепче. Между ними пролегла невидимая граница — молчаливое обвинение, которое не нужно было озвучивать.

— Пока не было вчерашнего кошмара, — добавила она тихо, не глядя на мужа.

Алекс кивнул. Легенда про кошмар сработала лучше, чем он ожидал. Но теперь он понял: мать боится не просто повторения стресса. Она боится, что артефакт — или что-то похожее — вернется. А отец боится, что это снова будет его вина. И между ними — трещина, которую никакое время не залечит.

— Всё будет хорошо, — сказал он, стараясь вложить в голос детскую уверенность. — Целители же помогут.

Она улыбнулась — на этот раз слегка искреннее, но без тепла.

— Да. Помогут.

Отец посмотрел на часы.

— Нам пора, — сказал он. — Я провожу вас до камина.

Мать встала, взмахнула палочкой — посуда сама скользнула в раковину, вода начала наполнять её тёплым паром. Она взяла папку, аккуратно сложила её в сумку.

— Идём, — сказала она мягко.

Они вышли из дома втроём.

Улица была тихой. Слишком тихой для Лондона, даже утреннего. Немногочисленные прохожие шли по своим делам, не обращая внимания на семью, направляющуюся к углу квартала.

Алекс шёл между родителями. Мать держала его за руку, отец шел рядом, едва заметно впереди, задавая темп. Они не разговаривали. Молчание было не напряжённым, а сосредоточенным — как перед чем-то важным. Но расстояние между матерью и отцом чувствовалось даже физически: они не касались друг друга, не переглядывались.

Алекс с родителями свернули за угол, прошли мимо старого книжного магазина с выцветшей вывеской и остановились перед узким переулком между двумя кирпичными зданиями. Тот выглядел заброшенным: мусорные баки, граффити на стенах, пара старых ящиков, сваленных у входа.

Отец оглянулся — убедился, что их никто не видит — и шагнул вперед. Мать последовала за ним, придерживая Алекса за плечо. Алекс шёл следом, стараясь запомнить путь.

Переулок был короче, чем казалось снаружи. Буквально десять шагов — и они оказались перед старой кирпичной стеной с узкой деревянной дверью. На двери висела выцветшая табличка с облупившейся краской: «Мастерская обуви. Закрыто».

Отец достал палочку, коснулся таблички. Та вспыхнула тусклым золотым светом — не ярко, почти незаметно для постороннего взгляда. Дверь бесшумно отворилась.

Внутри была небольшая комната, облицованная старым кирпичом. Пахло сажей и чем-то сладковатым — будто кто-то недавно сжигал травы. В центре комнаты стоял камин — широкий, чёрный, с потрескавшимся очагом. На каминной полке стояла жестяная банка, наполненная серебристым порошком.

На стене напротив висела доска с десятком названий, написанных мелом.

Отец взял щепотку порошка из банки, бросил в камин. Огонь, прежде еле-еле заметный, вспыхнул мгновенно — стал яркий, зелёный, почти неестественный. Языки пламени не жгли, а мерно колыхались, будто приглашая войти.

— Я пойду первым, — сказал он, поправляя галстук. — Сразу в мой отдел, так что не увидимся.

Он шагнул в огонь, захватив ещё порошка в руку, кинул все себе под ноги и чётко произнёс:

— Министерство магии, Отдел неправомерного использования магии!

Зелёное пламя окутало его, закрутило — и он исчез. Мать взяла Алекса за плечи, притянула ближе.

— Держись за меня, — сказала она. — Не отпускай, пока не выйдем.

Алекс кивнул. Она взяла горсть порошка, бросила в камин. Огонь вспыхнул снова.

Она шагнула в пламя, увлекая его за собой, и чётко произнесла:

— Клиника на Оберон-стрит!

Мир взорвался зелёным светом.

Алекс почувствовал, как пол исчез под ногами. Его закрутило — не снаружи, а изнутри, будто кто-то схватил за желудок и потянул вниз, одновременно вращая по спирали. Зелёный огонь окутал со всех сторон, заполнил зрение, слух, дыхание.

Тошнота ударила мгновенно. Он зажмурился, сжал зубы, стараясь не дёргаться. Мать держала его крепко, но вращение не прекращалось. Мелькали обрывки изображений: другие каминные, коридоры, лица, двери — всё сливалось в один зелёный туннель, который тянулся бесконечно долго.

А потом — резкий выброс.

Алекс вылетел из камина, пошатнулся, едва не упал. Мать удержала его за плечи, выровняла. Зелёный огонь за спиной погас так же внезапно, как вспыхнул.

Он задышал глубже, пытаясь унять головокружение. Пол под ногами был твёрдым, каменным, но мир вокруг всё ещё слегка качался.

— В первый раз всегда тяжело, — сказала мать мягко. — Дыши глубже. Пройдёт.

Он кивнул, выравнивая дыхание. Постепенно тошнота отступила, зрение прояснилось.

Они стояли в небольшом холле. Стены были выложены светлым камнем, пол — мраморным, с тонкими золотыми прожилками. Справа и слева стояло ещё несколько похожих каминов, каким тот, из которого они только что вышли. Воздух пах травами и мёдом — не больничной стерильностью, а той обманчивой мягкостью, которой ловушки прикидываются убежищами. Из-за угла доносились тихие голоса, шорох пергамента, детский смех.

Мать поправила ему воротник, провела ладонью по плечу — проверяя, всё ли на месте.

— Готов? — спросила она.

Алекс кивнул.

— Готов.

Они прошли через арку в следующий зал.

Приёмная детского крыла клиники на Оберон-стрит была больше, чем он ожидал, и одновременно — теснее. Потолок был высоким, с лепниной в виде облаков, которые медленно двигались, меняя форму. Стены — бледно-голубые, с нарисованными птицами. Птицы тоже были живыми: перелетали с ветки на ветку, иногда вылетали за край рисунка на потолок и возвращались обратно.

Вдоль стен стояли мягкие кресла. На одном из них сидела молодая женщина с коляской, тихо качая её взад-вперёд. На другом — пожилой маг с газетой, которую он больше держал, чем читал. Ещё дальше — мальчик лет девяти, прижавшийся к матери, и девочка чуть помладше, которая сидела на полу и играла с деревянными кубиками. Кубики сами складывались в башню, а потом рассыпались.

В углу стояла стойка с игрушками: плюшевый дракон, который медленно зевал и поворачивал голову вправо и влево; деревянная лошадка, качающаяся без всадника; набор волчков, которые вращались сами по себе, не останавливаясь.

Запах трав и мёда был здесь сильнее чем в холле. Не приторный, но достаточно ощутимый, чтобы создавать впечатление, что это место безопасно. Алекс знал: именно так часто и выглядят ловушки — комфортными.

Мать подошла к стойке администратора. За ней сидела ведьма средних лет, в строгой мантии с вышитым гербом клиники — змея, обвивающая посох. Волосы собраны в тугий узел, круглые очки на кончике носа. Она подняла взгляд, когда они подошли.

— Доброе утро, — сказала мать. — Александр Хлой, одиннадцать лет. Направление на диагностику, назначено на девять часов.

Она достала из сумки папку, положила на стойку. Администратор открыла её, пробежалась взглядом по записям. Глаза на секунду задержались на дате — «Июль 1990» — потом вернулись к лицу матери.

— Повторная проверка? — спросила она ровно.

— Да, — ответила мать. — После... инцидента.

Администратор кивнула, ничего не комментируя. Взяла перо — оно само начало писать на пергаменте, заполняя форму. Через несколько секунд перо остановилось, и администратор протянула матери небольшой жетон с номером: «7».

— Ожидайте вызова, — сказала она. — Целительница Грейсон освободится через десять-пятнадцать минут.

Мать взяла жетон, кивнула и повела Алекса к свободному дивану у окна.

Сев, она положила сумку рядом, достала папку и снова открыла её — видимо, хотела ещё раз проверить записи перед встречей с целительницей. Алекс пристроился рядом и глянул в окно. Из него был виден внутренний дворик клиники: небольшой сад с аккуратными дорожками, фонтаном посередине и парой скамеек. Вода в фонтане поднималась вверх, формируя фигуры — то дракон, то феникс, то просто спираль.

— В первый раз? — спросил тихий голос рядом.

Алекс обернулся. Мальчик лет девяти, который раньше сидел с матерью, теперь стоял рядом. Светлые волосы, веснушки, слегка нервный взгляд. Руки он держал в карманах, будто пытался выглядеть расслабленно, но плечи были напряжены.

— Да, — ответил Алекс.

Мальчик кивнул, как будто это объясняло всё.

— Не бойся, — сказал он. — Они не делают больно. Только светят палочкой и задают странные вопросы.

— Какие вопросы? — спросил Алекс, стараясь, чтобы голос звучал по-детски любопытно.

— Ну... типа «видишь ли ты сны про полёты?» или «чувствуешь ли, когда кто-то грустит?» — мальчик пожал плечами. — Глупости. Я всегда говорю «нет», и они отпускают.

— А ты часто здесь бываешь? — спросил Алекс.

Мальчик кивнул.

— Раз в три месяца. У меня... — он понизил голос, — магия сама иногда выходит из меня. Когда я злюсь или пугаюсь. Довольно часто. Мама говорит, что это нормально, но все равно разрешает целителям проверять.

Он сказал это так, будто пытался убедить не Алекса, а себя.

— А у тебя что? — спросил мальчик.

Алекс на секунду задумался.

— Кошмар, — сказал он. — Очень долгий. Мама решила подстраховаться.

Мальчик кивнул сочувственно.

— У меня они тоже были. Целительница дала зелье — помогло. Теперь почти ничего не снится.

Он хотел сказать что-то ещё, но из-за двери вышла его мать — полная женщина в светло-зелёной мантии — и позвала его:

— Джейми, идём. Нас вызвали.

Мальчик махнул Алексу на прощание и побежал к матери. Дверь за ними закрылась бесшумно.

Алекс вернулся к наблюдению. Девочка с кубиками всё ещё сидела на полу, но теперь кубики складывались не в башню, а в фигуру — что-то вроде маленького домика. Она хлопнула в ладоши, и домик рассыпался. Кубики снова начали собираться.

Мать рядом перелистнула страницу в папке. Алекс краем глаза увидел запись:

«Артефакт — происхождение неизвестно. Принадлежность — Отдел тайн».

Ниже, более мелким почерком:

«Артефакт уничтожен при магическом выбросе ребенка. Пустотный след на энергетике — слабый, стабильный, прогноз полного исчезновения к 1992 году. Рекомендовано обследование раз в два года».

Отдел тайн. Значит, отец действительно мог принести что-то домой — случайно или нет. И после этого его перевели. Не повысили, а именно перевели — в отдел неправомерного использования магии. Место, куда, похоже, отправляют тех, кого хотят держать подальше от чего-то важного. Мать закрыла папку, заметив его взгляд.

— Скоро вызовут, — сказала она тихо.

Алекс кивнул.

Ждать оставалось недолго. Дверь в дальнем конце приёмной открылась, и оттуда вышла ведьма в белом халате с серебряной отделкой. Средних лет, короткие седеющие волосы, серебряные очки на тонкой цепочке. В руках — деревянный планшет с пергаментом.

— Александр Хлой? — позвала она негромко, но отчётливо.

Мать встала, взяла сумку. Алекс поднялся следом.

Целительница улыбнулась — не широко, но тепло.

— Проходите, пожалуйста.

Они последовали за ней через дверь, в глубину клиники.

Коридор за дверью был узким, но светлым. Стены — того же бледно-голубого оттенка, что и в приёмной. На потолке горели магические светильники, излучающие мягкий, почти дневной свет. Пол был выложен светлым камнем, шаги по нему звучали глухо и ровно.

Целительница шла впереди, не оборачиваясь. Мать держала Алекса за плечо — не крепко, но достаточно, чтобы он чувствовал её присутствие.

Они прошли мимо нескольких дверей — на каждой висела табличка с именем целителя и специализацией. «Целитель Томас Грин. Общее целительство». «Целительница Элис Форд. Травмы и ожоги». «Целитель Роберт Шарп. Проклятия и артефакты».

Наконец целительница остановилась у двери в конце коридора. Табличка гласила: «Целительница Одри Грейсон. Диагностика и ментальная магия».

Она открыла дверь, пропуская их внутрь.

Кабинет был круглым — необычная форма, которая сразу бросалась в глаза. Стены изогнуты плавно, без углов. Окно занимало почти половину стены, выходя во внутренний дворик. Свет лился мягко, не режа глаза.

В центре стоял круглый стол из светлого дерева, а вокруг него — три стула: один для целительницы, один для матери, один — поменьше — для ребёнка. На стенах висели диаграммы — магические потоки, светящиеся линии, движущиеся узоры. Они медленно меняли форму, будто дышали.

В углу, на отдельной подставке, стоял прибор: хрустальный шар размером с кулак взрослого человека, закреплённый на серебряной подставке. Внутри шара медленно вращался серебряный туман, иногда вспыхивая бледно-голубыми искрами.

Запах здесь был другим — мята, смешанная с чем-то металлическим. Не резким, но ощутимым.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала целительница, указывая на стулья.

Мать села первой, положив сумку рядом. Алекс сел на меньший стул — он был мягким, но достаточно высоким, чтобы он мог удобно опереться на стол.

Целительница села напротив, сложила руки на столе и улыбнулась — тепло, но профессионально.

— Здравствуй, Александр, — сказала она. — Можно просто Алекс?

— Да, — ответил он.

— Отлично. Я — целительница Грейсон. Сегодня мы просто посмотрим, как у тебя дела. Ничего страшного, обещаю.

Она говорила спокойно, без снисходительности — как с человеком, а не с ребёнком. Это было... непривычно. И одновременно удобно.

— Твоя мама говорит, что у тебя были кошмары, — продолжила целительница. — Расскажешь мне о них?

Алекс кивнул. Легенда была готова и отрепетирована.

— Мне приснился очень долгий сон, — сказал он тихо. — Там была... пустота. Не темнота — именно пустота. Как будто ничего не существует. Ни света, ни тьмы. Ни людей, ни вещей. Только... ничего. И я падал в это ничего. Очень долго.

Целительница слушала внимательно, не перебивая. Её глаза были сосредоточенными, но не жёсткими.

— Как долго он длился? По ощущениям, — уточнила она.

Алекс задумался — не для вида, а по-настоящему.

— Очень долго, — сказал он наконец. — Как будто... целую жизнь.

Мать рядом напряглась. Целительница заметила, но ничего не сказала.

— А после того, как ты проснулся, — продолжила она, — чувствовал что-то необычное?

Алекс кивнул.

— Был... странно спокоен, — сказал он честно. — Будто всё вокруг не настоящее. Или... будто я не настоящий.

Целительница записала что-то на пергаменте — палочкой. Слова появлялись сами, тонкими чернильными буквами.

— Понятно, — сказала она. — Сейчас я проведу несколько простых проверок. Это не больно, просто немного необычно. Ты готов?

Алекс кивнул.

Целительница встала, достала из кармана халата палочку — светлое дерево, тонкая резьба вдоль рукояти. Она обошла стол, встала рядом с Алексом.

— Сиди спокойно, — сказала она мягко. — И дыши ровно.

Она подняла палочку, направила на его грудь и произнесла негромко:

— *Revelio Sanitatem.*

Из кончика палочки вырвался золотой свет — не ослепительный, а мягкий, почти тёплый. Он окутал Алекса, прошёл по груди, по плечам, по рукам. Ощущение было странным: не прикосновение, а скорее давление изнутри. Как будто кто-то очень осторожно прощупывал его тело, не касаясь кожи.

Свет пульсировал в ритме сердцебиения — раз, два, три — медленно, ровно. Алекс сидел неподвижно, стараясь дышать спокойно. Внутри поднималась привычная настороженность: любая проверка — это риск. Но он держал лицо расслабленным, почти любопытным. Таким, каким должен быть ребёнок, для которого магия — обычное дело.

Целительница смотрела не на него, а на пергамент перед собой. Там, где палочка только что касалась бумаги, начала проявляться схема — контуры тела, тонкие линии, цветные пятна.

Алекс краем глаза уловил изображение: его силуэт, нарисованный чернилами и светом одновременно. Голова — бледно-голубая. Грудь, руки, ноги — зелёные. Всё выглядело ровно, спокойно.

Но в районе солнечного сплетения, чуть ниже рёбер, проступило серое пятно. Не чёрное, не яркое — тусклое, размытое, как след от старого синяка. Оно пульсировало слабо, едва заметно, будто дышало в своём ритме.

Целительница нахмурилась. Не испуганно, а задумчиво.

— Интересно, — пробормотала она, склоняясь ближе к пергаменту. — След магического стресса. Недавний.

Мать выпрямилась на стуле.

— Кошмар?

Целительница кивнула, но взгляд её оставался сосредоточенным.

— Это может объяснить, — сказала она медленно. — Но... — она прищурилась, рассматривая пятно. — Обычно стресс оставляет более... поверхностный след. А здесь... — она провела палочкой вдоль схемы, и пятно на мгновение вспыхнуло ярче. — Глубже. Как будто контакт был... продолжительным.

Мать сжала край сумки.

— Что это значит?

Целительница выпрямилась, убрала палочку.

— Пока рано говорить. Мне нужно проверить глубже. — Она посмотрела на Алекса, улыбнулась успокаивающе. — Ты молодец, Алекс. Посиди ещё немного, хорошо?

Он кивнул.

Целительница снова подняла палочку, но теперь направила её не на грудь, а на лоб. Движение было медленным, осторожным — как у человека, который знает, что следующий шаг может изменить всё.

— *Anima Profundis*, — произнесла она тихо, почти шёпотом.

Из кончика палочки вырвался тонкий серебряный луч — не яркий, а почти прозрачный, как лунный свет. Он коснулся лба Алекса и медленно проник внутрь. Не физически — глубже. Туда, где мысли, воспоминания, всё то, что делает человека собой.

Алекс почувствовал давление. Не боль — скорее ощущение, будто кто-то очень осторожно прикасается к внутренней стороне черепа. Мягко, но настойчиво. Тепло разливалось изнутри, поднималось от груди к голове, заполняло всё пространство между мыслями.

Он не двигался. Не дёргался. Держал дыхание ровным. Но внутри что-то напряглось — инстинкт, который годами учил его: когда тебя изучают, не показывай всё.

Целительница смотрела не на него, а в воздух перед собой. Там, где серебряный луч растворялся, начала проявляться схема — полупрозрачная, светящаяся, сложная. Линии, узлы, переплетения. Магическая аура.

Алекс не видел её полностью — только краем глаза, отражённую в стекле окна позади целительницы. Светящиеся нити, похожие на паутину, расходились от центральной точки — яркого ядра, которое пульсировало в ритме его сердца.

Но внутри ядра было что-то ещё.

Серое пятно. Не на поверхности, а глубже — почти в самом центре. Оно выглядело как дыра, как разрыв в ткани. Не чёрное, не злое — просто пустое. Как будто там, где должна быть целостность, осталась только тень.

Целительница замерла.

Её глаза расширились. Не от страха — от удивления.

— Миссис Хлой, — сказала она тихо, не отрывая взгляда от схемы. — Когда именно у Алекса был последний контакт с артефактом?

Мать побледнела.

— Год назад, — ответила она быстро. — Он уничтожил его. Это не может...

Целительница подняла руку, останавливая её.

— Здесь два следа, — сказала она медленно, словно пытаясь понять увиденное сама. — Один — старый. Почти зажил. Видите? — Она взмахнула палочкой, и на схеме проступила тонкая, едва заметная линия, опоясывающая серое пятно. — Это след прошлогоднего инцидента. Слабый, стабилизированный.

Она замолчала, потом продолжила:

— Но внутри него... — палочка указала на центр пятна, — второй след. Свежий. Не старше недели.

Мать резко втянула воздух.

— Но как? Артефакта больше нет!

Целительница медленно опустила палочку. Схема в воздухе начала бледнеть, растворяться.

Она несколько секунд молчала, рассматривая пергамент с записями. Потом подняла взгляд на мать.

— Миссис Хлой, инцидент год назад... — сказала она осторожно. — Артефакт, который контактировал с Алексом... он был связан с чем-то конкретным?

Мать сжала край сумки.

— Мы не знали точно, — ответила она тихо. — Муж работал в отделе тайн. Мы думали, что артефакт оттуда случайно попал домой.

Целительница кивнула.

— Понятно. — Она снова посмотрела на схему, потом на Алекса. — То, что я вижу, называется «пустотным следом». Это редкий тип магического отпечатка. Он появляется у тех, кто соприкоснулся с... — она подбирала слова, — очень специфическими артефактами. Теми, что связаны не с обычной магией, а с... границами.

— Границами? — переспросила мать настороженно.

Целительница кивнула.

— Есть артефакты, которые касаются того, что находится... за пределами жизни. Не тёмная магия в привычном смысле. Скорее... исследовательская. Отдел тайн постоянно работает с подобными вещами. — Она помолчала. — Один из таких артефактов находится в самом Министерстве. Арка... Если вы понимаете о чем я. — сказала она, понизив голос. — Ко мне обращались волшебники с подобными метками после контакта с ней.

Мать побледнела.

— Вы думаете, что артефакт был... того же типа?

— Возможно, — сказала целительница осторожно. — Я не могу сказать точно. Но след совпадает. — Она снова взглянула на Алекса. — За год прошлый след должен был ослабнуть, возможно исчезнуть. Но сейчас... он обновился.

— Как это возможно? — голос матери дрогнул. — Артефакта больше нет!

Целительница вздохнула.

— Обычно пустотный след обновляется только при повторном контакте. Но... — она задумалась, — у детей магия нестабильна. Иногда сильный стресс — физический или эмоциональный — может... активировать старые отпечатки. Особенно если ребёнок пережил что-то, что его психика восприняла как угрозу жизни.

Она посмотрела на Алекса внимательно.

— Алекс, ты говорил про сон. Про пустоту. Тебе там было страшно?

Он на секунду задумался. Нужна была правда, но не вся.

— Да, — сказал он тихо. — Очень. Мне казалось, что я... исчезаю.

Целительница кивнула сочувственно.

— Это могло стать триггером. Твоя магия, пытаясь защититься от страха, могла... зацепиться за старый след. Усилить его. Как шрам, который снова воспаляется от стресса.

Мать выдохнула дрожаще.

— Значит, это... не опасно?

Целительница помолчала.

— Физически — нет. Магически — след стабилен, а значит относительно безопасен. Но... — она достала из ящика маленький флакон с тёмным стеклом и светло-голубой жидкостью. — Я рекомендую усиленный успокоительный настой. Если кошмары вернутся — три капли перед сном. Не больше. Он поможет удерживать сознание в безопасных границах и не допустить усиления контакта с границей

Она протянула флакон матери.

— И, миссис Хлой... — её голос стал серьезнее. — Если что-то подобное повторится — сразу приходите. Не ждите. Пустотные следы редко обновляются сами по себе. Усилятся, ослабляются, но обновление... Если это случится снова, мне нужно будет провести более глубокую диагностику.

Алекс, который до этого молчал, тихо спросил:

— А... след пройдёт? Когда-нибудь?

Целительница посмотрела на него — не удивлённо, а с лёгким одобрением. Умный вопрос для ребёнка.

— Да, — сказала она мягко. — Пустотные следы не вечны. Если не будет повторных контактов, он постепенно ослабнет. Обычно это занимает год-полтора. Может, два. Зависит от того, насколько сильным был первоначальный контакт.

Она улыбнулась успокаивающе.

— Ты молодой, твоя магия восстанавливается быстрее, чем у взрослых. Если всё будет спокойно, к тринадцати годам от следа не останется и намёка.

Внутри что-то дрогнуло — не страх, не радость. Облегчение. Он не монстр. Не одержимый. Просто... носитель шрама, который заживёт.

Мать выдохнула с облегчением.

— Спасибо, — сказала она тихо.

Целительница улыбнулась — устало, но тепло.

— Алекс очень смелый мальчик, — сказала она. — Многие взрослые не смогли бы так спокойно рассказать о таком сне.

Алекс не ответил. Просто кивнул. Целительница встала, открыла дверь и добавила напоследок:

— Физически он здоров. Магия стабильна. Наблюдение нужно только в случае повторения симптомов. Прошу ещё раз, приходите сразу, если что-то изменится.

Мать тоже встала, взяла сумку. Алекс поднялся следом. Они вышли из кабинета в коридор.

Он был пуст. Светильники на потолке горели так же мягко, как и раньше. Шаги эхом отдавались от стен. Мать шла рядом, держа его за руку. Пальцы сжимали крепче, чем до визита. Не больно, но ощутимо. Как будто она боялась, что он исчезнет, если отпустит.

Алекс молчал. Внутри прокручивал услышанное.

«Пустотный след. Какая-то Арка из отдела тайн. Граница между жизнью и... чем-то ещё».

Целительница не знала правды. Она думала, что след обновился из-за кошмара. Из-за стресса. Но Алекс знал: он попал сюда не во сне. Он прошёл через Пустоту по-настоящему. Умер. И каким-то образом оказался здесь.

«Случайность? Или след был якорем?»

Он не знал. Но одно было ясно: тот артефакт, который год назад активировал настоящий Алекс, оставил метку. И эта метка, возможно, стала единственной причиной, по которой он не растворился окончательно.

Не план. Не выбор. Просто невероятная удача. Мать остановилась у двери в приёмную, обернулась к нему.

— Алекс, — сказала она тихо, — ты правда ничего не помнишь? Про то, что случилось год назад?

Он покачал головой.

— Нет. Совсем.

Она вздохнула, провела рукой по его волосам.

— Хорошо, — сказала она. — Может, так и лучше.

Они вышли в приёмную. Та опустела — видимо, всех уже приняли. Только администратор за стойкой, перебирающая пергаменты. Мать подошла к ней, уточнила что-то тихо. Администратор кивнула, записала что-то в журнал.

— Если что-то случится — сразу приходите, — повторила она. — Не ждите.

Мать кивнула, взяла сумку.

— Заедем в Министерство, — сказала она Алексу. — Мне нужно передать документы. Ненадолго.

Алекс кивнул. Они вышли из клиники, вернулись к камину.

Зелёный огонь вспыхнул снова. Вращение. Тошнота. Выброс.

На этот раз они оказались не в тихом холле клиники, а в огромном, гулком пространстве.

Алекс выровнялся, огляделся — и замер.

Атриум Министерства магии был... огромным. Потолок терялся где-то высоко, в золотистом свечении магических светильников. Пол — мраморный, отполированный до блеска, отражающий фигуры сотен людей в мантиях, снующих туда-сюда. В центре зала стоял фонтан — высокий, украшенный фигурами: маг, ведьма, кентавр, гоблин, домовый эльф. Вода струилась между ними, сверкая в свете.

Вдоль стен — ряды каминов, из которых постоянно выныривали и исчезали люди. Зелёные вспышки мелькали то там, то тут. Шум голосов, шорох мантий, стук каблуков — всё сливалось в единый гул.

Справа — длинный ряд турникетов с охранниками. Слева — золотые решётки лифтов, уходящих вверх и вниз.

— Идём, — сказала мать, взяв его за руку.

Они прошли через турникет. Охранник — пожилой маг с усами — кивнул матери, бросил быстрый взгляд на Алекса, но ничего не сказал.

Мать повела его к лифтам. Золотая решётка одного из них раздвинулась, выпуская небольшую толпу. Они протиснулись внутрь.

— Второй уровень, — сказал мужской голос откуда-то сверху. — Отдел магического правопорядка, штаб-квартира авроров...

Лифт дёрнулся и поехал вниз.

Алекс стоял, прижатый к стене кабины, и наблюдал. Маги вокруг разговаривали вполголоса, обменивались документами, кто-то читал газету. Никто не обращал на него внимания. Обычный ребёнок с матерью. Ничего примечательного.

Лифт остановился. Решётка раздвинулась.

— Второй уровень, — повторил голос.

Мать вышла, потянув Алекса за собой. Коридор здесь был уже, чем атриум. Стены — тёмное дерево, пол — каменный, с дорожками из потёртого ковра. Вдоль стен — двери с табличками:

Мать свернула направо, прошла несколько дверей и остановилась у одной из них. Табличка гласила: «Штаб-квартира авроров. Вход Только для сотрудников».

Она достала палочку, коснулась ручки. Дверь щёлкнула и приоткрылась.

Она достала палочку, коснулась ручки. Дверь щёлкнула и приоткрылась. Мать заглянула внутрь, потом обернулась к Алексу.

— Идём, — сказала она. — Познакомлю тебя с Мириам. Посидишь у неё, пока я закончу с документами.

Алекс кивнул и последовал за ней.

За дверью оказался небольшой коридор с ещё одной дверью в конце. Слева — узкая приёмная с парой деревянных стульев, низким столиком, заваленным старыми газетами, и выцветшим ковром. У стены стояла стойка, за которой сидела ведьма средних лет — строгая, в тёмно-синей мантии, волосы собраны в тугой пучок. Она подняла взгляд от пергамента, когда они вошли.

— Анна, — поздоровалась она с матерью, кивнув. — Редко тебя вижу в последнее время.

— Отчеты принесла, — ответила мать коротко. — А это мой сын, Алекс. Мне нужно заскочить внутрь на пару минут. Он может посидеть здесь?

Ведьма посмотрела на Алекса — быстро, оценивающе, но без недовольства.

— Конечно, — сказала она. — Садись вон там, мальчик, — она кивнула на стулья у стены. — Только ничего не трогай и из приёмной не выходи. Ясно?

Алекс кивнул.

— Ясно.

Мать легко коснулась его плеча — короткий, успокаивающий жест.

— Посиди тихо. Я быстро.

Она прошла в глубину коридора и скрылась за дверью.

Алекс сел на указанный стул. Ведьма — Мириам, видимо — вернулась к своим бумагам, изредка поглядывая на него краем глаза. Не подозрительно, скорее по привычке — как человек, который годами работает в месте, где нельзя терять бдительность.

Алекс взял одну из газет со столика — старый номер «Ежедневного пророка», датированный началом июля. Заголовок гласил что-то про новые ограничения на импорт магических существ. Он пролистал пару страниц, не особо вчитываясь. Просто чтобы занять руки.

Откинувшись на спинку стула, Алекс прислушиваясь к звукам за дверью. Голоса, шаги, иногда — негромкий смех. Мириам что-то записывала на пергаменте, перо само царапало бумагу под диктовку её палочки. Тишина была рабочей, не напряжённой. Жизнь продолжалась, мир вращался.

Его мысли прервал звук — резкий стук, грохот, ругательство.

Дверь в коридор распахнулась, и в приёмную ввалилась девушка. Лет восемнадцать, может, чуть старше. Джинсы, потёртая кожаная куртка, ботинки на толстой подошве. Волосы — ярко-розовые, коротко стриженные, торчащие во все стороны. В руках — стопка папок, которую она судорожно пыталась удержать.

Не удержала. Папки полетели на пол, пергаменты рассыпались веером. Девушка выругалась негромко, присела, начала их собирать. Алекс автоматически встал, подошёл, наклонился и подобрал несколько листов.

— Спасибо, — буркнула девушка, не поднимая головы.

Он протянул ей пергаменты. Она взяла, наконец подняла взгляд — и замерла на секунду.

Глаза у неё были необычные — один карий, другой серый. Сейчас оба смотрели на него с лёгким удивлением.

— Ты что тут делаешь, малыш? — спросила она, усмехаясь. — Такой молодой и уже под следствием?

Алекс пожал плечами.

— Жду маму. Она работает здесь.

Девушка кивнула, собирая остальные бумаги.

— Аврор? — уточнила она.

Да, — ответил он.

Аврор... Видимо, это как магическая полиция.

— Круто, — она встала, поправила куртку. — Я тоже... ну, почти. Стажируюсь. — Она хмыкнула. — Пока в основном роняю вещи и путаюсь в коридорах.

Она сказала это так легко, без смущения, что Алекс едва заметно улыбнулся.

— Бывает, — сказал он.

Девушка усмехнулась шире.

— Ты странный ребёнок, — сказала она. — Обычно дети в одиннадцать орут или тарашатся на всё подряд. А ты сидишь как... не знаю, как маленький взрослый.

Алекс не ответил. Просто пожал плечами. Девушка помолчала, потом протянула руку.

— Тонкс, — представилась она. — Нимфадора, но лучше просто Тонкс. Нимфадора — это родители издевались.

Он пожал её руку — крепкое, уверенное рукопожатие.

— Алекс, — сказал он.

— Приятно познакомиться, Алекс. — Она подмигнула. — Если мама твоя аврор, наверное, дома весело. Вечно на ушах, да?

Он криво усмехнулся.

— Иногда.

Тонкс хмыкнула, подхватила папки.

— Ну ладно, мне пора бежать. А то начальство опять скажет, что я «слишком медленно адаптируюсь». — Она закатила глаза. — Удачи тебе, малыш. И маме передавай привет.

Она развернулась и вышла в коридор, едва не зацепив дверной косяк плечом.

Алекс вернулся на стул.

«Тонкс. Нимфадора Тонкс».

Имя ничего ему не говорило. Но что-то в ней было... живым. Не фальшивым, не наигранным. Просто человек, который не боится быть собой.

Редкость.

Дверь в штаб-квартиру открылась, и мать вышла. Выглядела она уставшей, но собранной.

— Идём, — сказала она. — Закончила.

Алекс встал, последовал за ней.

Обратный путь был тихим. Мать почти не говорила, только иногда бросала короткие фразы — «осторожно», «держишься крепче». Алекс не спрашивал. Он видел: она погружена в свои мысли, и лучше не мешать.

Они вернулись к каминам в атриуме Министерства. Зелёный огонь вспыхнул привычно, окутал их, закрутил в знакомом вихре. Вращение на этот раз показалось короче — тело привыкало к магическому транспорту, или просто усталость притупила ощущения.

Выброс был мягче, чем утром. Алекс выровнялся почти сразу, едва пошатнувшись. Мать придержала его за плечо — скорее по привычке, чем по необходимости.

Они вышли из маленькой комнаты с кирпичными стенами, прошли через переулок — тот самый, с граффити и мусорными баками, который снаружи выглядел заброшенным. Табличка «Мастерская обуви. Закрыто» снова потускнела, скрывая вход от посторонних глаз.

На улице было тише, чем утром. День клонился к вечеру, солнце начинало садиться, окрашивая небо в тёплые оранжевые тона. Редкие прохожие спешили по своим делам, не обращая внимания на женщину с мальчиком.

Когда они вошли, отец уже был дома. Сидел в гостиной с газетой, но не читал — просто держал перед собой. Поднял взгляд, когда они вошли.

— Ну? — спросил он.

Мать медленно сняла сумку, положила на стол.

— Всё... в порядке, — сказала она осторожно. — Целительница сказала — наблюдать только в случае повторения.

Отец кивнул, но облегчения в его лице не появилось.

— Хорошо, — сказал он ровно.

Мать осталась в гостинной, а Алекс поднялся к себе.

Комната встретила его тишиной. Алекс сел на край кровати, глядя в окно. Солнце начало садиться, окрашивая небо в оранжевые и розовые оттенки.

Рука сама потянулась к груди — туда, где целительница видела отпечаток. Ничего не чувствовалось. Но он знал: метка есть.

«Пустотный след. Шрам того, что он находился за гранью жизни».

Воспоминание вспыхнуло само — Пустота, холодная, стирающая, бесконечная. Ад — жаркий, жадный, тянущий вниз. Три вспышки памяти, что удержали его на краю растворения.

«Я попал сюда случайно. Но метка в этом теле... наверняка она была якорем. Единственной причиной, по которой я не исчез».

Не план. Не судьба. Просто невероятное совпадение.

Тот артефакт, который год назад активировал настоящего Алекса, оставил метку. И когда Артём умер, прошёл через Пустоту — отпечаток притянул его сюда. Как трещина, в которую он провалился.

Пальцы сжали край одеяла. Ткань была мягкой, тёплой — почти насмешкой над тем, что он узнал сегодня. Его жизнь здесь — случайность. Метка в теле мальчика, артефакт, Пустота. Одно совпадение из миллиона. Повторения не будет.

Мысль была одновременно пугающей и... странно успокаивающей. Он не был выбран. Не был особенным. Просто оказался в нужном месте в нужное время. Вернее, в нужном «не-месте».

Глаза закрылись. Внутри — тишина. Дверь, за которой он держал тульпу, оставалась закрытой. Но присутствие чувствовалось сильнее, чем вчера. Как будто она подошла ближе. Не стучала, не звала. Просто... ждала.

«Нужно понять этот мир. И попробовать разобраться с тем, что происходит внутри меня».

«Год или два, — эхо слов целительницы. — Если не будет повторных контактов, отпечаток исчезнет сам».

Это было... приемлемо. Не идеально, но приемлемо. Не нужно лезть в Отдел тайн, выяснять, что за артефакт чуть не убил настоящего Алекса. Не нужно копать в том, что явно превышало его уровень.

Отдел тайн — даже по названию, место, куда попадают только избранные маги. Взрослые, опытные, с допусками и связями. Одиннадцатилетний мальчик туда даже близко не подойдёт. Да и зачем? Метка стабильна. Целительница не видит угрозы. Нужно просто... жить тихо. Не привлекать внимания. Не давать повода для повторной активации.

«Переждать. Адаптироваться. Стать Алексом настолько, чтобы никто не заподозрил. Дожить до Хогвартса. Научиться магии. А там... посмотрим».

Мысль была трезвой, прагматичной. Не играть в героя. Не искать ответы на вопросы, которые могли его убить.

«Я выжил один раз. Случайно. Мне повезло, что шрам был именно здесь, на этом мальчике и в этом мире. Но случайность не повторяется дважды».

Нужно стать сильнее. Пусть не магически — он ещё ничего не знал о том, как она работает. Но ментально и физически. Укрепить маску Алекса. Укрепить себя. Понять правила этого мира.

И главное — не высовываться. Не лезть туда, где его сотрут так же легко, как Пустота стирала тогда.

Снизу слышались приглушённые голоса. Отец и мать. Говорили тихо, но напряжённо. Слов не разобрать — только интонации. Усталость. Вина. Страх.

«Артефакт был из Отдела тайн. Связан с Аркой. С границей между жизнью и... чем-то ещё. И отца за это наказали. Перевели».

Но это было их прошлое. Не его. Не нужно под него копать. Достаточно знать: артефакт уничтожен, отголосок заживёт, а он — просто мальчик, которому нужно дожить до Хогвартса и научиться быть магом.

Подъём. Несколько шагов к окну. На улице зажглись фонари. Где-то вдалеке играли дети — их голоса доносились приглушённо.

Обычный мир. Обычная жизнь.

И он хотел остаться в ней. Не как герой. Не как исследователь. Просто как тот, кто выжил и получил второй шанс.

«Мне не нужны ответы на все вопросы. Мне нужно просто... жить. Здесь. Сейчас. Пока метка не исчезнет. Пока я не стану достаточно сильным, чтобы защитить себя».

Постель приняла его мягко. Потолок — белый, ровный, знакомый.

Завтра будет новый день. Ещё несколько недель до Хогвартса. Ещё несколько недель, чтобы стать Алексом Хлоем — мальчиком, у которого была странная метка, но который справился. Который прошёл проверку и оказался... обычным.

Это была лучшая маскировка из всех возможных.

Веки опустились. Сон пришёл не сразу. Но когда он пришёл, он был пустым — без образов, без кошмаров. Просто тишина.

Глава 5. Косая аллея

Дни после клиники потекли медленно, вязко — как те минуты перед чем-то неизбежным, когда время растягивается, а мысли начинают ходить кругами.

Родители уходили рано. Отец — молча, в строгой рубашке, с портфелем в руке. Вчерашнюю газету он всегда оставлял на столе — перечитывал за завтраком, складывал, но никогда не брал с собой. Мать уходила чуть позже, проверив, всё ли на месте.

В первое утро, перед самым уходом, Алекс остановил её у двери.

— Мам... можно мне немного денег? Хочу сходить в магазин.

Мать подняла взгляд, чуть удивлённо, затем кивнула и достала из кармана небольшой кошелек. Вытащила несколько монет — серебряные, с непонятными гравировками.

— Хватит? Смотри только, совам-курьерам еды не давай.

Алекс посмотрел на монеты, на секунду замешкался.

— А... маггловские есть? Я хотел в ближайший зайти, за шоколадом.

Она подняла бровь, но не стала расспрашивать. Убрала монеты, достала из другого отделения кошелька несколько бумажных купюр — видимо, держала на такой случай, положила ему в руку.

— Возьми. Только не уходи дальше нашего квартала, ладно?

— Не уйду.

Она улыбнулась слабо, но искренне.

— Если что-то случится — пошли мне сову.

Алекс поднял взгляд.

— Сову?

Она кивнула.

— Ну да, на втором этаже, в конце коридора. Комната с окном для совы. Просто напиши записку, скажи “маме” и отдай ей — она знает, куда лететь. Но только если действительно важно, не ради шутки. Ясно?

— Ясно.

Она ушла.

И дом на несколько часов стал полностью в его распоряжении.

Алекс начал подробный осмотр с гостиной. До этого он не мог себе позволить обыскивать все вокруг — выглядело бы по меньшей мере странно. Но сейчас для этого самое время.

Большой книжный шкаф стоял у дальней стены, между одним из окон и лестницей. Тёмное дерево, резные ручки, стеклянные дверцы, за которыми ровными рядами стояли тома — одни новые, другие потрёпанные, со сбитыми корешками и выцветшими названиями.

Алекс провёл пальцем по корешкам, читая:

“История магии Британии” — толстый том в тяжёлом кожаном переплёте с золотым тиснением. Пыль на верхнем срезе говорила сама за себя: никто не открывал его годами.

“Практическое руководство по бытовым чарам” — зачитанное до дыр, с вложенными закладками и пометками на полях. Он вытащил её, открыл на случайной странице:

“Заклинание «Вингардиум Левиоса» требует чёткой артикуляции и плавного взмаха. Типичная ошибка новичков — резкое движение запястья, что приводит к неконтролируемому подъёму предмета...”

Текст сопровождался схемой движения палочки — тонкая линия, вычерченная чёрными чернилами, с пунктирными стрелками, показывающими направление. Рядом — рукописная пометка женским почерком: “Работает лучше, если представить, что предмет невесомый”.

Алекс закрыл книгу, положил на стол. Вернулся к шкафу.

“Магические существа: классификация и обращение” – кого-то из родителей, судя по штампу на форзаце: “Библиотека Хогвартса, 1975”. Не вернули, значит. На внутренней стороне обложки выцветшими чернилами было выведено: “Джон Хлой”.

Он пролистал несколько страниц: драконы, гиппогрифы, фестралы. Иллюстрации двигались — дракон поворачивал голову, гиппогриф взмахивал крылом, единорог пасся на нарисованной поляне. Текст был сухим, почти научным, с латинскими названиями и таблицами опасности.

“Министерство магии: структура и законы” — актуальное издание 1989 года. Тонкая книга с картой департаментов на развороте. Алекс бегло посмотрел расположение главных отделов.

Он взял “Практическое руководство” и “Магические существа”, поднялся к себе в комнату и положил их на тумбочку рядом с кроватью.

Затем он исследовал второй этаж.

Поднялся по лестнице. Наверху было тихо, коридор узкий, деревянный пол скрипел под ногами, но был тёплым — тот же магический подогрев, что и внизу. Три двери.

Алекс прошел мимо своей комнаты и заглянул сразу во вторую. Небольшая комната, пахнущая пылью и старым деревом. У стены — целые горы книг, сваленных без особого порядка, среди которых торчали углы старой мебели, коробок, каких-то свёрнутых тканей. Хлам — то, что не нужно сейчас, но жалко выбросить.

Алекс вошёл, присел у стопки книг. Пыль поднялась лёгким облаком, щекоча нос. Он начал перебирать тома, откладывая в сторону те, что выглядели интересно. Отобрав нужное, он оставил книги на месте, но переложил в отдельную стопку — пока достаточно тех двух, что уже взял. Встал, отряхнул руки от пыли.

Третья дверь — в конце коридора. Он подошёл, толкнул её. Внутри было светло и свежо. Окно было необычным — половина обычного стекла, половина деревянная, с небольшой дверцей, распахнутой настежь. Оттуда тянуло летним воздухом, лёгким ветерком, который шевелил лёгкую занавеску.

У окна на деревянной жёрдочке сидела сова — бурая, средних размеров, с круглыми жёлтыми глазами, которые внимательно следили за каждым его движением. Она повернула голову почти на сто восемьдесят градусов, посмотрела на него — не испуганно, не враждебно, просто отметила присутствие.

Рядом с жёрдочкой стояли две миски — одна с водой, другая с кормом.

Алекс постоял в дверях, не заходя дальше. Сова моргнула, слегка взъерошила перья, затем отвернулась, продолжая смотреть в окно. Он развернулся и тихо закрыл дверь.

Алекс устроился на своей уровати и начал читать.

“Практическое руководство по бытовым чарам” оказалось неожиданно толковым. Текст был простым, почти детским, но за ним стояла чёткая система — правила, механика, структура.

“Заклинание требует точного движения палочкой и чёткого произношения. Объект поднимается за счёт направленного магического потока, который воздействует на предмет, временно снижая его связь с гравитацией...”

Алекс читал медленно, вдумчиво, запоминая не только слова, но и логику. Направленный магический поток. Не просто волшебство — энергия, которую нужно контролировать, направлять, фокусировать. Магия здесь была не чудом, а инструментом.

Когда родители вернулись, он сидел на кровати с открытой книгой на коленях. Мать заглянула в комнату, увидела его за чтением и улыбнулась устало:

— Готовишься?

— Просто читаю.

Она кивнула и ушла, не спросив, что именно. Не проверила. Доверие или усталость — он не знал, но это было удобно.

За чтением он провел и ужин, и даже часть ночи, пока не закончил первую книгу. Вторую — про магических существ — он начал на следующий день, между завтраком и обедом. Хотя иллюстрации и двигались, но текст был сухим, почти научным. Впрочем, запоминалось все равно легко.

В этот день он решил заглянуть в кабинет отца. Комната была на первом этаже, напротив материнской. Дверь была закрыта, но не заперта, просто прикрыта. Алекс толкнул её осторожно, прислушиваясь. Тишина, только тиканье часов в гостиной.

Кабинет был маленьким, тесным. Письменный стол у окна, стеллаж вдоль стены, кресло с немного продавленным сиденьем. В углу — двуспальная кровать, аккуратно застеленная. Простыни свежие, подушка одна. Отец спал здесь один. Но кровать была двуспальной, будто когда-то они с матерью всё-таки делили это пространство.

Пахло старой бумагой и чем-то едва уловимым — может быть просто пылью, осевшей на странных предметах. На столе лежали папки, перевязанные тесьмой и несколько непонятных устройств. Он не трогал их — слишком рискованно. Но стеллаж был доступен.

Алекс подошёл ближе, пробежался взглядом по корешкам:

"Отдел тайн: введение в классифицированные исследования".

Тонкая книга, без видимой отметки о грифе секретности, но явно не для широкого доступа. Алекс вытащил её, открыл:

"Отдел занимается изучением феноменов, не поддающихся стандартной магической теории: время, смерть, мысль, любовь, пространство. Работа ведётся в изолированных залах. Доступ ограничен. Артефакты класса А-1 не покидают пределы Отдела."

Дальше шла структура, список направлений, имена руководителей. Ничего конкретного, ничего, что объяснило бы, какой именно артефакт год назад попал в руки Алекса.

Он закрыл книгу, вернул на место. Взял другую:

"Теория пространственной магии".

Формулы. Схемы. Латынь, смешанная с руническими символами. Текст был плотным, тяжёлым, написанным для тех, кто уже понимает базу. Алекс читал медленно, запоминая термины, даже если смысл ускользал:

"Аппарация. Трансграничное перемещение. Якорные точки. Соппротивление пространства."

Он не понял и трети, но зафиксировал главное: пространство в магии — не пустота, а ткань. Её можно растянуть, свернуть, разорвать.

Третья книга:

"Артефакты: опасность и применение".

Потрёпанная, с загнутыми углами и пометками на полях — отцовским почерком, узнаваемым по подписям на документах в гостиной.

Алекс открыл на случайной странице:

"Артефакты класса С (нестабильные) требуют изоляции. Контакт с неподготовленным магом может привести к энергетическому выбросу, ментальной травме или летальному исходу. Особую опасность представляют артефакты, связанные с..."

Дальше текст был зачёркнут — грубо, толстой чертой, будто кто-то не хотел, чтобы эту строку читали. Алекс попытался разглядеть слова под чернилами, но не вышло.

Он закрыл книгу, вернул её на место и вышел из кабинета, аккуратно прикрыв дверь.

Утром третьего дня, после ухода родителей, Алекс вышел из дома. Недалеко от их улицы, на углу, стоял маленький магазинчик — вывеска выцветшая, окна грязноватые, но внутри всегда горел свет. Он приобрел несколько шоколадок, газировку и три газеты.

Продавец — пожилой мужчина с усами — даже не поднял глаз. Просто пробил на кассе, взял деньги, вернул сдачу. Обычный мальчик, покупающий газеты. Ничего примечательного.

Алекс вернулся домой, разложил газеты на столе.

"Министр финансов предупреждает о возможной рецессии..."

"Лейбористы критикуют политику правительства в области образования..."

"В Лондоне открылась выставка современного искусства..."

Алекс читал не статьи — заголовки, даты, имена. Мир продолжал вращаться: политика, экономика, культура. Люди ходили на работу, читали новости, строили планы, не подозревая, что в паре кварталов от них совы разносят письма, а котлы сами по себе варят зелья.

Он сложил газеты, убрал в ящик стола.

После обеда, оставшись один, Алекс, наконец, решил заняться комнатой. Детские вещи — игрушки, рисунки, старые тетради — всё это лежало на виду, напоминая, кем был настоящий Алекс. Мальчик, который рисовал мальчика с молнией на лбу. Который играл деревянными солдатиками. Который жил здесь.

Теперь он исчез, а я занял его место. И теперь эта комната моя.

Алекс открыл нижний ящик комода, вытащил старую одежду, которая уже не подходила по размеру. Начал складывать детские вещи внутрь: рисунки, солдатиков, плюшевого зверя, волчок, кубики.

Присел, чтобы задвинуть ящик поглубже под кровать — и краем глаза заметил что-то ещё в самом углу, под пыльными комками и паутиной.

Он потянул предмет к себе.

Книга — яркая обложка, слегка потёртая по краям, с движущимися иллюстрациями на первой странице.

"Сказки барда Бидля".

Алекс взял её в руки, открыл. На первой странице волшебник махал палочкой, искры вылетали из кончика и кружились вокруг его головы. На следующей странице животные медленно шли по дороге, не останавливаясь. Он пролистал дальше: принцесса улыбалась, замок медленно вырастал из земли, дракон зевал и поворачивал голову.

Детство. У Алекса — настоящего Алекса — оно было. Он засыпал под эти сказки, рассматривал картинки, верил в волшебство, которое, возможно, ещё не понимал.

Он закрыл книгу, положил её в ящик вместе с игрушками, сверху, не пряча глубоко. Задвинул ящик под кровать.

На освободившейся полке разложил свои немногочисленные книги:

Комната стала другой — чище, строже, без лишнего мусора.

Вечером родители вернулись одновременно — редкость. За ужином было тихо. Отец листал газету, мать что-то записывала на пергаменте. Алекс ел молча.

Когда он поднялся к себе, мать окликнула его:

— Алекс.

Он обернулся.

— Завтра будет важный день, выспись хорошо, — сказала она, и в её голосе был странный оттенок — не тревога, а ожидание.

Он кивнул, не спрашивая. Она не уточнила, но что-то в её голосе говорило: она ждёт. Он лёг в кровать, глядя в потолок.

Глаза закрылись. Сон пришёл быстро — без кошмаров, без образов. Просто тишина.

Утро следующего дня началось иначе. Алекс проснулся от звука голосов внизу — не приглушённых, как обычно перед уходом родителей, а спокойных, почти расслабленных. Он спустился по лестнице, ступая на тёплый деревянный пол, и замер у входа в гостиную.

Родители сидели за столом. Оба. Мать — в домашнем халате, волосы распущены. Отец — в рубашке, без пиджака, с чашкой чая в руке. На столе стояла еда: свежий хлеб, масло,

джем, каша в кастрюле. Ложка в ней вращалась сама, а мать время от времени поглядывала на неё, чуть шевеля палочкой в руке.

Они не разговаривали. Просто сидели, время от времени поглядывая в окно. И что-то в их позах, в том, как они переглядывались, говорило одно: ждут.

Алекс сел на своё место. Мать налила ему чай, поставила тарелку с кашей.

— Сегодня не на работу? — спросил он.

— Взяла выходной, — ответила мать. — Важный день.

Она не уточнила какой. Не нужно было.

Молчание затянулось. Алекс ел медленно, чувствуя, как напряжение нарастает — не внешнее, а внутреннее, будто сам воздух сгустился в ожидании. Отец посмотрел на часы. Без пяти девять. Мать выпрямилась, положила ложку. Её взгляд скользнул к окну. И ровно в девять — стук. Резкий, настойчивый.

Алекс обернулся. За стеклом билась крыльями крупная сова — серая, с тёмными полосами на перьях. В клюве она держала конверт — большой, плотный, запечатанный тёмно-красным воском.

Мать встала, открыла окно. Сова влетела, опустилась прямо на стол — не рядом с тарелками, а между ними, будто это было её законное место — и протянула лапу с конвертом. Алекс взял письмо. Плотный пергамент, шершавый на ощупь. На лицевой стороне — адрес, выведенный изумрудно-зелёными чернилами:

“Мистеру А. Хлою, Третья спальня, Дом 12, Лайн-стрит, Лондон”

На обороте — печать. Большая буква «Н», окружённая четырьмя животными: лев, змея, барсук, орёл. На ощупь воск был тёплым, будто письмо только что запечатали. Алекс посмотрел на мать. Та кивнула едва заметно.

Он сломал печать — воск рассыпался мелкими крошками — и развернул пергамент. Письмо от заместителя директора, некой Минервы Макгонагалл, сообщало, что он зачислен в Школу чародейства и волшебства Хогвартс. Учебный год начинается первого сентября. На обороте был длинный список всего необходимого: форма, учебники, оборудование. Три комплекта мантий, шляпа, перчатки из драконьей кожи, зимний плащ. Котёл, весы, телескоп, набор пузырьков. И главное — палочка.

Алекс дочитал до конца, сложил пергамент. Сова, всё ещё сидящая на столе, повернула голову, посмотрела на него круглым жёлтым глазом, затем взмахнула крыльями и вылетела в окно. Мать закрыла за ней створку.

— Ну что, — бодро сказала она, и на лице впервые за утро появилась лёгкая улыбка. — Пойдем?

Алекс кивнул.

— Пойдем.

Они вышли из дома через двадцать минут.

Мать переоделась в строгую тёмно-синюю мантию, волосы собрала в тугой хвост, взяла небольшую кожаную сумку — магически расширенную и облегченную, судя по тому, как легко она её несла. Алекс оделся просто: джинсы, футболка, лёгкая куртка. Мать окинула его взглядом, на секунду задумалась, но ничего не сказала.

Они дошли до знакомого переулка с облезлой табличкой «Мастерская обуви. Закрыто». Мать активировала дверь палочкой, они вошли в маленькую комнату с камином. Щепотка летучего пороха, зелёная вспышка — и мир закрутился в знакомом вихре.

На этот раз Алекс был готов. Тошнота накатила, но он держался крепче, дышал ровнее. Мать по-прежнему придерживала его за плечо, но не так крепко — он справлялся лучше.

Выброс. Они вылетели из камина и оказались в нише, встроенной в стену старого здания. Алекс выровнялся быстрее, чем в прошлый раз. Мать кивнула с одобрением.

— Уже лучше. Идём.

Она вывела его на улицу, и Алекс замер.

Узкая кривая улица, мощённая булыжником, который местами проседал, местами торчал острыми углами. Дома нависали друг над другом, балконы почти соприкасались над головами прохожих. Вывески качались на ветру: пузырящийся котёл, сова, медленно хлопающая крыльями, палочка, из которой сыпались искры.

Народу было много — семьи с детьми, старики в длинных мантиях, ведьмы с кошками на плечах. Кто-то тащил клетки с совами, кто-то волочил новые котлы, кто-то просто толкался, пробираясь сквозь толпу. Голоса, смех, крики торговцев смешивались в единый гул. Запахи наслаивались друг на друга: пергамент, травы, горелый металл, сладкое тесто из пекарни, дым от трубок.

Косая аллея.

Алекс шёл рядом с матерью, стараясь не отставать. Мир вокруг требовал внимания — слишком много движения, слишком много звуков, слишком много точек, откуда могло прилететь что угодно. Но снаружи он выглядел спокойным: обычный мальчик, который просто разглядывает новое место.

Мать коснулась его плеча.

— Начнём с мантий. Потом книги, в конце — палочка. Держись рядом.

Они двинулись вглубь улицы.

Лавка мадам Малкин находилась в середине аллеи — узкая витрина, вывеска с изображением мантии, которая сама расправлялась и складывалась. Внутри было тесно, пахло новой тканью и чем-то пряным — то ли лавандой, то ли каким-то зельем для сохранности ткани.

За стойкой стояла полная приветливая ведьма в лиловой мантии.

— Здравствуйте! Хогвартс, первый курс?

Мать кивнула.

— Полный комплект. Три мантии, шляпа, перчатки, плащ.

— Конечно, конечно. Мальчик, вот сюда, пожалуйста. С прошивкой придётся немного подождать — у меня сейчас ещё другой клиент.

Мадам Малкин подвела Алекса к небольшой скамеечке у зеркала. Рядом, на соседней скамеечке, уже стояла девочка — лет четырнадцати-пятнадцати, с тёмными волосами, собранными в хвост, и нашивкой на груди: жёлто-чёрный барсук.

Хаффлпафф.

Помощница мадам Малкин колдовала над её мантией — видимо, подгоняла по росту. Девочка стояла терпеливо, разглядывая себя в зеркало.

Алекс встал на свою скамеечку. Мадам Малкин накинула на него длинную чёрную мантию, и та сама начала подгоняться — подол поднялся, рукава укоротились, плечи подтянулись.

— Стой ровно, дорогой, — сказала она, доставая палочку. Несколько булавок взлетели в воздух, зашпиывая ткань в нужных местах.

Девочка рядом покосилась на него — заметила возраст и отсутствие формы.

— Первый курс? — спросила она.

— Да.

— Волнуешься?

Алекс подумал секунду. Что бы сказал обычный одиннадцатилетний?

— Немного, — ответил он. — Там много народу.

Девочка усмехнулась.

— Привыкнешь. Первая неделя — полный хаос, потом всё становится понятнее. — Она помолчала, разглядывая его в зеркало. — Уже думал, на какой факультет хочешь?

Вопрос был естественным. Алекс ждал его.

— Не уверен пока, — сказал он осторожно. — А ты на каком?

— Хаффлпафф, — она кивнула на нашивку. — Четвёртый курс.

— Нравится?

Девочка пожала плечами — не пренебрежительно, скорее задумчиво.

— Нравится. Хотя многие думают, что Хаффлпафф — это для тех, кто никуда больше не попал. Типа, отбросы.

Она сказала это спокойно, без обиды, просто констатируя факт.

— А на самом деле? — спросил Алекс.

Девочка посмотрела на него прямо — внимательно, оценивающе.

— На самом деле там тихо. Никто не лезет в твои дела. Никто не ждёт, что ты станешь героем или гением. Можно просто учиться, заводить друзей, жить нормально. — Она помолчала. — В Гриффиндоре постоянно что-то происходит. Кто-то кому-то что-то доказывает, соревнуется, лезет на рожон. В Слизерине — политика, интриги, кто чей сын и чья дочь. В Рейвенкло — давление. Все умные, все амбициозные, все хотят быть лучшими. А в Хаффлпаффе...

Она не закончила, но Алекс понял.

— Спокойнее, — сказал он.

— Да. Спокойнее. — Девочка улыбнулась чуть кривовато. — Не для всех, конечно. Кому-то все ещё нужно быть в центре внимания. Кому-то — доказывать, что он лучше. Но если тебе просто нужно место, где тебя оставят в покое... Хаффлпафф неплох.

Алекс кивнул, принимая информацию. Девочка говорила искренне, без попытки завербовать или отговорить. Просто делилась опытом.

Помощница закончила с её мантией. Девочка спрыгнула со скамеечки, расправила плечи.

— Удачи на распределении, — сказала она, направляясь к стойке. — И не слушай, если кто-то скажет, что Хаффлпафф — для слабаков. Там полно нормальных людей. Просто мы не кричим об этом на каждом углу.

Она расплатилась и вышла, не оглядываясь.

Алекс остался один перед зеркалом. Мадам Малкин начала работать над его мантиями, булавки и линейки продолжали крутиться вокруг, подгоняя и замеряя ткань.

Он смотрел на своё отражение в зеркале и думал.

«Хаффлпафф. Место, где тебя оставят в покое. Где не ждут подвигов. Где можно просто... быть».

В Гриффиндоре будет Поттер. Центр событий, внимание Дамблдора, постоянные приключения. Не то.

В Слизерине — Малfoy и ему подобные. Политика, интриги, родословные. И подозрения к каждому, кто туда попадает. Тоже не то.

В Рейвенкло — умники. Те, кто задаёт вопросы, копает глубже остальных, замечает странности и несоответствия. Опасно.

А в Хаффлпаффе — тишина. Лояльность. Трудолюбие. Факультет, про который забывают, когда рассказывают истории.

«Идеальное место, чтобы затеряться. Чтобы учиться, наблюдать, адаптироваться. Чтобы никто не смотрел слишком пристально».

Мадам Малкин закончила. Сняла мантию, начала упаковывать.

— Всё готово, дорогой. Три мантии, шляпа, перчатки, плащ.

Алекс спрыгнул со скамеечки. Мать расплатилась — золотые монеты, без пересчитывания, без озабоченности. Мадам Малкин всё упаковала и уменьшила заклинанием.

Они вышли на улицу.

«Хаффлпафф. Нужно, чтобы шляпа отправила меня туда. Можно ли её убедить? Или попросить? Она читает мысли... значит, если я буду думать о том, чего хочу, она услышит».

«Или нет. Может, она видит глубже. Видит, кто я на самом деле, а не кем хочу казаться».

Мысль была неприятной, но он отложил её на потом. Мать поправила сумку.

— Пойдем за книгами, солнышко.

Алекс кивнул. Толпа сомкнулась вокруг них. Они двинулись дальше по улице.

Толпа на Косой аллее текла плотным потоком, и Алексу приходилось держаться близко к матери, чтобы не потеряться. Кто-то задевал плечом, кто-то толкал, спеша по своим делам. Мать шла уверенно, привычно лавируя между прохожими.

Она остановилась, поправляя сумку. Алекс остановился рядом.

И в этот момент толпа расступилась.

Не резко, не нарочито — просто люди сами посторонились, освобождая дорогу. Алекс проследил взглядом и увидел причину. Высокий мужчина в дорогой чёрной мантии с серебряной отделкой шёл по центру улицы. Светлые длинные волосы, холодное аристократичное лицо, в руке — трость с серебряным набалдашником в виде змеиной головы. Он не спешил, не толкался — просто шёл, и толпа сама расступалась перед ним.

Алекс узнал его не только по внешности — по тому, как на него реагировали. Взгляды скользили и отворачивались. Никто не смотрел прямо. Уважение, смешанное со страхом. Мать рядом замерла. Алекс почувствовал, как её пальцы схватили его за плечо и сжали его чуть крепче необходимого. Мужчина приближался. Его взгляд скользнул по толпе — холодный, оценивающий — и остановился на матери.

Он замедлил шаг. Остановился в паре метров от них.

— Миссис Хлой, — сказал он ровно, вежливо. — Какая неожиданность.

Голос был мягким, почти любезным. Но в нём был металл. Мать выпрямилась, кивнула коротко.

— Мистер Малфой.

Пауза. Малфой перевёл взгляд на Алекса. Изучающе, долго — будто оценивал товар на прилавке. Потом вернулся к матери.

— Ваш сын, полагаю? Хогвартс?

— Да. Первый курс.

Малфой чуть наклонил голову.

— Как... мило, — сказал он, и в слове «мило» было что-то снисходительное. — Мой Драко тоже в этом году поступает. Надеюсь, ваш мальчик окажется... более... благоразумным, чем свой отец.

Слово повисло в воздухе. Намёк. Укол. Мать молчала. Пальцы на плече Алекса дрожали — едва заметно, но он чувствовал.

Малфой сделал ещё шаг ближе. Наклонился чуть ниже, говоря тише, но достаточно отчётливо:

— Не забывайте о наших... договорённостях, миссис Хлой. Было бы прискорбно, если бы что-то пошло не так.

Голос был вежливым. Угроза — ясной.

Мать стиснула зубы.

— Не забываю.

Малфой выпрямился, кивнул.

— Прекрасно. Приятных покупок.

Он прошёл мимо, не оглядываясь. Толпа снова сомкнулась за ним, будто его и не было. Мать стояла неподвижно ещё несколько секунд. Дыхание сбилось. Рука на плече Алекса дрожала сильнее. Потом она выдохнула, разжала пальцы.

— Идём, — сказала она тихо.

Голос был ровным, но натянутым, как струна перед разрывом. Алекс не спросил ничего. Просто пошёл рядом.

«Люциус Малфой. Тот, от кого расступается толпа. «Договорённости». Мать ему что-то должна. Или работает на него».

Мать шла быстрее, чем обычно, будто хотела уйти от этого места как можно дальше. Следующей остановкой был книжный магазин.

Вывеска над входом изображала раскрытую книгу, страницы которой сами перелистывались. Внутри пахло пергаментом, чернилами и старой бумагой. Стеллажи тянулись до потолка, лестницы двигались сами по невидимым рельсам, подъезжая к нужным полкам.

Народу было много — родители с детьми толпились у стола с учебниками для первокурсников. Мать подошла к продавцу, протянула список.

— Полный комплект для первого курса.

Продавец кивнул, взмахнул палочкой — книги начали слетать с полок, складываясь в аккуратную стопку на прилавке.

Алекс огляделся. Вдоль стен стояли стеллажи с другими книгами — не учебными. Он подошёл ближе, читая названия на корешках:

«Теория магии: расширенный курс»

«Тёмные искусства: история и классификация»

«Древние руны для начинающих»

«Боевая магия: основы дуэли»

«Зельеварение: продвинутые техники»

«Магические контракты и их последствия»

Он начал отбирать — осторожно, не привлекая внимания. Пять книг. Шесть. Семь...

Мать обернулась, увидела стопку в его руках. Подняла бровь.

— Это не из списка.

— Я знаю, — сказал он. — Просто интересно.

Она взяла стопку, пролистав названия. Нахмурилась.

— Слишком много. И слишком сложно. «Боевая магия»? «Тёмные искусства»? Тебе одиннадцать, Алекс.

— Только почитать, — сказал он ровно. — Не практиковать.

Она посмотрела на него долго, изучающе. Потом вздохнула.

— Три книги. Не больше. Выбирай.

Алекс пробежался взглядом по стопке. Убрал «Боевую магию» — слишком рано. Убрал «Зельеварение» — для этого нужна практика, а не теория. Оставил три:

«Теория магии: расширенный курс»

«Тёмные искусства: история и классификация»

«Древние руны для начинающих»

Мать взяла их, отнесла к прилавку. Продавец добавил к общей стопке, упаковал всё вместе, уменьшил заклинанием. Она убрала книги в сумку.

— Последнее, — сказала она. — Палочка.

Алекс кивнул.

Они вышли на улицу. Толпа текла мимо, но он уже привыкал к шуму, к движению. Мать повела его дальше, к узкой витрине в самом конце аллеи.

Вывеска была старой, выцветшей, с облупившейся позолотой:

«Олливандеры. Изготовители превосходных палочек с 382 г. До н.э.»

Внутри витрины, на выцветшей фиолетовой подушке, лежала одна-единственная палочка, покрытая тонким слоем пыли.

Мать остановилась у двери, не заходя внутрь.

— Дальше сам, — сказала она тихо. — Олливандер не любит, когда родители мешают. Говорит, палочка должна выбрать мага без постороннего влияния.

Она достала из кошелька несколько золотых монет, положила ему в ладонь.

— Десять галеонов. Должно хватить на любую. Если что — я буду ждать снаружи.

Алекс кивнул, сжал монеты в кулаке. Толкнул дверь — та скрипнула протяжно, будто предупреждая — и шагнул внутрь.

Магазин был узким, тесным, пыльным. Запах старого дерева, воска и чего-то ещё — едва уловимого, странного. Возможно магия? Или просто время, осевшее на полках?

Стеллажи тянулись до потолка — сотни, тысячи узких коробок, аккуратно сложенных друг на друга. Пыль лежала на всём, кроме прилавка — тот был чистым, отполированным от прикосновений.

Света было мало. Только тусклые лампы под потолком и солнечные лучи, пробивающиеся сквозь грязное окно.

— Добрый день, — раздался голос откуда-то из глубины.

Алекс повернулся.

Из-за стеллажей вышел старик. Высокий, худой, с седыми волосами, почти белыми. Глаза — бледные, серебристые, будто выцветшие. Они смотрели на Алекса так, словно видели не мальчика, а что-то внутри него.

— Александр Хлой, — сказал старик, и это был не вопрос. — Я ждал вас.

Алекс не ответил. Просто стоял, позволяя себя рассматривать.

Олливандер обошёл вокруг него — медленно, не касаясь, но изучая. Как врач, осматривающий пациента. Или как ювелир, оценивающий камень.

— Хлой, Хлой... — пробормотал он задумчиво. — Да, я помню ваших родителей. Каждую палочку, которую я продал. Каждую.

Он остановился, глядя куда-то сквозь Алекса, будто видел не его, а далёкое воспоминание.

— Ваша мать. Анна Хлой, в девичестве Худ. Оляха, волос единорога, одиннадцать дюймов, слегка пружинистая. Палочка для тех, кто защищает. Упрямая, но верная. Хорошо подходит для боевой магии, хотя сама по себе не агрессивна.

Он помолчал.

— А ваш отец... Джон Хлой. Орех, сердечная жила дракона, тринадцать дюймов, негибкая. Редкое сочетание. Орех ищет умных владельцев, тех, кто задаёт вопросы. А сердечная жила дракона даёт силу, но требует контроля. — Олливандер чуть прищурился. — Палочка для исследователя. Для того, кто хочет понять, как устроен мир.

Он повернулся к Алексу, и бледные глаза снова сфокусировались на нём.

— Интересно, кто выберет Вас.

Олливандер скрылся между стеллажами. Через минуту вернулся с несколькими коробками, сложенными стопкой.

— Палочка выбирает мага, мистер Хлой, — сказал он негромко. — Не наоборот. Это важно понимать.

— Я понимаю, — сказал Алекс.

— Посмотрим. Попробуем.

Первая палочка — светлое дерево, тонкая, изящная.

— Бук, волос единорога, десять дюймов, упругая. Попробуйте.

Алекс взял её в руку. Ничего. Дерево было холодным, чужим, мёртвым.

— Нет, — сказал Олливандер, забирая палочку. — Не ваша.

Вторая — темнее, тяжелее.

— Дуб, сердечная жила дракона, одиннадцать дюймов, жёсткая.

Алекс взмахнул — искры вылетели из кончика, но ударили в стену, разбив пустую рамку.

— Определённо нет, — Олливандер забрал палочку, не выказав ни малейшего беспокойства.

Третья. Четвёртая. Пятая.

Каждый раз — что-то не так. Слишком слабая реакция, слишком сильная, никакой реакции вообще. Палочки отказывались признавать его.

Олливандер становился всё задумчивее. После шестой неудачи он замер, глядя на Алекса так, будто видел его впервые.

— Интересно, — пробормотал он. — Ни мать, ни отец. Что-то другое.

Он ушёл вглубь магазина — дальше, чем прежде. Алекс слышал, как он роется на дальних полках, двигает коробки. Прошла минута. Две.

Наконец Олливандер вернулся. В руках — пыльная коробка, явно не открывавшаяся давно.

— Попробуем... это.

Он открыл коробку. Внутри лежала палочка — тёмная, почти чёрная, с лёгким красноватым отливом.

— Тис, перо феникса, двенадцать с четвертью дюймов. Гибкая. Непростая палочка.

Алекс взял её. И мир изменился.

Тепло вспыхнуло в пальцах — не снаружи, а изнутри. Как будто что-то в нём откликнулось на прикосновение. Палочка лежала в руке идеально — будто была создана именно для этой ладони.

Из кончика вырвались золотые искры — не хаотичные, а ровные, плавные, почти красивые. Тёплый свет на мгновение залил пыльный магазин. И в этот момент, глубоко внутри, дверь дрогнула.

Не открылась. Не застучала. Просто качнулась — как от толчка, пришедшего не снаружи, а изнутри самого пространства.

Алекс замер. Ощущение было мимолётным, но отчётливым. Она почувствовала. Тульпа. Почувствовала магию, которая впервые прошла через него, а не просто рядом.

Олливандер смотрел на него долго, не моргая. Бледные глаза, казалось, видели что-то большее, чем мальчик с палочкой в руке.

— Любопытно, — прошептал он. — Очень любопытно.

— Что любопытно? — спросил Алекс тихо.

— Тис, — сказал Олливандер медленно, будто подбирая слова. — Тис редко выбирает юных магов. Он предпочитает тех, у кого... сложная судьба. Тех, кто прошёл через что-то... тёмное.

Пауза.

Олливандер наклонился чуть ближе. Голос стал тише.

— У вас старые глаза, мистер Хлой.

Алекс не ответил. Не отвёл взгляд. Просто стоял, держа палочку, которая теперь была его.

Олливандер выпрямился. Что-то в его лице изменилось — не испуг, не подозрение. Скорее, интерес. Профессиональный интерес мастера, увидевшего что-то необычное.

— Семь галеонов, — сказал он, упаковывая палочку в коробку.

Алекс положил монеты на прилавок. Олливандер отсчитал сдачу — три галеона — и протянул ему коробку.

— Берегите её, мистер Хлой. Тис — верный спутник, но он не прощает предательства. Ни вашего, ни чужого.

Алекс взял коробку, кивнул и вышел на улицу.

Мать ждала у стены напротив, сложив руки на груди. Увидев его, выпрямилась.

— Ну?

Алекс показал коробку.

— Тис и перо феникса.

Она нахмурилась, но ничего не сказала. Потом протянула руку за сдачей.

— Идём домой. На сегодня хватит.

Они двинулись к камину. Толпа всё так же текла мимо, шумная, безразличная.

«Олливандер что-то увидел. Или почувствовал. Не всё, но что-то. «Старые глаза».

Алекс отложил эту мысль. Сейчас она не имела значения. Олливандер — старик, продающий палочки. Он не угроза. Не сейчас.

А палочка в коробке под курткой казалась очень тёплой, почти горячей.

Обратный путь через каминную сеть прошёл легче — тело уже привыкало к вращению, к тошноте, к резкому выбросу в конце. Алекс вылетел из камина почти не пошатнувшись, и мать одобительно кивнула.

— Скоро будешь сам путешествовать, как взрослый.

Они вышли из переулка с облезлой табличкой и двинулись домой. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в оранжевые и розовые тона. День выдался длинным — слишком много впечатлений, слишком много нового.

Мать шла молча, погружённая в свои мысли. Алекс не пытался заговорить. После встречи с Малфоем между ними повисло что-то невысказанное, и он чувствовал: сейчас не время для вопросов.

Когда они подошли к дому, мать остановилась у двери.

— Иди, разбери покупки, — сказала она. — Я приготовлю ужин.

Алекс кивнул, но не пошёл внутрь. Вместо этого посмотрел в сторону детской площадки — той самой, где он сидел все эти дни.

— Можно я пройдусь немного? — спросил он. — Ненадолго. Голова гудит от всего этого. Мать посмотрела на него устало, но без подозрения.

— Полчаса, — сказала она. — Не больше. И не уходи дальше площадки.

— Хорошо.

Она вошла в дом. Дверь закрылась за ней с тихим щелчком.

Алекс постоял секунду, глядя на коробку с палочкой в руке. Потом сунул её за пояс, под куртку, и пошёл к площадке.

Вечер был тёплым, безветренным. Детская площадка почти опустела — только пара малышей на качелях под присмотром уставшей матери, которая листала журнал, не поднимая глаз.

Алекс сел на знакомую лавку у края, ту самую, откуда был виден дом. Достал коробку, положил на колени. Открыл.

Палочка лежала на бархатной подкладке — тёмная, почти чёрная, с лёгким красноватым отливом. Он взял её в руку, и тепло снова разлилось по пальцам, мягкое, успокаивающее.

«Тис. Перо феникса. Палочка для тех, кто прошёл через что-то тёмное».

Олливандер был прав. Он прошёл. Только точно не так, как старик мог себе представить.

Алекс закрыл глаза, прислушиваясь к себе. Дверь внутри была на месте — закрытая, тяжёлая, глухая. Но теперь он чувствовал её отчётливее, чем раньше. Будто палочка высветила то, что прежде скрывалось в тени.

«Она там. Ждёт. И теперь знает, что я могу колдовать».

Мысль была неприятной. Он отложил её.

— Эй.

Голос раздался сбоку — знакомый, чуть хриловатый. Алекс открыл глаза, обернулся.

Бриджит стояла у края лавочки, прислонившись к ней сзади. Джинсы, потёртая кожаная куртка, волосы стянуты в хвост. В руках — пакет из магазина, из которого торчал багет и горлышко бутылки.

— Маленький аналитик, — усмехнулась она. — Ты пропал на несколько дней. Думала, родители всё-таки запретили выходить.

Алекс быстро убрал палочку в коробку, закрыл крышку. Бриджит заметила движение, но не прокомментировала — только чуть прищурилась.

— Не запретили, — сказал он. — Просто был занят.

— Чем?

Он помедлил. Что сказать? Правду — нельзя. Ложь — бессмысленно, она слишком внимательная.

— Готовился к школе, — сказал он наконец. — Скоро уезжаю.

Бриджит подошла ближе, села на другой конец лавки. Положила пакет рядом.

— Уезжаешь? Школа-интернат? — спросила она.

— Что-то вроде.

— Далеко?

— Шотландия.

Она присвистнула.

— Серьёзно. Богатые родители, значит.

Алекс не ответил. Бриджит не стала давить — просто откинулась на спинку лавки, глядя на детей, которые всё ещё качались на качелях.

— А я с Томми разобралась, — сказала она после паузы. — Помнишь, плеер утопленный?

— Помню.

— Взяла с него пять фунтов вперёд. Починила. Работает пока, но я сразу предупредила: если сдохнет — это не моя вина, гарантии нет. Он покривился, но согласился. — Она усмехнулась. — Посмотрим, надолго ли хватит.

— Правильно сделала, — сказал Алекс.

— Твой совет, между прочим, — она покосилась на него. — Про репутацию и всё такое. Подумала и решила: либо на моих условиях, либо никак.

Алекс кивнул. Бриджит помолчала, потом спросила:

— А ты чего такой... — она пощёлкала пальцами, подбирая слово, — выжатый? Будто целый день таскал мешки.

— Много ходил, — сказал он. — Покупки. Всё для школы.

— А, — она кивнула. — Форма, учебники, вся эта фигня?

— Да.

— Ненавижу это, — сказала Бриджит. — Когда мать таскала меня по магазинам перед школой, я к вечеру еле ноги волочила. А ей всё мало — давай ещё в один, давай ещё посмотрим.

Она замолчала, и что-то в её лице изменилось — будто воспоминание оказалось не таким лёгким, как слова. Алекс не стал спрашивать. Она тоже не стала объяснять.

Несколько минут они просто сидели молча. Дети ушли с качелей, их мать увела домой. Площадка опустела. Фонари начали зажигаться — один за другим, жёлтые пятна света на тёмнеющей улице.

— Когда уезжаешь? — спросила Бриджит.

— Первого сентября.

— Надолго?

— До лета.

Она покачала головой.

— Жёстко. Целый год без дома?

— На каникулы буду приезжать, — сказал он. — Рождество, Пасха.

— А, — она кивнула. — Ну, хоть так.

Пауза. Потом она встала, подхватила пакет.

— Ладно, мне пора. Жрать охота, а багет сам себя не съест. — Она посмотрела на него сверху вниз. — Если до отъезда будет время — заходи. Видишь вон тот дом? — она кивнула на кирпичную трёхэтажку через дорогу от площадки. — Третий этаж, квартира восемь. Дверь обычно открыта, но если что, стучи громче — я часто в наушниках.

— Зайду, — сказал Алекс.

Она кивнула, развернулась и пошла прочь. У выхода с площадки обернулась.

— Эй, аналитик.

— Да?

— Удачи в школе. Не дай себя сожрать.

Она ушла, не дожидаясь ответа.

Алекс остался сидеть на лавке, глядя ей вслед. Потом опустил взгляд на коробку с палочкой.

«Не дай себя сожрать».

Хороший совет. Применимый ко многому.

Он встал, убрал коробку под куртку и пошёл домой.

Ужин прошёл тихо.

Мать приготовила что-то простое — картошку с мясом, салат. Отец вернулся, когда Алекс уже почти доел — вошёл молча, кивнул жене, сел за стол. Мать коротко рассказала о покупках: мантии, книги, палочка. О Малфое не упомянула ни словом. Отец не спрашивал — только бросил на неё короткий взгляд, будто почувствовал что-то недосказанное, но промолчал.

После ужина Алекс поднялся к себе. Комната была такой, какой он её оставил — книги на полке, тетрадь «Александр» на тумбочке, ящик с детскими вещами задвинут под кровать. Он разложил покупки: мантии повесил в шкаф, учебники поставил на полку рядом с теми, что уже были.

Три дополнительные книги положил отдельно, ближе к кровати. «Теория магии». «Тёмные искусства». «Древние руны». Их он будет читать первыми.

Палочку достал из коробки, положил на тумбочку рядом с тетрадью. Тёмное дерево почти сливалось с тенью, только красноватый отлив ловил свет от лампы.

Он сел на край кровати, глядя на неё.

Олливандер сказал: «У вас старые глаза». Старик заметил то, чего не должен был видеть. Или видел, но не понял. Или понял, но решил не говорить.

Неважно. Он продавец палочек, не следователь. Олливандер ничего никому не скажет.

Алекс хотел в это верить.

Он протянул руку, коснулся палочки кончиками пальцев. Тепло снова разлилось по коже — мягкое, знакомое, будто палочка узнала его прикосновение.

И где-то внутри, очень глубоко, дверь снова дрогнула.

Не сильно. Едва ощутимо. Не как в первый раз, в лавке Олливандера. Но теперь он был один, в тишине, и ощущение казалось отчётливее.

«Она чувствует. Каждый раз, когда я касаюсь палочки — она чувствует».

Тульпа. Настя. Та, которую он закрыл за дверью много лет назад.

«Магия проходит через меня. Через моё сознание. А она — часть моего сознания. Заблокированная, запертая, но всё ещё там. И теперь она знает, что я могу колдовать».

Он убрал руку от палочки. Тепло медленно угасло.

Дверь внутри замерла — неподвижная, тяжёлая, закрытая. Но он знал: она там. Ждёт. Не стучит, не зовёт, просто присутствует.

Алекс лёг на кровать, закрыл глаза. Мысли метались от события к событию. День был долгим — слишком долгим. Косая аллея, толпа, запахи, звуки. Малфой и его холодные глаза. «Договорённости». Книжный магазин. Олливандер.

И Бриджит. Единственный человек, рядом с которым не нужно было играть роль. Или почти не нужно.

«Третий этаж, квартира восемь. Если до отъезда будет время — заходи».

Он запомнил. Может, и правда зайдёт. Или нет. До первого сентября ещё больше месяца. Много времени, чтобы читать, готовиться, думать.

«Хаффлафф. Нужно попасть туда. Тихое место. Место, где не задают лишних вопросов».

«Палочка выбрала меня. Теперь очередь шляпы. Можно ли её убедить? Можно ли попросить?»

Он не знал. Но узнает. Скоро.

Сон пришёл не сразу — сначала полудрёма, обрывки мыслей, размытые образы. Косая аллея. Лицо Олливандера. Бледные глаза, которые видят слишком много. Толпа, расступающаяся перед Малфоем. Мать, которая дрожит, но не отступает.

Потом образы растворились, и осталась только темнота — мягкая, обволакивающая, без-
опасная.

Сон без снов.

Тишина.

И на самой границе сознания, там, где сон переходит в небытие — лёгкий, едва ощутимый стук.

Один.

Не требовательный. Не угрожающий. Не настойчивый.

Просто напоминание.

«Я здесь».

Алекс не проснулся. Не вздрогнул. Просто принял это — как принимают шум дождя за окном или тиканье часов в соседней комнате.

Она там. За дверью. Ждёт.

И рано или поздно он должен будет решить, что с этим делать.

Но не сегодня.

Сегодня — только сон.

Глава 6. Люмос

Утро началось с палочки.

Алекс проснулся раньше обычного — солнце едва пробивалось сквозь шторы, и дом ещё не ожил привычными звуками. Первым делом он повернул голову к тумбочке. Палочка лежала там, где он её оставил: тёмное дерево с красноватым отливом, едва заметное в полумраке.

Он протянул руку, коснулся. Тепло разлилось по пальцам мгновенно — знакомое, почти успокаивающее. И где-то глубоко внутри дверь чуть дрогнула. Не сильно. Просто напоминание.

Алекс убрал руку. Сел на кровати, потёр лицо.

В прошлой жизни он никогда не лез в дело, не изучив правила. Даже самая простая схема требовала подготовки: кто, что, где, какие риски, какие выходы. Магия — не исключение. Прежде чем махать палочкой, нужно понять, как это работает.

Он встал, включил свет, подошёл к книгам. «Теория магии: расширенный курс» стояла между учебниками — толстая, в тёмно-синем переплёте, с потёртыми углами. Он взял её, вернулся на кровать, подложил подушку под спину.

Открыл на первой странице.

Книга оказалась сложнее, чем он ожидал. Автор — некий Адальберт Уоффлинг — писал так, будто обращался к коллегам-теоретикам, а не к читателям. Длинные предложения, отсылки к работам, которых Алекс не знал, термины без объяснений.

Но он умел читать сложные тексты. В прошлой жизни приходилось разбираться в юридических документах, контрактах, инструкциях к оборудованию. Главное — выцепить суть, отбросить лишнее.

Через час он сформулировал для себя базовую картину. Магия состояла из трёх компонентов.

Первый — источник. Книга называла его «магическим ядром», хотя автор оговаривался, что это метафора, а не анатомический термин. Каждый маг рождался с определённым объёмом магической энергии. Можно было развить его — как мышцу — но базовый уровень определялся от рождения. Магглы, судя по всему, рождались без этого ядра вовсе. Или с настолько малым, что оно не проявлялось.

Второй — канал. Способность выпускать магию наружу, придавать ей форму. У детей канал нестабилен — отсюда случайная магия, когда эмоции пробивают внутренний «клапан». С годами канал тренируется, становится управляемым. Палочка служила внешним фокусом, компенсируя слабость канала. Опытные маги могли обходиться без неё, но это требовало десятилетий практики.

Третий — намерение. Ментальная составляющая. Маг должен был не просто произнести слова и махнуть палочкой — он должен был хотеть результата, представлять его, направлять магию к цели.

Алекс перечитал этот раздел дважды.

«Распространённая ошибка начинающих, — писал Уоффлинг, — полагать, что заклинание содержится в словах. Слова суть лишь мнемонический якорь, помогающий разуму сформировать намерение. Опытный маг способен обойтись без вербального компонента, ибо его намерение более не нуждается в подобных костылях. Однако для неопита слова и жесты остаются необходимой опорой — мостом между желанием и результатом».

Он закрыл книгу, откинулся на подушку.

Это было похоже на то, как работала тульпа. Намерение. Фокусировка. Повторение до автоматизма. Годы он выстраивал внутренние структуры, учился направлять мысли, создавать образы, которые существовали независимо от сознательного контроля.

Только там результат оставался внутри головы. Здесь — выходил наружу.
И проходил через то же самое пространство, где она ждала за закрытой дверью.
К полудню голова гудела от теории.

Алекс отложил «Теорию магии» и спустился вниз — мать как раз приготовила обед. Обычная еда, обычный день. После еды он взялся за что-то попроще — «Практическое руководство по бытовым чарам».

Эта книга была другой. Простой язык, чёткие инструкции, схемы движений палочкой. На полях — пометки женским почерком, видимо материнским: «работает лучше, если представить предмет невесомым», «не забывать про паузу в конце жеста».

Он нашёл раздел про Люмос — простейшее заклинание, создающее свет на кончике палочки.

«Люмос — базовое заклинание освещения. Рекомендуются как первое заклинание для начинающих магов ввиду минимальных требований к контролю канала и низкого расхода магической энергии.

Вербальный компонент: «Люмос» (ударение на первый слог).

Жест: лёгкий взмах палочкой вверх и вправо, угол примерно 45 градусов.

Намерение: представить яркий, устойчивый свет на кончике палочки.

Отмена: «Нокс» (лёгкий взмах вниз)».

Ниже — схема движения, пунктирная линия со стрелками. Просто. Понятно.

Алекс посмотрел на часы. Половина второго. Родители вернутся не раньше шести. Времени достаточно.

Он поднялся к себе, плотно задёрнул шторы. Комната погрузилась в полумрак — не полную темноту, но достаточную, чтобы увидеть даже слабый свет. Сел на кровать. Взял палочку. Тепло в пальцах. Дрожь двери внутри. Привычное.

Он вспомнил прочитанное. Три компонента: энергия, канал, намерение. Слова — якорь. Жест — направление. Но главное — представить результат. Хотеть его.

Поднял палочку. Сосредоточился.

Свет. Яркий, устойчивый, на кончике палочки. Он видел его мысленно — белый, чуть желтоватый, как от лампочки. Тёплый. Живой.

— Люмос.

Взмах вверх и вправо. Угол сорок пять градусов.

Ничего.

Палочка осталась тёмной. Никакого света, никакой искры. Просто кусок дерева в руке.

Алекс нахмурился. Попробовал снова.

— Люмос.

Тот же жест. То же слово. То же намерение.

Ничего.

Он опустил палочку, задумался. Что не так? Слово правильное, жест по схеме, намерение... Намерение. Может, недостаточно чёткое? Он представлял свет, но представлял ли он его по-настоящему? Или просто думал о том, что должен представить?

Разница была тонкой, но он её чувствовал. В работе с тульпой это называлось «думать о» в противовес «думать как». Можно думать о том, что хочешь создать образ. А можно создавать образ, не думая о процессе.

Он закрыл глаза. Убрал лишние мысли. Не «я хочу, чтобы появился свет». Просто — свет. Яркий. Тёплый. На кончике палочки. Уже существующий.

Открыл глаза. Поднял палочку.

— Люмос.

Искра.

Слабая, мгновенная — вспыхнула и погасла, как спичка на ветру. Но она была. Он видел её. Чувствовал, как что-то прошло через руку, через палочку, наружу.

И дверь внутри дрогнула. Сильнее, чем от простого прикосновения к палочке.

Алекс выдохнул. Ещё раз.

Закрыв глаза. Свет. Не «хочу свет» — просто свет. Существующий. Реальный.

Палочка. Жест. Слово.

— Люмос.

Огонёк вспыхнул на кончике — тусклый, дрожащий, размером с горошину. Держался секунду, две, три — и погас, будто задули свечу.

Но он был. Он существовал. Магия работала.

Алекс не остановился. Снова закрыл глаза, снова сосредоточился, снова взмахнул палочкой. Искра. Ещё раз — слабый огонёк, чуть ярче предыдущего. Ещё. И ещё.

На седьмой или восьмой попытке свет продержался почти десять секунд — достаточно, чтобы осветить угол комнаты тусклым желтоватым сиянием. Алекс смотрел на него, стараясь удержать концентрацию, не дать намерению расползтись. Палочка чуть дрожала в руке.

Свет мигнул и погас. Алекс опустил палочку — и только тогда почувствовал.

Головокружение накатило мягко, как волна. Не резкое, не болезненное — просто мир чуть качнулся, будто он слишком быстро встал после долгого сидения. В висках появилась лёгкая пульсация, и руки ощущались... пустыми. Не физически слабыми, а именно пустыми, будто из них что-то вытекло.

Он сел ровнее, положил палочку на тумбочку. Прислушался к себе.

Это было похоже на мышечную усталость после тренировки. Не боль — просто ощущение, что ресурс потрачен. В прошлой жизни он знал это чувство: когда после долгого бега ноги становятся ватными, или когда после работы с тяжестями руки отказываются держать даже кружку.

Только здесь устали не мышцы.

Он вспомнил, что писал Уоффлинг про магическое ядро и намерение. Ядро растёт с возрастом, достигая генетического максимума годам к семнадцати. Форсировать этот процесс невозможно — как невозможно заставить кости расти быстрее, тренировками его можно увеличить едва ли наполовину. Но намерение — другое дело. Чем точнее маг формулирует желаемый результат, тем меньше энергии рассеивается впустую. Новичок тратит в сотни раз больше сил на простейшее заклинание, потому что его намерение расплывчато, как луч фонаря с разбитым отражателем. Опытный маг делает то же самое почти без усилий — его намерение сфокусировано, потери минимальны.

Значит, тренировать нужно не ядро — оно вырастет само. Тренировать нужно точность. Канал. Технику. Чтобы каждая капля энергии шла в дело, а не распылялась в воздухе.

В прошлой жизни он много времени проводил в зале. Не ради удовольствия — ради выживания. Сила, скорость, выносливость. Всё это имело значение, когда ты взрослый мужчина в мире, где конфликты решаются кулаками и ножами.

Здесь — другое дело. Одиннадцатилетнее тело, которое ещё растёт. Мышцы не сформированы, кости тонкие, масса — смешная. Как бы он ни тренировался, любой взрослый уложит его одним ударом. Разница в физике слишком велика: длина рычагов, плотность костей, вес. Техника может компенсировать многое, но не всё. И уж точно не в прямом столкновении.

Поэтому качаться сейчас — бессмысленно. Тело само наберёт форму к шестнадцати-семнадцати, когда закончится основной рост. Тогда можно будет строить мышцы на готовом фундаменте. А до тех пор — только базовая подвижность, чтобы не заостенеть.

Но магия — другое дело. Магия не зависит от длины рук или веса тела. Магия — это намерение, канал, техника. Всё то, что можно оттачивать прямо сейчас, в одиннадцать лет, чтобы к моменту, когда ядро дорастёт до максимума, не начинать с нуля.

Это имело смысл. Это стоило потраченного времени.

Алекс посмотрел на палочку. Тёмное дерево с красноватым отливом. Инструмент, который будет с ним следующие годы.

Он взял её снова. Головокружение почти прошло — пятнадцать минут отдыха хватило, чтобы мир перестал качаться. Можно попробовать ещё.

— Люмос.

Свет вспыхнул почти сразу — тусклый, но стабильный. Пять секунд, шесть, семь — и погас сам, будто выдохся. Алекс почувствовал знакомую пустоту в руке, но слабее, чем раньше.

Ещё раз.

— Люмос.

Огонёк продержался восемь секунд. Потом мигнул и исчез.

Он продолжал, делая короткие паузы между попытками. С каждым разом пытался сосредоточиться точнее, представить свет чётче — не просто «яркий», а конкретный: размер горошины, желтоватый оттенок, ровное сияние без мерцания. Иногда помогало. Иногда — нет. Свет всё равно гас сам, и Алекс не мог понять, от чего зависит длительность: от силы намерения? От количества оставшейся энергии? От чего-то ещё?

На двенадцатой или тринадцатой попытке головокружение вернулось — сильнее, чем в первый раз. К нему добавилась тупая боль в висках, не резкая, но настойчивая. Тело само сказала: хватит.

Алекс положил палочку на тумбочку и лёг на кровать.

Потолок над ним был белым и неподвижным. За шторами — послеполуденное солнце. В голове — приятная пустота, как после хорошей работы.

И где-то глубоко внутри — тишина. Дверь не стучала. Просто стояла, тяжёлая и закрытая, но он чувствовал: она ближе, чем была утром. Каждое заклинание — как колебание воды, расходящееся кругами. И она ловила эти круги. Запоминала их ритм.

Алекс закрыл глаза. До возвращения родителей ещё несколько часов. Можно отдохнуть. Восстановиться.

А потом — попробовать ещё.

Он проснулся от звука шагов внизу.

За окном уже темнело — не ночь, но густые сумерки, съевшие остатки дневного света. Алекс не помнил, как заснул. Просто лежал, отдыхая, и провалился в сон — без сновидений, без образов, просто темнота.

Голоса внизу: мать что-то говорила, отец отвечал короткими фразами. Обычный вечер. Обычное возвращение.

Алекс сел, потёр лицо. Головная боль ушла, оставив только лёгкую тяжесть в затылке. Он посмотрел на палочку — та лежала там, где он её оставил, тёмная и неподвижная.

Соблазн был велик: взять её, попробовать ещё раз, проверить, восстановились ли силы. Но внизу ждал ужин, и отсутствие вызовов вопросы. Он убрал палочку в ящик тумбочки и спустился вниз.

Кухня встретила его запахом жареного мяса и тихим звяканьем посуды. Мать стояла у плиты, помешивая что-то в сковороде — не палочкой, а обычной лопаткой. Отец сидел за столом, но без газеты — просто смотрел в окно, на темнеющую улицу.

— Проснулся, — сказала мать, не оборачиваясь. — Я заглядывала, ты спал. Решила не будить.

— Читал весь день, — ответил Алекс, садясь на своё место. — Устал.

— Что читал?

— Теорию магии. И руководство по бытовым чарам.

Она обернулась — быстро, коротко. Что-то мелькнуло в её взгляде, но исчезло прежде, чем он успел понять, что именно.

— Серьёзная книга для первокурсника, — сказала она ровно.

— Хочу быть готовым.

Отец перевёл взгляд с окна на сына. Молча. Изучающе. Потом кивнул — едва заметно, будто самому себе — и снова отвернулся.

Ужин прошёл в молчании. Мясо с картошкой, салат, чай. Простая еда, простые движения. Алекс ел медленно, наблюдая за родителями краем глаза.

Мать двигалась чуть резче, чем обычно. Ставила тарелки громче, чем нужно. Отец сидел ссутулившись, будто что-то давило на плечи. Между ними висело то же напряжение, что и раньше — невысказанное, привычное, как мебель.

Алекс встал из-за стола. Мать бросила на него ещё один взгляд, но ничего не сказала. Только когда он уже направился к лестнице, она окликнула:

— Алекс.

Он обернулся.

— Ты сегодня весь день читал?

— Да.

Пауза. Она смотрела на него так, будто пыталась что-то увидеть — или не увидеть.

— Раньше тебя от книг было не оторвать, только если там картинки двигались.

Алекс пожал плечами, стараясь, чтобы жест выглядел естественно.

— Это было до... — он замаялся. — До кошмара. Сейчас по-другому.

Она не ответила. Просто кивнула, отвернувшись к раковине. Но Алекс видел: её плечи напряглись чуть сильнее, чем секунду назад.

Он поднялся к себе. Закрыв дверь, прислонился к ней спиной.

Она заметила. Конечно, заметила. Мать-аврор, привыкшая видеть то, что люди пытаются скрыть. И теперь она будет смотреть внимательнее. Сравнить. Искать несоответствия.

Маска дала трещину. Небольшую, но заметную.

Нужно быть осторожнее. Играть роль убедительнее. Или...

Или создать нового Алекса. Того, кем он может быть после «кошмара». Не копировать оригинал — его он всё равно не знал — а построить нового, изменённого. Такого, чьи странности объясняются травмой.

Он отошёл от двери, сел на кровать. Достал палочку из ящика. Тепло в пальцах, дрожь двери внутри — всё как прежде.

— Люмос, — прошептал он.

Свет вспыхнул мгновенно — ярче, чем днём. Ровный, стабильный, без мерцания. Отдых помог: энергия восстановилась, канал очистился.

Огонёк продержался где-то десяток секунд, прежде чем погас.

Алекс улыбнулся — впервые за день. Маленькая победа. Одна из многих, которые ему предстоят.

Ночью, перед сном, он решил войти в осознанное сновидение.

Вход во внутреннее пространство получился легче, чем в прошлый раз — тело устало от магии, разум расслабился, и граница между явью и сном размылась почти незаметно.

Коридор. Серые стены, приглушённый свет, тишина. Стол слева, с тетрадью «Александр» на поверхности. Фигура-маска — силуэт мальчика, который должен быть им для внешнего мира.

Алекс подошёл ближе. Фигура стояла неподвижно, как в прошлый раз, но черты лица стали чётче. Он сам, наверное, добавил деталей за эти дни — неосознанно, просто живя в этом теле. Но деталей было недостаточно. Мать заметила разницу. Значит, маска неполная.

Он попытался понять, каким был оригинальный Алекс. Рисунки в комнате — мальчик, который рисовал Гарри Поттера с молниями вокруг головы. Игрушки — деревянные солда-

тики, плюшевый зверь, волчок. Книга сказок под кроватью. Ребёнок, который любил истории, картинки, волшебство.

Но этого мало. Как он двигался? Как говорил? Какие слова использовал? Какие привычки имел?

Алекс не знал. Он не был там, когда оригинал жил. Он пришёл в пустое тело, в пустую жизнь.

«Я играю роль, не зная сценария».

Мысль была неприятной, но честной. Единственный выход — не копировать прошлое, а создавать будущее. Новый Алекс. Тот, кем он станет после «кошмара». Изменившийся. Повзрослевший. Другой — но объяснимо другой.

Он сосредоточился на фигуре. Начал добавлять детали. Этот Алекс — тихий. Читает много. Говорит мало. Задаёт вопросы, но не детские, глупые — а точные, взрослые. Потому что кошмар изменил его. Потому что он видел что-то страшное и не хочет быть беспомощным.

Этот Алекс не бегаёт, не шумит. Он наблюдает. Слушает. Запоминает. Как ребёнок, который слишком рано понял, что мир опасен. Фигура перед ним чуть изменилась. Плечи расправились. Взгляд стал спокойнее, внимательнее. Не тот мальчик, что рисовал молнии вокруг головы героя. Другой. Выросший за одну ночь.

Алекс отступил на шаг, оценивая результат. Неплохо. Не идеально, но достаточно, чтобы объяснить странности. «Он изменился после того случая». Удобное объяснение. Мать сама подсказала его.

Он повернулся направо. Там, в глубине коридора, стояла дверь. Тяжёлая. Глухая. Без ручки. Сегодня она казалась ближе. Не намного — на шаг, может, на два. Но ближе. И от неё исходило... не тепло, не холод. Присутствие. Давление. Ощущение, что кто-то стоит с другой стороны и слушает. Алекс не подходил. Просто смотрел.

Она там. Ждёт. И каждое заклинание, каждый раз, когда магия проходит через его сознание, она чувствует. Просыпается чуть больше. Подходит чуть ближе. Вопрос времени.

Он отвернулся от двери. Не сейчас. Не сегодня.

Сон начал расплываться по краям — знак того, что пора отсюда уйти. Алекс не сопротивлялся. Позволил коридору раствориться, фигуре исчезнуть, стенам превратиться в темноту обычного сна. Последнее, что он почувствовал, прежде чем провалиться в беспамятство — лёгкий стук. Один. Тихий. Терпеливый.

Следующие дни слились в ритм.

Утро: завтрак с родителями, короткие фразы, наблюдение. Мать смотрела на него чаще, чем раньше — не подозрительно, но внимательно, будто сверяла с каким-то внутренним списком. Отец, напротив, почти не смотрел — погружённый в свои мысли, в свою вину, в своё молчание.

День: книги. «Теория магии» — медленно, вдумчиво, возвращаясь к сложным местам. «Практическое руководство» — быстрее, выцепляя полезное. Учебники для первого курса — пролистывая, отмечая, что понадобится в первую очередь.

Вечер: тренировки. Шторы задернуты, палочка в руке, Люмос за Люмосом. Он вёл счёт: сколько раз до первого головокружения, сколько секунд держится свет, как быстро восстанавливается после отдыха.

Прогресс был медленным, но ощутимым.

В первый день — семь-восемь попыток до истощения, свет держался пять-десять секунд. К третьему дню — двенадцать попыток, свет стабильный, до двадцати секунд. К пятому — он мог зажигать Люмос почти без пауз между попытками, пока не накатывала усталость.

Дело было не в ядре — оно не могло вырасти за неделю. Дело было в намерении. С каждым разом он формулировал образ точнее: не просто «свет», а конкретный свет — размер,

яркость, оттенок, положение. Чем чётче картинка в голове, тем меньше энергии уходило впусую.

Как с тульпой когда-то. Размытый образ требовал постоянных усилий для поддержания. Чёткий, детальный — почти держался сам.

На четвёртый день он попробовал Нокс отдельно — не как отмену Люмоса, а как самостоятельное заклинание. Направил палочку на свечу, которую нашёл в кладовке, и произнёс слово, представляя, как пламя сжимается, тускнеет, исчезает.

Свеча мигнула. Пламя дрогнуло, уменьшилось вдвое — и снова выросло.

Не сработало. Но почти. Значит, направление верное.

Он записывал наблюдения в блокнот — маггловский, обычный, купленный в том же магазине, где брал газеты. Не пергамент, не перо — просто ручка и бумага. Привычнее. Быстрее. И не оставляет следов в магическом мире.

«День 3. Люмос стабильный, 15-20 сек. Головокружение после 10-12 попыток. Восстановление — 20 мин отдыха».

«День 4. Попытка Нокс на свечу. Частичный эффект. Намерение недостаточно чёткое? Или заклинание сложнее, чем кажется?»

«День 5. Люмос — 25 сек максимум. Заметил: если отвлекаюсь, свет тускнеет. Концентрация = стабильность. Нокс на свече — пламя уменьшается стабильно, но не гаснет полностью».

На шестой день он решил выйти из дома.

Не потому что устал от книг и тренировок — хотя и действительно немного утомился. Просто вспомнил: Бриджит. Квартира восемь, третий этаж. «Заходи, если будет время».

Времени было достаточно. Родители на работе, книги никуда не денутся, а сидеть в четырёх стенах слишком долго — начинаешь разговаривать сам с собой. В его случае это было особенно рискованно.

Он вышел после полудня, когда солнце стояло высоко и улицы были почти пусты — слишком жарко для прогулок. Дошёл до знакомой трёхэтажки напротив детской площадки, поднялся по лестнице, которая пахла старым деревом и чьим-то обедом.

Квартира восемь. Дверь обшарпанная, краска облупилась по углам. Он постучал — громко, как она советовала.

Тишина. Потом шаги, щелчок замка.

Бриджит открыла дверь в наушниках, которые сползли на шею. Из них доносилось что-то быстрое, ритмичное, с электрогитарой. Джинсы, майка с выцветшим логотипом какой-то группы, босые ноги.

— О, — сказала она, увидев его. — Маленький аналитик. Я думала, ты уже укатил в свою Шотландию.

— Через три недели, — ответил он.

— Заходи тогда. Только не пугайся бардака.

А бардак был впечатляющим.

Квартира оказалась маленькой — одна комната плюс кухня, совмещённая с чем-то вроде прихожей. Но каждый квадратный метр был завален вещами: детали, провода, корпуса от приборов, инструменты, коробки, журналы. На столе у окна — паяльник на подставке, катушка припоя, пинцет и какой-то разобранный будильник с выпотрошенными внутренностями.

На стене — плакат с неизвестной ему рок-группой, выцветший до неузнаваемости. На полу — матрас, небрежно застеленный. В углу — маленький телевизор с треснувшим корпусом, но, судя по проводам, рабочий.

— Чай будешь? — спросила Бриджит, проходя к кухонному углу. — Только честно предупреждаю, кружки у меня две, и одна с отбитой ручкой.

— Буду.

Она включила чайник — обычный, электрический, с потёртым корпусом. Алекс сел на единственный свободный стул, осмотрелся внимательнее.

Хаос, но не бессмысленный. Детали рассортированы по коробкам — здесь конденсаторы, там резисторы, в третьей — что-то совсем мелкое, чему он не знал названия. Инструменты лежат в пределах досягаемости, каждый на своём месте. Она наверняка знала, где что находится, даже если со стороны это выглядело как свалка.

— Как дела с ремонтами? — спросил он.

Бриджит фыркнула, доставая кружки.

— Как обычно. Плеер у Томми — пока работает, тьфу-тьфу. Больше никого.

Чайник щёлкнул. Она разлила кипяток по кружкам, бросила пакетики.

— А ты чего пришёл? — спросила, протягивая ему кружку с отбитой ручкой. — Подумал что я уже соскучилась по лекциям о репутации?

Алекс взял кружку осторожно, за край.

— Скучно дома, — сказал он. — Родители на работе, книги надоели.

— Книги надоели? — она подняла бровь. — Тебе?

Он пожал плечами.

— Иногда нужно отвлечься.

Она села на край стола, обхватила кружку двумя руками.

— Ладно, — сказала. — Сиди, отвлекайся. Только не лезь под руку, когда паяю.

Алекс кивнул. Отхлебнул чай — дешёвый, горячий.

Бриджит вернулась к будильнику, склонилась над внутренностями с пинцетом. Алекс наблюдал, как она работает: уверенные движения, никакой суеты. Пинцет выхватывал крошечные детали, паяльник касался контактов точно и коротко. Она знала, что делает.

Какое-то время они просто молчали. Бриджит работала, Алекс смотрел. Тишина между ними была комфортной — не тем тяжёлым молчанием, которое висело между его родителями, а рабочим, естественным.

На подлокотнике кресла лежала газета — обычная, маггловская, сложенная так, что был виден раздел объявлений. Алекс машинально скользнул взглядом по строчкам: «Продам», «Куплю», «Услуги». Несколько объявлений были обведены карандашом — видимо, она искала запчасти.

— Можно вопрос? — сказал он.

— Валяй.

— Почему ты этим занимаешься?

Она не ответила сразу. Пинцет замер над платой.

— Чем именно? Ремонтom?

— Да.

Пауза. Она отложила пинцет, откинулась назад.

— Потому что умею, — сказала она. — И потому что это моё. Не чьё-то ещё. Я сама решаю, что чинить, сколько брать, когда работать. Никакого начальника, который орёт. Никаких смен по двенадцать часов за минималку.

Она замолчала, глядя в окно.

— Мать работала на фабрике, — сказала тихо. — Двадцать лет. Каждый день одно и то же. Потом фабрику закрыли, и она осталась ни с чем. Ни навыков, ни денег, ни смысла. — Она качнула головой. — Я не хочу так.

Алекс кивнул. Он понимал. В прошлой жизни он тоже не работал на кого-то — по крайней мере, не в обычном смысле. Свобода стоила рисков. Но несвобода оценивалась дороже.

Он кивнул на газету.

— А туда не пробовала?

— Куда?

— В объявления. Раздел услуг.

Бриджит подняла бровь.

— Это стоит денег.

— Сколько?

— Не знаю точно. Десять? Двадцать? — она пожала плечами. — Для кого-то мелочь, а для меня — это две недели жизни.

— А бесплатные доски объявлений? — спросил он. — В библиотеке. В подъезде. Везде, где люди ждут и смотрят на стены.

Она помолчала, глядя в кружку.

— Не думала об этом, — признала она. — Как-то... не приходило в голову.

— Листовки, — сказал он. — Напечатать где-нибудь, пять пенсов за страницу. «Ремонт бытовой техники. Быстро. Недорого». Расклеить по району.

— И что писать? Адрес?

— А телефон есть?

Она покачала головой.

— Только у соседки снизу. И она не в восторге, когда я прошу попользоваться.

Алекс помолчал, прикидывая.

— Сколько стоит провести свой?

— Телефон? — Бриджит хмыкнула. — Подключение — фунтов тридцать-сорок. Плюс абонентка каждый месяц.

— Но если будут клиенты — окупится.

— Если будут.

— Будут, — сказал он просто. — Людей с техникой, которую нужно чинить, — полный город. Вопрос в том, как до них дотянуться. Сейчас они просто не знают, что ты существуешь.

Она смотрела на него, крутя кружку в руках.

— Допустим, — сказала медленно. — Допустим, я расклею листовки и проведу телефон. Что дальше? Звонков станет много, а я одна. Рук не хватит.

— Тогда выбирай заказы. Берёшь только те, где платят нормально. Сложный ремонт, срочные случаи. Отказываешь тем, кто хочет задарма.

— А они пойдут к кому-то другому.

— И пусть идут. Те, кому важна скорость и качество, останутся. А те, кто ищет самое дешёвое, — они и так не твоя аудитория. На них ты тратишь время, но не зарабатываешь.

Её плеер вдруг заикнулся — звук дёрнулся, повторил фрагмент, потом остановился.

Бриджит нахмурилась, щелкнула по корпусу.

— Что за...? Недавно же нормально работал.

Она сняла наушники, покрутила плеер в руках, проверяя. Нажала на кнопки — звук вернулся, ровный, без сбоев.

— Ладно, — буркнула она, надевая наушники обратно. — Живи пока.

Алекс ничего не сказал. Просто отметил про себя.

Она посмотрела на него — долго, изучающе.

— Ты странный, — сказала наконец. — Тебе одиннадцать. Ты должен думать о футболе и комиксах. А ты рассуждаешь про целевую аудиторию и окупаемость.

— Я не люблю футбол.

— Это я заметила.

Она отставила кружку, скрестила руки на груди.

— Ладно. Допустим, я попробую. Листовки — это копейки, можно рискнуть. Телефон... — она поморщилась. — Посмотрим. Если листовки сработают — может, и накоплю на подключение.

— Разумно, — кивнул Алекс.

— Это не комплимент, малой. Это просто здравый смысл.

— Я знаю.

Она фыркнула, но угол её рта чуть дёрнулся — почти улыбка.

Алекс допил чай, поставил кружку на край стола. Телевизор в углу мигнул помехами — картинка рассыпалась на полосы, потом вернул нормальное изображение. Он отодвинулся чуть дальше. Телевизор не мигал, транслировал четко.

Совпадение? Или магия действительно влияет на электронику? Нужно проверить позже — но не здесь и не сейчас.

— Мне пора, — сказал он, вставая. — Родители скоро вернутся.

— Заходи ещё, — она не стала вставать, просто кивнула. — Если будет скучно. Или если придумаешь ещё какую-нибудь бизнес-стратегию.

— Зайду.

Он вышел, спустился по лестнице, вышел на улицу. Солнце уже клонилось к западу, тени стали длиннее.

Бриджит. Маггл, которая чинит технику и не задаёт лишних вопросов. Которая понимает, что значит работать на себя. Которая видит в нём что-то странное, но не пытается это объяснить.

Полезный контакт. Возможно, единственный в этом мире, который не связан с магией.

И техника вокруг неё глючит, когда он рядом. Нужно запомнить — и держать дистанцию от сложных приборов.

Он пошёл домой, думая о листовках, телефонах и о том, какие ещё схемы работают в маггловском мире.

До Хогвартса оставалось три недели. Достаточно времени, чтобы заложить фундамент.

Глава 7. Чужой праздник

Дни продолжали течь в том же ритме.

Утро — завтрак, короткие фразы, уход родителей на работу. День — книги и тренировки. Вечер — ужин, наблюдение, сон. Люмос становился стабильнее с каждым днём: к концу второй недели свет держался больше минуты, ровный и яркий, а головокружение наступало только после двадцати пяти — тридцати попыток. Нокс на свече наконец заработал полностью — пламя сжималось, тускнело и гасло по его команде. Он попробовал на трёх свечах одновременно: две погасли сразу, третья — с задержкой в секунду. Концентрация на нескольких целях требовала больше усилий, но принцип был тот же.

Мать смотрела на него всё так же — внимательно, изучающе. Но вопросов больше не задавала. То ли приняла объяснение про кошмар, то ли решила ждать и наблюдать. Второе было вероятнее. Авроры, как и полиция, не принимают объяснения на веру.

На восьмой день, роясь в кладовке в поисках новых свечей, он наткнулся на стопку старых газет. «Ежедневный пророк» — несколько десятков номеров, перевязанных бечёвкой. Даты на верхних — начало года, январь-февраль. Видимо, мать или отец складывали их сюда, не выбрасывая.

Алекс отнёс стопку к себе в комнату.

Он читал три дня.

Не подряд — между книгами, тренировками едой, перед сном. Выцеплял главное, пропускал мелочи. Светская хроника, объявления, колонка о квиддиче — всё это шло мимо. Его интересовала политика. Имена. Связи.

Картина складывалась постепенно.

Министр магии — Корнелиус Фадж. Упоминался часто, почти в каждом номере. Открыл то, посетил это, выступил с речью. Тон статей — нейтрально-положительный, иногда подобо-страстный. Ни одного критического материала за полгода. Либо он действительно хорош, либо газета ему лояльна. Второе вероятнее.

Люциус Малфой. Это имя всплывало снова и снова. Член Попечительского совета Хогвартса. Щедрый благотворитель — пожертвовал средства на новое крыло больницы Святого Мунго. Советник министра по вопросам... чего-то невнятного, формулировка ускользала. Фотографии: всегда безупречный, всегда рядом с важными людьми. Всегда с той же холодной полуулыбкой, которую Алекс видел на Косой аллее.

«Не забывайте о наших договорённостях, миссис Хлой».

Мать была связана с этим человеком. Как именно — он не знал. Но теперь понимал масштаб: Малфой был не просто богатым аристократом. Он был везде. Министерство, школа, больницы, благотворительность. Паук в центре паутины.

Пожиратели смерти. Это словосочетание мелькнуло в паре статей — вскользь, в контексте «слухов» и «домыслов». Министерство опровергало. Тон — успокаивающий, почти снисходительный. «Нет никаких оснований полагать, что бывшие сторонники Того-Кого-Нельзя-Называть представляют угрозу». Бывшие сторонники Волдеморта.

Отдел тайн не упоминался ни разу. Вообще. Как будто его не существовало.

Алекс закрыл последнюю газету, откинулся на подушку.

Магический мир был сложнее, чем казался. За фасадом уютных лавочек и живых фотографий скрывалась политика — жёсткая, многослойная, с правилами, которые нигде не были записаны. Малфой играл в эту игру давно и успешно. Фадж, похоже, был у него в кармане — или, как минимум, не мешал. А мать...

Мать была аврором. Боевым магом на службе Министерства. И при этом — чем-то обязана человеку, который, судя по всему, стоял на другой стороне баррикад.

На десятый день он решил навестить Бриджит.

После газет ему нужен был глоток обычного мира. Мира, где проблемы решаются листовками и паяльником, а не политическими интригами и «договорённостями».

Он вышел после обеда. Жара чуть спала — август перевалил за середину, и воздух уже не давил так, как в первые дни. До трёхэтажки напротив площадки было пять минут ходьбы.

Лестница. Запах старого дерева. Квартира восемь. Он постучал.

На этот раз дверь открылась быстрее — будто она ждала кого-то. Бриджит стояла в проёме, без наушников, волосы собраны в небрежный хвост.

— О, — сказала она. — Аналитик. Заходи. Есть новости.

Квартира выглядела так же — тот же хаос, те же коробки с деталями, тот же запах припоя и дешёвого чая. Но кое-что изменилось: на столе, рядом с паяльником, лежала стопка бумаг. Листовки. Отпечатанные на дешёвой серой бумаге, с неровными краями — видимо, резала сама.

«Ремонт бытовой техники. Быстро. Качественно. Недорого. Бриджит, кв. 8, Милл-роуд 17».

— Сработало, — сказала она, перехватив его взгляд. — Не поверишь.

Алекс сел на тот же стул, что и в прошлый раз.

— Рассказывай.

Бриджит плюхнулась на край стола, скрестила руки.

— Расклеила штук тридцать. Библиотека, прачечная, пара магазинов, где разрешили. Доска объявлений в подъезде. — Она помолчала. — Три дня — ничего. Я уже решила, что идея с листовками не работает.

— А потом?

— А потом стук в дверь. Женщина из соседнего квартала. Тостер сдох. Спрашивает, правда ли я чиню.

— И?

— Починила. Там ерунда была — контакт отошёл. Взяла два фунта, она ушла довольная. — Бриджит покачала головой. — На следующий день — ещё один. Мужик, лет сорок, приволок старый приёмник. Говорит, давно сломался, выбросить жалко. Там уже серьезнее — пришлось повозиться. Но сделала. Пять фунтов.

Семь фунтов за два заказа. Для неё — ощутимо.

— Телефон? — спросил Алекс.

Она поморщилась.

— Пока нет, не решилась. Но если так пойдёт дальше...

Она не закончила фразу, но смысл был ясен.

Алекс кивнул. Схема работала. Простая, очевидная для любого, кто хоть раз думал о том, как привлекать клиентов. Но для неё это было новостью — она никогда не смотрела на своё дело как на бизнес.

— Что дальше? — спросил он.

— В смысле?

— Пока ты полностью зависишь от листовок. Закончатся они — закончатся и клиенты. Да и охват аудитории весьма ограничен. А тебе нужно создать стабильный источник заявок, который работает без остановки. Газеты — это то же хорошо, но лишь расширяет охват, одна газета — одно объявление, без постоянного притока клиентов.

Она посмотрела на него с тем же выражением, что и в прошлый раз — смесь скептицизма и интереса.

— И что ты предлагаешь?

— Сарафанное радио, — сказал он. — Женщина с тостером расскажет соседке за небольшую скидку. Та — подруге. Если работа хорошая, люди сами приводят новых. Но это медленно.

— А быстро?

— Быстро — найти место, где много потенциальных клиентов сразу. Блошиный рынок. Ярмарка. Там, где люди продают старые вещи, — там же и те, кто хочет их починить.

Бриджит молчала, обдумывая.

— На Портобелло по субботам барахолка, — сказала она медленно. — Но там за место платить надо.

— Не за место. Просто прийти, походить, поговорить с продавцами. «Вы продаёте сломанный магнитофон? А я чиню. Вот листовка». Ничего не стоит, кроме времени.

Она смотрела на него долго.

— Откуда ты всё это знаешь? — спросила она. — Серьёзно.

Алекс пожал плечами.

— Читаю много.

— Книги по маркетингу? В одиннадцать лет?

— Разные книги.

Она явно не поверила, но не стала давить. Встала, прошла к чайнику.

— Чай?

— Давай.

Пока она возилась с кружками, Алекс смотрел в окно. Детская площадка внизу — пустая, только пара голубей бродила по песочнице.

— Будешь писать? — спросила она. — Из своей Шотландии?

— Если хочешь.

— Мне не роман нужен. Просто интересно, как там. Интернат, всё такое.

«Ты даже не представляешь», — подумал он.

— Буду, — сказал вслух. — Иногда.

Она кивнула, отхлебнула чай. Молчание между ними было комфортным — без неловкости, без необходимости заполнять паузы словами.

Телевизор в углу стоял тихо. Алекс сидел достаточно далеко.

Домой он вернулся к ужину.

Родители уже сидели за столом — оба, что случалось нечасто. Мать разливала суп, отец листал газету, но не читал — просто держал перед собой, глядя куда-то сквозь страницы. Глянув на главный лист, отметил, что сегодня суббота. Впрочем, конкретные дни недели для него имели мало значения, родителей, похоже, тоже.

Алекс сел на своё место. Мать поставила перед ним тарелку.

— Где был? — спросила она, не глядя.

— На площадке. Потом зашёл к знакомой в гости.

Она подняла бровь, но не стала уточнять. Отец отложил газету, посмотрел на сына.

— Алекс, — сказал он. — Завтра у нас выходной. Мы с мамой подумали...

Он замолчал, бросил короткий взгляд на жену. Та едва заметно кивнула.

— В общем, завтра играют «Пэddингтонские пушки» против «Кенсингтонских кентавров». Местный матч, ничего серьёзного, но... — он пожал плечами. — Хочешь сходить? Всей семьёй, как раньше.

«Как раньше». Эти слова повисли в воздухе. Алекс не знал, что было «раньше». Не помнил матчей, на которые они ходили, не помнил, болел ли оригинальный Алекс за какую-то команду.

— Хочу, — сказал он.

Отец улыбнулся — коротко, почти незаметно, но искренне. Мать тоже чуть расслабилась, будто ждала отказа.

Ужин продолжился в тишине, но не такой тяжёлой, как обычно. Что-то сдвинулось — совсем немного, но ощутимо.

Когда Алекс доел и встал из-за стола, мать окликнула его:

— Подожди.

Он обернулся. Она смотрела на него тем самым взглядом — внимательным, изучающим.

— Ты ведь пробовал заклинания? — спросила она. — Дома?

Алекс замер на секунду. Врать не имело смысла, да и не хотелось.

— Да, — сказал он. — Люмос. И Нокс.

Она кивнула, будто ожидала этого.

— Получается?

— Люмос держится больше минуты. Нокс... — он помедлил. — Могу погасить три свечи одновременно. Две сразу, третья — с задержкой.

Брови матери чуть приподнялись. Отец тоже посмотрел на него — с интересом, которого раньше не показывал.

— Неплохо, — сказала мать. В её голосе не было похвалы — скорее, констатация факта. — Для первокурсника, который ещё не начал учиться — очень неплохо.

Пауза.

— Ты ведь иногда гуляешь по вечерам, — продолжила она. — На площадке, у той девушки...

— Бриджит, — подсказал он.

— Да. — Она помолчала. — Ты знаешь, что вне дома колдовать нельзя?

— Нет.

— Министерство отслеживает магию несовершеннолетних. Любое заклинание за пределами защищённого жилья — и тебе придёт предупреждение. Два предупреждения — исключение из Хогвартса.

Алекс кивнул, запоминая.

— Дома — можно?

— Дом защищён, — сказала она. — Здесь следящие чары не работают. Но на улице, в маггловских местах — ни в коем случае. Ясно?

— Ясно.

Она смотрела на него ещё несколько секунд, будто взвешивая что-то про себя. Потом добавила, уже мягче:

— Если возникнут проблемы с заклинаниями — спрашивай. Я могу помочь.

Предложение было неожиданным. Алекс не знал, как на него реагировать. В этом доме каждый держал дистанцию — мать с отцом, оба с ним. И вдруг — протянутая рука.

— Хорошо, — сказал он. — Спасибо.

Она кивнула и отвернулась к раковине. Разговор был окончен.

Алекс поднялся к себе, думая о завтрашнем матче. Квиддич. Мётлы, мячи, летающие игроки. Ещё один кусочек магического мира, который он увидит своими глазами.

И ещё — о матери. Которая заметила его тренировки. Которая предупредила об опасности. Которая предложила помощь.

Она наблюдала за ним. Но, может быть, не только как аврор за подозреваемым. Может быть — как мать за сыном.

Вечером, перед сном, Алекс достал журналы о квиддиче, которые нашёл в комнате ещё в первые дни.

Яркие обложки, движущиеся фотографии игроков, схемы тактик и рейтинги команд. Он пролистывал быстро, выцепляя главное: правила, позиции, термины. Завтра он должен выглядеть как мальчик, который ходил на матчи «раньше», а не как тот, кто впервые слышит слово «бладжер».

Семь игроков в команде. Три охотника — забивают голы квоффлом, по десять очков за гол. Два загонщика — отбивают бладжеры, тяжёлые мячи, которые пытаются сбить игроков с мётел. Один вратарь — защищает кольца. И ловец — ищет снитч, маленький золотой мяч, поимка которого приносит сто пятьдесят очков и заканчивает игру.

Команды: «Пэддингтонские пушки» — местный клуб, судя по статьям — середнячок, ничем не примечательный. «Кенсингтонские кентавры» — чуть выше в таблице, но тоже не звёзды. Матч любительской лиги, не профессиональный.

Он запомнил несколько имён игроков, пару результатов последних матчей, типичные фразы болельщиков. Этого должно хватить, чтобы не выглядеть чужаком.

Журналы вернулись на полку. Алекс лёг, глядя в потолок.

Завтра — квиддич. Семья. Попытка быть нормальными.

Он закрыл глаза.

Утро выдалось пасмурным, но без дождя — идеальная погода для квиддича, если верить журналам.

Завтрак прошёл быстро. Мать была собрана, но не напряжена — в простой тёмно-синей мантии, волосы убраны в хвост. Отец выглядел почти оживлённым: на нём был старый вязаный свитер в синюю и серебряную полоску — цвета «Пэддингтонских пушек», как Алекс узнал из журналов. Свитер явно видал лучшие дни — нитки кое-где торчали, один рукав был заштопан — но отец носил его с гордостью человека, который болеет за команду не первый год.

— Готов? — спросил он, и в его голосе было что-то, чего Алекс раньше не слышал. Предвкушение.

— Готов.

Они вышли из дома втроём. Дошли до знакомого переулка с табличкой «Мастерская обуви. Закрыто», вошли в комнату с камином. Отец бросил щепотку летучего пороха в огонь.

— Паб «Красный Дракон»! — произнёс он чётко.

Зелёная вспышка. Вращение. Тошнота — уже привычная, почти терпимая.

Выброс.

Алекс шагнул из камина в полутёмное помещение. Низкие балки, закопчённые стены, запах пива и дыма. Паб — небольшой, деревенский, с десятком столов и стойкой, за которой протирал кружки грузный бородатый маг в фартуке. Несколько посетителей подняли головы, глянули на прибывших без особого интереса и вернулись к своим разговорам.

Мать вышла из камина следом, отряхнула мантию.

— Давно здесь не была, — сказала она, оглядываясь.

— С восемьдесят седьмого, — ответил отец. — Тот матч против «Уимблдонских ос». Помнишь?

— Помню, что мы проиграли.

— Мы почти выиграли. Если бы не тот спорный момент с бладжером...

Он не договорил, но на его лице появилась улыбка — лёгкая, ностальгическая. Мать не ответила, но что-то в её позе смягчилось.

Они вышли из паба на улицу.

Деревня была маленькой — десяток домов, утопающих в зелени, узкая дорога, уходящая за холм. Но сегодня она гудела: повсюду были маги в цветных шарфах и шляпах, дети носились между ногами взрослых, торговцы выкрикивали что-то про «лучшие мясные пироги» и «программки, свежие программки!».

Толпа двигалась в одном направлении — за холм, туда, где виднелись верхушки деревянных трибун.

— Сначала — перекусить, — сказал отец. — На голодный желудок болеть не дело.

Они свернули к ряду лотков, выстроившихся вдоль дороги. Запахи смешивались в воздухе: жареное мясо, карамель, что-то пряное и незнакомое. Один лоток продавал пироги с

тыквой, от которых шёл пар. Другой — сладкую вату, которая сама меняла цвет: розовый, голубой, фиолетовый. Третий — напитки в пузатых бутылках, внутри которых плавали золотистые искры.

— Сливочное пиво? — предложил отец, кивая на бутылки.

— Ему не рано? — спросила мать.

— Там же нет алкоголя. Почти. — Он подмигнул Алексу. — Попробуешь?

Алекс кивнул.

Отец купил три бутылки и пакет с тыквенными пирожками. Сливочное пиво оказалось сладким, тёплым, с привкусом ириски и чего-то, что он не мог определить. Не алкоголь, но что-то, от чего по телу разливалось приятное тепло.

— Нравится? — спросил отец.

— Да. Необычно.

— В Хогвартсе его продают в Хогсмиде. Деревня рядом со школой. С третьего курса сможешь туда ходить на выходных.

Ещё один кусочек информации. Алекс запомнил.

Они двинулись к стадиону, жуя пирожки на ходу. Толпа густела, голоса становились громче. Кто-то уже кричал речёвки: «Пушки, вперёд! Пушки, вперёд!».

У входа на трибуны отец остановился, глядя куда-то поверх голов. Потом поднял руку.

— Эрни! Эрни Боулс!

Из толпы вынырнул невысокий полный маг в таком же полосатом свитере, как у отца, только ещё более потрёпанном. Лицо красное, усы топорщатся, в руках — огромный флаг с эмблемой «Пушек».

— Джон! — он протиснулся к ним, сияя. — Мерлинова борода, сколько лет! Анна, ты прекрасно выглядишь. А это... — он посмотрел на Алекса, — малыш Алекс? Последний раз видел тебя, когда ты был вот такой! — Он показал ладонью где-то на уровне своего колена.

— Здравствуйте, — сказал Алекс.

— Вежливый, — одобрил Эрни. — В отца. Джон тоже всегда был вежливый, пока не начинал спорить о тактике. Помнишь, как ты чуть не подрался с тем типом из Уимблдона?

— Он сказал, что «Пушки» — команда для домохозяек, — ответил отец с достоинством. — Я защищал честь клуба.

— Ты облил его пивом.

— Случайно.

Эрни захохотал, хлопнув отца по плечу. Мать стояла чуть в стороне, с выражением терпеливой скуки на лице, но без раздражения. Она знала этого человека. Знала эту версию мужа — весёлую, открытую, не придавленную виной.

— Ладно, мне навех, — сказал Эрни, махнув флагом в сторону верхнего яруса. — Там наши собираются. Заглядывай после матча, выпьем за победу!

— Если победим, — сказал отец.

— Победим! Миллер в этом году в ударе!

Он растворился в толпе, всё ещё размахивая флагом. Отец смотрел ему вслед с лёгкой улыбкой.

— Старый друг, — пояснил он Алексу. — Вместе учились. В Рейвенкло.

«Рейвенкло». Отец там учился. Ещё одна деталь. — отметил Алекс.

— Пойдёмте, — сказала мать. — А то хорошие места займут.

Они прошли через деревянные ворота, поднялись по скрипучей лестнице на средний ярус. Скамьи были жёсткими, без спинок, но вид открывался отличный: всё поле как на ладони, три кольца с каждой стороны, пустое небо, готовое заполниться игроками.

Отец указал на свободное место ближе к центру.

— Здесь хорошо. Видно оба кольца и снитч легче отследить.

Они сели. Мать — слева от Алекса, отец — справа. Трибуны заполнялись, гул голосов нарастал. Где-то внизу заиграла музыка — бодрая, маршевая, с медными трубами.

— Сувениры! Программки! Шарфы! — выкрикивал торговец, пробираясь между рядами.

Отец подозвал его, купил программку и значок с эмблемой «Пушек» — серебряную пушку на синем фоне, периодически стреляющую в пустоту. Протянул значок Алексу.

— Держи. На удачу.

Алекс взял. Металл был тёплым, будто его только что отлили. На обратной стороне — булавка и надпись: «Сезон 1991/92. Вместе к победе!»

— Спасибо, — сказал он.

Отец кивнул, уже глядя на поле, где начали появляться игроки — пока только разминка, лёгкие круги над травой. Мать достала из сумки что-то похожее на компактный бинокль, навела на поле.

— Омникуляры, — пояснил отец, перехватив взгляд Алекса. — Можно замедлять, приближать, смотреть повтор. Мамина рабочая привычка — всё фиксировать.

— Привычка, которая не раз спасала дело, — ответила мать, не отрываясь от окуляров.

Гудок судьи разнёсся над стадионом. Толпа затихла на мгновение — и взорвалась рёвом, когда четырнадцать игроков взмыли в воздух — семь в синем, семь в зелёном. Мётлы рассекали воздух с сухим свистом, мантии развевались за спинами. Комментатор — молодой маг в будке над трибунами — начал тараторить так быстро, что Алекс едва успевал улавливать смысл:

— Квоффл у Дженкинса, пас Морроу, обратно Дженкинсу — какая работа! Братья Пратт выходят наперехват — бладжер слева! — Дженкинс уворачивается, бросок — ГО-О-ОЛ! Десять-ноль в пользу «Пушек»!

Трибуны взревели. Отец вскочил, крикнул что-то одобрительное, потерявшееся в общем гуле. Над полем вспыхнул магический счётчик — огромные огненные цифры «10:0», висящие в воздухе без всякой опоры.

Алекс смотрел.

Мётлы двигались быстрее, чем он ожидал. Не как вертолеты — резче, манёвреннее, с мгновенными разворотами, которые нарушали все законы физики. Один из загонщиков «Кентавров» отбил бладжер так, что тот полетел по дуге, явно невозможной для обычного мяча, — и врезался в метлу охотника «Пушек». Игрок закрутился в воздухе, едва не упал, но в последний момент выровнялся, вцепившись в древко одной рукой.

— Грязный приём! — крикнул кто-то сзади.

— Чистый удар! — возразили с другой стороны.

Бладжеры были хуже всего. Они носились по полю сами по себе, как злобные чёрные снаряды, меняя направление без всякой логики. Загонщики отбивали их короткими толстыми битами, направляя в противников. Один из мячей просвистел мимо трибун — так близко, что Алекс услышал гудение воздуха.

— Не бойся, — сказал отец, заметив его взгляд. — Над трибунами защитные чары. Если что-то летит в зрителей, отбивает обратно на поле.

Как по команде, второй бладжер рванул к нижнему ярусу — и в метре от голов зрителей ударился о невидимую стену, срикошетил назад. Толпа даже не вздрогнула. Привыкли.

Игра продолжалась. Счёт менялся: 20:10, 30:20, 40:30. «Пушки» вели, но «Кентавры» не отставали. Охотники носились между кольцами, перебрасывая квоффл так быстро, что Алекс терял мяч из виду. Вратари метались от кольца к кольцу — три цели на каждого, слишком много, чтобы защитить все одновременно.

— Миллер кружит слишком высоко, — пробормотал отец, прищурившись. — Снитч обычно держится ниже в пасмурную погоду.

— Может, видит что-то, — ответила мать, не отрываясь от омникуляров.

И тут Алекс увидел

Золотая вспышка — крошечная, едва заметная — мелькнула у дальних колец. Снитч. Размером с грецкий орех, с тонкими серебряными крылышками, которые трепетали так быстро, что сливались в размытое пятно.

Ловец «Кентавров» тоже заметил. Он нырнул вниз — почти вертикально, распластавшись на метле, набирая скорость. Миллер среагировал на секунду позже, но его метла была быстрее — он нагонял, сокращая расстояние.

Комментатор захлёбывался:

— Снитч замечен! Оба ловца в погоне! Карузо впереди, но Миллер догоняет — они идут ноздря в ноздрю! Снитч уходит влево — нет, вправо! — они за ним!

Толпа вскочила на ноги. Алекс тоже поднялся, не замечая этого. Два ловца неслись над полем бок о бок, их руки тянулись к золотой искре, которая металась перед ними, как испуганная птица.

Миллер рванул вбок — рискованный манёвр, почти столкновение — и оттеснил соперника. Его пальцы сомкнулись на снитче за долю секунды до того, как Карузо успел среагировать.

— ГО-О-О-ОЛ! — взревел комментатор. — Миллер ловит снитч! «Пэддингтонские пушки» побеждают со счётом сто девяносто на шестьдесят!

Над полем вспыхнул фейерверк — не настоящий, магический: синие и серебряные искры сложились в огромную пушку, которая выстрелила конфетти. Конфетти медленно опускались на трибуны, тёплые на ощупь, пахнущие карамелью.

Отец обнял Алекса за плечи — порывисто, неловко, но искренне.

— Видел? Видел, как он его взял?

Алекс замер на долю секунды. Прикосновение было неожиданным — тёплым, настоящим. В прошлой жизни его так не обнимали. Никогда. Тело не знало, как реагировать: напрячься? Отстраниться? Принять?

Он выбрал последнее. Не потому что хотел — потому что так было нужно.

— Видел, — сказал Алекс. И это была правда.

Они спустились с трибун в толпе счастливых болельщиков. Синие шарфы мелькали повсюду, кто-то пел победную песню — нестройно, но громко. Отец насвистывал ту же мелодию, мать шла рядом с выражением терпеливого смирения, но без раздражения.

У выхода их перехватил Эрни, красный от возбуждения, с охрипшим голосом.

— Джон! Анна! Пойдёмте к нам — Марта накрыла стол, отметим победу! Томпсоны тоже будут, и Причарды с детьми.

Отец вопросительно посмотрел на мать. Та чуть помедлила, потом кивнула.

— Ненадолго.

— Отлично! — Эрни хлопнул в ладоши. — Аппарируем? Марта терпеть не может каминь, говорит, от них сажа везде.

— Алекс ещё не умеет, — сказала мать.

— А, точно. Ну, парная аппаратура. Джон, возьмишь его?

Отец кивнул, положил руку Алексу на плечо.

— Держись крепче. Ощущение неприятное, но быстро.

Алекс не успел спросить, что значит «неприятное». Мир сжался.

Не просто сжался — схлопнулся. Давление со всех сторон, будто его запихивают в пространство размером с кулак. Рёбра трещали, лёгкие отказывались работать, глаза выдавливалось изнутри. Темнота, свист, ощущение падения и полёта одновременно — Телепортация. Он телепортировался.

Выброс. Алекс стоял на траве перед небольшим домом с садом, согнувшись пополам, хватая ртом воздух. Желудок подкатил к горлу, ноги дрожали.

— Первый раз всегда так, — сказал отец, придерживая его. — Пройдёт через минуту.

«Телепортация, — повторил он про себя, пока мир переставал вращаться. — Мгновенное перемещение в пространстве. Это существует. Это работает. Это можно освоить».

Мысль была важнее тошноты.

Мать появилась рядом — беззвучно, без малейших признаков дискомфорта. Эрни — чуть позже, всё ещё размахивая флагом.

— Добро пожаловать! — он широким жестом указал на дом. — Марта уже ждёт.

Дом Боулсов был уютным и хаотичным — книги громоздились на каждой поверхности, подушки лежали где попало, на стенах висели движущиеся фотографии и какие-то вязаные панно. Пахло выпечкой и чем-то цветочным.

Едва они переступили порог, стены дрогнули — и покрылись синими и серебряными полосами, цветами «Пушек». Эрни взмахнул палочкой, и под потолком вспыхнули маленькие огоньки, складываясь в силуэт пушки, которая беззвучно «выстреливала» конфетти каждые несколько секунд.

— Традиция! — объяснил он, перехватив взгляд Алекса. — После каждой победы. Марта ворчит, что потом неделю убирает блёстки, но признайся, красиво же?

В углу гостиной ожил старый граммофон — массивный, с медным раструбом и потёртым деревянным корпусом. Игла опустилась на пластинку сама, и полилась музыка: бодрый марш, тот самый, что играл на стадионе перед матчем. Только теперь Алекс расслышал слова — что-то про «славу на поле» и «синие знамёна».

Марта — полная румяная ведьма в переднике — выплыла из кухни, размахивая палочкой. За ней летела вереница тарелок, блюд и кувшинов, которые сами расставлялись на длинном столе.

— Садитесь, садитесь! Пироги горячие, сливочное пиво холодное. Алекс, да ты совсем большой стал! Помнишь меня?

Алекс не помнил. Но улыбнулся и кивнул — так было проще.

Томпсоны уже сидели за столом: муж и жена средних лет, оба в цветах «Пушек». Он — грузный, с густыми бакенбардами; она — сухощавая, с острым взглядом, напомнившим Алексу мать. Причарды пришли с двумя детьми — мальчиком лет девяти и девочкой примерно того же возраста, что и Алекс. Брат с сестрой, судя по одинаковым носам и рыжим веснушкам.

Стол ломился от еды: мясные пироги, печёная картошка, какие-то тушёные овощи, пудинг с заварным кремом. Кувшины со сливочным пивом сами подливали в кружки, стоило тем опустеть. Свечи над столом горели разноцветным пламенем — синим и серебряным, разумеется.

Мать оказалась рядом с миссис Причард — они явно знали друг друга, начали о чём-то тихо разговаривать. Алекс уловил обрывки: «...Министерство опять затягивает...», «...Скримджер недоволен, но Фадж...», «...после того случая в мае никто не хочет брать ответственность...».

Рабочие разговоры. Даже здесь, на празднике.

Отец, Эрни и Томпсон мгновенно погрузились в обсуждение матча. Их голоса становились всё громче по мере того, как пустели кружки.

— Миллер в следующем сезоне уйдёт в «Торнадос», помани моё слово, — говорил Томпсон, размахивая куриной ножкой. — Деньги решают всё.

— Да брось, он верен клубу с детства! — возражал отец. — Его отец играл за «Пушек», и дед тоже.

— Верность не платит по счетам, Джон. «Торнадос» предложат вдвое больше, и он победит.

— Спорим на пять галлеонов? — вмешался Эрни. — К концу сезона Миллер всё ещё в «Пушках».

— Десять, — отрезал Томпсон.

— Идёт!

Они пожали руки над столом. Марта закатила глаза:

— Каждый год одно и то же. В прошлом сезоне он проспорил двадцать галлеонов на том, что мы выйдем в финал.

— Это был несчастный случай! — возмутился Эрни. — Если бы не тот бладжер в полуфинале...

Разговор снова скатился к тактике, судьям, несправедливым решениям и «проклятью Пратта» — какой-то старой истории про загонщика, которую все знали наизусть, но всё равно пересказывали с удовольствием.

Алекс сидел с куском пирога на тарелке и наблюдал.

Это был праздник. Настоящий. Люди смеялись, спорили, перебивали друг друга. Марта то и дело вскакивала подлить пива или принести ещё пирогов. Граммофон играл одну победную песню за другой. Конфетти сыпалось с потолка, растворяясь в воздухе, не долетая до еды. Свечи мерцали, отбрасывая синие блики на лица.

И Алекс чувствовал себя... зрителем. Как на матче — только теперь он смотрел не на игроков, а на этих людей. На их эмоции, жесты, ритуалы. Всё было таким живым, таким настоящим.

И таким чужим.

— Ты в Хогвартс в этом году? — спросила девочка, плюхнувшись на стул рядом с ним. Энергичная, громкая, с косичками, торчащими в разные стороны. — Я Мэри. Это Том, мой брат. Он зануда. Ты на какой факультет хочешь?

Вопрос был задан без паузы на вдох. Алекс натянул маску обычного ребёнка — застенчивого, немногословного.

— Не знаю пока, — сказал он.

— Я хочу в Гриффиндор. Там все крутые. Папа был в Гриффиндоре, и дядя Рон, и...

— Гриффиндор для тех, кто любит неприятности, — вмешался Том, устроившийся напротив. — Рейвенкло лучше. Там умные.

— Рейвенкло для зануд. Как ты.

— Я не зануда. Я рациональный.

— Это одно и то же.

Они продолжали препираться, периодически пытаясь втянуть Алекса в спор. Он отвечал короткими фразами, улыбался в нужных местах, кивал, когда требовалось. Играл роль.

— А ты чем увлекаешься? — спросила Мэри, когда спор о факультетах выдохся.

— Читаю.

— Что читаешь?

— Разное. Теорию магии. Историю.

Она сморщила нос.

— Скучно. А квиддич? Играешь?

— Нет. Смотрю только.

— А любимая команда?

— «Пушки», наверное, — сказал он, потому что это было очевидным ответом.

— «Пушки»? — Том поднял бровь. — Серьёзно? Они же вечные середняки.

— Мой отец за них болеет.

— А, семейная лояльность, — Том кивнул с видом знатока. — Уважаю.

Мэри начала рассказывать про своего кота, который съел волшебную свечу и икал искрами три дня. Том закатывал глаза и вставлял ехидные комментарии. Где-то на заднем

плане взрослые хохотали над очередной историей Эрни. Граммофон заиграл что-то медленное, и Марта потащила мужа танцевать прямо между столом и диваном.

Праздник продолжался. Алекс смеялся в нужных местах, поддерживал разговор, изображал интерес. Внутри — тишина. Не грустная, не болезненная. Просто понимание.

Он не умел этого. Не видел смысла. Не умел быть частью... этого. Лёгкости, бессмысленной радости, общности. В прошлой жизни не научился. В этой — не успел. Может, и не научится никогда.

Но притворяться — умел. Это было почти так же хорошо.

— Алекс, — позвала мать из-за стола. — Нам пора.

Он встал, стараясь не показать облегчения.

— Было приятно познакомиться, — сказал он Мэри и Тому.

— Увидимся в Хогвартсе! — крикнула Мэри. — Я буду в Гриффиндоре, найдёшь меня!

— Или в Хаффлпаффе, — пробурчал Том. — С её-то оценками.

— Ты...!

Они снова начали препираться. Алекс отошёл к родителям, оставляя за спиной шум, смех и синие огоньки под потолком.

Мать поднялась из-за стола, поправила мантию.

— Нам пора, — сказала она. — Завтра рабочий день.

Отец, покрасневший от сливочного пива и споров, посмотрел на неё с лёгким разочарованием.

— Уже? Эрни только начал рассказывать про матч восемьдесят третьего...

— Который я слышала десяток раз, — ответила мать ровно. — Алексу нужно отдохнуть. Да и мне тоже.

Отец помолчал секунду, потом кивнул.

— Хорошо. Я... задержусь ненадолго. Давно не видел ребят.

Что-то мелькнуло между ними — короткий взгляд, невысказанные слова. Мать чуть поджала губы, но спорить не стала.

— Как хочешь.

Отец повернулся к Алексу:

— Пойдём, провожу.

Они вышли в коридор — узкий, заставленный книжными полками, с тусклой лампой под потолком. Шум праздника остался за дверью, приглушённый, но всё ещё слышный.

Отец остановился у вешалки, сделал вид, что ищет что-то в кармане мантии. Потом посмотрел на Алекса — внимательно, без обычной рассеянности.

— Тебе понравилось? — спросил он. — Матч, всё это?

Алекс кивнул.

— Да. Было... интересно.

— Интересно, — повторил отец с лёгкой улыбкой. — Ты теперь так говоришь. «Интересно». Раньше ты кричал громче всех, когда «Пушки» забивали.

Пауза. Алекс не знал, что ответить. Он не помнил, как кричал. Не помнил матчей, на которые они ходили «раньше». Не помнил себя — того, настоящего.

— После кошмара многое изменилось, — сказал он наконец.

Отец кивнул медленно.

— Я знаю. Мама тоже замечает. — Он помолчал. — Я просто хочу, чтобы ты знал... если что-то будет не так, или если тебе нужно поговорить... я рядом. Может, не всегда близко, но — рядом.

Слова звучали неуклюже, будто он репетировал их и всё равно сбился. Алекс видел: отцу непривычно. Он не умел говорить о чувствах. Может, никогда не умел.

— Спасибо, — сказал Алекс.

Отец кивнул, похлопал его по плечу — коротко, неловко.

— Ладно. Иди. Мама ждёт.

Он открыл дверь в гостиную, и оттуда хлынул шум: смех Эрни, звон кружек, голос Марты, ругающей кого-то за пролитое пиво. Отец шагнул внутрь, обернулся на секунду — и дверь закрылась.

Алекс стоял в коридоре один.

«Я рядом».

Странные слова. Странное чувство. В прошлой жизни никто так не говорил. Никто не предлагал поговорить, не ждал, не был «здесь».

Он не знал, что с этим делать.

— Алекс, — голос матери из прихожей. — Идём.

Он развернулся и пошёл к ней.

Аппарация далась легче — он знал, чего ожидать, успел напрячься заранее. Давление, темнота, выброс. Желудок подкатил к горлу, но не так сильно, как в первый раз.

Они появились в знакомом переулке с табличкой «Мастерская обуви». Вечерний Лондон дышал теплом, где-то вдалеке гудели машины.

Мать шла рядом, молча. Алекс чувствовал: она хочет что-то сказать. Или спросить. Но не решается.

Они прошли полквартиры, прежде чем она заговорила:

— Тебе было скучно. С детьми Причардов.

Не вопрос — утверждение.

Алекс не стал врать.

— Немного.

— Ты хорошо притворялся.

Он посмотрел на неё. Она смотрела вперёд, на дорогу.

— Это плохо? — спросил он.

— Нет, — ответила она после паузы. — Это полезно. Но... — она замолчала, подбирая слова. — Не теряй себя в этом. В притворстве.

Алекс не ответил. Он не знал, что сказать. «Я уже потерял»? «Я никогда не был собой»? «Я не знаю, кто я»?

Всё это было правдой. И всё это было невозможно произнести вслух.

Они дошли до дома в молчании. Мать открыла дверь, пропустила его вперёд.

— Иди спать, — сказала она мягко. — День был долгий.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Алекс.

Он поднялся по лестнице, вошёл в свою комнату, закрыл дверь.

За окном темнело. На тумбочке лежала палочка — тёмная, с красноватым отливом. На полке — книги. На груди — значок «Пушек», который он забыл снять.

Он лёг на кровать, глядя в потолок.

День был странным. Хорошим? Может быть. Он видел квиддич. Попробовал сливочное пиво. Телепортировался. Сидел за столом с людьми, которые праздновали победу так, будто это действительно важное событие в их жизни.

И чувствовал себя чужим среди всего этого.

«Не теряй себя в притворстве».

Легко сказать. Сложнее — когда притворство это всё, что у тебя есть.

Глаза закрылись. Сон пришёл быстро — без кошмаров, без образов.

Глава 8. Перед отъездом

Две недели пролетели быстро.

Дни сложились в ритм, который уже не требовал усилий.

Люмос теперь давался легко. Алекс мог зажечь свет почти без проблем — достаточно было поднять палочку, сформировать намерение, произнести слово и огонёк вспыхивал на кончике, ровный и стабильный. Держался столько, сколько нужно. Гас по команде, без задержки. Нокс работал с первого раза на любом количестве свечей — он перестал считать, сколько может погасить одновременно.

С Вингардиум Левиоса было сложнее.

Он пробовал сам — три часа подряд, днем. Перо дрожало, приподнималось на пару десятков сантиметров и падало. Раз за разом, оно почему-то не могло удержаться на месте. Что-то было не так с намерением, но он не мог понять что.

Вечером он спустился на кухню, где мать разбирала бумаги после работы.

— Мам. Можешь помочь с одним заклинанием?

Она подняла голову, и в её взгляде мелькнуло что-то — не удивление, скорее интерес.

— Каким?

— Вингардиум Левиоса. Я читал в книге, пробовал сам, но... — он пожал плечами, стараясь выглядеть как ребёнок, который просто застрял на сложном месте. — Не получается толком.

Она отложила бумаги, встала.

— Покажи.

Они поднялись в его комнату. Алекс достал перо, положил на стол, взял палочку.

— Вингардиум Левиоса.

Перо дрогнуло, приподнялось — и упало.

Мать наблюдала молча. Потом подошла ближе.

— Движение правильное. Слова тоже. — Она помолчала. — Проблема в намерении. Ты думаешь «поднять». А нужно думать «держат».

— В смысле?

— Люмос — это состояние. Свет есть или света нет. Левиоса — это процесс. Ты не просто поднимаешь предмет, ты постоянно его держишь. Каждую секунду. Представь, что перо лежит на твоей ладони, только ладонь — невидимая, из магии. И ты её не убираешь.

Алекс кивнул. Поднял палочку снова.

Не «поднять». «Держать». Невидимая ладонь под пером. Постоянная, стабильная.

— Вингардиум Левиоса.

Перо поднялось — плавно, без дрожи. Зависло на уровне его глаз, покачиваясь едва заметно.

— Хорошо, — сказала мать. — Теперь води его. Не дёргай — плавно. Представь, что ладонь движется, а перо лежит на ней.

Он повёл палочкой вправо. Перо последовало за движением — медленно, но послушно. Влево. Вверх. Круг.

— Достаточно, — сказала мать. — Опusti.

Он опустил. Перо мягко легло на стол.

Мать смотрела на него с выражением, которое он не мог прочесть.

— Неплохо, — сказала она наконец. — Для первого раза с подсказкой — очень неплохо.

После этого они занимались ещё дважды. Недолго — полчаса, может, сорок минут. Мать показывала нюансы, которых не было в книгах: как менять высоту без потери контроля, как

переключаться между предметами, как чувствовать момент, когда магия начинает «проседать» и пора остановиться.

Алекс впитывал всё. К концу третьей недели он мог держать перо в воздухе сколько угодно, вести его по комнате, поднимать и опускать без рывков. Не идеально — но достаточно, чтобы не выглядеть полным новичком.

Усталость после тренировок становилась меньше. Ядро не могло вырасти за две недели — но канал становился чище, намерение — точнее. Он тратил меньше сил на каждое заклинание.

И каждый раз, когда магия проходила через него, дверь внутри дрожала. Он уже перестал вздрагивать от этого. Фоновый шум. Напоминание, которое никуда не денется.

До отъезда оставалось пару дней.

Утро следующего дня началось иначе.

Алекс спустился к завтраку и сразу понял: что-то изменилось. Отец уже ушёл — его кружка стояла на столе, пустая, — но мать не убирала ее. Она сидела за столом, сложив руки перед собой, и смотрела на дверь. Ждала.

Когда он вошёл, она кивнула на стул напротив.

— Сядь. Мне нужно кое-что сказать.

Не «доброе утро». Не «завтрак на столе». Сразу к делу.

Алекс сел. Внутри шевельнулось что-то холодное — не страх, скорее настороженность. Так начинались серьёзные разговоры. Те, после которых что-то менялось.

Мать молчала несколько секунд, глядя на него. Потом заговорила — медленно, подбирая слова:

— Ты изменился. После того кошмара. Я вижу. Отец тоже.

Пауза. Алекс не ответил. Ждал продолжения.

— Ты стал... другим. — Она чуть нахмурилась, будто сама не была довольна формулировкой. — Раньше ты бегал, шумел, задавал сто вопросов в минуту. Рисовал молнии на всём подряд. Сейчас ты сидишь с книгами часами. Говоришь... взвешенно. Обдумываешь каждое слово.

Она помолчала.

— И ты схватываешь всё на лету. Левиоса — я показала тебе один раз, объяснила принцип. Через два дня ты делал то, чему других детей учат неделями. Это... — она покачала головой. — Это не то, к чему я привыкла.

Внутри — холод. Маска треснула. Она заметила. Конечно, заметила — она аврор, она всю жизнь ищет то, что люди пытаются скрыть.

Снаружи — спокойствие. Лёгкое смущение, какое бывает у детей, когда их ловят на чём-то непонятном.

— Мне было очень страшно, — сказал он тихо. — В том сне. Я... Падал так долго... Был таким беспомощным... Поэтому стараюсь.

Слова звучали правильно. Детские, но не глупые. Объяснение, которое ничего не объясняло, но давало ей что-то, за что можно зацепиться.

Мать смотрела на него долго. Верит, — понял он. Не полностью. Но и не отвергает.

— Грейсон говорила, что такое бывает, — сказала она наконец. — Что дети после сильного потрясения иногда... взрослеют. Резко, будто перескакивают через несколько лет. Особенно если потрясение связано с чем-то, что они не могут объяснить.

Пустотный след. Она думает, что это из-за него. Что контакт с артефактом, с границей между жизнью и чем-то ещё, изменил её сына. Сделал его другим.

В каком-то смысле она права. Только не так, как думает.

— Я не знаю, что из этого временное, а что — навсегда, — продолжила мать. Её голос стал мягче, но не слабее. — Не знаю, вернётся ли тот мальчик, который рисовал молнии и не мог усидеть на месте.

Она встала, обошла стол. Алекс не двигался, только смотрел, как она приближается.

И она обняла его.

Просто обняла — крепко, молча, прижав к себе. Её руки были тёплыми, её дыхание — ровным. Она пахла чем-то травяным, знакомым, домашним.

— Но я люблю тебя, — сказала она тихо, в его макушку. — Такого, какой ты есть. Сейчас. Здесь.

Алекс замер.

Внутри поднялось сопротивление — старое, привычное. Он не умел этого. Не умел принимать. Не умел отвечать. В прошлой жизни его так не обнимали. Никогда. Тело не знало, как реагировать: напрячься? Отстраниться? Просто переждать?

Но она ждала. Он чувствовал это — как она держит его и ждёт чего-то в ответ.

Медленно, через силу, он поднял руки. Обнял её в ответ. Неуклюже, неловко — но обнял.

— Я... тоже тебя... люблю, — сказал он.

Слова вышли тихими, почти хриплыми. Он знал, что это неправда. Любовь требовала чего-то, чего у него не было — связи, истории, настоящих воспоминаний. Он не был её сыном. Не чувствовал того, что должен был чувствовать.

Но ему было её жаль.

Просто по-человечески жаль. Женщину, которая потеряла своего ребёнка — не физически, но как-то иначе, глубже. Которая смотрела на него каждый день и видела чужого человека в знакомом теле. Которая всё равно приняла это. Всё равно обняла. Всё равно сказала «люблю».

Мать держала его ещё несколько секунд. Потом отпустила, выпрямилась. Её глаза блеснули, но она не плакала.

— Завтрак на столе, — сказала она, и голос почти не дрогнул. — Поешь, тебе нужно готовиться к завтрашнему дню.

Она вышла из кухни.

Алекс остался сидеть за столом, глядя на пустой стул напротив.

Днём он пошёл к Бриджит.

Солнце стояло высоко, но жара уже спала — август подходил к концу, и воздух больше не давил, как в первые недели. Алекс шёл знакомой дорогой: мимо площадки, через дорогу, к трёхэтажке с облупившейся краской на подъезде.

Лестница. Запах старого дерева и чьего-то ужина. Третий этаж. Квартира восемь.

Он постучал — громко, как она просила.

Шаги за дверью — быстрые, уверенные. Щелчок замка.

Бриджит открыла с широкой усмешкой на лице.

— А, аналитик! Заходи, заходи. Есть что показать.

Алекс шагнул внутрь — и остановился.

Квартира изменилась. Не до неузнаваемости, но заметно. Хаос никуда не делся, но теперь он был... организованным. Коробки с деталями выстроились вдоль стены ровными рядами, каждая подписана маркером: «Конденсаторы», «Резисторы», «Разное мелкое». Рабочий стол у окна был расчищен — только паяльник на подставке, лампа и текущий проект: какой-то приёмник с открытой задней крышкой. На стене над столом появилась пробковая доска с приколотыми листками — заказы, судя по пометкам.

И телефон. Старый, но рабочий, с блестящим от частого использования диском.

— Нравится? — Бриджит обвела рукой комнату. — Решила, что если уж играть в бизнес — то по-взрослому. Клиенты не должны думать, что пришли к городской сумасшедшей.

Алекс подошёл к доске. Полтора десятка листков, исписанных её неровным почерком. Имена, адреса, что чинить, сколько взяла.

— Пятнадцать заказов за две недели?

— Тридцать пять, если считать те, что уже закрыла. — Она плюхнулась на стул, закинув ногу на ногу. — Портобелло — золотое дно, ты был прав. Там один тип, Пэрри, торгует старьём. У него целый склад барахла, которое «почти работает». Договорились: я чиню, он продаёт, мне — фиксированная сумма с каждой единицы. Три фунта за мелочь, пять и больше за что-то серьёзное.

— Неплохо.

— Неплохо? — она фыркнула. — За эти две недели я заработала больше, чем за предыдущие два месяца. Телефон подключила, аренду заплатила вперёд, и ещё осталось на нормальный чай вместо той пыли, что раньше пила.

Она встала, прошла к кухонному углу. Чайник — новый, электрический, без потёртостей — зашумел почти сразу.

— Чай будешь? И бутерброды есть, с сыром и ветчиной. Нормальные, не из просрочки.

— Буду.

Она достала две кружки — обе целые, без сколов — и жестяную банку с чаем. Не пакетики — россыпной, с каким-то названием на этикетке. Пока вода закипала, собрала тарелку бутербродов: белый хлеб, толстые ломти сыра, ветчина.

— Держи, — она поставила всё на край стола, расчищенный от деталей. — Первый нормальный ужин, который я могу предложить гостю, а не «вот кружка, сахар ищи сам».

Алекс сел, взял бутерброд. Хлеб был свежим, сыр — не самым дешёвым.

— Помощников не думала нанять? — спросил он между глотками чая. — Если заказов станет больше, одна не справишься.

Бриджит поморщилась.

— Думала. Но кого? Нормальный мастер захочет нормальную зарплату, а я пока не настолько раскрутилась. Студент какой-нибудь — будет косячить, а отвечать мне. — Она покачала головой. — Нет, пока сама. Может, через полгода, если так пойдёт.

— А кто-то из знакомых? Друзья, родственники?

Она хмыкнула.

— Родственники — это мать, которая до сих пор считает, что я должна была выйти замуж и рожать детей, а не «ковыряться в железках». Друзья... — она пожала плечами. — Есть пара человек, с кем иногда пиво пью. Но это не то.

— А... — Алекс замаялся, подбирая слова, — кто-то ближе?

Бриджит посмотрела на него с усмешкой.

— Парень, девушка, розовые сопли? Ты про это?

— Просто спросил.

— Не-а, — она откинулась на спинку стула. — Не моё. Пробовала пару раз — один мудака, который думал, что я буду ему носки стирать, и одна девчонка, которая оказалась ещё более чокнутой, чем я. После этого решила: сначала надо что-то из себя представлять, а потом уже искать кого-то. Иначе получается не пара, а костыль.

Она отпила чай, глядя куда-то в окно.

— Сейчас мне это не нужно. Есть работа, есть цель, есть план. Остальное — потом. — Она покосилась на него и хихикнула. — А тебе рано об этом думать, аналитик. Вырасти сначала.

— Я и не думаю.

— Ну да, ну да. Ты у нас думаешь о целевых аудиториях и сарафанном радио. — Она помахала рукой. — Ладно, проехали.

Они помолчали. За окном шумела улица, солнце было в зените. Бриджит доела свой бутерброд, отряхнула крошки с джинсов.

— Слушай, — сказала она вдруг. — Я тебе не говорила, но... спасибо.

Алекс поднял бровь.

— Серьёзно, — она поморщилась, будто слово давалось с трудом. — Я бы сама дошла до всего этого. Наверное. Когда-нибудь. Но ты... ускорил. Листовки, Портобелло, всё это. — Она постучала пальцем по столу. — Две недели назад я была девчонкой с паяльником и кучей долгов. Сейчас у меня бизнес. Маленький, хреновенький, но бизнес.

— Это ты сама сделала, — сказал Алекс. — Я только подсказал направление.

— Угу. А направление — это половина дела. — Она покачала головой. — Странный ты. Одиннадцать лет, а соображаешь лучше, чем мужики, которым за тридцать.

— Много читаю.

— Ага, книги по маркетингу, — она усмехнулась. — Всё ещё не верю, но ладно. Твоя тайна, твоё право.

Алекс допил чай, поставил кружку на стол.

— Мне пора. Завтра рано вставать.

— Да, твоя Шотландия. — Она встала, прошла к двери. — Надолго пропадёшь?

— До Рождества. Может, раньше вырвусь.

— Ну, заходи, когда вернёшься. — Она открыла дверь, прислонилась к косяку. — Может, к тому времени у меня уже будет нормальная мастерская, с вывеской и всем таким.

— Зайду.

Она кивнула. Потом, помедлив секунду, протянула руку — не для рукопожатия, а кулаком вперёд.

— Удачи, аналитик. Не дай себя сожрать.

Алекс усмехнулся и стукнул её кулак своим.

— Не дам.

Он вышел, спустился по лестнице, вышел на улицу.

Бриджит. Тридцать пять заказов за две недели. Телефон, нормальный чай, план на будущее. Её жизнь уже менялась — медленно, но заметно.

И он был частью этого. Не главной частью — она сама делала всю работу. Но искрой, которая зажгла костёр.

Завтра он уедет в мир, где совы разносят письма, а лестницы двигаются сами. Но эта связь останется. Якорь в мире без магии. Человек, который видит в нём странного мальчика с полезными советами — и которому этого достаточно.

Вечером он начал собирать вещи.

Чемодан лежал на кровати — старый, потёртый, с медными застёжками. Мать принесла его из кладовки ещё утром, сказала: «Мой, со школы. Расширен изнутри, влезет всё».

Алекс открыл крышку. Внутри чемодан был больше, чем снаружи — намного больше. Стенки уходили вглубь, как колодец, обшитый тёмной тканью. Он опустил руку — дно оказалось где-то на уровне локтя, хотя снаружи чемодан был не толще ладони.

Магия. До сих пор непривычно.

Он начал с мантий. Три комплекта, аккуратно сложенные, ещё пахнущие новой тканью. Шляпа — чёрная, остроконечная, нелепая на вид. Перчатки из драконьей кожи — мягкие, почти невесомые. Зимний плащ — тяжёлый, с серебряными застёжками.

Потом — учебники. «Стандартная книга заклинаний, курс первый». «История магии». «Теория магии для начинающих». «Тысяча магических трав и грибов». Он укладывал их ровными стопками, корешок к корешку.

Дополнительные книги легли отдельно, ближе к краю — чтобы можно было достать, не перерывая весь чемодан. Три с Косой аллеи: «Теория магии: расширенный курс», «Тёмные

искусства: история и классификация», «Древние руны для начинающих». И две из домашней библиотеки: «Практическое руководство по бытовым чарам» — то самое, зачитанное, с материнскими пометками на полях — и «Магические существа: классификация и обращение» со штампом библиотеки Хогвартса 1975 года.

Послышались шаги за дверью. Отец постучался и заглянул в комнату.

— Всё входит?

— Да. Чемодан расширен.

— Мамин. Хороший. — Он помолчал в дверях. — Если что-то понадобится... сова долетает за день.

— Хорошо, спасибо.

Отец кивнул и ушёл. Неуклюжая забота — но забота. Алекс вернулся к сборам.

Котёл — складной, магически уменьшенный до размера кулака. Весы. Телескоп. Набор пузырьков для зелий. Всё это он сложил в отдельный мешочек, затянул шнурок.

Палочка.

Алекс взял её с тумбочки, подержал в руке. Тёмное дерево с красноватым отливом. Тепло в пальцах — привычное, почти успокаивающее. И дрожь двери где-то глубоко внутри.

Он убрал палочку в специальный карман на внутренней стороне мантии. Туда, где она будет под рукой.

Что ещё?

Взгляд упал на тумбочку. Тетрадь «Александр» лежала там, где он её оставил — потрёпанная, с загнутыми уголками, с именем, выведенным детским почерком.

Он взял её, повертел в руках.

Зачем она ему? Талисман? Напоминание? О чём — о мальчишке, чьё тело он занял? О роли, которую должен играть?

Алекс положил тетрадь в чемодан. Не на дно — ближе к верху, рядом с дополнительными книгами. Пусть будет.

Из ящика стола он достал блокнот — маггловский, с шариковой ручкой. Записи о тренировках, наблюдения, мысли. Ничего, что нельзя показать другим, но и ничего, что хотелось бы показывать. Блокнот тоже отправился в чемодан.

Он огляделся. Комната выглядела пустой — книги с полки переехали в чемодан, тумбочка опустела, только лампа и будильник остались на месте. Стол, на котором раньше лежали детские рисунки, теперь был чистым — всё убрано в ящик под кроватью ещё в первые дни, вместе с игрушками, вместе со всем, что принадлежало настоящему Алексу.

Алекс закрыл чемодан. Застёжки щёлкнули, и он почувствовал лёгкую вибрацию — магия, запечатывающая содержимое.

Готово.

Он сел на край кровати, глядя на чемодан.

Месяц. Тридцать с лишним дней в новом теле, новой жизни, новом мире.

Что он узнал?

Магия работает. Три компонента: ядро, канал, намерение. Люмос, Нокс, Левиоса — базовые заклинания, которые он освоил до школы. Не идеально, но достаточно, чтобы не выглядеть полным новичком.

Родители что-то подозревают. Мать — точно. Она видит изменения, не понимает их природу, но приняла. Отец... Он несёт вину за то, что случилось год назад, и эта вина мешает ему.

Малфой — угроза. Какие-то мутные «договорённости» с матерью, какое-то давление, которое она терпит молча. Он не знал деталей, но знал главное: этот человек опасен, и лезть к нему не стоит.

Бриджит — якорь. Связь с миром без магии, без палочек, без пустотных следов. Человек, который видит в нём странного мальчика с полезными советами — и не задаёт лишних вопросов.

И тульпа.

Алекс прислушался к себе. Дверь была на месте — тяжёлая, глухая, закрытая. Но ближе, чем месяц назад. Каждое заклинание, каждый раз, когда магия проходила через него — она чувствовала. Просыпалась чуть больше. Подходила чуть ближе.

Он понимал: рано или поздно придётся с ней столкнуться. Поговорить. Открыть дверь, которую он захлопнул в той, другой жизни. Но не сейчас. Он не был готов. Не хотел. Слишком много всего навалилось за этот месяц — новое тело, новый мир, новые правила. Добавлять к этому ещё и её...

Нет. Пока — нет.

Он лёг на кровать, закинув руки за голову.

Завтра — Хогвартс. Поезд, школа, распределение. Хаффлпафф — если получится убедить шляпу. Тихое место, где можно учиться, наблюдать, не привлекать внимания.

А там — Поттер.

За этот месяц он вспомнил больше, чем в первый день. Обрывки складывались в картину — неполную, размытую, но достаточную. Мальчик, который жил под лестницей у ненавидящих его родственников. Распределяющая шляпа, которая кричит «Гриффиндор!». Троль в подземелье на Хэллоуин. Рыжий друг — Рон, кажется. Девочка с пышными волосами — Гермиона. Что-то про запретную секцию библиотеки. Огромный трёхголовый пёс, охраняющий люк. Гигантские шахматы. И в конце — Волдеморт. Не тот, настоящий, а какой-то... прицепившийся к кому-то. К учителю? Квиррелл — имя всплыло само, неуверенно, но узнаваемо. И что-то про камень. Философский камень.

Детали ускользали. Он не помнил, как именно всё происходило, в каком порядке, кто что делал. Только общие контуры. Просто пересказ фильма, который смотрел один раз, давно.

Но главное он понимал: вокруг Поттера будут происходить события. Опасные события. И лезть в них — верный способ привлечь внимание, которое ему не нужно.

Держаться подальше. Наблюдать со стороны. Не вмешиваться.

За окном темнело. Фонарь на улице зажётся, бросая жёлтый свет на потолок. Алекс закрыл глаза.

Сон пришёл быстро. Без кошмаров. Без снов вообще.

Глава 9. Тени в купе

Утро началось с тишины.

Алекс лежал в кровати, глядя в потолок. Не спал — проснулся ещё до рассвета, когда небо за окном было серым, предутренним. Теперь оно посветлело, и полоска солнца ползла по стене, подбираясь к чемодану у двери.

Чемодан. Собранный вчера вечером. Готовый.

Он не чувствовал волнения — того, что должен был чувствовать одиннадцатилетний мальчик перед отъездом в школу волшебства. Не было ни предвкушения, ни страха, ни той щекочущей неопределённости, которую описывали в книгах. Только холодная ясность: сегодня начинается следующий этап. Адаптация в новых условиях. Новые правила, новые лица, новые риски. И новые возможности.

Он встал, оделся в маггловскую одежду — джинсы, футболку, лёгкую куртку. Мантию наденет в поезде, как все. Пока — не выделяться.

Чемодан легко поднялся с пола — расширяющие чары делали его лёгким снаружи, несмотря на содержимое. Алекс поставил его у двери и спустился вниз.

Кухня встретила запахом тостов и чем-то травяным — чай матери, тот самый, который она пила каждое утро. Знакомый запах. Почти... домашний.

Оба родителя уже сидели за столом. Мать подняла голову, когда он вошёл. Не в уличной одежде — простой домашний халат, волосы распущены. Она выглядела... мягче. После вчерашнего разговора что-то изменилось между ними. Возможно принятие. Она решила принять его таким, какой он есть, даже не понимая до конца, кто он теперь.

— Доброе утро, — сказала она. — Садись. Поешь нормально, в поезде продают только сладости.

Отец кивнул ему молча. Он был в рабочей одежде, но никуда не торопился — сидел над чашкой чая, глядя куда-то в пространство. Думал о чём-то своём.

Алекс сел на своё место. На тарелке уже лежали тосты, яичница, бекон — больше, чем обычно. Как будто она пыталась накормить его впрок, на все месяцы вперёд.

Он начал есть. Аппетита не было, но тело нуждалось в топливе. Впереди долгий день.

Тишина за столом была другая, не такая как раньше. Не напряжённая, не тяжёлая. Но никто не знал, что говорить. Слова, которые обычно произносят в такие моменты — «будь осторожен», «пиши чаще», «мы будем скучать» — казались слишком простыми, слишком обычными для того, что происходило на самом деле. Они отпускали сына. Или того, кто занял его место.

Отец первым нарушил молчание. Достал из кармана небольшой кожаный кошель — потёртый, явно старый, но добротный.

— Здесь на первое время, — сказал он, протягивая кошель через стол. — Галлеоны, сикли, кнаты. Если понадобится больше — напиши, вышлем совой.

Алекс взял кошель. Тяжёлый, монеты внутри звякнули глухо.

— Спасибо.

— И вот ещё. — Отец достал из другого кармана несколько сложенных банкнот. Маггловские фунты. — На всякий случай. Мало ли.

Мать чуть нахмурилась, но ничего не сказала. Алекс понял: отец помнил об обычной газировке и батончиках. Или просто был практичен — маггловские деньги могли пригодиться, хотя бы на каникулах.

— Спасибо, — повторил он и убрал фунты в карман куртки.

Мать встала, прошла к шкафу у стены. Достала что-то завернутое в ткань — свёрток размером с толстую книгу.

— Это на дорогу, — сказала она, протягивая ему. — Бутерброды и... кое-что ещё.

Алекс взял свёрток. Мягкий, но с чем-то твёрдым внутри. Что там она не объяснила, он не спросил. Потом посмотрит.

— Пора, — сказал отец, глянув на часы. — Поезд ждать не будет.

Они вышли из-за стола. Алекс поднялся к себе за чемоданом, спустился к входной двери. Родители ждали — мать одевалась в лёгкую мантию, отец уже был готов.

Последний взгляд на дом. Прихожая с вешалкой, шкаф, краешек гостиной за поворотом, лестница наверх. Месяц назад он очнулся здесь, в чужом теле, в чужой жизни. Теперь этот дом был... привычным. Не своим, но привычным.

Мать закрыла дверь, коснулась её палочкой — запирающее заклинание, он уже знал этот жест.

— Аппарируем, вы первые, я за вами, — сказала она. — Переулок рядом с Кингс-Кросс. Отец протянул руку. Алекс взялся за неё, второй рукой сжимая ручку чемодана.

— Держись крепче.

Знакомое ощущение. Сжатие — будто весь мир схлопывается в точку. Давление со всех сторон, рёбра трещат, лёгкие отказываются работать. Темнота, свист, падение и полёт одновременно — Выброс.

Алекс стоял в узком переулке, зажатом между кирпичными стенами. Мусорные баки, запах гнили, лужа под ногами. Типичный лондонский закоулок, каких тысячи. Желудок подкатил к горлу, но не так сильно, как в первый раз. Тело училось.

Мать появилась рядом — беззвучно, без малейших признаков дискомфорта. Огляделась быстро, профессионально — аврор даже в выходной.

— Все в порядке. Идём.

Они вышли из переулка на залитую солнцем улицу. Кингс-Кросс был в сотне метров — Алекс видел характерную арку, толпу людей у входа, красные автобусы, ползущие по дороге.

Маггловский мир. Нормальный, обычный, понятный. Люди спешили мимо, тащили чемоданы, говорили в телефонных будках. Никто не обращал внимания на семью из трёх человек, идущую к вокзалу. Просто родители провожают сына куда-то. Ничего особенного.

Алекс шёл между ними, краем глаза посмотрел на мать — прямая осанка, собранные волосы, уверенный шаг.

Мама.

Слово всплыло само, непрошеное. Он отогнал его — привычным движением, как отмахиваются от назойливой мысли. Но оно вернулось.

Мама.

Он никогда не произносил этого слова. Ни в той жизни, ни в этой. В детском доме были воспитатели — усталые женщины, которые менялись каждые полгода. На улице — никого. Потом — тоже никого, кому это слово могло бы принадлежать.

А здесь — она. Женщина, которая обняла его вчера. Которая сказала «люблю» и, кажется, имела это в виду. Которая смотрела на него каждый день, видела чужого человека в знакомом теле — и всё равно приняла.

Может, хотя бы здесь. Мысль была странной. Неудобной. Он не привык хотеть таких вещей — семьи, принадлежности, связи. Это было для других людей, нормальных людей, которые выросли в домах с родителями и ёлкой на Рождество.

Но он умер в переулке под дождём. Прошёл через Пустоту, через Ад. Получил второй шанс — случайно, нелепо, необъяснимо.

Может, частью этого шанса было право попробовать. Хотя бы попробовать — произнести слово, которое никогда не произносил.

Мама. Пусть будет.

Они вошли в здание вокзала. Гул голосов, объявления по громкой связи, запах кофе и машинного масла. Толпа несла их вперёд — к платформам, к табло с расписанием, к жизни, которая текла здесь каждый день, не зная о магии, о палочках, о мальчике со шрамом.

— Сюда, — сказала мать, сворачивая к платформам 9 и 10.

Они остановились между ними. Обычная кирпичная колонна — ничем не примечательная, такая же, как десятки других.

— Просто иди, — сказала мать. — Не останавливайся, не думай о стене. Она пропустит.

Алекс посмотрел на колонну. Твёрдый кирпич, швы раствора, пятно от чьей-то жвачки на уровне колена. Ничто не выдавало, что за ней — другой мир.

— Я первая, — сказала мать. — Смотри.

Она пошла к колонне — уверенно, не замедляясь. Шаг, другой — и исчезла. Просто прошла сквозь кирпич, будто его не было.

— Давай, — сказал отец. — Я за тобой.

Алекс двинулся вперёд. Колонна приближалась — твёрдая, настоящая, несомненно существующая.

Он не замедлился.

Шаг. Ещё шаг. Кирпич — прямо перед лицом... Ощущение было странным. Как шагнуть сквозь водопад — только сухой. Лёгкое сопротивление, покалывание на коже, мгновение темноты — И шум.

Шум обрушился сразу — голоса, крики, свист пара, уханье сов. Алекс моргнул, привыкая к свету. Платформа девять и три четверти.

Алый паровоз стоял у перрона — огромный, блестящий, с табличкой «Хогвартс-экспресс» на боку. Пар поднимался от локомотива, рассеиваясь в солнечном свете, проникающем сквозь стеклянную крышу. Вдоль платформы толпились люди — сотни людей в мантиях, с чемоданами, клетками, котлами.

Дверь внутри дрогнула. Коротко, резко — как от удара. Здесь было много магии. Слишком много. Барьер, поезд, люди — всё пропитано ею, всё фонило, всё отзывалось где-то глубоко внутри, там, где она ждала.

Алекс сделал вдох. Выдох. Привычное упражнение — отодвинуть, не думать, сосредоточиться на внешнем.

А окружение было впечатляющим.

Совы в клетках — десятки сов, ухающих, хлопающих крыльями, поворачивающих головы на сто восемьдесят градусов. Кошки — рыжие, чёрные, полосатые — шныряли между ногами, некоторые сидели на плечах хозяев. Жабы квакали из карманов. Крысы высовывали носы из сумок.

— Тревор! Тревор, где ты?! — кричал кто-то в толпе.

Носильщики в форме катили тележки с сундуками. Семьи обнимались, дети махали из окон вагонов. Кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то давал последние наставления громким голосом.

Мать стояла рядом, ждала. Когда отец появился из барьера за спиной Алекса, она кивнула:

— Идём ближе к середине. Там меньше толкотни.

Они двинулись вдоль платформы, лавируя между группами людей. Алекс смотрел по сторонам, отмечая, запоминая.

Первогодки — их было видно сразу. Нервные взгляды, новенькие сундуки, чемоданы, мантии, которые ещё не обмялись по фигуре. Они жались к родителям или, наоборот, пытались выглядеть независимыми, что получалось неубедительно.

Старшие курсы — другое дело. Уверенные движения, небрежные приветствия друзьям, прыжки в вагоны без лишних прощаний. Для них это было рутиной.

Родители делились на два типа: те, кто отпускал легко, с улыбкой и парой напутствий, и те, кто цеплялся, обнимал снова и снова, вытирал слёзы. Алекс не знал, к какому типу относились его — эти — родители.

Движение в толпе привлекло его внимание.

Худой мальчик с растрёпанными чёрными волосами, в очках. Огромный сундук на тележке, клетка с белой совой сверху. Он стоял чуть в стороне, озираясь с выражением, которое Алекс хорошо знал — не растерянность, но настороженность. Готовность к чему угодно.

Гарри Поттер. Без сомнений. Рядом с ним — рыжее семейство. Много детей, все рыжие, все шумные. Полная женщина — видимо их мать — что-то объясняла Поттеру, показывая на барьер, через который он, видимо, только что прошёл с её помощью.

Он был один. Без своей семьи. Дурсли — имя всплыло из той, другой памяти — не пришли провожать. Конечно, не пришли, учитывая их отношение.

Алекс отвёл взгляд. Не его дело. Не его история.

Они прошли ещё немного, и он заметил другую группу — на дальнем краю платформы, в стороне от основной толпы.

Люциус Малfoy. Безупречный, как на картинке из газеты. Светлые волосы, бледное лицо, трость со змеиной головой. Рядом — Драко, бледный и серьёзный, слушающий то, что отец говорил ему вполголоса.

На секунду Люциус поднял взгляд. Через толпу, через головы, прямо на Алекса. Их глаза встретились. Короткий кивок — едва заметный, почти формальный. Признание присутствия, не более.

Алекс кивнул в ответ — так же коротко, так же формально — и отвернулся. Не задержался, не привлёк внимания. Просто прошёл мимо, как будто ничего не произошло.

Но отметил: Люциус его узнал. Запомнил с Косой аллеи. Это могло быть полезно. Или опасно. Пока — просто информация.

Мать остановилась у одного из вагонов — ближе к середине поезда, как и говорила.

— Здесь, — сказала она.

Алекс поставил чемодан. Повернулся к ним.

Момент, которого он ждал. Прощание. Слова, которые нужно произнести. Мать смотрела на него — долго, внимательно. Потом шагнула вперёд и обняла. Крепко. Но не отчаянно, как вчера — спокойнее, увереннее. Как будто вчерашний разговор что-то изменил, снял какой-то барьер между ними.

— Пиши, — сказала она тихо, в его макушку. — Каждую неделю. Не отмахивайся от этого, Алекс.

— Хорошо.

— Если что-то будет не так — что угодно — сразу сообщай. Мы разберемся и поможем. Любая проблема.

— Хорошо.

Она отстранилась, но держала его за плечи ещё секунду. Смотрела в глаза.

— Я люблю тебя.

Слова повисли в воздухе. Простые слова, которые родители говорят детям. Которые он никогда не слышал — в той жизни.

— Я тоже... — Слово застряло в горле. Старое сопротивление, привычное, глухое. Но он помнил вчерашний день. Её слёзы. Её принятие.

— ...тебя люблю. Мама.

Первый раз. Вслух. При ней.

Её лицо изменилось. Не улыбка — но что-то близкое. Что-то тёплое, что он не мог прочесть. Она отпустила его плечи. Отец шагнул вперёд. Положил руку на плечо — тяжело, неловко.

— Будь осторожен. И... удачи.

Коротко. Неуклюже. Но искренне.

— Спасибо, — сказал Алекс. И добавил, прежде чем успел передумать: — Папа.

Отец моргнул. Отвёл взгляд. Кивнул. Алекс взял чемодан и поднялся по ступенькам в вагон. Тамбур пахнул старым деревом и чем-то горелым — уголь?

Он обернулся в дверях. Родители стояли на платформе — рядом, почти касаясь плечами. Мать подняла руку в прощальном жесте. Отец стоял неподвижно, руки в карманах.

Алекс помахал в ответ. Улыбнулся — для них. Не потому что чувствовал радость, а потому что они заслужили увидеть, что он в порядке. Что отпустить его — было правильным решением. Мать улыбнулась в ответ. Отец кивнул. Странное ощущение.

Не тепло — он не умел чувствовать тепло к людям, которых знал всего месяц. Но что-то похожее на... благодарность? Они могли отвернуться. Могли испугаться того, кем он стал. Не испугались. А это что-то да значило.

Свисток прорезал воздух — резкий, требовательный. Поезд вздрогнул.

Алекс отвернулся от двери и пошёл искать купе.

Коридор вагона был узким — едва разойтись двоим. С одной стороны окна, за которыми медленно уплывала платформа, с другой — двери купе, закрытые или приоткрытые, с обрывками голосов за ними.

Алекс шёл, не торопясь. Заглядывал в купе мимоходом, не задерживаясь.

Первое — полное. Четверо старшекурсников, зелёные нашивки на мантиях. Слизерин. Один из них поднял глаза, скользнул взглядом по Алексу — оценивающе, без интереса — и вернулся к разговору. Алекс прошёл мимо.

Второе — трое девочек, примерно его возраста. Хихикали над чем-то, головы склонились вместе над какой-то картинкой. Когда он заглянул, все три подняли глаза одновременно. Одна улыбнулась — дежурно, без приглашения. Он пошёл дальше.

Третье — двое мальчиков, раскладывают шахматы на столике между сиденьями. Колдовские фигуры двигались сами, переругивались тонкими голосами. «Ну куда ты меня ставишь, болван?!» — пищала пешка. Интересно, но не то. Пустое купе. Или почти пустое. Это было важно.

Не потому что он не умел общаться — умел, когда надо. Научился за годы, когда общение было инструментом выживания. Улыбнуться нужному человеку, сказать правильные слова, изобразить интерес — всё это он делал автоматически, не задумываясь.

Но каждый такой разговор требовал усилий. Каждая улыбка, каждый кивок, каждое «приятно познакомиться» — это была работа. Маска, которую нужно держать на месте. А он ещё не знал, какую маску здесь носить. Кем стать среди магов, в школе, где всё иначе.

В пустом купе можно было не притворяться. Почитать. Подумать. Понаблюдать за коридором через приоткрытую дверь. Не тратить силы на то, что всё равно придётся делать весь год. Четвёртое купе — пусто, но на сиденьях лежали чьи-то сумки Занято.

Пятое — он едва заглянул и тут же отвернулся. Двое старшекурсников, слишком близко друг к другу. Не его дело.

Шестое — один мальчик, круглолицый, несчастный вид. В руках — жаба, которую он сжимал так, будто она могла исчезнуть в любой момент. Судя по крикам «Тревор!» на платформе — могла. Не лучший выбор, жаба по-любому ещё доставит проблем.

Поезд набирал скорость, платформа давно исчезла, за окнами мелькали лондонские пригороды.

Последнее купе в этом вагоне. Дверь была чуть приоткрыта. Внутри — кто-то был. Маленькая фигура у окна. Алекс остановился. Заглянул.

Девочка. Сидела у самого окна, спиной к двери. Тёмные волосы до плеч — не расчёсаны толком, чуть спутаны на концах. Поджала ноги на сиденье, обхватила колени руками. Смотрела в окно — не на пейзаж, сквозь него. В никуда.

Одна. Тихая. Не из тех, кто будет тараторить всю дорогу или требовать внимания.

Алекс прикинул варианты. Идти дальше, искать пустое купе в других вагонах — терять время, и не факт, что найдёт. Сесть к тем, кто в группах — придётся сразу включаться в разговоры, отвечать на вопросы, поддерживать маску с первой минуты.

А здесь — девочка, которая сама не хочет, чтобы её трогали. Которая забилась в угол последнего купе именно потому, что надеялась побыть одна.

Два одиночества в одном пространстве. Никто никому ничего не должен. Его устраивало. Он толкнул дверь чуть шире. Она скрипнула.

Девочка вздрогнула. Резко повернулась — всем телом, как будто ожидала нападения. Глаза — тёмные, большие. Испуганные. Как у кошки, которую застали врасплох в чужом дворе. Секунда. Две. Она смотрела на него, он — на неё.

Потом она взяла себя в руки. Почти. Плечи всё ещё напряжены, руки всё ещё сжимают колени, но лицо — нейтральное. Ждущее.

— Можно? — Алекс кивнул на место напротив.

Она не ответила сразу. Смотрела на него — оценивала? Боялась? Он не мог сказать точно.

— Да, — сказала она наконец.

Тихо. Почти шёпот. Как будто боялась, что её услышат — хотя в коридоре никого не было.

Алекс вошёл, закрыл дверь за собой. Поднял чемодан на полку над сиденьем — легко, расширяющие чары делали его почти невесомым. Сел напротив девочки, у другого окна. Молчание.

За стеклом мелькали дома, деревья, столбы линий электропередач. Поезд стучал колёсами — ритмично, успокаивающе.

Алекс не смотрел на неё прямо, но видел периферийным зрением. Она бросала на него короткие взгляды — быстрые, из-под ресниц — и тут же отводила глаза. Руки по-прежнему сжимали колени, костяшки побелели.

Он отметил детали. Профессиональная привычка, от которой не избавиться.

Мантия на ней — школьная, но старая. Ткань чуть выцвела, рукава подвёрнуты дважды, слишком длинные для её рук. Не новая мантия, купленная к школе. Подержанная, с чужого плеча. На полу, у её ног — маленькая сумка. Потрёпанная, с потёртыми ручками. Никакого сундука в сетке над сиденьем. Всё, что у неё было — эта сумка.

Бедность. Очевидная, неприкрытая.

И страх. Она боялась — не его конкретно, всего. Нового места, чужих людей, неизвестности. Она сидела здесь одна, в последнем купе, и надеялась, что никто не войдёт. А он вошёл.

Алекс достал из сумки книгу — «Теория магии: расширенный курс». Открыл на закладке. Начал читать.

Или делать вид, что читает. На самом деле — давал ей пространство. Показывал, что не собирается заговаривать, расспрашивать, лезть в душу. Просто сидит. Просто читает.

Через несколько минут он заметил: её плечи чуть расслабились. Хватка на коленях ослабла. Она по-прежнему бросала на него взгляды, но реже, спокойнее. Он не был угрозой. Она это поняла.

Поезд вынырнул из пригородов, за окном потянулись поля. Зелёные, жёлтые, расчерченные линиями изгородей. Небо было ясным, солнце било в окна с её стороны, рисовало полосы света на полу купе.

Она смотрела на пейзаж. Он читал книгу. Молчание было почти комфортным.

Дверь распахнулась без стука.

— Алекс! Нашла!

Вихрь рыжих косичек и энергии ворвался в купе. Мэри — растрёпанная, раскрасневшаяся, сияющая — плюхнулась на сиденье рядом с ним, заняв добрую половину пространства.

— Я весь поезд обегала! Три раза! Думала, ты в другом вагоне, а ты тут!

Алекс краем глаза видел, как девочка у окна сжалась. Вжалась в угол, подтянула колени к груди, стала меньше. Будто пыталась исчезнуть.

Мэри её не замечала. Или замечала, но ей было всё равно — она смотрела только на Алекса, захлёбываясь словами.

— Ты не представляешь, что творится! Все говорят про Гарри Поттера! Он в поезде, живой Гарри Поттер! Который победил Сама-Знаешь-Кого!

— Я видел его на платформе, — сказал Алекс.

— Видел?! И не подошёл?

— Зачем?

Мэри открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Ну... познакомиться! Это же Гарри Поттер!

— Он, наверняка, устал от людей, которые хотят с ним познакомиться, потому что он Гарри Поттер.

Мэри нахмурилась, обдумывая.

— Хм. Может быть. Но всё равно интересно! — Она тряхнула головой, отбрасывая сомнения, и переключилась: — Том так злился, что его не берут! Представляешь? Ему ещё два года ждать! Сказал, что будет учить заклинания сам, пока не получит письмо.

— Опасно. Без палочки и контроля можно навредить себе.

— Я ему то же самое сказала! Но он же упрямый, весь в папу. — Она закатила глаза. — Ладно, неважно. Я хочу в Гриффиндор! Там все герои, и папа был в Гриффиндоре, и дядя Эдвард, и...

Она продолжала тараторить — про факультеты, про семью, про то, что слышала от старших. Алекс слушал вполуха, кивал в нужных местах, вставлял короткие реплики.

— Да.

— Интересно.

— Понятно.

Но часть внимания была на девочке у окна. Она сидела неподвижно, вжавшись в угол, глаза опущены. Не смотрела ни на Мэри, ни на него. Просто ждала, пока это закончится.

Мэри наконец заметила её. Или сделала вид, что только сейчас заметила.

— О! Привет! — Она повернулась к девочке всем корпусом. — Ты тоже первокурсница? Я Мэри! Мэри Причард!

Пауза. Девочка подняла глаза — медленно, неохотно.

— Энн, — сказала она тихо.

— Круто! На какой факультет хочешь?

— Не знаю...

— Ну, главное не в Слизерин! Там все злые и задаются. Папа говорит, что оттуда ни одного нормального волшебника не вышло, хотя мама говорит, что это преувеличение, но всё равно!

Энн молчала. Смотрела на Мэри как кролик на лису — не зная, бежать или замереть.

Мэри, не дождавшись ответа, вскочила.

— Ладно, я побежала! Хочу найти гриффиндорцев, может, познакомлюсь с кем-нибудь до распределения! Вдруг они знают какие-нибудь секреты про факультет! — Она уже была у двери. — Алекс, увидимся на пиру! Энн, удачи с факультетом!

Дверь хлопнула. Топот в коридоре, удаляющийся голос: «Эй, вы не видели, где тут гриффиндорцы?..»

Тишина.

Будто воздух стал легче. Или пространство — больше. Алекс вернулся к книге. Но не читал — смотрел на страницу, не видя слов. Мэри оставила после себя звенящую тишину. Как после взрыва — уши ещё гудят, хотя грохот стих.

Он ждал. Давал пространству успокоиться. Давал девочке в углу — Энн, её зовут Энн — время выдохнуть, перестать вжиматься в стену. Торопить такие вещи нельзя. Он знал это. Помнил по себе — как в детском доме после особенно громких воспитателей нужно было время, чтобы снова начать дышать нормально.

Энн расслабилась. Медленно, по частям. Плечи опустились. Руки разжались. Она снова смотрела в окно, но уже не так напряжённо. Прошла минута. Две.

— Она твоя подруга? — спросила Энн.

Тихо. Не глядя на него.

— Знакомая, — сказал Алекс, не поднимая глаз от книги. — Познакомились летом. Семьи дружат.

Пауза.

— Она... громкая.

— У неё на это талант. — Он перевернул страницу. — Думаю, в Гриффиндоре оценят. Там, говорят, любят тех, кто громче всех.

Тишина. Он поднял глаза. Она смотрела на него — и на её лице было что-то новое. Уголки губ дёрнулись вверх. Почти улыбка. Мимолётная, неуверенная, готовая исчезнуть при первом намёке на угрозу.

Но — улыбка.

— Я Алекс, кстати, — сказал он. — Раз уж она не дала представиться нормально.

— Я знаю, — сказала Энн. — Она... громко говорит.

Почти шутка. Почти. Он кивнул и вернулся к книге. Она повернулась к окну. Но что-то изменилось. В её плечах было меньше напряжения. В тишине между ними — меньше неловкости. Маленький шаг. Крошечный. Но шаг.

Через полчаса он вышел в коридор — размять ноги, сказал себе. На самом деле — посмотреть.

Коридор жил своей жизнью. Первокурсники носились туда-сюда, не зная, куда себя деть. Старшекурсники стояли группками у окон, разговаривали вполголоса. Кто-то смеялся, кто-то спорил.

Алекс прислонился к стене у своего купе, наблюдая.

Три девочки из второго купе — те, что хихикали — вывалились в коридор, всё ещё держась за какую-то картинку. Колдокарточка, понял он, когда одна из них подняла её повыше. Лицо на карточке подмигивало и кривлялось.

— Он такой красавчик! — пицала одна.

— Ты его даже не видела вживую!

— И что? Зато он великий волшебник!

Они унеслись в сторону туалетов, толкаясь и визжа.

Дальше по коридору двое мальчишек — постарше, может третий курс — яростно спорили о квиддиче.

— «Пушки» в этом году возьмут кубок!

— Ты спятил? У них вратарь дырявый, как решето!

— Это ты спятил! Миллер лучший ловец в лиге!

Они едва не перешли к драке, пока высокий парень со значком старосты не рявкнул на них из соседнего купе.

Алекс смотрел, запоминал. Имена команд, имена игроков, кто с кем дружит, кто кого ненавидит. Мелочи. Кусочки мозаики, которые потом сложатся в картину.

Круглолицый мальчик — тот самый, с жабой — прошёл мимо, бормоча себе под нос:

— Тревор... Тревор, ну где же ты...

За ним — девочка с пышными каштановыми волосами, уже в школьной мантии. Единственная, кого Алекс видел переодевшейся.

— Ты проверял под сиденьями? — спрашивала она командным тоном. — А в багажных сетках? Жабы любят тёмные места, это все знают.

— П-проверял... — мальчик выглядел несчастным. — Везде проверял...

Они прошли мимо, не заметив Алекса. Или заметив, но не обратив внимания — у них были дела поважнее.

Он вернулся в купе. Энн сидела на том же месте, в той же позе. Но когда он вошёл, она подняла глаза — коротко, быстро — и снова отвернулась к окну. Возможно проверяла, что он вернулся, что не ушёл насовсем. Интересно.

Поезд мчался на север, оставляя Лондон далеко позади. За окном поля сменялись лесами, леса — холмами. Солнце ползло по небу, меняя угол, заливая купе золотистым светом.

Алекс читал — по-настоящему теперь, не притворяясь. Глава о природе магического намерения, сложная, требующая внимания. Он делал пометки в блокноте — том самом, маггловском, с записями о тренировках.

Энн смотрела в окно. Иногда — на него, короткими взглядами. Он замечал, но не реагировал. Пусть смотрит. Стук в дверь — мягкий, но настойчивый.

— Что-нибудь с тележки, дорогие?

Полная ведьма в переднике стояла в дверях, за её спиной — тележка, заваленная сладостями. Шоколадные лягушки, тыквенное печенье, котелки с драже, ледяные мыши, берёзовые палочки. Яркие обёртки, запах сахара и шоколада.

Алекс встал, подошёл к тележке. Достал кошель — тот самый, отцовский.

— Тыквенное печенье. И шоколадную лягушку. И... — он оглядел тележку, — тыквенный сок, если есть.

— Есть, милый, конечно есть.

Он расплатился, вернулся на место с добычей. Энн не встала. Не подошла к тележке. Сидела у окна, смотрела в сторону — нарочито, напряжённо. Руки сжаты в кулаки на коленях.

Тележка укатила дальше по коридору. Стук колёс затих. Алекс открыл пачку печенья. Запах — тыква, корица, что-то сладкое и тёплое. Взял одно, откусил. Вкус был непривычным, но приятным.

Она всё ещё смотрела в окно. Но не на пейзаж — взгляд расфокусированный, пустой. Он протянул ей пачку.

— Хочешь?

Она повернулась. Посмотрела на печенье. На него. Снова на печенье.

— Я... у меня нет денег. С собой.

— Я и не прошу. Просто угощаю.

Пауза. Она не брала.

— Почему?

Вопрос был странным. Не «спасибо» или «нет, не нужно», а — «почему». Как будто бесплатное угощение было чем-то подозрительным. Ловушкой.

— Потому что их много, а я один, — сказал Алекс. — И потому что ты голодная.

Она вздрогнула. Едва заметно, но он увидел. Попал.

— Я не...

— Бери. Это просто печенье.

Она смотрела на него ещё секунду. Потом протянула руку — медленно, осторожно — и взяла. Одно печенье. Кончиками пальцев, будто оно могло обжечь.

— Спасибо.

Почти неслышно. Как первое слово в купе, когда он спросил, можно ли сесть. Он кивнул и вернулся к книге.

Краем глаза видел, как она ест. Медленно. Маленькими кусочками. Растягивая удовольствие — или пытаюсь понять, настоящее ли оно.

Он не знал её истории. Не знал, почему она здесь одна, в старой мантии, с одной сумкой и без денег на сладости. Не знал, откуда этот страх — глубокий, привычный, который не исчезает даже когда опасности нет. Но узнавал его.

Он сам когда-то был таким. Давно, в другой жизни, в детском доме. Когда любое доброе слово казалось ловушкой. Когда бесплатная еда означала, что потом попросят что-то взамен. Когда научился не верить никому, потому что каждый, кому он верил, рано или поздно исчезал. Она была такой же. Или похожей.

И именно поэтому он не стал давить. Не стал задавать вопросов, не стал изображать дружелюбие. Просто сидел рядом. Просто дал печенье. Просто был — без требований, без ожиданий.

Это не делало её другом. Он не искал друзей — не здесь, не сейчас. Не делало союзником — для союза нужно доверие, а он не доверял никому, кроме себя.

Но делало — понятной. Предсказуемой. Человеком, чьи реакции он мог просчитать, потому что сам когда-то реагировал так же.

А понятных людей было лучше держать рядом.

Дверь купе снова открылась — резко, без стука. Уже третий раз за поездку.

На пороге стоял мальчик со светлыми волосами, зачёсанными назад. Бледное острое лицо, серые глаза, надменный изгиб губ. Мантия — новая, дорогая, идеально сидящая. Драко Малфой. Алекс узнал его сразу — платформа, разговор с отцом, короткий обмен кивками.

За спиной Драко маячили ещё двое — крупные, с тяжёлыми лицами и маленькими глазами. Телохранители или что-то вроде. Стояли чуть позади, как положено свите.

Драко окинул купе быстрым взглядом. Скользнул по Алексу — задержался на секунду, что-то узнавая. Посмотрел на Энн — и едва заметно поморщился. Старая мантия, дешёвая сумка, испуганный взгляд. Не стоящая внимания.

Вернулся к Алексу.

— Ты не видел Гарри Поттера? — спросил он. — Говорят, он в поезде.

Голос был... особенный. Не требовательный, но и не просящий. Голос человека, который привык получать ответы на свои вопросы.

— Нет, — сказал Алекс ровно. — Не видел. Но, скорее всего он в начале поезда.

Это была правда. На платформе — видел, но издалека. В поезде — нет. Драко смотрел на него, чуть прищурившись. Пытался вспомнить?

— Ты Хлой, верно? — сказал он наконец. — Видел тебя на платформе. Отец упоминал твою семью.

— Да. Александр Хлой.

— Малфой. Драко Малфой.

Он произнёс своё имя с особой интонацией. Ожидание — восхищения? Узнавания? Реакции, которую это имя должно было вызывать.

— Приятно познакомиться, — сказал Алекс.

Нейтрально. Вежливо. Без подобострастия, но и без вызова. Драко чуть нахмурился — не то, что ожидал. Большинство, вероятно, либо заискивали, либо огрызались. Нейтральность сбивала с толку. Но он быстро справился. Кивнул — коротко, почти по-деловому.

— Если увидишь Поттера — дай знать, я пойду к началу поезда.

— Хорошо.

Драко развернулся и вышел, свита потянулась за ним. Дверь закрылась. Алекс смотрел ей вслед. Малфой-младший. Сын человека, который кивнул ему на платформе. Сын человека, с которым у матери какие-то «договорённости». Полезное знакомство. Потенциально.

— Кто это?

Голос Энн — тихий, напряжённый. Она сидела в углу, вжавшись в стену сильнее, чем раньше. Драко на неё даже не посмотрел по-настоящему, но она всё равно съёжилась.

— Драко Малфой, — сказал Алекс. — Его отец... влиятельный человек.

— Он... — она замялась, подбирая слово. — Он показался...

— Высокомерным?

Она кивнула.

— Он и есть, — сказал Алекс. Помолчал и добавил: — Но не опасный. Пока.

Она посмотрела на него — странно, внимательно. Как будто он сказал что-то важное, что-то, что нужно запомнить. Может, и сказал.

Следующий стук был другим — робкий, неуверенный. Костяшки пальцев едва коснулись двери. Алекс не успел ответить — дверь приоткрылась сама, и в щель просунулось круглое несчастное лицо.

— Простите... — Мальчик с жабой. Тот самый, из коридора. Глаза красные, как будто плакал или был близок к этому. — Вы не видели жабу? Её зовут Тревор, она сбежала...

За его спиной появилась девочка с пышными каштановыми волосами — та самая, в школьной мантии. Она протиснулась мимо мальчика и оглядела купе быстрым цепким взглядом.

— Мы проверяем все вагоны, — сообщила она тоном, не терпящим возражений. — Жаба могла заползти куда угодно. Вы точно её не видели?

— Нет, — сказал Алекс. — Но если увидим — дадим знать.

— Спасибо... — пробормотал мальчик убито. Он выглядел так, будто потерял не жабу, а последнюю надежду.

Девочка уже собиралась уйти, но тут её взгляд упал на книгу в руках Алекса. Глаза — карие, умные — расширились.

— О! «Теория магии»! Расширенный курс! — Она шагнула в купе, забыв про жабу. — Это же не входит в программу первого года!

— Нет.

— Я тоже читала дополнительно! — Слова посыпались из неё, как горох из прорванного мешка. — «Историю Хогвартса», конечно же, и «Возвышение и упадок тёмных искусств», и «Великие волшебники двадцатого века». Знаешь, там есть глава про Дамблдора, совершенно захватывающая, он победил Гриндевальда в сорок пятом году, представляешь? И ещё...

— Гермиона... — мальчик за её спиной переминался с ноги на ногу.

Она не обратила внимания.

— Я Гермиона Грейнджер, — сказала она, протягивая руку. — А ты?

— Алекс Хлой. — Он пожал её руку — хватка была крепкой, уверенной.

— Хлой... — Она нахмурилась. — Твои родители оба волшебники?

— Да.

— О! Значит, уже знаешь про магию. Я маглорождённая, узнала обо всём только этим летом, когда пришло письмо. — Она говорила быстро, почти без пауз. — Сначала не поверила, конечно, но потом профессор МакГонагалл пришла к нам домой и всё объяснила, и я сразу купила все учебники и прочитала их, и ещё несколько дополнительных книг, так что думаю, что не отстану от тех, кто вырос в магических семьях, хотя конечно практики у меня меньше, но теорию я знаю отлично...

— Гермиона! — Мальчик за её спиной почти стонал. — Тревор!

Она осеклась. Моргнула, будто только вспомнила, зачем пришла.

— Да! Да, конечно! — Она попятилась к двери. — Приятно познакомиться, Алекс. Может, ещё увидимся!

И исчезла в коридоре, таща несчастного мальчика за собой. Её голос удалялся: «Пойдём, Невилл, осталось ещё несколько вагонов, мы должны его найти...»

Тишина.

Алекс посмотрел на закрывшуюся дверь. Гермiona Грейнджер. Имя всплыло откуда-то — из той, другой памяти. Девочка с пышными волосами. Подруга Поттера. Что-то важное, но он не помнил что.

— Она тоже громкая, — сказала Энн.

Он повернулся. Она смотрела на дверь с выражением, которое он уже начал узнавать — смесь облегчения и настороженности.

— Другой тип громкости, — сказал Алекс. — Эта — от нервов.

— Откуда ты знаешь?

— Она переделалась в мантию за несколько часов до приезда. И читает книги, которые не нужны для учёбы. Хочет доказать, что достойна быть здесь.

Энн молчала. Смотрела на него — долго, серьёзно.

— А ты? — спросила она наконец.

— Что — я?

— Ты тоже читаешь книги, которые не нужны.

Пауза. Он не ожидал этого. Не от неё — тихой, забитой, почти невидимой.

— Мне просто интересно, — сказал он.

Она кивнула. Медленно. Не поверила, но не стала спорить. Умная. Под всем этим страхом — умная. Видит больше, чем показывает.

Время тянулось. За окном поля давно сменились холмами, холмы — лесами. Небо потемнело, из ярко-голубого стало серым, потом — почти чёрным. Фонари в коридоре зажглись сами — тёплый жёлтый свет.

Алекс отложил книгу. Глаза устали.

— Что ты читаешь? — спросила Энн.

Он показал обложку.

— Это... сложно?

— Местами. Но интересно. — Он помолчал. — Ты ведь ничего не знаешь про магию?

Она покачала головой.

— Я маглорождённая, — сказала она тихо. — Мама не верила, пока письмо не пришло. Думала, что я... — пауза, — что со мной что-то не так.

— Случайная магия?

Кивок.

— Вещи летали. Иногда. Когда я злилась или... — ещё одна пауза, длиннее, — или боялась.

Молчание.

— В школе научат контролировать, — сказал Алекс.

— А если не получится?

— Получится. Все учатся.

Она смотрела на него — всё ещё настороженно, всё ещё не веря до конца. Но слушала.

— Ты говоришь так, будто уверен, — сказала она.

— Я уверен. Магия — это навык. Как читать или писать. Кому-то даётся легче, кому-то сложнее, но научиться может каждый.

— Откуда ты знаешь, что я научусь?

Вопрос был острым. Под ним — что-то глубокое, болезненное. Не просто сомнение в своих способностях. Что-то большее.

— Потому что ты здесь, — сказал Алекс. — Письмо пришло. Значит, магия в тебе есть. Остальное — практика.

Она молчала. Смотрела на него так, будто он сказал что-то невозможное.

— Спасибо, — сказала она наконец.

— За что?

— За то, что не смеёшься.

Он не понял. Смеяться над чем?

— Почему я должен смеяться?

— Все смеялись. — Голос стал ещё тише. — В школе. Когда я говорила про странные вещи.

Пауза.

— Здесь странные вещи — норма, — сказал Алекс.

Почти улыбка. Мимолётная, как тень облака. Но уже третья за день.

— Я Энн, — сказала она. — Энн Каспер. Я не говорила раньше... полное имя.

— Алекс.

— Просто Алекс?

— Просто Алекс. Хлой — фамилия. Но Алекс достаточно.

Она повторила про себя — он видел, как шевелятся губы. Запоминала.

Голос разнёсся по поезду — громкий, будто из ниоткуда:

— Прибываем в Хогсмид через пять минут. Пожалуйста, оставьте вещи в поезде, их доставят отдельно.

Суeta в коридоре — топот, голоса, хлопанье дверей. Поезд начал замедляться.

Алекс встал, убрал книгу в сумку на полке. Энн тоже поднялась — медленно, неуверенно, будто не знала, что делать дальше.

— Думаю пора надевать мантии, — сказал он.

Впрочем, она уже была в ней — той самой, старой, с подвёрнутыми рукавами. Но всё равно кивнула, благодарная за совет.

Поезд остановился с протяжным скрипом. Фонари за окном — редкие, далёкие. Темнота — густая, плотная, деревенская.

Коридор заполнился людьми. Накинув мантию, Алекс вышел из купе, Энн — за ним. Не рядом, но близко. На расстоянии вытянутой руки.

Выход из вагона — ступеньки, холодный воздух, пар от дыхания. Платформа была маленькой, деревянной, освещённой единственным фонарём.

— Первокурсники! Первокурсники, сюда!

Голос — громче всех остальных. Густой, низкий, как гул колокола.

Алекс повернулся на звук — и увидел. Человек. Или не совсем человек. Огромный — выше любого, кого Алекс встречал в обеих жизнях. Широкий, как шкаф. Лицо заросло косматой бородой, глаза блестели в свете фонаря, который он держал в руке размером с крышку мусорного бака.

— Все первокурсники здесь? — прогудел он, оглядывая толпу. — Идём, идём, не отставайте!

Хагрид. Имя всплыло само. Огромный бородатый человек с тортом..Толпа первоодков двинулась за ним — по узкой тропинке, уходящей в темноту леса. Фонарь Хагрида покачивался впереди, единственный ориентир в чернильной тьме.

Энн шла рядом с Алексом. Не хватала за руку, не жалась — просто держалась близко. Как будто боялась потеряться.

Тропинка вилась между деревьями. Корни цеплялись за ноги, ветки хлестали по лицу. Кто-то впереди спотыкался, кто-то охал. Хагрид шагал уверенно, не оглядываясь, будто ходил

этой дорогой тысячу раз. Наверное, так и было. Лес расступился внезапно. Тропинка вывела к берегу — чёрная вода, гладкая, как стекло. Озеро. И на другом берегу —

— Ух ты... — выдохнул кто-то рядом.

Хогвартс.

Замок стоял на скале, вырастая из неё, будто был частью камня. Башни уходили в небо, теряясь в темноте. Сотни окон горели тёплым жёлтым светом, отражаясь в воде — как второй замок, перевёрнутый, уходящий в глубину. Магия была везде — в воздухе, в воде, в каждом камне. Древняя, густая, тяжёлая. Она давила на рёбра, гудела в костях, звенела в ушах.

Алекс сделал вдох. Выдох. Привычное упражнение.

— По четыре в лодку! — скомандовал Хагрид. — Давайте, не толпитесь!

На берегу покачивались лодки — маленькие, деревянные, без вёсел. Десятки лодок, выстроившихся вдоль причала.

Алекс шагнул в ближайшую. Лодка качнулась под его весом, но устояла. Энн села рядом — быстро, пока место не заняли другие. Следом — круглолицый Невилл, всё ещё несчастный, и незнакомая девочка с косичками.

— Все сели? — прогудел Хагрид откуда-то сзади. — Тогда — вперед!

Лодки тронулись сами — без вёсел, без мотора. Заскользили по воде бесшумно, оставляя за собой расходящиеся круги.

Замок приближался. Рос, заполняя всё поле зрения. Башни, шпили, стены — древние, покрытые мхом и плющом. Окна смотрели на озеро, как сотни глаз.

— Головы ниже! — крикнул Хагрид.

Лодки нырнули под скалу — в тоннель, скрытый занавесом плюща. Темнота, капли воды с потолка, эхо плеска. Потом — свет. Подземная гавань. Каменный причал, ступени, уходящие вверх.

Алекс выбрался из лодки первым. Обернулся — и протянул руку. Автоматически. Не думая.

Энн взяла её — на секунду, чтобы не упасть на мокрых камнях. Пальцы — холодные, тонкие. Она отпустила сразу, как только ступила на причал. Но посмотрела на него — коротко, быстро. Что-то мелькнуло в глазах. Благодарность? Удивление?

Хагрид повёл их вверх по лестнице — бесконечные ступени, холодный камень, факелы на стенах. Наконец — дверь. Огромная, дубовая, с железными кольцами вместо ручек.

Великан постучал — три раза, тяжело. Дверь открылась сама.

За ней стояла женщина. Высокая, прямая, в изумрудно-зелёной мантии. Строгое лицо, очки в тонкой оправе, тёмные волосы собраны в тугий узел. МакГонагалл.

— Первокурсники, профессор Хагрид, — сказала она. Голос был таким же строгим, как лицо. — Благодарю вас.

— Не за что, профессор МакГонагалл. — Хагрид отступил в сторону. — Все целы, никто не утонул.

Шутка? Алекс не был уверен.

— Следуйте за мной, — сказала МакГонагалл и развернулась, не дожидаясь ответа.

Они пошли за ней — через огромный холл с мраморными лестницами, мимо портретов, которые шептались и показывали пальцами, мимо рыцарских доспехов, которые поворачивали головы вслед процессии.

Энн шла рядом с Алексом. Молча. Не оглядываясь по сторонам, как другие, — смотрела только вперёд. На спину МакГонагалл. На следующий шаг.

Она держалась близко всю дорогу. От купе до лодки, от лодки до замка. Не потому что он звал — он не звал. Не потому что они друзья — они познакомились несколько часов назад. Просто он был единственным, кто не отвернулся. Кто сел рядом, не задавая вопросов. Кто угостил печеньем и не посмеялся над её страхами.

Видимо для неё этого было достаточно. Пока.

Он не знал, хорошо это или плохо. Не знал, чего она ждёт и чего хочет. Знал только одно: она его запомнила.

МакГонагалл остановилась перед следующей дверью — высокой, резной, с гербами четырёх факультетов. За ней слышался гул голосов — сотни голосов, слившихся в один непрерывный шум.

— Распределение начнётся через несколько минут, — сказала МакГонагалл, обернувшись к первокурсникам. — Приведите себя в порядок. Поправьте мантии, причешитесь... — её взгляд остановился на Невилле, — ...застегните плащ правильно.

Невилл залился краской и принялся возиться с застёжками.

— Я вернусь за вами, когда всё будет готово, — продолжила МакГонагалл. — Ждите здесь. Молча.

Она вошла в дверь и закрыла её за собой.

Первокурсники остались в коридоре — кучка нервных детей, переминающихся с ноги на ногу, шепчущихся, оглядывающихся по сторонам.

Алекс одёрнул мантию. Рядом Энн сделала то же самое — машинально, повторяя его движение.

Гул за дверью стал громче. Потом — тише.

Дверь открылась.

— Идёмте, — сказала МакГонагалл.

Глава 10. Выбор сделан

Большой зал обрушился на него сразу — светом, шумом, масштабом.

Четыре длинных стола тянулись от входа до противоположной стены, заполненные студентами в чёрных мантиях. Сотни лиц повернулись к дверям, сотни глаз уставились на процессию первокурсников. Свечи парили под потолком — тысячи свечей, висящих в воздухе без всякой опоры, заливая зал тёплым золотистым светом.

Потолок... Алекс поднял голову — и на секунду забыл дышать.

Потолка не было. Вместо него — небо. Ночное, бархатно-чёрное, усыпанное звёздами. Луна висела прямо над головой, круглая и яркая, будто до неё можно было дотянуться рукой.

— Он заколдован, чтобы выглядеть как небо снаружи, — прошептал кто-то рядом. Гермiona. — Я читала об этом в «Истории Хогвартса».

Конечно, читала.

Внутри замка магия чувствовалась ещё сильнее, чем снаружи. Стены, пол, воздух — всё было пропитано ею, всё гудело на какой-то частоте, которую он чувствовал, хоть и не мог понять как.

МакГонагалл вела их между столами — к дальнему концу зала, где на возвышении стоял ещё один стол. Учительский. За ним сидели взрослые волшебники и ведьмы, наблюдая за приближающейся процессией.

В центре — старик. Длинная серебристая борода, такие же волосы, очки-половинки на крючковатом носу. Голубые глаза — яркие, пронзительные, будто видящие насквозь.

Дамблдор. Имя всплыло само, без усилий. Директор. Что-то важное, что-то связанное с Поттером и Волдемортом, но детали ускользали.

Старик смотрел на первокурсников с лёгкой улыбкой. Добродушной? Или просто привычной — маской, которую он носил так давно, что она приросла к лицу?

Алекс не знал. И не собирался гадать. Пока — просто отметил и пошёл дальше. МакГонагалл остановилась перед возвышением. Рядом с ней стоял табурет — старый, деревянный, с потёртым сиденьем. На табурете лежала шляпа.

Шляпа. Остроконечная, чёрная, залатанная и грязная. Она выглядела так, будто её нашли на помойке и забыли выбросить. Складки ткани образовывали что-то вроде лица — морщинистого, древнего.

Зал затих. Полная тишина — ни шёпота, ни звяканья посуды.

И тогда шляпа запела.

Прорезь у основания раскрылась, как рот, и из неё полился голос — низкий, хриплый, но мелодичный. Она пропела какую-то песенку о распределении, ничего особенного, но зал взорвался аплодисментами. Шляпа согнулась в нелепом поклоне — сама по себе, без чьей-либо помощи.

Алекс смотрел на неё, не аплодируя. Распределяющая шляпа. Заглядывает в голову. Видит мысли, желания, страхи. Решает, куда тебе идти. Что она увидит в нём?

Взрослое сознание в детском теле? Память о другой жизни, о крови и грязи, о смерти в переулке под дождём? Дверь, за которой что-то ждёт? Или просто мальчика одиннадцати лет, который хочет спокойной жизни?

МакГонагалл развернула длинный свиток пергамента.

— Когда я назову ваше имя, вы сядете на табурет и наденете шляпу, — сказала она. — Шляпа объявит ваш факультет.

Она посмотрела на свиток.

— Эббот, Ханна!

Девочка с розовым лицом и светлыми косичками выбежала из толпы. Споткнулась о собственную мантию, покраснела ещё сильнее. Села на табурет, надела шляпу.

Пауза. Секунда, две.

— ХАФФЛПАФФ! — выкрикнула шляпа.

Стол справа взорвался аплодисментами. Девочка, сияя, побежала к ним, села рядом со старшекурсниками.

— Боунс, Сьюзен!

Ещё одна девочка — рыжеватая, с косой. Шляпа едва коснулась её головы.

— ХАФФЛПАФФ!

Снова аплодисменты справа.

Алекс следил за процессом, отмечая закономерности. Время распределения варьировалось — от секунды до полуминуты. Одни шли уверенно, другие — как на казнь. Шляпа выкрикивала названия факультетов с разной интонацией, будто у неё были предпочтения.

— Браун, Лаванда!

— ГРИФФИНДОР!

Стол слева приветствовал новенькую.

— Булстроуд, Миллисент!

— СЛИЗЕРИН!

Стол в дальнем углу — сдержанные хлопки, холодные улыбки.

— Грейнджер, Гермиона!

Гермиона почти бегом бросилась к табурету. Нахлобучила шляпу так, что та съехала на нос.

Долгая пауза. Очень долгая — почти минута. Зал начал перешёптываться.

— ГРИФФИНДОР!

Она вскочила, сияя, побежала к столу. На её лице было облегчение — огромное, почти осязаемое.

Ещё несколько имён. Буква «Х» приближалась.

— Хлой, Александр!

Его очередь.

Он пошёл к табурету — ровным шагом, не торопясь. Сел. Ткань сиденья была тёплой от предыдущих.

Шляпа опустилась на голову.

Темнота.

И голос.

«Ого», — сказал голос. Древний, скрипучий, с ноткой удивления. — «Интересно. Очень интересно».

Алекс не ответил. Ждал.

Молчание.

«Ум есть. О да, ум определённо есть. Рейвенкло был бы рад тебе».

Пауза.

«Амбиции? Своеобразные. Ты не хочешь власти — не по-настоящему. Хочешь безопасности. Хочешь, чтобы тебя оставили в покое. Но средства, которые ты готов использовать... Слизерин оценил бы».

Алекс молчал. Шляпа видела. Шляпа понимала. Не всё — но достаточно.

«Храбрость? Гриффиндор?» — В голосе послышалось сомнение. — «Нет. Не то. Ты храбр, когда нужно, но не ищешь храбрости ради неё самой. Не рвёшься в бой».

Пауза.

«Так куда же тебя?»

«Хаффлпафф», — подумал Алекс чётко, ясно.

«Хаффлпафф?» — Голос звучал удивлённо. — «Ты уверен? Слизерин дал бы тебе инструменты. Рейвенкло — знания. А Хаффлпафф...»

«Хаффлпафф», — повторил он. — «Тихое место. Никто не ждёт подвигов. Никто не присматривается».

Долгое молчание.

«Хм», — сказал голос наконец. — «Ты знаешь, чего хочешь. Это редкость. Большинство приходит ко мне с кашей в голове — мечты, страхи, желания родителей...»

Пауза.

«Но ты должен знать: Хаффлпафф — это не место, где прячутся. Это место, где работают. Где держат слово. Где ценят верность и честность».

«Я понимаю».

«Понимаешь ли?» — Голос стал тише, серьезнее. — «Ты не такой, как они. Не ценишь дружбу, родство, товарищество. Ты можешь жить среди них, но не станешь одним из них. Ты это знаешь?»

«Знаю».

«И всё равно хочешь туда?»

«Да».

Пауза. Самая длинная.

«Что ж», — сказал голос. — «Выбор сделан. Посмотрим, к чему он приведёт».

И громко, на весь зал:

— ХАФФЛПАФФ!

Аплодисменты справа — тёплые, дружелюбные, без того надрыва, с которым Гриффиндор встречал своих. Алекс снял шляпу, отдал её МакГонагалл — та смотрела на него без особого интереса, уже поворачиваясь к свитку — и пошёл к столу с жёлто-чёрными знамёнами.

Хаффлпафф.

Он сделал это. Тихое место. Факультет, от которого ничего не ждут. Теперь — не облажаться.

Стол был длинным, заполненным студентами всех возрастов. Лица — открытые, любопытные, улыбающиеся. Кто-то махал ему рукой, показывая на свободное место. Кто-то хлопал по плечу проходящих мимо первокурсников.

Алекс сел на одно из свободных мест ближе к середине. Рядом уже устроились Ханна и Сьюзен — шептались о чём-то, не обращая на него внимания.

Распределение продолжалось.

— Каспер, Энн!

Алекс повернулся.

Энн стояла неподвижно — замершая, бледная. Она смотрела на табурет так, будто он был ловушкой.

— Каспер, Энн! — повторила МакГонагалл громче.

Кто-то толкнул её в спину. Она споткнулась, пошла вперёд — на негнувшихся ногах, опустив голову. Шляпа опустилась на её голову. Съехала почти до носа — слишком большая для маленькой головы. Тишина. Долгая тишина. Тридцать секунд? Сорок?

Энн сжимала край табурета до белых костяшек. Её губы шевелились — беззвучно, будто она спорила с кем-то.

— ХАФФЛПАФФ!

Она дёрнулась, как от удара. Сняла шляпу, отдала её — руки дрожали. Пошла к столу.

Алекс наблюдал, как она идёт. Медленно, неуверенно, глядя себе под ноги. Мимо занятых мест, мимо смеющихся групп, мимо людей, которые не смотрели в её сторону.

Она села на самый край стола — там, где лавка почти упиралась в стену. Одна. Два свободных места с каждой стороны, будто вокруг неё было невидимое поле.

Никто не подвинулся. Никто не позвал.

Алекс смотрел на неё — на сгорбленные плечи, на опущенную голову, на руки, сжатые в кулаки на коленях. Что-то шевельнулось внутри. Не жалость — он разучился жалеть ещё в той жизни. Но что-то похожее. Узнавание, может быть. Он помнил это чувство: сидеть одному, когда вокруг все вместе. Быть лишним в комнате, полной людей.

Детский дом. Школьная столовая. Угол, где никто не сядет рядом, потому что ты — странный, тихий, не такой как все.

Распределение продолжалось. Имена, факультеты, аплодисменты. Алекс не слушал.

Он встал.

Джастин удивлённо посмотрел на него. Ханна и Сьюзен даже не заметили. Алекс прошёл вдоль стола — мимо старшекурсников, мимо первокурсников, уже сбивающихся в группки — к самому краю. К ней. Сел рядом.

Энн подняла голову — резко, будто не ожидала. Посмотрела на него широко раскрытыми глазами. В них было что-то... не страх. Удивление. И что-то ещё, чему он не знал названия.

— Привет снова, — сказал он.

— Привет. — Голос тихий, но в нём что-то новое. Облегчение? — Ты тоже в Хаффлпаффе.

— Похоже на то.

Она почти улыбнулась. Почти.

— Я рада.

Простые слова. Но то, как она их произнесла — тихо, искренне, будто призналась в чём-то важном — сказало больше.

Алекс кивнул и повернулся к залу.

Он не знал, зачем это сделал. Логика подсказывала: держаться ближе к центру, к тем, кто уже формирует связи. Не к одиночке на краю стола.

Но логика — не всё. Иногда... иногда просто хочется, чтобы кто-то сел рядом. Он это помнил по себе.

— Лонгботтом, Невилл!

Распределение продолжалось.

— Лонгботтом, Невилл!

Круглолицый мальчик с жабой шёл к табурету так, будто его вели на эшафот. Шляпа думала долго — ещё дольше, чем над Гермионой.

— ГРИФФИНДОР!

Невилл ушёл, забыв снять шляпу. Вернулся под смех зала, отдал её следующему, красный как помидор.

— Малфой, Драко!

Драко шёл к табурету с видом победителя. Сел, надел шляпу —

— СЛИЗЕРИН!

Шляпа едва коснулась его головы. Меньше секунды.

Драко улыбнулся — холодно, удовлетворённо — и пошёл к столу в дальнем углу. Крэбб и Гойл, распределённые раньше, уже ждали его там. Имена продолжались.

— Поттер, Гарри!

Шёпот прокатился по залу — волна, нарастающая, захлёстывающая.

«Поттер? Тот самый Поттер?»

Худой мальчик с растрёпанными волосами шёл к табурету медленно, будто каждый шаг давался с трудом. Сотни глаз впились в него. Люди привставали, чтобы лучше видеть. Он сел. Надел шляпу. Она сползла ему на глаза. Тишина. Абсолютная. Секунда. Десять. Двадцать. Зал не дышал.

— ГРИФФИНДОР!

Стол слева взорвался. Люди вскакивали, кричали, хлопали. Двое рыжих близнецов скандировали: «Мы получили Поттера! Мы получили Поттера!»

Поттер снял шляпу, отдал МакГонагалл, пошёл к столу. Его лицо было бледным, ошарашенным.

Алекс смотрел на него. Мальчик, который выжил. Центр внимания. Центр событий. Держаться подальше. Не вмешиваться.

— Уизли, Рональд!

Рыжий мальчик — один из того семейства с платформы — сел на табурет. Шляпа едва коснулась его головы.

— ГРИФФИНДОР!

Стол слева взорвался снова. Близнецы, которые скандировали про Поттера, вскочили, хлопая брата по спине.

— Забини, Блейз!

Последний. Высокий темнокожий мальчик с надменным лицом. Шляпа думала несколько секунд.

— СЛИЗЕРИН!

МакГонагалл свернула пергамент. Унесла табурет и шляпу. Зал затих. Дамблдор поднялся.

Он был высоким — выше, чем казался сидя. Мантия — фиолетовая, расшитая серебряными звёздами — струилась до пола. Он раскинул руки, будто обнимая весь зал, и улыбнулся.

— Добро пожаловать, — сказал он. Голос был негромким, но слышался в каждом углу. — Добро пожаловать в новый учебный год в Хогвартсе. Прежде чем мы начнём пир, я хотел бы сказать несколько слов. Вот они: Олух! Плакса! Остаток! Щипок! Благодарю.

Он сел. Зал захлопал — кто-то искренне, кто-то растерянно. Алекс смотрел на старика, пытаясь понять. Безумие? Эксцентричность? Или что-то другое — проверка, тест, послание, которое он не мог расшифровать? Не важно. Потом.

Потому что столы больше не были пустыми.

Еда появилась из ниоткуда — горы еды, заполнившие каждый дюйм поверхности. Жареная курица, запечённая картошка, мясные пироги, овощи в соусе, йоркширский пудинг. Кувшины с тыквенным соком, корзины с хлебом, соусники, полные чего-то тёмного и ароматного.

— Ух ты, — выдохнул кто-то рядом.

Алекс положил себе на тарелку — немного всего, попробовать. Еда была горячеей, свежей, вкусной. Лучше, чем в любом ресторане, в котором он бывал в той, другой жизни.

Рядом Энн смотрела на тарелки с выражением, которое он уже начинал узнавать. Голод, прикрытый нерешительностью. Желание, задавленное привычкой не брать лишнего.

— Ешь, — сказал он негромко. — Здесь хватит на всех.

Она посмотрела на него — коротко, быстро — и потянулась за куриной ножкой. Вокруг них гудел разговор. Первокурсники знакомились друг с другом, старшекурсники обсуждали лето, призраки — призраки! — проплывали сквозь стол, заставляя кого-то вскрикивать от неожиданности.

— Добро пожаловать в Хаффлпафф! — Полный розоволицый призрак в монашеской рясе завис над их концом стола. — Я Толстый Монах, призрак факультета. Надеюсь, вам у нас понравится!

Кто-то из первокурсников пискнул. Кто-то засмеялся нервно. Призрак улыбнулся добродушно и поплыл дальше. Алекс ел, слушал, наблюдал. Справа от него — девочка с косичками, та самая из лодки. Ханна, кажется. Болтала с другой девочкой — Сьюзен, рыжеватая, с косой. Они уже подружились, успели обсудить семьи, дома, ожидания от школы.

Слева — Энн. Молча ела, не поднимая глаз. Иногда бросала быстрые взгляды на него — проверяла, что он ещё здесь. Через несколько мест — мальчик, которого распределили раньше.

Джастин Финч-Флетчли, магглорождённый, судя по тому, как он разглядывал всё вокруг с восторженным изумлением.

Ещё дальше — Эрни Макмиллан. Пухлый, важный, рассказывал соседям про свою семью: «Мы волшебники в девятом поколении, знаете ли...»

Захария Смит — худой, с надменным выражением лица. Единственный за столом, кто не улыбался. Сидел особняком, ел молча, смотрел на окружающих с плохо скрываемым презрением.

Алекс запоминал. Лица, имена, манеры. Кто с кем разговаривает, кто кого сторонится, кто претендует на лидерство. Информация. Фундамент для будущих решений.

Десерт сменил основные блюда — пироги, торты, мороженое, пудинги. Алекс взял кусок яблочного пирога, больше для вида.

— Ты тихий, — сказал кто-то.

Он повернулся. Старшекурсник — лет пятнадцать-шестнадцать, с жёлто-чёрным галстуком и значком префекта на груди. Круглое добродушное лицо, светлые волосы.

— Габриэль Труман, — представился он. — староста Хаффлпаффа. Ты — Александр, верно?

— Алекс.

— Алекс. — Габриэль кивнул. — Добро пожаловать на факультет. Если будут вопросы — спрашивай. Это касается всех первокурсников, — он повысил голос, обращаясь ко всем новичкам. — Хаффлпафф — семья. Мы помогаем друг другу. Не стесняйтесь.

Несколько первокурсников закивали. Энн не шевельнулась, но Алекс видел — она слушала.

Семья. Интересная концепция для факультета. Он не знал, что с ней делать. В прошлой жизни семьи не было. В этой — была, но чужая, не настоящая, построенная на фундаменте из лжи.

А теперь ему предлагали ещё одну. Факультет-семью. Место, где помогают друг другу, где держат слово, где ценят верность и дружбу. Шляпа была права. Он не такой, как они. Никогда не будет. Но это не значило, что он не может среди них жить.

Десерты исчезли так же внезапно, как появились. Тарелки опустели, кубки наполнились в последний раз. Зал затих. Дамблдор поднялся снова.

— Ну вот, — сказал он, — теперь, когда мы все наелись и утолили жажду, ещё несколько слов о правилах на этот год. Первокурсники должны знать, что ученикам запрещено входить в лес на территории школы. Некоторым старшим ученикам тоже не помешает об этом вспомнить.

Его взгляд скользнул по Гриффиндорскому столу. Близнецы Уизли ухмыльнулись.

— Мистер Филч, наш завхоз, также просил напомнить, что колдовать в коридорах между уроками запрещено. Отбор в команды по квиддичу состоится на второй неделе семестра. Желющие попасть в сборную факультета — обращайтесь к мадам Трюк.

Он помолчал. Улыбка исчезла с его лица.

— И наконец. В этом году коридор на третьем этаже справа закрыт для всех, кто не хочет умереть очень мучительной смертью.

Тишина. Кто-то нервно хихикнул, решив, что это шутка. Дамблдор не улыбался.

— А теперь — спать. Живо, живо!

Скамьи заскрипели. Сотни студентов поднялись одновременно, потянулись к выходу. Шум голосов наполнил зал — смех, болтовня, топот ног.

— Первокурсники Хаффлпаффа! — крикнул Габриэль. — За мной!

Алекс встал.

Они вышли из Большого зала, спустились по лестнице — не вверх, как другие факультеты, а вниз. В подвалы. Коридоры здесь были низкими, освещёнными факелами, с каменными стенами и бочками вдоль них.

— Хаффпафф — факультет, расположенный в подземельях, как и Слизерин, — говорил Габриэль на ходу. — Но наши подземелья уютнее. Вот увидите.

Он остановился перед нишей в стене. В нише — стопка бочек, на вид ничем не примечательных.

— Смотрите внимательно. Вход в гостиную — вторая бочка снизу, в середине второго ряда. Нужно постучать в ритме «Хель-га Хафф-л-пафф». — Он продемонстрировал — два удара, пауза, три удара. — Если ошибётесь или постучите в неправильную бочку — обольёт уксусом. Так что запоминайте.

Крышка бочки отъехала в сторону, открывая проход.

— Добро пожаловать домой.

Они протиснулись внутрь — один за другим, через низкий круглый лаз — и оказались в гостиной. Алекс остановился, оглядываясь.

Тепло. Это было первое, что он почувствовал. Тёплый воздух, пахнувший землёй и мёдом. Тёплый свет — медовый, золотистый — от ламп и свечей.

Гостиная была круглой, с низким потолком и круглыми окнами, за которыми виднелась темнота — они были под землёй, но окна всё равно были, выходящие в какие-то освещённые ниши с растениями.

Мебель — мягкая, потёртая, в жёлтых и коричневых тонах. Кресла и диваны, расставленные группами. Столы для занятий. Камин — большой, с потрескивающим и дровами и ярким огнем.

Растения везде. На подоконниках, на полках, свисающие с потолка. Живые, зелёные, некоторые — цветущие. Факультет травологии, вспомнил он. Профессор Спраут — декан Хаффпаффа.

— Спальни мальчиков — налево, — продолжал Габриэль. — Девочек — направо. Ваши вещи уже там. Завтрак в Большом зале с семи до девяти, расписание получите утром. Вопросы? Молчание. Все слишком устали, слишком ошеломлены.

— Тогда спать. Завтра трудный день.

Первокурсники разбрелись. Девочки пошли направо — Ханна с Сьюзен, ещё кто-то. Энн шла последней, не оглядываясь. Алекс повернул налево.

Спальня была небольшой — четыре кровати с балдахинами, четыре тумбочки, четыре сундука у изножий. Круглые окна, те же растения на подоконниках, тот же тёплый свет.

Его сундук стоял у кровати в углу, ближе к выходу. Он выбрал бы именно это место — ближе к двери, спиной к стене. Случайность? Или кто-то позаботился?

Трое других мальчиков уже были здесь. Эрни Макмиллан — занял кровать у окна, разбирал вещи с важным видом. Джастин Финч-Флетчли — сидел на своей кровати, всё ещё оглядываясь с восторгом. Захария Смит — уже лежал, отвернувшись к стене.

— Я Эрни, — сказал Макмиллан, заметив Алекса. — Эрни Макмиллан. Мы волшебники в девятом поколении.

— Алекс.

— Алекс... Хлой, верно? — Эрни нахмурился, вспоминая. — Не слышал о семье Хлой.

— Мы не особо известны.

— Хм. — Эрни явно не знал, как это интерпретировать. — Ну, добро пожаловать в Хаффпафф.

— Спасибо.

Алекс подошёл к своей кровати. Открыл сундук — всё на месте. Достал пижаму.

— Я Джастин, — сказал Финч-Флетчли. — Джастин Финч-Флетчли. Я магглорождённый, представляешь? Никогда не думал, что магия существует, а потом — бац! — письмо из Хогвартса! Родители чуть в обморок не упали!

— Приятно познакомиться, — сказал Алекс.

— Это так невероятно! — продолжал Джастин, не замечая сдержанности собеседника. — Свечи под потолком, еда из ниоткуда, призраки! Настоящие призраки!

— Джастин, — буркнул Захария с кровати, не поворачиваясь. — Заткнись. Спать хочу. Джастин осёкся. Посмотрел на Захарию обиженно, потом — на Алекса, ища поддержки. Алекс пожал плечами и начал переодеваться.

Через десять минут свет погас — сам по себе, по какому-то расписанию или заклинанию. Спальня погрузилась в темноту, разбавленную только слабым свечением из окон.

Алекс лежал в кровати, слушая, как затихает спальня. Дыхание Эрни стало ровным почти сразу — он заснул, едва голова коснулась подушки. Джастин ворочался ещё несколько минут, потом тоже затих. Захария не издавал ни звука — то ли спал, то ли притворялся.

Алекс подождал ещё немного. Потом тихо сел в кровати, достал из тумбочки свёрток, который дала мать.

Ткань развернулась бесшумно. Внутри — бутерброды, как она и говорила. Завёрнутые в пергамент, ещё свежие. Он отложил их в сторону.

Под бутербродами лежало что-то твёрдое, плоское.

Рамка. Деревянная, простая, размером с ладонь. А в ней — колдография.

Он поднёс её ближе к лицу, пытаясь разглядеть в слабом свете из окон.

Три фигуры. Мать, отец и мальчик лет восьми-деяти. Они стояли перед домом — тем самым домом на Лайн-стрит — и улыбались. Отец держал руку на плече мальчика. Мать смеялась чему-то, что осталось за кадром.

Фигуры двигались. Мальчик махал рукой — снова и снова, бесконечно повторяющийся жест. Мать поворачивалась к отцу, говорила что-то беззвучное. Отец улыбался — не той натянутой улыбкой, которую Алекс видел за последний месяц, а настоящей.

Это был не он. Это был настоящий Алекс. Тот, кто рисовал молнии на всём подряд и не мог усидеть на месте. Тот, кого любили эти двое на фотографиях.

Он смотрел на колдографию долго. Пытался что-то почувствовать — вину? Грусть? Благодарность за то, что мать дала ему это?

Ничего. Пустота. Только холодное понимание: это подарок для сына, которого больше нет. Но она не знает этого. И он не скажет.

Алекс убрал рамку в тумбочку, под стопку носков. Туда, где никто не найдёт случайно.

Спать не хотелось. Голова была слишком полной — впечатления дня, лица, имена, планы.

Он достал палочку и книгу — «Теорию магии». Устроился поудобнее, натянул одеяло до подбородка.

— Люмос, — прошептал он, едва шевеля губами.

Слабый свет вспыхнул на кончике палочки — тусклый, чтобы не разбудить соседей. Достаточный, чтобы читать.

Страница двести семнадцать. Глава о структуре магического намерения.

Он читал минут двадцать, делая заметки в блокноте, когда скрипнула кровать слева.

— Эй, — голос Джастина, сонный и удивлённый. — Ты что, читаешь?

Алекс не поднял глаз.

— Да.

— Сейчас? Ночью?

— Не спится.

Пауза. Джастин приподнялся на локте, щурясь на свет.

— Это Люмос? Ты уже умеешь?

— Немного.

— Круто... — В голосе было искреннее восхищение. — Я ещё ни одного заклинания не пробовал. Боюсь что-нибудь взорвать.

— Не взорвёшь. Люмос безопасный.

— Да? — Джастин помолчал. — А ты нас научишь? Ну, если не сложно?

Алекс наконец посмотрел на него. Круглое лицо, широко раскрытые глаза, искренний интерес без задней мысли.

— Может быть, — сказал он. — Потом.

Джастин кивнул, довольный даже таким ответом. Улёгся обратно.

— Спокойной ночи, Алекс.

— Спокойной ночи.

Через минуту Джастин снова засопел. Алекс вернулся к книге.

Шляпа была права в одном: он не такой, как они. Не ценит дружбу ради дружбы, не ищет товарищества ради тепла. Каждый контакт — расчёт. Каждое слово — инвестиция.

Но шляпа ошиблась в другом. Она думала, что это мешает ему здесь. Что Хаффлапф отторгнет чужеродный элемент.

Она не понимала главного: чтобы жить среди людей, не обязательно быть одним из них. Достаточно знать правила. Соблюдать их. Не выделяться. А правила он выучит. Это то, что он умеет лучше всего.

Может, поэтому шляпа не стала спорить. Может, она знала что-то, чего он не знал. Или просто устала за тысячу лет сортировать детей по коробкам.

Алекс погасил Люмос, убрал книгу под подушку. Закрыл глаза.

Первый день. Распределение. Хаффлапф. Всё по плану.

Энн тоже в Хаффлапфе. Совпадение? Или шляпа увидела в ней что-то похожее — одиночество, страх, желание спрятаться?

Она будет рядом. Это уже понятно. Единственный знакомый ориентир в мире, где всё чужое. Это могло быть полезно. Или проблемой. Пока — просто фактор.

Завтра — первый день занятий. Новые лица, новые правила, новые возможности.

Первый день закончен. Завтра — следующий. Алекс провалился в сон.

Глава 11. Первый день

Алекс проснулся за секунду до того, как солнечный луч коснулся его лица.

Старая привычка — просыпаться раньше, чем что-то тебя разбудит. В той жизни это не раз спасало ему жизнь. Здесь — просто давало несколько минут тишины, прежде чем мир начнёт требовать внимания.

Он лежал неподвижно, глядя в потолок. Круглый, сводчатый, с переплетением корней, проступающих сквозь камень. Не трещины — именно корни, живые, уходящие куда-то вверх, к поверхности. Между ними поблёскивали капли влаги, ловившие свет из круглых окон.

Окна. Это было странно — спальня находилась под землёй, но окна существовали. За ними виднелась земля: слои почвы, камни, иногда — корни травы, свисающие сверху как зелёные нити. И, самое невозможное, сквозь это все пробивались лучики солнца, как будто земля не являлась для них непреодолимой преградой. Пока он смотрел, мимо стекла пробежало что-то мелкое и бурое, оставив царапины от когтей, впрочем, тут же исчезающие.

Магия. Окна в подземелье, показывающие то, что снаружи. Или иллюзия того, что снаружи. Он до сих пор не понимал разницы — и не был уверен, что она существовала.

Спальня просыпалась. Эрни уже сидел на кровати, натягивая носки и что-то мурлыча себе под нос. Мелодия была незнакомой — наверное, что-то из волшебного мира. Он выглядел отвратительно бодрым для такого раннего часа.

Джастин, напротив, боролся с одеялом, как с живым существом. Что-то упало на пол — кажется, будильник, — и он зашипел, потирая ногу.

— Простите, — пробормотал он в пространство. — Извините. Я нечаянно.

Никто не ответил. Захария уже ушёл — его кровать была пуста и идеально застелена, будто там никто не спал. Странно, но Алекс не проснулся от того что тот встал. Начал привыкать к безопасности?

Он откинул одеяло и сел. Тело слушалось — маленькое, лёгкое, непривычное даже спустя полтора месяца. Ноги коснулись пола — тёплого, несмотря на то, что они были под землёй. Магия, снова магия. Он начинал воспринимать её как фоновый шум. Форма висела на спинке стула. Чёрная мантия, белая рубашка, жёлто-чёрный галстук. Цвета Хаффлпаффа. Цвета, которые он выбрал сам.

Одевался он быстро, привычными движениями. Проверил карманы — пусто, как и должно быть. Палочка в специальном кармане на внутренней стороне мантии, у сердца. Удобно, незаметно, быстрый доступ.

Книгу — «Теорию магии» — он убрал к остальным. Не потому что боялся, что украдут. Просто привычка — не оставлять на виду ничего важного.

— Идешь на завтрак? — Эрни уже стоял у двери, полностью одетый, галстук завязан идеальным узлом. — Говорят, сегодня дадут олады с кленовым сиропом.

— Иду, — сказал Алекс.

Джастин запрыгивал на одной ноге, пытаясь попасть в ботинок.

— Подождите! Я сейчас! Почти!

Немного подождав, они все вместе вышли из спальни. Общая комната Хаффлпаффа сегодня была не такой как вчера.

Вечером — тёплый полумрак, потрескивание камина, приглушённые голоса. Уютная нора, где можно спрятаться от мира.

Утром — движение. Студенты пересекали круглое пространство по всем направлениям, как муравьи в потревоженном муравейнике. Кто-то торопился к выходу, кто-то искал потерянный учебник, кто-то доедал яблоко на ходу, хотя еда в гостиной была запрещена.

Свет здесь тоже падал из круглых окон — таких же странных, как в спальне. За ними виднелись те же корни, та же земля, иногда — жуки, деловито ползущие по своим делам. Одно окно показывало нору какого-то зверька, выстланную сухой травой. Её обитатель отсутствовал — наверное, ушёл на охоту.

Потолок был довольно низким — ниже, чем в любом другом месте замка, которое Алекс видел. Это должно было давить, вызывать клаустрофобию. Почему-то не вызывало. Казалось правильным. Защищённым.

Растения были повсюду — на подоконниках, на полках, в горшках на полу. Вьющиеся, цветущие, с толстыми мясистыми листьями и тонкими стеблями. Некоторые шевелились, хотя ветра не было. Один цветок — крупный, с лепестками цвета заката — медленно поворачивался, следуя за солнечным лучом из окна. Чем-то его листья напоминали домашнее растение в гостинной, возможно они были одного подвида.

Запах. Алекс только сейчас осознал, что в гостиной пахло особенно. Земля, мёд, что-то травяное. Не резко — мягко, на грани восприятия. Запах, который успокаивал, даже если ты этого не хотел.

Первокурсники сбивались в группки у выхода. Алекс узнавал лица с вчерашнего вечера. Ханна Эббот и Сьюзен Боунс — уже неразлучны, стоят, сцепив руки, шепчутся о чём-то. Обе светловолосые, обе из магических семей, обе выглядят так, будто знают друг друга всю жизнь. Может, и знают — чистокровные семьи часто пересекались.

Захария Смит стоял в стороне, один. Смотрел на остальных с выражением лёгкого презрения, будто все они были чуть ниже его уровня. Не враждебно — просто констатируя факт. Он поймал взгляд Алекса, чуть приподнял бровь. Алекс кивнул. Захария не кивнул в ответ. Просто отвернулся и пошёл к выходу.

И Энн. Она стояла у входа в коридор, ведущий к девчачьим спальням. Одна. Не присоединилась ни к одной группе, не разговаривала ни с кем. Просто стояла, сжимая лямку сумки, и смотрела на дверь.

Нет. Не на дверь. На проход из мальчишеской части гостиной. Когда Алекс появился, что-то в ней изменилось. Он видел это — едва заметное расслабление плеч, разжавшиеся пальцы на лямке. Она не улыбнулась, не помахала. Просто смотрела, как он идёт через гостиную. Он подошёл.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе, — ответила она. Тихо, почти шёпотом.

По дороге в Большой зал Алекс заметил: она не отставала. Когда он замедлялся у поворота, сверяясь с указателями — она замедлялась тоже. Когда ускорялся — подстраивалась под его шаг. Не навязчиво. Не демонстративно. Просто — рядом. Как будто это было естественно. Как будто так и должно быть. Он не знал, что с этим делать. Пока — ничего, наверное. Пусть идёт, если хочет

Большой зал встретил их шумом и светом. Утреннее солнце било через заколдованный потолок — сегодня там было небо, затянутое лёгкими облаками. Белые, пушистые, мирные. Они плыли медленно, отбрасывая бледные тени на столы внизу.

Четыре длинных стола тянулись вдоль зала. Гриффиндор — у дальней стены, красно-золотые знамёна над головами, громкий смех и звон посуды. Слизерин — напротив, зелёное и серебряное, приглушённые голоса, острые взгляды. Рейвенкло — бронза и синева, некоторые из студентов читают за едой. Хаффлпафф — жёлтое и чёрное, тёплое, как их гостиная.

Алекс сел на свободное место — ближе к концу стола, не в центре внимания, но и не на отшибе. Энн села рядом. Молча. Не спрашивая разрешения.

Еда уже ждала на столе — овсянка, оладьи, тосты, яйца, бекон, булочки с начинкой. Кувшины с соком — тыквенным, апельсиновым и сиропницы с чем-то ярко-розовым. Всё появилось до их прихода.

Алекс положил себе оладьи. Добавил мёд из маленького горшочка с движущимся рисунком пчелы. Начал есть.

Рядом Энн взяла тост. Намазала маслом — тонким слоем, экономно. Откусила маленький кусочек. Жевала медленно.

Шум крыльев обрушился сверху. Совы. Десятки сов — больших и маленьких, серых и бурых, белоснежных и пёстрых. Они влетали через окна под потолком, кружились над столами, роняли письма и посылки.

К Алексу ничего не прилетело. Он и не ждал — своё письмо напишет только вечером.

Рядом Энн смотрела вверх. На сов, всё ещё кружащих под потолком. На письма, падающие в чужие руки. Ей тоже ничего не упало. Она отвернулась, вернулась к своему тосту. Лицо — нейтральное. Но Алекс заметил: пальцы сжали хлеб чуть сильнее.

— Профессор Спраут идёт, — сказала Ханна откуда-то из середины стола.

Полная невысокая женщина шла вдоль хаффлпафского стола, раздавая листки пергамента. Её мантия была испачкана землёй, в волосах — что-то похожее на сухой листок. Она улыбалась — широко, искренне, будто раздача расписаний была самым приятным делом в её жизни.

— Доброе утро, мои хорошие! — Её голос был тёплым, как гостиная Хаффлпафа. — Расписания на семестр. Если что-то непонятно — спрашивайте, не стесняйтесь!

Она положила листок перед Алексом. Улыбнулась ему — мимолётно, но тепло. Пошла дальше. Алекс изучил расписание, отмечая детали.

Чары, Трансфигурация, Травология, Зелья, Защита от тёмных искусств, История магии, Астрономия. Полёты по пятницам. Пары с разными факультетами — Рейвенкло, Гриффиндор, Слизерин.

— У нас сейчас Чары, — сказала Энн, изучая свой листок. — С Рейвенкло.

Первый урок. Начало.

Алекс доел оладьи, допил сок. Встал.

— Идём.

Они пошли к выходу вместе. Она держалась чуть позади, справа — не рядом, но и не на расстоянии. Сама выбрала, где ей находиться. Не как подруга, не как незнакомка — как кто-то, кто решил, что здесь её место.

Кабинет Чар находился на втором этаже восточного крыла. Дорога туда заняла пятнадцать минут, три неправильных поворота и один совет от портрета сварливого старика в парике:

«Налево, болваны! Налево! В моё время студенты знали замок как свои пять пальцев!»

Кабинет был просторным и светлым. Высокие окна выходили на внутренний двор, где фонтан выплёвывал струи воды, менявшие цвет каждые несколько секунд. Парты стояли полукругом, обращённые к кафедре. На кафедре громоздилась стопка книг, и на этой стопке стоял преподаватель.

Профессор Филиус Флитвик был маленьким. Очень маленьким. Алекс не был уверен в точном росте, но голова профессора едва виднелась над кафедрой — и это с учётом книжной стопки. Седые волосы торчали в разные стороны, очки сползали на кончик носа, а руки — крошечные, но энергичные — постоянно двигались, подчёркивая каждое слово.

— Входите, входите! — Его голос был неожиданно звонким, почти пищащим. — Рассаживайтесь! Не толпитесь у двери!

Рейвенкловцы уже заняли передние ряды — разумеется. Они сидели с прямыми спинами, перья наготове, пергаменты развёрнуты. Готовые записывать каждое слово.

Алекс выбрал место в третьем ряду — не впереди, не сзади. Энн села рядом, достала свои принадлежности. Перо у неё было старое, с чуть погнутым кончиком. Чернильница — самая дешёвая, из тех, что продавались на Косой аллее.

Он отвернулся. Не его дело. Флитвик дождался, пока все рассядутся, и всплеснул руками.

— Добро пожаловать на Чары! — Он сиял, будто это был лучший момент в его жизни. — Самый полезный, самый практичный, самый замечательный предмет в Хогвартсе! Только не говорите профессору МакГонагалл, что я так сказал!

Несколько человек хихикнули.

— Чары, — продолжал Флитвик, расхаживая по своей книжной стопке с удивительной ловкостью, — это искусство добавлять свойства к объектам и существам. Мы не меняем суть предмета, как в трансфигурации. Мы добавляем. Делаем перо лёгким. Делаем дверь запертой. Делаем чашку неразбиваемой. Он щёлкнул пальцами, и мел сам начал писать на доске:

ЧАРЫ — добавление свойств.

ТРАНСФИГУРАЦИЯ — изменение сути.

— Первое заклинание, которое вы изучите, — Флитвик выхватил палочку, — это Вингардиум Левиоса. Заклинание левитации.

Он направил палочку на перо, лежавшее на кафедре.

— Вингардиум Левиоса!

Перо взмыло в воздух. Плавно, легко, будто весило не больше пылинки. Флитвик повёл палочкой — перо описало круг, поднялось выше, опустилось, закружилось.

— Красиво, правда? — Он улыбался, как ребёнок с новой игрушкой. — К практике мы перейдём через несколько занятий. Сначала — теория!

Следующий час был посвящён теории левитации. Алекс слушал внимательно, хотя большую часть уже знал — мать объяснила основы летом, он прочитал остальное в книгах. Но Флитвик добавлял детали, которых не было в учебниках.

— Главная ошибка новичков, — говорил он, подпрыгивая от энтузиазма, — это думать о «поднятии». Нет, нет, нет! Вы не поднимаете! Вы поддерживаете! Представьте невидимую ладонь под предметом. Ладонь, которая держит, а не толкает!

Алекс записывал. Не всё — только то, чего не знал раньше. Его пергамент был наполовину пуст, когда у рейвенкловцев уже заканчивался второй лист. Рядом Энн писала старательно. Почерк мелкий, буквы теснились друг к другу, будто боялись занять слишком много места. Она записывала всё — каждое слово Флитвика, каждый пример, каждое отступление. Иногда она смотрела на него — быстро, искоса. Проверяла, рядом ли он? Алекс делал вид, что не замечает.

— На следующем занятии, — закончил Флитвик, когда прозвенел колокол, — мы обсудим движение палочки. Взмах и махание — не одно и то же! Домашнее задание — прочитать первую главу учебника. Вопросы?

Вопросов не было. Студенты потянулись к выходу. Алекс собрал вещи, не торопясь. Энн ждала его, уже стоя, сумка на плече. Они вышли вместе.

— Он смешной, — сказала Энн, когда они были в коридоре. — Профессор Флитвик.

— Он хороший, — ответил Алекс. — Объясняет понятно.

Она кивнула. Помолчала.

— Ты уже умеешь это заклинание, — сказала она. Не вопрос — утверждение.

Он посмотрел на неё.

— Почему ты так думаешь?

— Ты почти не записывал. И не удивлялся.

Наблюдательная. Под всем этим страхом и боязнью — наблюдательная.

— Учил летом, — сказал он. — С мамой.

— Научишь меня?

Вопрос застал его врасплох. Не потому что был неожиданным — Джастин спрашивал то же самое про Люмос. Но от Энн... она почти не разговаривала. Не просила. Не требовала. Просто была рядом, тихая и незаметная.

— Может быть, — сказал он. — Когда будет время.

Она кивнула. Не настаивала. Они пошли дальше — к теплицам, на Травологию. Теплицы располагались за замком, в стороне от главного двора. Дорога к ним вела через внутренний дворик, мимо фонтана с цветной водой, через арку, увитую чем-то колючим и шевелящимся.

Сентябрьское солнце пригревало, но ветер с озера был холодным. Алекс поправил мантию, застегнул верхнюю пуговицу. Рядом Энн сделала то же самое — он заметил это краем глаза. Копирует его движения? Или просто холодно?

Теплица номер один оказалась длинным стеклянным строением, похожим на гигантский аквариум. Сквозь мутноватые стёкла виднелись силуэты растений — обычных и не очень. Что-то внутри шевелилось, хотя ветра там быть не могло.

Гриффиндорцы уже собрались у входа — красно-золотые галстуки, громкие голоса, широкие жесты. Они занимали пространство так, будто оно принадлежало им по праву.

— Алекс!

Вихрь рыжих косичек врезался в него раньше, чем он успел среагировать. Мэри — расчёпанная, раскрасневшаяся, сияющая — схватила его за рукав.

— Наконец-то вместе на уроке! Я уже думала, мы только на переменах будем видеться! Как тебе Хогвартс? Гриффиндорская башня просто невероятная, там камин размером с карету, и окна выходят на озеро, а ещё привидение, Почти Безголовый Ник, он вчера на пиру голову снял, представляешь? Лаванда чуть в обморок не упала!

Она говорила быстро, почти не делая пауз для вдоха. Слова сыпались из неё, как горох из прорванного мешка.

Рядом Энн отступила на полшага. Не ушла — но стала меньше. Плечи чуть ссутулились, взгляд опустился к земле. Она смотрела на свои ботинки, будто там было что-то интересное.

Мэри её не замечала. Или замечала, но ей было всё равно.

— А вы в подземелье живёте, да? Это правда, что там окна под землю выходят? И что через них видно всяких существ? Сьюзен говорила, что у вас нюхлер прямо в стекло врезался!

— Было похожее, — кивнул Алекс, чуть улыбнувшись. — Утром что-то пробежало мимо окна. Бурое, с когтями. Может, тот самый нюхлер.

— Серьёзно?! — Мэри округлила глаза. — Вот бы увидеть! А к вам можно в гости? В смысле, в гостиную?

— Понятия не имею. Надо у старосты спросить.

— Спроси-спроси! Я хочу посмотреть! У нас в башне всё красно-золотое, наверное, у вас всё жёлтое, да?

— И чёрное. И много растений. Один цветок утром за солнцем следил — поворачивался вслед за лучом.

— Живые цветы, прямо в гостинной? Это должно быть очень уютно, хочу это видеть! — Мэри захлопала в ладоши. — Том обзавидует, когда напишу! Он сегодня утром прислал сову, сказал что уже пытался сколдовать люмос при помощи ветки!

— Опасно без палочки, — заметил Алекс. — Напиши ему, чтобы не экспериментировал. Случайная магия — это одно, а целенаправленные попытки без контроля — совсем другое.

Мэри фыркнула.

— Ты прямо как мама говоришь! Она ему то же самое сказала. Но он упрямый, весь в папу.

— Тогда пусть хотя бы теорию сначала читает. Без понимания — только хуже сделает.

— О, умные советы! — Мэри ткнула его в плечо. — Ты поэтому в Хаффлпафф попал, а не в Рейвенкло? Слишком умный, чтобы это показывать?

Алекс усмехнулся.

— Что-то вроде.

Дверь теплицы открылась, и оттуда выглянула профессор Спраут.

— Заходите, заходите! Не стойте на ветру!

Мэри умчалась вперёд, уже что-то рассказывая другой гриффиндорке. Алекс смотрел ей вслед. Контраст с Энн был разительным.

— Идём, — сказал он.

Энн кивнула. Пошла за ним в теплицу.

Внутри пахло землёй, влагой и чем-то сладковато-гнилостным. Тепло — почти жарко после осеннего ветра. Стеклопанные стены потели, по ним стекали капли конденсата.

Растения были повсюду. На длинных столах, на полках вдоль стен, в горшках на полу, в подвесных кашпо под потолком. Зелёные, бурые, фиолетовые, в крапинку. Некоторые цвели — яркими, неестественными цветами. Некоторые шевелились, хотя никто их не трогал. Одно, кажется, следило за студентами круглым жёлтым глазом в центре цветка.

Профессор Спраут стояла во главе центрального стола, на котором были разложены горшки с чем-то приземистым и невзрачным.

— Рассаживайтесь вокруг стола! — Она хлопнула в ладоши, стряхивая землю с перчаток. — Сегодня знакомимся с основами. Никакой магии, только руки и голова!

Алекс занял место ближе к краю. Энн встала рядом — плечом к плечу, но чуть позади. Напротив оказались двое гриффиндорцев: полный круглолицый мальчик, которого Алекс узнал — Невилл, тот самый, с жабой — и темнокожий парень с острым взглядом.

Чуть дальше по кругу стояла знакомая троица.

Гарри Поттер — худой, в очках, чёрные волосы торчат во все стороны, будто он только что слез с метлы. Шрам на лбу скрывала чёлка, но Алекс знал, что он там. Молния. Знак, который знал весь магический мир.

Поттер выглядел... обычно. Не как герой из легенд, не как мальчик-который-выжил. Просто одиннадцатилетний пацан, немного растерянный, немного настороженный. Он слушал что-то, что шептал ему рыжий парень рядом — Рон Уизли, судя по веснушкам и фамильному сходству с близнецами, которых Алекс видел на платформе.

Рон говорил много и с выражением, активно жестикулируя. Поттер кивал, иногда улыбался краем губ. Они уже выглядели как друзья — те, что понимают друг друга без лишних слов.

С другой стороны от Поттера стояла Гермиона Грейнджер. Она не участвовала в их разговоре — смотрела на профессора Спраут с выражением голодного человека перед накрытым столом. Перо уже в руке, пергамент развёрнут на ближайшей свободной поверхности. Готова записывать.

Между ней и мальчиками была дистанция. Небольшая — полшага, не больше — но заметная. Они стояли вместе, она — рядом, но отдельно.

— Итак! — Спраут обвела всех взглядом. — Кто знает, что это за растение?

Она указала на ближайший горшок. В нём сидело что-то бугристое, коричневое, с маленькими отростками, похожими на пальцы.

Две руки взметнулись одновременно — Невилл и Гермиона. Они переглянулись. Гермиона нахмурилась, Невилл смутился и начал опускать руку.

— Мистер Лонгботтом, — Спраут кивнула ему. — Вы первый подняли.

Невилл покраснел.

— Это... это похоже на молодой мандрагоровый корень. Но не уверен, они обычно крупнее...

— Превосходно! — Спраут просияла. — Пять баллов Гриффиндору! Это действительно мандрагора, только детская, выращенная специально для обучения. Настоящие мандрагоры вы будете изучать на втором курсе, когда подрастёте. И они, — она подмигнула, — подрастут тоже.

Невилл сиял. Гермиона выглядела так, будто проглотила лимон, но промолчала.

Рон наклонился к Поттеру и прошептал что-то. Оба хмыкнули. Гермиона бросила на них острый взгляд, поджала губы и демонстративно повернулась к профессору.

Интересная динамика. Поттер и Уизли — уже пара, сработавшийся дуэт. Грейнджер — на периферии, пытается пробиться, но не знает как. Слишком умная, слишком правильная, слишком много «слишком».

Алекс понимал это. Видел похожее раньше — в другой жизни, в других местах. Люди, которые чересчур стараются, отталкивают именно тем, чем пытаются привлечь.

Урок продолжился. Спраут рассказывала о классификации магических растений, о технике безопасности, о том, почему нельзя совать пальцы куда попало.

— Мистер Финниган, я видела! Уберите руку от Дьявольских силков!

Рыжеватый гриффиндорец отдернул руку, будто обжёгся. Растение в углу — тёмно-зелёное, с длинными шупальцами-побегами — разочарованно втянуло их обратно.

Поттер смотрел на это с выражением человека, который до сих пор не может поверить, что всё это реально. Не страх, не восторг — скорее, тихое изумление. Будто каждая новая деталь этого мира была подарком, которого он не ждал.

Алекс понимал и это тоже. Сам чувствовал похожее — в первый день, когда магия была чем-то невозможным, сказочным. Теперь привык. Поттер тоже привыкнет. Вопрос времени.

Рядом Энн записывала всё. Её перо скрипело по пергаменту, оставляя ровные мелкие строчки. Она была сосредоточена — полностью погружена в урок, будто снаружи ничего не существовало.

Но когда Мэри на другом конце стола громко засмеялась над чьей-то шуткой, Энн вздрогнула. Подняла голову, посмотрела в ту сторону. Снова опустила взгляд к пергаменту.

После урока, на выходе из теплицы, Мэри снова подлетела к нему.

— Обед! Идёшь? Я есть хочу ужасно, от этих растений аппетит разыгрался! Пойдём вместе?

— Иду, — кивнул Алекс. — Только не тащи меня за рукав, я и сам дорогу найду.

— Неправда! — Мэри фыркнула. — Ты утром минимум два раза не туда свернул, я видела!

— Это была разведка местности.

— Ага, конечно!

Она всё-таки схватила его за рукав и потянула к замку. Алекс не сопротивлялся — проще было идти, чем спорить.

— Ты видел Невилла? — Мэри кивнула назад, в сторону теплицы. — Того, с жабой? Он тут прямо расцвёл, да? На других уроках сидит тихий, как мышь, а тут — руку тянет, отвечает...

— Заметил. Растения — его тема.

— Ага! А жаба его, Тревор, знаешь что учудил? В поезде сбежал, они с Гермионой весь состав обыскали — и ничего. А потом, на пиру, жаба сама объявилась. Прямо под учительским столом!

— Под учительским?

— Ага! Хагрид его поймал. Сказал, что жабы всегда знают, где кормят лучше всего.

Алекс хмыкнул.

— Умная жаба. Может, ей в Рейвенкло стоило?

Мэри расхохоталась — громко, запрокинув голову. Пара гриффиндорцев впереди обернулись на звук, но она не обратила внимания.

— Точно! Жаба-рейвенкловец! Расскажу Тому, он оценит!

Она продолжала болтать — про Тома, про письма, про то, как сова чуть не влетела прямо в окно — а Алекс слушал вполуха, кивая в нужных местах.

Энн шла позади. Одна. Не пытаюсь догнать, не пытаюсь вклиниться в разговор. Просто — следом. На расстоянии нескольких шагов.

Алекс оглянулся. Их глаза встретились. Он чуть замедлил шаг. Она чуть ускорила.

Расстояние сократилось — не до плеча к плечу, но ближе. Достаточно, чтобы она слышала разговор, даже если не участвовала. Мэри ничего не заметила. Продолжала тараторить. Энн молчала. Но что-то в её плечах стало чуть менее напряжённым.

Большой зал в обед был громче, чем утром. Голоса отражались от каменных стен, звенела посуда, где-то хлопали крылья — совы, по крайней мере те, кто не улетел после доставки утренней почты, устроились на балках под потолком. Мэри убежала к гриффиндорскому столу, помахав на прощание.

— Увидимся! Напиши, если узнаешь про гостиную — хочу посмотреть на вашу гостиную!

Алекс кивнул и направился к хаффлпаффскому столу. Энн — за ним, молча. Они сели на те же места, что и утром. Еда уже ждала — жареная курица, картофель, овощи, пироги с мясом. Алекс наложил себе порцию, начал есть.

Энн взяла немного — меньше, чем он. Ела медленно, аккуратно. Как утром.

— Тебе понравилась Травология? — спросил он, не глядя на неё.

Она подняла голову. Удивление мелькнуло в глазах — он редко начинал разговор первым.

— Да, — сказала она тихо. — Профессор Спраут... добрая.

— Так и есть.

Пауза. Энн вернулась к еде. Потом:

— Невилл хорошо ответил. Про мандрагору.

— Угу.

— Гермiona выглядела... расстроенной.

Алекс посмотрел на неё. Она смотрела в тарелку, но уголок губ чуть дёрнулся.

— Ты заметила, — сказал он.

— Она подняла руку одновременно с ним. Но профессор выбрала его.

— И?

— Ничего. — Энн пожала плечами. — Просто... она привыкла быть первой. Это видно.

Наблюдательная. Алекс снова отметил это. Под всем страхом и тишиной — острый взгляд. Она видела людей. Понимала их.

— Ты права, — сказал он. — Привыкла.

Энн кивнула. Вернулась к еде.

Молчание между ними было не неловким — комфортным. Два человека, которым не нужно заполнять тишину словами. Они закончили есть и двинулись на следующий урок.

История магии оказалась именно тем, чего Алекс ожидал. И даже хуже. Профессор Биннс был призраком.

Это само по себе не удивляло — Алекс видел призраков вчера, на пиру. Толстый Монах, Кровавый Барон, Серая Дама, Почти Безголовый Ник. Они были частью Хогвартса, как портреты и движущиеся лестницы.

Но одно дело — призрак, который плавает между столами и болтает со студентами. И совсем другое — призрак, который ведёт урок.

Биннс вплыл в класс через доску — буквально прошёл сквозь неё, как будто её не существовало. Бесцветный, прозрачный, в старомодной мантии и с выражением такой глубокой скуки на лице, как будто он умер не от старости, а от собственного предмета.

— Садитесь, — сказал он голосом, который был похож на шелест пыльных страниц. — Откройте учебники на странице тринадцать. Гоблинские войны, введение.

И начал говорить. Монотонно. Бесконечно. Без пауз, без интонаций, без единого признака того, что он осознаёт присутствие живых людей в комнате.

«...восстание тысяча шестьсот двенадцатого года было вызвано несколькими факторами, главным из которых следует считать экономическое давление со стороны Министерства, которое в то время ещё не имело современной структуры, а представляло собой конгломерат разрозненных департаментов, каждый из которых преследовал собственные интересы, что приводило к несогласованности политики в отношении нечеловеческих существ, включая гоблинов, которые традиционно контролировали банковское дело...»

Алекс пытался записывать. Информация была полезной — история, политика, отношения между магами и другими существами. Всё это могло пригодиться.

Но голос Биннса обладал магическим свойством — он усыплял. Не метафорически — буквально. Веки тяжелели, голова клонилась, буквы на пергаменте расплывались.

После сытного обеда сопротивляться было особенно трудно. Картофель, курица, пироги — всё это осело в желудке приятной тяжестью и теперь настойчиво требовало одного: лечь и закрыть глаза.

К середине урока половина класса спала. Эрни — уронив голову на сложенные руки, похрапывал тихо. Джастин — боролся, моргал, клевал носом, но тоже проигрывал. Захария — единственный, кто выглядел бодрым, но он и не слушал; просто смотрел в окно с выражением холодного презрения.

Энн рядом клевала носом. Её перо оставило длинную кляксу на пергаменте, когда она дёрнулась, просыпаясь. Она посмотрела на пятно, на Алекса — виновато, смущённо — и попыталась выпрямиться.

Алекс чуть приподнял уголок губ — не совсем улыбка, но близко. Она порозовела, уткнулась в записи.

Алекс продержался ещё минут пять.

Потом понял: это бессмысленно. Голос Биннса был как белый шум — слова сливались в однородную массу, из которой невозможно было выловить ничего связного. Записывать — всё равно что зачерпывать воду решетом.

Он отложил перо. Откинулся на спинку стула.

Учебник на столе — «История магии» — был толстым, основательным. Всё, что Биннс бормотал сейчас, было там, на страницах. Структурировано, с датами, с пояснениями.

Разумнее прочесть самому. Потом, вечером, в тишине. Без этого монотонного бубнежа, вытягивающего из головы способность думать. Алекс закрыл глаза.

Не заснул — не совсем. Погрузился в то странное состояние между сном и явью, когда тело отдыхает, а сознание плывёт где-то на границе. Голос Биннса превратился в далёкий фон, как шум прибора.

«...договор семьсот двадцатого года, известный как Лондонское соглашение...»

Он вынырнул, когда прозвенел колокол. Биннс прервался на полуслове — «...что привело к эскала—» — и вплыл обратно в доску, исчезая. Студенты начали просыпаться, тереть глаза, с недоумением смотреть на свои пустые или почти пустые пергаменты.

— Он всегда такой? — простонал Джастин, поднимая голову. — Весь год?

— Все семь лет, — ответил кто-то из старшекурсников, проходя мимо двери. — Удачи.

Большой зал вечером был шумнее, чем утром или в обед. День закончился, напряжение первых уроков спало, и студенты расслабились — голоса звучали громче, смех — чаще.

Алекс сидел на своём обычном месте. Энн — рядом, как всегда. Она выглядела уставшей, но довольной — первый день позади, она справилась.

— Алекс!

Мэри возникла у хаффлаффского стола, проигнорировав возмущённые взгляды нескольких старшекурсников. В руках у неё была булочка, которую она явно утащила с гриффиндорского стола.

— Как день? — Она плюхнулась на скамью рядом, хотя места было мало. Кто-то из хаффлаффцев подвинулся с вздохом. — У нас была Астрономия! Теория пока, но профессор Синистра обещала, что скоро пойдём на башню ночью! Представляешь — ночью! Смотреть на звёзды!

— Звучит неплохо, — кивнул Алекс. — У нас была История магии.

— О! И как?

— Ты когда-нибудь слушала, как призрак читает лекцию о гоблинских войнах?

Мэри помотала головой.

— Представь, — Алекс понизил голос, имитируя монотонный тон Биннса, — «...экономическое давление со стороны Министерства, которое в то время ещё не имело современной структуры, а представляло собой конгломерат разрозненных департаментов, каждый из которых преследовал собственные интересы...»

Мэри захихикала.

— Он правда так говорил?

— Хуже. Он так говорит так все время. Без остановки. Без интонаций. Половина класса заснула к середине урока.

— А ты?

— Я продержался до конца, — сказал Алекс с достоинством.

— Врёшь!

— Почти до конца. Держался минут двадцать.

Мэри хихикнула.

— Ты!.. — Она ткнула его в плечо. — А я-то думала, хаффлаффцы все такие серьёзные!

— Мы серьёзные. Серьёзно стараемся не заснуть на Истории магии.

Энн рядом смотрела на них — на Мэри, на Алекса. Не участвовала в разговоре, но слушала. На её лице было странное выражение — не грусть, не зависть. Скорее, любопытство. Как будто она наблюдала за чем-то незнакомым.

— Кстати, — Мэри вдруг вспомнила, — ты узнал про гостиную? Можно к вам в гости?

— Ещё нет. Спрошу у старосты сегодня.

— Спроси-спроси! Хочу увидеть ваш цветок, который за солнцем следит! И как у вас вообще все там выглядит.

— Спрошу, — пообещал Алекс.

Мэри вскочила.

— Ладно, побегу! Надо письмо Тому дописать, а то сова ждёт! — Она умчалась к гриффиндорскому столу, помахав на прощание.

Алекс проводил её взглядом.

— Она всегда такая, — сказала Энн тихо. Не вопрос — утверждение.

— Такая — это какая?

Энн помолчала.

— Яркая, — сказала она наконец.

Алекс кивнул. Яркая — хорошее слово. Мэри была как фейерверк: шумная, красочная, невозможно не заметить. И так же быстро исчезала, оставляя после себя звенящую тишину.

Энн была другой. Тихой. Незаметной. И вместе с тем, всегда рядом.

Гостиная Хаффлаффа вечером была такой, какой он её помнил — тёплой, уютной, наполненной мягким светом и тихими голосами. Камин потрескивал, растения шевелились на подоконниках, кто-то из старшекурсников играл в волшебные шахматы в углу.

Алекс нашёл старосту — Габриэля Трумана — у камина. Высокий, добродушный, с мягким лицом и располагающей улыбкой.

— Хлой, верно? Первокурсник? Чем могу помочь?

— Два вопроса, — сказал Алекс. — Первый — как отправлять письма домой?

Габриэль кивнул на неприметный деревянный ящик у входа — Алекс раньше принимал его за часть мебели.

— Кидаешь туда. Домовики забирают в полдень, относят в совятню. К вечеру письма уже в пути.

— Понял. Спасибо.

— Второй вопрос?

— Можно приводить гостей с других факультетов?

Габриэль чуть приподнял брови.

— Быстро ты завёл друзей за пределами Хаффлпаффа. Кто?

— Мэри Причард. Гриффиндор. Знакомая с детства, семьи дружат.

— Причард... — Габриэль кивнул, вспоминая. — Да, слышал. На Гриффиндор поступила. — Он потёр подбородок. — Вообще-то, это не запрещено. Но и не поощряется. Гостиная — наше место, понимаешь? Безопасное пространство.

— Понимаю.

— Если хочешь привести — лучше вечером. И ненадолго. Час-два, не больше. И не поздней ночью.

— Договорились.

— Не за что. — Габриэль улыбнулся. — Рад, что спросил, а не просто притащил. Некоторые так делают, а потом удивляются, почему на них косо смотрят.

Алекс кивнул и отошёл. Устроился в кресле у камина. Достал учебник, положил на колено.

— Вингардиум Левиоса.

Книга поднялась — плавно, без рывков. Привычно. Легко.

— Ты уже умеешь?!

Джастин. Круглые глаза, приоткрытый рот.

— Дома учил, — сказал Алекс.

— Но как? Я думал, в школе учат с нуля!

— Родители-волшебники. Помогли с основами.

Джастин смотрел на парящую книгу с выражением ребёнка перед витриной игрушечного магазина.

— А мне покажешь? — выпалил он. — Как двигать палочкой, что говорить? Чтобы я уже знал, когда Флитвик будет объяснять?

Алекс опустил книгу. Подумал.

— Сядь, — сказал он.

Джастин плюхнулся на пол рядом с креслом, скрестив ноги.

— Движение, — Алекс показал палочкой. — Взмах и махание — разные вещи. Смотри: резко вверх, плавно вниз. Не наоборот. Повтори.

Джастин схватил свою палочку и попытался повторить. Получилось коряво — слишком резко, слишком размашисто.

— Меньше амплитуда, — поправил Алекс. — Ты книгу поднимаешь, не дом.

— Ага! — Джастин попробовал снова. Лучше, но всё ещё неуклюже.

— И главное — не думай о том, чтобы поднять. Думай о том, чтобы держать. Представь ладонь под книгой.

— Ладонь?

— Невидимую. Которая поддерживает снизу.

Джастин закрыл глаза, нахмурился. Палочка в его руке дрогнула.

— Не сейчас, — сказал Алекс. — Без правильного движения и слов — только навредишь себе

— А слова?

— Вин-гар-ди-ум Ле-ви-о-са. Ударение на «о». Ле-ви-О-са, не Левио-са.

— Вингардиум Левиоса, — повторил Джастин.

— Ещё раз.

— Вингардиум Левиоса!

— Лучше.

Джастин сиял.

Энн появилась бесшумно — Алекс заметил её только когда она уже садилась в соседнее кресло. С тетрадь в руках. Она не смотрела на них. Достала перо, открыла тетрадь.

Но Алекс знал — она слышала каждое слово.

Он вернулся к упражнению. Книга вверх. Книга вниз. По кругу. Джастин смотрел, впитывая, запоминая.

Джастин ушёл спать, взяв обещание завтра научить его «Люмосу», гостиная почти опустела, а он продолжал отрабатывать заклинание. Перевернуть в воздухе, отпустить, а потом подхватить, взять несколько предметов, все это требовало большого контроля. Сконцентрировавшись на упражнении, Алекс пропустил момент, когда Энн подошла к нему.

— Ты хорошо объясняешь, — сказала она тихо.

Алекс пожал плечами.

— Просто повторяю то, что мне говорили.

— Нет, — она покачала головой. — Ты понимаешь. Что трудно и почему. Не все так могут.

Он не знал, что на это ответить. Промолчал.

Камин потрескивал, бросая тени на стены. Цветок на подоконнике свернул лепестки — солнце давно зашло, нечего было ловить.

— Ты часто учишься сам тому, что не задают?

— Часто.

— Почему?

Хороший вопрос. Алекс задумался — не над ответом, а над тем, сколько правды можно сказать.

— Потому что то, что задают — минимум, — сказал он наконец. — А минимума редко хватает.

Она смотрела на него долго. В её глазах было что-то — не восхищение. Узнавание? Как будто он сказал что-то, что она сама думала, но не могла сформулировать.

— Я тоже так считаю, — сказала она тихо. — Про минимум.

Это было неожиданно. Она редко делилась мнениями — обычно только слушала, кивала, соглашалась.

— Тогда ты умнее большинства, — сказал Алекс.

Она порозовела. Отвела взгляд.

— Спокойной ночи, — сказала она быстро и встала.

— Спокойной ночи.

Она ушла — в сторону девчачьих спален. Быстрее, чем обычно. Алекс посмотрел ей вслед. Потом поднялся и пошёл к себе.

Спальня встретила его мягким светом ночников и тихим сопением Эрни. Захария читал при свете палочки — что-то тонкое, в кожаном переплёте. Не учебник. Не поднял глаз, когда Алекс вошёл.

Джастин уже лежал в кровати, но не спал — смотрел в потолок с мечтательным выражением.

— Я всё думаю про ладонь, — сказал он, когда Алекс прошёл мимо. — Невидимую. Под книгой.

— Хорошо. Думай.

— А ты правда считаешь, что у меня получится? Ну, когда потренируюсь?

Алекс остановился. Посмотрел на него. Джастин был магглорождённым. Месяц назад он не знал, что магия существует. Теперь — лежал в подземной спальне волшебного замка и думал о невидимых ладонях под перьями.

— Получится, — сказал Алекс. — Если будешь работать.

Джастин улыбнулся — широко, искренне.

— Спасибо, Алекс. За всё. За объяснения, за... ну, за то, что не смеёшься.

— Не за что.

Алекс прошёл к своему столу, писать письмо домой. Достал пергамент, перо, чернильницу и палочку, зажёл «Люмос».

«Мама, папа,

Первый день прошёл нормально. Распределили в Хаффлпафф — гостиная уютная, под землёй, но тепло. Много растений, один цветок следит за солнцем.

Чары понравились — профессор Флитвик хороший, объясняет понятно. Травология тоже неплохо, профессор Спраут добрая. История магии скучная — профессор-призрак усыпляет голосом, буду читать учебник сам.

Мэри в Гриффиндоре, как и хотела. Передаёт привет. Познакомился с соседями по спальне — Эрни много говорит про семью, Джастин магглорождённый и всему удивляется, Захария держится особняком.

Напишу ещё через неделю.

Алекс

P.S. Как отправлять письма — разобрался. Тут ящик в гостиной, домовики относят в совятню.»

Он перечитал письмо. Суховато, но пойдет. Больше, чем писал бы в той, другой жизни — там писать было некому.

Сложил пергамент, убрал в конверт. Написал адрес — «Хлой, Лайн-стрит, 12, Лондон». Утром бросит в ящик.

Алекс переоделся в пижаму. Решив, почитать что-нибудь на ночь, он достал из своих вещей книгу. «Тёмные искусства: история и классификация» — одна из тех, что купила мама на Косой аллее. До сих пор только пролистывал оглавление.

Название было обманчивым. Книга не учила тёмной магии — она объясняла, как от неё защищаться. История проклятий, их классификация, способы противодействия. И в конце — раздел о базовых защитных и контролирующих чарах. Алекс открыл последнюю главу.

«Заклинания контроля и обездвиживания»

Пролистал страницы. Инкарцерио — путы, связывающие цель. Сложно, требует точности. Ступефай — оглушающее. Мощно, но энергозатратно. Алекс продолжил просмотр заклинаний.

Палец остановился на строчке. Петрификус Тоталус. Полное окоченение тела.

«Заклинание вызывает полную иммобилизацию цели. Руки прижимаются к бокам, ноги сводятся вместе, тело становится жёстким, как доска. Жертва остаётся в сознании, но не может двигаться или говорить.

Относится к категории контролирующих чар, не наносит физического вреда. Широко применяется аврами для задержания подозреваемых без риска травм. Движение палочки:

прямой тычок вперёд, резкий, без замаха. Вербальный компонент: Пет-ри-фи-кус То-та-лус. Ударение на второй слог.

Ключ к успеху: представить цель как статую. Неподвижную, застывшую. Не «остановить» — а «сделать каменным»».

Алекс перечитал абзац дважды. Не боевое заклинание в привычном смысле — скорее, контролирующее. Обездвижить, не ранить. Полезно, если нужно остановить кого-то без лишнего шума. Без лишних вопросов.

Аврорское заклинание. Мать наверняка его знала. Он попробовал движение — без слов, без магии. Просто отработать моторику. Прямой тычок вперёд. Резко. Без замаха.

Раз. Другой. Третий.

На ком практиковаться — вопрос. Хотелось бы, конечно, живую цель, но просить Джастина или Энн постоять неподвижно, пока их будут превращать в статую... Вряд ли они обрадуются.

Позже. Когда будет возможность. Когда точно поймёт, готов ли он к чему-то сложнее левитации. Он закрыл книгу, убрал обратно. К этому времени Захария уже погасил свет и лег спать.

Темнота комнаты была мягкой, не враждебной. Тёплый воздух, запах земли и чего-то травяного из гостиной просачивался даже сюда. Дыхание соседей — ровное, спокойное. Эрни даже храпел, негромко.

Алекс лежал с закрытыми глазами.

Первый день.

Три урока. Десятки лиц, имён, обрывков информации — всё это нужно было разложить по полочкам, запомнить, осмыслить.

Флитвик — хороший преподаватель, энергичный, понятный. С ним проблем не будет.

Спраут — добрая, но не наивная. Видит студентов, замечает, кому что даётся. Невилл расцвёл под её взглядом.

Биннс — бесполезен. Читать самому, не тратить время на лекции.

Поттер. Видел его сегодня — на Травологии. Обычный мальчишка, худой, в очках. Рядом с ним Уизли и Грейнджер — точнее, Уизли рядом, Грейнджер чуть в стороне. Они уже сбивались в группу, в команду. Как в тех обрывках памяти — трое друзей, которые... Доберутся до философского камня? Убьют Волдеморта?

Он точно не помнил. Только ощущение — они важны. Они будут в центре сюжета. Держаться подальше.

Энн.

Тихая, наблюдательная. Сегодня она сказала больше слов, чем за весь день в поезде. «Я тоже так считаю. Про минимум». Это было... неожиданно. Она не просто соглашалась — она думала. Под всем этим страхом и молчанием была голова, которая работала.

Опасно? Полезно? Он не знал пока.

Сон пришёл быстро — мягкий, без сновидений. Тёплая темнота хаффлпафских подземелий укутала его, как одеяло.

Глава 12. Два паразита

Второй день начался с голоса Джастина. Он вывел его из лёгкой дремоты, в которую Алекс погрузился, едва проснувшись час назад.

— Ты же обещал! Люмос! Сегодня!

Алекс открыл глаза. Джастин стоял у его кровати — уже одетый, взъерошенный, с палочкой в руке. За окном едва светало.

— Вечером, — сказал Алекс. — Сначала уроки.

— Но ты обещал!

— Вечером, — повторил он и сел, потирая глаза.

Джастин вздохнул, но отступил. Алекс видел: он не обиделся. Просто нетерпеливый. Как ребёнок перед днём рождения. Не отработав как следует одно хватается за другое.

Впрочем, он и был ребёнком. Они все были детьми — все, кроме него. Эрни напевал что-то у зеркала, завязывая галстук. Захария уже ушёл — его кровать была пуста и идеально застелена, как всегда. Алекс начинал подозревать, что тот вообще не спит.

Он оделся быстро, проверил палочку в кармане. Сегодня — Зелья со Слизерином и ЗОТИ с Гриффиндором.

ЗОТИ. Квиррелл.

Имя царапало память, как заноза под кожей. Он знал это имя — откуда-то из тех обрывков, из того фильма, который видел в детстве, в другой жизни. Квиррелл, тюрбан, Волдеморт...

Что-то связывало их. Что-то важное. Он не мог вспомнить точно, но ощущение было отчётливым: опасность.

Ладно. Увидит сам. Сегодня.

Энн ждала в гостиной — у того же прохода, что и вчера, в той же позе. Когда он появился, она расслабилась. Едва заметно, но он уже научился это видеть.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе.

Они пошли на завтрак вместе, через уже знакомые коридоры. Она держалась чуть позади, справа — как вчера. Как, видимо, будет всегда.

Большой зал встретил их шумом и запахом еды. Потолок сегодня показывал серое небо — облака, низкие и тяжёлые, обещающие дождь.

Алекс сел на своё место, Энн — рядом. Не спрашивая, не сомневаясь.

Совы влетели через окна, рассыпая письма и посылки. К Алексу спикировала пёстрая сова, уронила конверт, прикрепленный к свертку в его тарелку и улетела, не дожидаясь награды.

Почерк матери. Странно. Его письмо отошлют только днём, да и совы не летают со скоростью света.

Он вскрыл конверт.

«Алекс,

Надеюсь, первый день прошёл хорошо. Мы с папой думаем о тебе.

Посылаю тёплые носки — в Хогвартсе обычно сыро, особенно к октябрю. И немного печенья — домовики готовят хорошо, но домашнее есть домашнее.

Пиши, когда сможешь. Мы ждём.

С любовью,

Мама»

Внизу — приписка другим почерком:

«Береги себя. Папа»

Они написали заранее. Отправили до его письма — просто чтобы он получил что-то в первые дни.

Что-то шевельнулось в груди. Он не знал, как это называется. Убрав свёрток и письмо в сумку, посмотрел на соседку.

Энн смотрела вверх — на сов, всё ещё кружащих под потолком. Ей опять ничего не прилетело. Она отвернулась, взяла тост. Лицо нейтральное, но пальцы сжали хлеб чуть сильнее.

— Сегодня Зелья, — сказала она, глядя в расписание. — Со Слизеринном.

— И ЗОТИ после. С Гриффиндором.

Энн кивнула. Они доели молча и отправились на занятие.

Подземелья встретили их холодом.

Не просто прохладой — настоящим холодом, который забирался под мантию, оседал на коже влажной плёнкой. Каменные стены блестели в свете факелов, между плитами пола темнели щели, в которых что-то поблёскивало — вода? Слизь?

Коридор вёл вниз, всё глубже под замок. Здесь не было окон, как в его гостиной — только факелы, чадающие и потрескивающие. Тени плясали на стенах, создавая иллюзию движения.

Кабинет Зельеварения был ещё хуже.

Банки вдоль стен — десятки, сотни банок. В них плавало... разное. Глаза — десятки глаз разных размеров и цветов, некоторые всё ещё следили за входящими. Щупальца, свёрнутые кольцами. Что-то похожее на человеческую руку — только зелёную и с перепонками между пальцами. Один экземпляр — большой, свёрнутый спиралью — шевельнулся, когда Алекс проходил мимо.

Слизеринцы уже заняли половину парт — лучшую половину, ближе к ингредиентам и дальше от двери. Драко Малфой сидел в центре их группы, Крэбб слева, Гойл справа. Он что-то говорил, и окружающие смеялись — негромко, с оглядкой на пустой учительский стол.

Хаффлпаффы жались к другой стороне класса. Алекс выбрал место у стены, не впереди, не сзади. Энн села рядом, молча достала учебник.

Минута. Две. Класс заполнялся шёпотом и нервным смехом. Дверь распахнулась.

Профессор Снейп не вошёл — он появился. Чёрная мантия взметнулась за ним, как крылья. Высокий, худой, с лицом, вырезанным из камня. Глаза — чёрные, холодные — прошлись по классу, и шёпот умер мгновенно. Тишина стала абсолютной. Снейп прошёл к своему столу. Не сел — встал за ним, сложив руки за спиной.

— Учебники, — сказал он.

Голос был тихим. Почти мягким. Но каждое слово падало в тишину отчётливо, как капли в пустой колодец.

— Страница пятнадцать. Зелье от фурункулов. Ингредиенты на полках. — Пауза. — У вас сорок минут.

Никаких приветствий. Никаких объяснений. Никакого «здравствуйте, дети, меня зовут профессор Снейп». Просто — делайте.

Студенты зашевелились — торопливо, нервно. Захлопали учебники, закрипели стулья. Очередь к полкам с ингредиентами образовалась мгновенно.

Алекс не торопился. Открыл учебник, прочитал рецепт целиком. Комментарии к нему, какой ингредиент за что отвечает. Сушёная крапива, толчёные змеиные клыки, рогатые слизи, иглы дикобраза. Последовательность, температура, время — всё было важно.

Когда очередь рассосалась, он встал и пошёл к полкам. Взял то, что нужно — ровно столько, сколько указано в рецепте, не больше. Вернулся на место. Разложил ингредиенты в порядке добавления. Зажёг огонь под котлом — не слишком сильный, как написано. Начал работать.

Нарезать крапиву — ровными полосками, не толще полусантиметра. Базовый навык готовки, нож должен идти плавно, без нажима, иначе разорвется или скомкается. Растолочь

змеиные клыки — до однородного порошка, без комков. Ступка и пестик, круговые движения, терпение. Добавить в котёл — медленно, помешивая против часовой стрелки. Семь оборотов. Пауза. Три оборота по часовой. Зелье начало менять цвет — из мутно-серого в бледно-зелёный. Правильно.

Снейп ходил между рядами. Бесшумно, как тень. Он не говорил ничего — просто смотрел. Останавливался у котлов, склонялся, принимался. Лицо чаще всего оставалось неподвижным — ни одобрения, ни недовольства.

Но иногда — говорил.

— Мистер Макмиллан, — голос Снейпа разрезал тишину, — вы читали инструкцию или использовали её как салфетку?

Эрни вздрогнул. Его зелье было грязно-коричневым и пузырилось неприятно.

— Я... я следовал рецепту, сэр.

— Вы добавили иглы дикобраза до того, как сняли котёл с огня. — Снейп смотрел на него с выражением человека, обнаружившего таракана в супе. — Это написано в учебнике. Заглавными буквами. С восклицательным знаком.

— Я... простите, сэр.

— Ваше «простите» не починит котёл, когда он взорвётся. — Снейп взмахнул палочкой, и содержимое котла исчезло. — Начните сначала. И на этот раз — читайте.

Он двинулся дальше. Остановился у котла Сьюзен Боунс.

— Мисс Боунс. Какого цвета должно быть зелье на этом этапе?

— 3-зелёного, сэр?

— Какого цвета ваше зелье?

Сьюзен посмотрела в котёл. Её зелье было фиолетовым.

— Я... я не знаю, что пошло не так, сэр.

— Вы помешивали по часовой стрелке вместо против. — Снейп скривился, будто от зубной боли. — Элементарная ошибка. Исправьте — если ещё можно.

По его тону было ясно: он сомневался, что можно. Дальше — девочка с Хаффлпаффа, чьего имени Алекс не помнил. Её зелье шипело и плевалось искрами.

— Что, — Снейп остановился, разглядывая котёл с брезгливым интересом, — вы пытались создать? Потому что это определённо не зелье от фурункулов.

— Я... я следовала рецепту, сэр!

— Вы добавили три слизня вместо двух. И порезали их, вместо того чтобы раздавить. — Снейп наклонился ближе. — Скажите, вы в принципе умеете считать до двух? Или это слишком сложно для Хаффлпаффа?

Девочка покраснела до корней волос. Кто-то из слизеринцев хихикнул. Снейп выпрямился.

— Пять баллов с Хаффлпаффа. За неспособность следовать простейшим инструкциям.

Он двинулся дальше. Когда проходил слизеринцев, даже если морщился и кривился, вслух говорил немного, зато его товарищи получали по полной.

Алекс продолжал работать. Добавил слизней — раздавленных, как написано. Помешал — против часовой, потом по часовой. Зелье стало ярко-зелёным, потом начало светлеть.

Снейп остановился у его котла. Алекс не поднял головы. Продолжал помешивать — ровно, размеренно. Тишина.

Он чувствовал взгляд Снейпа — тяжёлый, изучающий. Секунда. Две. Пять. Потом Снейп пошёл дальше. Ничего не сказал. Не похвалил, не придрался. Алекс позволил себе выдохнуть.

Рядом Энн работала старательно, но неуверенно. Она слишком часто смотрела в учебник, слишком медленно резала, слишком нервно мешала. Её зелье было почти правильного цвета, но пузырилось чуть сильнее, чем нужно. Видимо, поставила на слишком сильный огонь

Алекс дождался, пока Снейп отойдёт к другому ряду. Толкнул к ней банку с сушёной крапивой.

— Щепотку, — шепнул он едва слышно. — Стабилизирует. И уменьши огонь

Она посмотрела на него — удивлённо, благодарно. Добавила. Уменьшила. Пузыри утихли.

«Спасибо», — одними губами.

Он кивнул и вернулся к своему котлу. К концу урока его зелье было именно таким, как описано в учебнике: бледно-голубым, с лёгким мерцанием на поверхности. Он разлил его в пробирку, подписал, отнёс на стол Снейпа.

Снейп взял пробирку. Посмотрел на свет. Потом — на Алекса. Долгий взгляд. Нечитаемый.

— Хлой, — сказал он. Не вопрос — констатация.

— Да, сэр.

Пауза.

— Идите.

Алекс ушёл.

После урока, в коридоре, его встретил Малфой.

— Хлой.

Алекс обернулся. Драко стоял, скрестив руки на груди. Крэбб и Гойл маячили за его спиной — молчаливые, тяжёлые.

— Снейп мимо тебя прошёл и даже не скривился, — сказал Драко. В его голосе было удивление. — Первый урок — и ни одного замечания. Это... необычно. Для хаффлпафца.

— Я следовал инструкциям.

— Ха. — Драко склонил голову набок. — Отец говорил о твоей семье. Хлой. Мать в аврорате, да?

— Да.

— Интересно. — Он смотрел на Алекса оценивающе. — Ты не пытаешься произвести впечатление. И не огрызаешься, как эти тупые гриффиндорцы, когда я с тобой разговариваю.

Алекс промолчал.

— Жаль, что ты не в Слизерине. Хаффлпафф... — Драко поморщился.

— Мне подходит. — ответил Алекс

— Хм. Ты не похож на типичного барсука. — задумался слизеринец.

— Спасибо

— Ты странный, — заключил Драко. — Но это не плохо.

Он развернулся и пошёл прочь. Крэбб и Гойл потянулись за ним.

Энн подошла, когда они скрылись за поворотом.

— Он опять к тебе подходил, — сказала она тихо. — Малфой.

— Да, так и есть.

Она не спросила зачем. Просто констатировала.

От подземелий до кабинета Защиты от тёмных искусств было далеко — три этажа вверх, два коридора направо, лестница, которая решила повернуться, когда они были на середине.

— Ненавижу эти лестницы, — пробормотал кто-то из хаффлпафцев.

Алекс промолчал. Он думал о другом.

Квиррелл. ЗОТИ. То, что царапало память.

Волдеморт исчез, но не умер — это факт. Он где-то прятался, где-то выжидал. А Квиррелл путешествовал, встречался с тёмными существами. Вернулся... другим. Нервным, заикающимся, обвешанным чесноком.

Что, если он встретил не только тёмных существ? Что, если он встретил Волдеморта?

Мысль была... не безумной. Логичной, если подумать. Волдеморту нужно тело. Квиррелл — слабый, запуганный, легко сломать. Идеальный сосуд.

Но это были только догадки и подсказки из фильма. Сейчас он увидит сам. Запах чеснока ударил в нос ещё в коридоре.

Резкий, едкий, забивающий всё остальное. В самом кабинете было ещё хуже. Связки чеснока висели над дверью, над окнами, над доской. Везде.

— От вампиров, что ли? — пробормотал кто-то.

Гриффиндорцы уже занимали левую половину парт. Алекс видел Мэри — она помахала ему, он кивнул в ответ. Рядом с ней Лаванда Браун, дальше — Поттер и Уизли. Гермиона — одна, на первой парте, перо уже наготове.

Алекс выбрал место у стены. Энн села рядом.

Дверь открылась.

Квиррелл вошёл нервно, суетливо — уронил стопку книг на пороге, подобрал, уронил снова. Бледный, в фиолетовом тюрбане, с лицом, которое, казалось, извинялось за собственное существование.

— Д-добро п-пожаловать, — сказал он, наконец добравшись до стола. — На З-защиту от т-тёмных искусств.

Обычный голос. Обычный заикающийся профессор. Но Алекс почувствовал сразу: дверь внутри — та самая, за которой была заперта тульпа — дрогнула. Не так, как на уроках магии. Сильнее. Глубже. Как камертон, отзывающийся на ноту.

Резонанс.

Что-то в Квиррелле отзывалось на что-то в нём. Два... присутствия? Два симбиота в двух телах?

Волдеmort. Если он там — внутри Квиррелла, под тюрбаном — то дверь точно реагировала на него. Тульпа чувствовала тёмного лорда. И, возможно, он чувствовал её.

— Сегодня м-мы п-поговорим о т-тёмных существах, — продолжал Квиррелл, листая книгу дрожащими руками. — Их к-классификация...

Алекс не слушал. Он наблюдал. За руками Квиррелла — они дрожали постоянно, мелко. За его глазами — бегающими, избегающими прямого взгляда. За тюрбаном — нелепым, неуместным, скрывающим что-то. Квиррелл повернулся к доске. Взял мел.

И замер. На секунду — может, меньше. Спина напряглась. Рука с мелом застыла. Потом он медленно повернулся обратно. Его глаза изменились.

Не цвет — что-то другое. Глубина. Выражение. Секунду назад это были глаза испуганного человека. Теперь — что-то холодное, древнее, расчётливое смотрело через них. Взгляд скользнул по классу. По лицам студентов. Задержался на Поттере... И остановился на Алексе.

Дверь внутри как будто что-то ударило. Как кулак в стену. Резонанс усилился стократно — вибрация прошла через всё тело, от макушки до пяток. Волдеmort смотрел на него.

Не Квиррелл — Волдеmort, это был он. То, что осталось от него, то, что пряталось в этом жалком теле. Оно видело Алекса. Видело дверь внутри. Видело то, что за ней.

Секунда. Две. Вечность. Алекс не мог пошевелиться. Не мог отвести взгляд. Сердце кололось, руки вспотели — но снаружи он был неподвижен. Застывший под этим взглядом, как мышь перед змеей. Потом Квиррелл моргнул.

Глаза снова стали обычными — испуганными, бегающими. Он отвернулся, начал писать на доске — коряво, роняя мел.

— П-простите, на чём я о-остановился...

Снова заикался. Снова нервничал. Снова был жалким профессором. Как будто ничего не произошло. Но произошло. Алекс знал. Волдеmort его видел. И запомнил. Дверь внутри всё ещё дрожала — мелко, часто. Он заставил себя дышать. Вдох. Выдох. Ещё раз.

Краем глаза посмотрел на Поттера. Тот сидел странно — сгорбившись, одна рука прижата ко лбу. К шраму. Шрам болел. Рядом с Квирреллом — рядом с Волдемортом — шрам болел. Алекс не единственный что-то почувствовал.

Урок тянулся бесконечно. Квиррелл бормотал что-то о вампирах — их классификации, способах защиты, исторических случаях нападений. Его голос был монотонным, прерывистым, слова спотыкались друг о друга.

— В-вампиры относятся к к-категории четыре и-икса по к-классификации М-министерства... это означает, что они п-представляют серьёзную угрозу и т-требуют специальных навыков для п-противостояния...

Он уронил указку. Наклонился за ней, ударился головой о край стола, выронил книгу. Кто-то из гриффиндорцев хихикнул — тихо, но отчётливо. Квиррелл сделал вид, что не услышал. Алекс не слушал лекцию. Он наблюдал.

За руками Квиррелла — они дрожали постоянно, мелко, как у человека, который выпил слишком много кофе. Или как у человека, который чего-то боится. Или — как у человека, который борется с чем-то внутри себя.

За его глазами — они бегали по классу, избегая прямых взглядов. Останавливались на долю секунды на одном студенте, перескакивали на другого, метались к двери, к окну, обратно. Глаза загнанного зверя. За тюрбаном — нелепым, громоздким, неуместным в британской школе волшебства. Фиолетовая ткань, аккуратно уложенная, скрывающая... что?

Память, наконец, подсказала ответ. Тот фильм, обрывки, образы без контекста. Квиррелл снимает тюрбан. Под ним — лицо. Другое лицо. На затылке. Волдеморт.

Мысль была ясной, отчётливой, как вспышка. Не догадка — воспоминание. Он видел это. Знал это. Просто не мог вспомнить раньше.

Волдеморт прятался в Квиррелле. Буквально — в его теле, на его затылке. Паразит в носителе. Поэтому тюрбан. Поэтому чеснок — отвлечение, маскировка. Поэтому нервозность — потому что внутри него жило нечто древнее и страшное. И поэтому дверь резонировала.

Два паразита. Два существа, живущие в чужих телах. Волдеморт в Квиррелле. Тульпа в нём. Они почувствовали друг друга.

Алекс сидел неподвижно, глядя в пергамент перед собой. Рука с пером застыла над чистой страницей. Он не написал ни слова за весь урок.

Рядом Энн продолжала строчить конспект — старательно, мелким почерком. Она бросала на него короткие взгляды, но ничего не говорила.

— ...г-главным средством з-защиты от вампиров является с-солнечный свет, однако в условиях н-ночного нападения...

Гермиона тянула руку — в третий раз за урок. Квиррелл смотрел куда-то мимо неё, в стену, будто не замечал.

— Профессор! — не выдержала она. — А правда, что чеснок помогает против вампиров? Квиррелл вздрогнул. Повернулся к ней — медленно, неохотно.

— Д-да, мисс... э-э...

— Грейнджер. Гермиона Грейнджер.

— Д-да, мисс Грейнджер. Ч-чеснок обладает о-определёнными защитными с-свойствами, хотя его э-эффективность часто п-преувеличивают...

Он говорил, но Алекс видел: его взгляд снова начал блуждать. Скользнул по классу, задержался на Поттере — на секунду, не больше — и двинулся дальше.

Поттер всё ещё держался за лоб. Не демонстративно — почти незаметно. Просто рука лежала там, где шрам, пальцы чуть вдавливались в кожу. Шрам болел. Очень. Алекс был уверен.

Связь между Поттером и Волдемортом. Шрам, оставленный убивающим проклятием. И теперь, когда Волдеморт рядом — пусть в чужом теле, пусть ослабленный — шрам реагировал.

Как и тульпа за дверью внутри реагировала на присутствие тёмного лорда. Два резонанса. Два отклика на одну и ту же угрозу.

Колокол прозвенел — резко, неожиданно. Алекс вздрогнул, хотя обычно контролировал такие реакции.

— Д-домашнее задание, — Квиррелл торопливо листал книгу, — п-прочитать главу о в-вампирах и н-написать ф-фут пергамента о с-способах защиты...

Студенты уже вставали, собирали вещи, торопились к выходу. Никто не хотел задерживаться в этом кабинете, пропахшем чесноком и страхом. Алекс сложил чистый пергамент в сумку. Встал. Направился к двери вместе с остальными.

И оглянулся. Он не планировал этого. Тело само повернулось — инстинкт, отточенный годами жизни, когда нельзя оставлять потенциальную угрозу за спиной.

Квиррелл стоял у доски. Неподвижно. Смотрел ему вслед. Не тем взглядом — испуганным, бегающим. Другим. Тем самым.

Холодные глаза. Неподвижное лицо. Ни следа заикающегося неудачника — только расчётливое, могущественное внимание. Волдеморт смотрел на него.

Секунда растянулась в вечность. Алекс стоял в дверях, не в силах отвернуться. Ноги будто вросли в пол. Сердце колотилось — громко, оглушительно.

Дверь внутри дрожала. Не просто дрожала — вибрировала, гудела, как натянутая струна перед тем, как лопнуть.

Он знает, — пронеслась мысль. — Он чувствует её. Чувствует, что внутри меня кто-то есть.

Потом Квиррелл моргнул. Глаза снова стали обычными — испуганными, бегающими. Он отвернулся, начал нервно перебирать бумаги на столе. Уронил перо, выругался шёпотом, наклонился поднять.

Снова — жалкий заикающийся профессор. Как будто ничего не было.

Алекс вышел из кабинета. Ноги несли его сами — по коридору, прочь от этой двери, прочь от запаха чеснока и присутствия кого-то могущественного до дрожи в коленях. Энн догнала его у лестницы.

— Алекс.

Он остановился, мгновенно, как если бы натолкнулся на стену. Повернулся к ней.

Она смотрела на него — прямо, без обычной робости. В её глазах было что-то новое. Тревога? Понимание?

— Ты побледнел, — сказала она тихо. — На уроке. Когда он на тебя смотрел в первый раз. И сейчас — когда оглянулся.

— Показалось...

— Нет.

Она не отвела взгляд. Маленькая, тихая девочка — но в этот момент в ней была какая-то твёрдость.

— Я видела, — продолжала она. — Его глаза изменились. На секунду. Стали... другими. Не его. И он смотрел на тебя. Не на класс — на тебя. Именно на тебя.

Алекс молчал. Что он мог сказать? «Да, ты права, в нашем профессоре прячется величайший тёмный маг столетия, и он почувствовал психическую конструкцию в моей голове»?

— Почему? — спросила Энн. — Почему он так на тебя смотрел?

Хороший вопрос. Вопрос, на который у него не было ответа, который он мог бы произнести вслух.

— Не знаю, — сказал он.

Ложь. Она знала, что это ложь — он видел по её глазам. Но она не стала настаивать.

— Ладно, — сказала она тихо. — Не хочешь говорить — не надо.

Они пошли дальше, к Большому залу. Молча. Энн держалась рядом — чуть ближе, чем обычно. Как будто пыталась защитить его от чего-то. Или защититься сама.

Алекс думал. Волдеморт знал о нём теперь. Знал, что в Хогвартсе есть первокурсник, в котором есть что-то... необычное. Что-то, на что реагирует его собственное присутствие.

Это было плохо. Очень плохо. Тёмный лорд не из тех, кто забывает странности. Не из тех, кто оставляет загадки нерешёнными. Он будет наблюдать. Присматриваться. Пытаться понять.

Держаться подальше — вот что нужно делать. Не привлекать внимания. Не давать поводов для подозрений. Быть обычным, незаметным, скучным. Но как быть незаметным, когда тебя уже заметили?

Большой зал гудел голосами. Обеденный шум — звон посуды, смех, обрывки разговоров — обрушился на Алекса, как волна. После тишины коридоров, после давящей атмосферы кабинета ЗОТИ это было почти оглушительно.

Он сел на своё место за хаффлпаффским столом. Энн — рядом, молча. Она пододвинула тарелку, положила себе немного — картофель, кусок курицы, овощи. Ела медленно, механически.

Алекс смотрел на еду и понимал, что не голоден. Желудок сжался в тугой комок после урока ЗОТИ. Но нужно было есть — тело требовало топлива, даже если разум протестовал.

Он положил себе порцию. Заставил себя жевать.

— Алекс!

Вихрь рыжих волос и энергии. Мэри возникла рядом, будто материализовалась из воздуха.

— Ты видел? На ЗОТИ? — Она плюхнулась на скамью, игнорируя недовольный взгляд второкурсника, которого подвинула. — Квиррелл такой странный! Заикается, всего боится, чеснока развесил — как будто вампиры в Хогвартсе заберутся!

— Видел, — сказал Алекс односложно. У него не было сил шутить после встречи с Волдемортом.

— А ещё — ты заметил Гарри? — Мэри понизила голос, наклонилась ближе. — Он весь урок за голову держался. Рон говорит, у него шрам болел.

Алекс отложил вилку.

— Шрам болел?

— Ага! Тот самый, от Сам-Знаешь-Кого. — Она огляделась, будто проверяя, не подслушивает ли кто. — Странно, правда? Почему шрам вдруг заболел? И почему именно на уроке Квиррелла?

Хороший вопрос. Очень хороший.

— Может, совпадение, — сказал Алекс ровно.

— Может. — Мэри не выглядела убеждённой. — Но всё равно странно. Квиррелл вообще... — она поморщилась, подбирая слово, — неприятный какой-то. Не злой, а просто... не знаю. От него мурашки.

Мурашки. Да, это было подходящее слово.

— Говорят, он путешествовал, — продолжала Мэри, уже другим тоном, более лёгким. — Встречался с вампирами и всякой жутью. А потом вернулся и стал таким... дёрганым. Интересно, что с ним случилось?

«Он встретил Волдеморта, — подумал Алекс. — Вот что с ним случилось».

Вслух сказал:

— Кто знает.

Мэри кивнула, уже переключаясь на другую тему:

— Ой, а ты спросил про гостиную? Можно к вам?

— Да. Вечером, после ужина. На час-два. — Алекс кратко объяснил как попасть в гостиную.

— Отлично! — Она вскочила. — Тогда после ужина приду!

Она умчалась к гриффиндорскому столу, помахав на прощание.

Тишина после неё была почти осязаемой.

Энн молчала весь разговор. Сидела, глядя в тарелку, ела маленькими кусочками. Когда Мэри ушла, она подняла глаза.

— Она придёт к нам? В гостиную?

— На час. Посмотреть.

Энн кивнула. Её лицо было нечитаемым — Алекс не мог понять, что она думает. Рада? Недовольна? Безразлична?

— Это... хорошо, — сказала она наконец.

Интонация не соответствовала словам. Но Алекс не стал уточнять.

Они доели молча. У него оставалось свободное время до следующего урока — или до вечера, он уже не помнил расписание. Мысли были заняты другим.

Квиррелл. Волдеморт. Резонанс.

Ему нужна была информация. Нужно было понять, как защитить свой разум — если это вообще возможно. Потому что если Волдеморт мог чувствовать тульпу издалека, через класс...

Что будет, если он подойдёт ближе?

После еды Алекс отправился за знаниями.

Библиотека Хогвартса была огромной. Он стоял на пороге, оглядывая ряды стеллажей, уходящие в полумрак. Высокие окна пропускали серый дневной свет, но его не хватало — в глубине зала царил вечный сумрак, разбавленный огоньками свечей, парящих между полками.

Пахло пылью, старой бумагой и чем-то ещё — чем-то, что он не мог определить. Магией, возможно. Или просто временем.

Книги здесь были живыми. Не в переносном смысле — буквально. Некоторые шелестели страницами сами по себе, другие ворчали, когда мимо проходили студенты. Одна — толстая, в потрёпанном кожаном переплёте — щёлкнула на него корешком, будто пасть захлопнула.

Алекс прошёл мимо неё, стараясь не задевать. Он искал что-то конкретное. Волдеморт смотрел на него. Чувствовал что-то. Тульпа или дверь внутри резонировали с присутствием тёмного лорда. Это означало связь. Связь означала уязвимость.

Если Волдеморт мог почувствовать тульпу — мог ли он до неё добраться? Проникнуть в разум, увидеть, что там скрывается? Алекс не знал ответа. Но собирался выяснить.

Он начал с очевидного — секция защитной магии. Длинный ряд стеллажей, забитых книгами всех размеров. «Щитовые чары: полное руководство». «Защитные круги и барьеры». «Как не дать себя проклясть: практические советы».

Ничего о защите разума.

Он перешёл к секции ментальной магии. Здесь было меньше книг — тонкие томики, некоторые на цепочках, прикованные к полкам.

«Классификация ментальных атак».

Алекс потянулся к книге — и его руку перехватила костлявая ладонь.

— Первый курс?

Мадам Пинс смотрела на него сверху вниз. Худая, с лицом хищной птицы, она, казалось, появилась из ниоткуда — он не слышал её шагов.

— Да, мэм.

— Эта секция — для старших курсов. — Она не отпустила его руку.

— Я ищу информацию о защите разума, — сказал Алекс. — Не о чтении мыслей. О защите от чтения.

Пинс прищурилась. Её глаза — маленькие, острые — изучали его лицо.

— Окклюменция, — сказала она наконец.

Слово было незнакомым, но важным — он слышал это по её тону.

— Да, — сказал он, хотя не знал, что оно означает. — Окклюменция.

— Книги по окклюменции находятся в Запретной секции. — Она отпустила его руку, но не отступила. — Доступ — только с письменным разрешением преподавателя. И даже тогда — под наблюдением.

— Почему?

— Потому что ментальная магия опасна. — Пинс смотрела на него без выражения. — В неумелых руках — разрушительна. Для обеих сторон.

Алекс кивнул медленно.

— Есть что-нибудь... в открытом доступе? Базовое?

Пинс молчала несколько секунд. Потом:

— Третий стеллаж слева, нижняя полка. Медитативные практики. Там есть упражнения на концентрацию и очищение разума. — Она наклонилась ближе. — Но если хочешь изучать окклюменцию серьёзно — тебе нужен наставник. Это не то, что учат по книгам.

— Понял. Спасибо.

Она выпрямилась, окинула его последним взглядом — оценивающим, непонятым — и исчезла между стеллажами так же бесшумно, как появилась.

Алекс нашёл нужную полку. Книги здесь были тонкими, потрёпанными — явно не самые популярные в библиотеке. «Медитация для юного волшебника». «Очищение разума: первые шаги». «Концентрация и контроль: упражнения для начинающих».

Он взял все три. Не окклюменция — но начало. Фундамент, на котором можно строить. Если Волдеморт попытается проникнуть в его разум — Алекс хотел быть готовым.

Гостиная встретила его теплом и запахом мёда.

После холодных коридоров и пыльной библиотеки это было почти физическим облегчением. Он остановился у входа на секунду, позволяя напряжению уйти из плеч.

Энн сидела в кресле у камина — том самом, которое уже стало «её» креслом. Склонилась над пергаментом, что-то писала. Домашняя работа по Зельям, судя по открытому учебнику рядом.

Она подняла голову, когда он вошёл. Что-то мелькнуло в её глазах — облегчение? — и тут же исчезло.

— Ты был в библиотеке, — сказала она. Не вопрос — констатация.

— Да.

Он сел в соседнее кресло, положил книги на столик между ними. Энн посмотрела на обложки — «Медитация для юного волшебника» — но ничего не сказала.

Алекс достал свой учебник Зельеварения. Домашняя работа — описать свойства ингредиентов из сегодняшнего зелья, объяснить их взаимодействие. Просто, если понимаешь логику.

Он начал писать. Рядом скрипело перо Энн — мелкий почерк, буквы теснятся друг к другу.

Молчание было комфортным. Два человека, делающих домашнюю работу рядом. Не друзья — он не умел дружить, не по-настоящему. Но что-то близкое.

— Можно спросить?

Голос Энн был тихим, неуверенным.

— Да.

Она не подняла глаз от пергамента.

— Зелья... они похожи на химию? Маггловскую?

Алекс остановился. Посмотрел на неё.

— Ты знаешь про химию?

— Немного. — Она всё ещё смотрела в пергамент. — В школе... в маггловской школе. До письма. У нас были уроки. Я не очень понимала, но... формулы, реакции. Когда одно вещество меняется при контакте с другим.

Он задумался. Параллель была интересной — и точной.

— Похоже, — сказал он. — Ингредиенты взаимодействуют друг с другом по определённым правилам. Температура важна — слишком горячо или слишком холодно, и реакция пойдёт не так. Порядок добавления важен — некоторые вещества нейтрализуют друг друга, если смешать напрямую. Время важно — передержишь на огне, и всё испортится.

Энн слушала, подняв глаза. В них был интерес — настоящий, не притворный.

— Как кислота и щёлочь. Если смешать — нейтрализация. И по итогу получится вода — Алекс кивнул. — Магия — дополнительная переменная в уравнении. Но базовые принципы те же: точность, последовательность, контроль. Зельеварение — это наука. Просто с другими правилами.

— Снейп так не объясняет.

— Снейп, видимо, считает, что все должны понимать это интуитивно. — Алекс пожал плечами. — Или он просто не хочет тратить время на объяснения.

Энн чуть улыбнулась — быстро, мимолётно.

— Ты объясняешь лучше, — сказала она. — Понятнее, чем учебник.

— Учебник написан для тех, кто вырос в магическом мире. Для них зелья — это магия, традиция, искусство. Для нас... — он запнулся, — для тех, кто знает маггловский мир — это химия с дополнениями.

Она кивнула медленно. Вернулась к своему пергаменту, но теперь писала увереннее. Что-то щёлкнуло в её голове — понимание, которого не было раньше.

Алекс вернулся к своей работе.

Но часть его разума думала о другом. Об окклюменции. О наставнике, который нужен, чтобы научиться по-настоящему.

Мать была аврором. Авроры наверняка знали окклюменцию — или хотя бы основы. Может, она могла бы...

Нет. Слишком много вопросов. «Зачем тебе это? Почему ты спрашиваешь?» Он не мог рассказать ей о тulpе. Не мог рассказать никому. Учиться самому? Негде взять учебники, да и время...

Время у него было. Волдеморт не станет действовать сразу — он слаб, прячется в чужом теле. Ему нужно что-то в Хогвартсе, что-то важное. Философский камень? Алекс помнил это из обрывков — камень, который даёт бессмертие.

Волдеморт будет занят камнем. Не первокурсником со странностями в голове.

По крайней мере — пока. А в конце учебного года Поттер его уничтожит и на одного темного лорда в мире станет меньше. Ужин прошёл быстро — Алекс ел механически, думая о вечере.

Перед выходом из Большого зала он нашёл Габриэля — староста сидел в конце хаффлпаффского стола, разговаривал с другим семикурсником.

— Габриэль.

Тот обернулся.

— А, Хлой. Что-то случилось?

— Нет. Просто хотел предупредить — сегодня ко мне придёт гостя. Мэри Причард, из Гриффиндора. Ты разрешил вчера.

— Помню. — Габриэль кивнул. — Час-два, не позже.

— Спасибо.

Он вернулся к выходу, по пути кивнув Мэри, подтверждая договоренность. Энн ждала его там — молча, терпеливо.

Они пошли в гостиную вместе.

Мэри ворвалась через двадцать минут — растрёпанная, запыхавшаяся, сияющая.

— Я нашла! — Она оглядывалась, пытаясь увидеть всё сразу. — Бочки, ритм, всё как ты говорил! Чуть не ошиблась на втором стуке, но вспомнила!

— И не облили уксусом, — кивнул Алекс. — Поздравляю, ты прошла испытание.

— Испытание! — Мэри захихикала. — У нас просто пароль. «Капут Драконис» — и всё. Скучно. А тут — бочки, ритм, уксус!

— Хочешь, устроим тебе полную версию? С уксусом?

— Нет-нет-нет! — Она замахала руками. — Я верю на слово!

Она уже носилась по гостиной, заглядывая во все углы.

— Ого, тут правда уютно! Смотри, растения! И камин огромный! И кресла... — Она плюхнулась в одно из них, подпрыгнула. — Мягкие!

— Это кресло Захарии, — сказал Алекс. — Он тебя убьёт.

Мэри вскочила как ужаленная.

— Какой Захария?!

— Смит. Высокий, надменный, смотрит на всех как на грязь.

— Ой. — Она отодвинулась от кресла. — А он где?

— Не знаю. Но он всегда знает, когда кто-то трогает его вещи.

Мэри уставилась на кресло с подозрением, потом на Алекса — и захихикала.

— Ты меня разыгрываешь!

— Может быть. — Он позволил себе улыбку. — А может, нет. Рискнёшь проверить?

— Ты ужасный! — Она ткнула его в плечо, но улыбалась. — Ладно, показывай дальше!

Где окна под землёй?

Алекс подвёл её к ближайшему окну. За стеклом виднелись слои почвы, корни, камни.

— Это... это правда земля? — Мэри прижала нос к стеклу. — Прямо за окном?

— Правда. Мы под землёй.

— Но как тогда свет?..

— Магия.

— Это нечестный ответ!

— Зато правдивый.

Она фыркнула, но продолжала разглядывать.

— Там что-то шевелится! Видишь?

Алекс подошёл ближе. За стеклом, в слое почвы, действительно двигалось что-то бурое, с лапками.

— Может, крот.

— А может, нюхлер! — Мэри подпрыгнула. — Хочу нюхлера!

— Заведи себе на Рождество.

— Мама не разрешит. Она говорит, от них одни проблемы. — Мэри скорчила рожицу. — Но они такие милые! Пушистые, с носиком...

— И воруют всё блестящее.

— Мелочи!

Она уже неслась к камину.

— А где цветок? Тот, который за солнцем следит?

— На подоконнике. Но он свернулся — темно.

Мэри подбежала к цветку. Он действительно свернул лепестки плотно, как бутон.

— Он спит! — прошептала она громко. — Какой милый! Можно потрогать?

— На свой страх и риск. Некоторые растения кусаются.

Мэри отдернула руку.

— Серьёзно?!

— Спроси у Финнигана. Он вчера почти потерял палец на Травологии.

— Ты опять меня разыгрываешь!

— Опять — может быть.

Мэри прищурилась.

— Ты специально это делаешь, да? Говоришь страшные вещи спокойным голосом, чтобы я не понимала — правда или нет.

— Работает?

— Ужасно работает! — Она снова ткнула его в плечо. — Прекрати!

— Не могу. Это единственное моё развлечение.

Несколько хаффлпаффов смотрели на них с удивлением. Алекс заметил Габриэля в углу — староста наблюдал с непроницаемым лицом, но в глазах было что-то похожее на веселье.

Джастин появился откуда-то сбоку. Увидел Мэри — замер. Покраснел.

— О! — Мэри заметила его мгновенно. — Привет! Ты Джастин, да? Я тебя на распределении видела!

— Д-да... — выдавил он.

— Мэри! — Она схватила его руку и затрясла. — Ты магглорождённый, правда? Расскажи про маггловский мир! Я почти ничего не знаю!

Джастин бросил на Алекса беспомощный взгляд.

— Он не кусается, — сказал Алекс. — В отличие от наших растений.

— Ты опять! — Мэри погрозила ему пальцем, но уже тащила Джастина куда-то. — Идём, расскажешь про телевизор!

Энн сидела в своём кресле всё это время. Не подошла, не присоединилась. Тетрадь на коленях, перо в руке — но она не писала. Просто наблюдала.

Час пролетел быстро.

— Мне пора! — Мэри уже бежала к выходу. — Спасибо за экскурсию! У вас классно! И ты обязан завтра побывать в моей гостиной.

— Приходи ещё, — сказал Алекс. — Только предупреди заранее. И не трогай кресло Захарии.

— Так оно правда его?!

— Может быть.

— Ненавижу тебя! — крикнула она уже из прохода. — До завтра!

Тишина опустилась на гостиную — плотная, почти осязаемая.

Кто-то вздохнул с облегчением. Джастин стоял посреди комнаты, красный и растерянный.

— Она... она всегда такая?

— Всегда, — подтвердил Алекс.

— О... — Джастин моргнул.

— Привыкнешь.

Джастин не выглядел убеждённым. Потом его лицо изменилось — вспомнил.

— Алекс! Точно! Ты обещал! Люмос!

Они устроились у камина — Алекс в кресле, Джастин на полу, скрестив ноги. Энн подвинула своё кресло ближе, молча.

— Люмос, — начал Алекс. — Заклинание света. Одно из простейших.

Джастин кивал, впитывая каждое слово.

— Какой принцип?

— Намерение важнее слов. Ты не произносишь «свет» — ты создаёшь свет. Слово — только якорь, помогающий сосредоточиться. Если бы ты мог представить свет достаточно чётко — слова были бы не нужны.

— Совсем?

— Совсем. Опытные маги колдуют молча. Но нам до этого далеко.
Он достал палочку. Показал движение — короткий взмах вверх, резкий, как высекание искры.

— Движение простое. Запястьем, не рукой. Не широко — точно.

Джастин поднял свою палочку, попробовал повторить. Получилось криво — слишком размашисто, слишком медленно.

— Меньше. Резче. Как будто высекаешь огонь из кремня.

Ещё раз. Лучше, но всё ещё неуклюже.

— Теперь главное. — Алекс убрал палочку. — Закрой глаза.

Джастин закрыл.

— Представь свет. Любой — солнце, свечу, фонарь. То, что для тебя значит «свет».

— Солнце?

— Можно солнце. Представь его. Как оно выглядит. Как ощущается — тепло на коже, яркость, от которой шуришься.

Тишина. Джастин сосредоточился, брови сдвинулись.

— Теперь представь, что этот свет — внутри палочки. Маленький, сжатый. Ждёт, когда ты его выпустишь.

— Как... как это?

— Не думай «как». Просто представь. Свет внутри. Ты открываешь дверь — он выходит.

Пауза.

— Теперь — открывай глаза, смотри на кончик палочки. Движение и слово вместе. Не торопись.

Джастин открыл глаза. Поднял палочку. Лицо напряжённое, сосредоточенное.

— Люмос!

Ничего.

— Ещё раз. Медленнее. Сначала представь — потом говори.

Джастин закрыл глаза на секунду. Открыл.

— Люмос!

Ничего.

— Ещё.

— Люмос!

Ничего.

Плечи Джастина начали опускаться. Алекс видел — он расстраивается. Сомневается в себе.

— Не торопись, — сказал он. — Попробуй ещё раз. Взмах, слово, намерение. Три составляющих.

Джастин вздохнул. Закрыл глаза снова. Алекс видел, как он концентрируется — лицо менялось.

— Люмос, — сказал Джастин. Тихо, почти просительно.

На кончике палочки вспыхнула искра.

Крошечная. Оранжевая. Продержалась полсекунды — и погасла.

— Получилось! — Джастин вскочил на ноги. — Ты видел?! Оно светилось!

— Видел.

— Я маг! Настоящий волшебник!

Его лицо сияло ярче, чем та искра. Чистая, детская радость — от того, что невозможное стало возможным.

— Это только начало, — сказал Алекс. — Ещё.

Следующие полчаса Джастин пытался снова и снова.

Искры появлялись — не каждый раз, но всё чаще. Сначала — на каждую пятую попытку. Потом — на каждую третью. Они становились ярче, держались дольше.

— Люмос!

Свет. Слабый, дрожащий, но свет — не искра. Продержался две секунды, погас.

— Да! — Джастин подпрыгнул. — Видел?!

— Видел. Хорошо.

— Ещё!

— Люмос!

Снова свет. Две секунды.

— Люмос!

Две с половиной секунды. Ярче.

— Достаточно, — сказал Алекс. — На сегодня.

— Но я только...

— Магия истощает. Ты не чувствуешь, но твоё ядро устало. Если перестараться — завтра не сможешь даже искру высечь.

Джастин хотел спорить — Алекс видел это по его лицу. Но потом кивнул, нехотя.

— Ладно. Но завтра — ещё?

— Завтра — сам. Практикуй по десять-пятнадцать минут. Не больше. Через неделю будет стабильно.

— Обещаешь?

— Если будешь работать — да.

Джастин сиял.

— Спасибо, Алекс. Правда. Ты... ты лучший учитель.

— Я не учитель.

— Лучше, чем Флитвик. Он говорит много, но не объясняет вот так — про намерение и всё такое.

Алекс не знал, что на это ответить. Пожал плечами.

Джастин убежал к себе — наверняка практиковать, несмотря на предупреждение. Гостиная опустела. Камин догорал, растения на подоконниках свернули листья. Свет стал мягче, теплее.

— Можешь и меня научить?

Энн. Она всё ещё сидела в своём кресле, тетрадь на коленях. Смотрела на него — тихо, серьёзно.

— Конечно. Давай завтра-послезавтра, — сказал Алекс.

Она кивнула. Почти улыбнулась — краешком губ, едва заметно.

— Спасибо.

Алекс собрался уходить. Встал, потянулся — спина затекла от долгого сидения.

Энн всё ещё была в кресле. Склонилась над тетрадью, писала что-то — быстро, сосредоточенно. Не замечала, что он смотрит. Он прошёл мимо — к выходу в спальню. Взгляд случайно упал на страницу. Не специально. Он не собирался читать. Просто — угол глаза, открытая тетрадь...

«...он сел рядом со мной. Никто никогда раньше...»

Он отвернулся. Быстро. Не его дело.

Но запомнил.

Она вела дневник. Писала о нём. Это было... он не знал, что это было. Лестно? Тревожно? И то, и другое? Он не стал много думать об этом. Пошёл к себе.

Спальня была тихой.

Эрни уже спал — или притворялся, повернувшись к стене. Захария, как всегда, был в кровати с книгой — но свет палочки не горел. Значит, тоже спал. Джастин лежал на спине, глядя в потолок. Его губы беззвучно шевелились — наверное, повторял «Люмос» про себя.

Алекс переоделся, лёг. Закрыв глаза. Но сон не приходил. Квиррелл. Тот взгляд. Волде-морт, прячущийся в жалком теле. Они знали друг о друге теперь. Тёмный лорд и... что? Попа-данец с психической конструкцией в голове? Почему дверь резонировала? Что общего между тульпой и Волдемортом? Он не знал. И это пугало больше всего.

Сон пришёл — тяжёлый, странный.

Коридор. Он узнал это место — внутреннее пространство. Стены, стол с тетрадью, дверь в конце. Но что-то было не так. В дверь стучали.

Не просто стучали — выбивали ритм. Знакомый ритм, который он не слышал много лет. Та самая мелодия — песня, которую он любил в той, другой жизни. Которую давным-давно он насвистывал в пустой квартире, когда мир становился слишком тяжёлым.

Алекс научил её этой мелодии. Когда они ещё были... чем-то.

Она никогда не использовала бы её просто так. Только когда было важно. Только когда по-настоящему нужно было, чтобы он услышал. Алекс подошёл к двери. Медленно, осторожно. Приложил ухо к холодному дереву. Стук прекратился.

Тишина. А потом — голос. Её голос. Но не такой, каким он его помнил — холодный, расчётливый, контролирующий. Другой.

«Артём!»

Отчаяние. Настоящее, сырое, незамаскированное.

«Артём, пожалуйста, слушай! Он видел меня! Видел дверь! Я не могу... я не могу защи-тить нас отсюда! Не могу!»

Дверь содрогнулась — изнутри, будто она билась в неё телом.

«Ты должен научиться! Закрывать разум, строить стены — что угодно! Я сдержала его сегодня, держала изо всех сил, но он сильный, Артём. Сильнее, чем всё, с чем мы сталкива-лись».

Её голос сорвался. Она — сорвалась. Та, которая никогда не теряла контроль.

«Я боюсь».

Два слова. Простых, честных. Слова, которые она никогда не произносила — не при нём, не вслух.

Пауза. Долгая. Он слышал её дыхание — или то, что заменяло ей дыхание в этом про-странстве. Рваное, неровное. Потом — тише. Спокойнее. Она брала себя в руки, как делала всегда.

«Он... он не человек. Не призрак. Не дух. Что-то другое. Осколок. Тень чего-то, что было целым. Мёртвое, но живое. Паразит в паразите».

Она помолчала.

«Как я. В каком-то смысле».

Алекс замер. Рука на двери, ухо прижато к дереву.

«Понимаешь?» — продолжала она. — «Поэтому резонанс. Не потому что мы одинаковые — мы разные, абсолютно разные. Я — конструкция, мысль, ставшая личностью. Он — душа, разорванная на куски, вцепившаяся в жизнь любой ценой. Но принцип... для Магии принцип тот же».

Её голос стал чётче, аналитичнее. Она думала вслух — как раньше, когда они работали вместе.

«Мы оба — нечто, существующее внутри другого. Нечто, что не должно быть, но есть. Я в тебе. Он в этом жалком профессоре. Два паразита. Два... вторжения в чужое сознание. Магия или психика — неважно. На глубинном уровне мы похожи. И он это почувствовал... Магия в этом мире возможно... как-то повлияла на нас, наделила новыми свойствами».

Пауза.

«Я почувствовала его. Холод. Пустоту, которая хочет заполниться. Он не просто смотрел — он пытался понять, что я такое. Пытался... попробовать сломать дверь. Только она сейчас стоит между твоим разумом и тем, кто пытается проникнуть. Конечно, рухнет дверь, освобожусь и я но... Последствия будут катастрофические».

Дерево под ладонью Алекса было ледяным.

«Я его сдержала. Еле-еле, но сдержала. В этот раз. Но если он попробует снова — сильнее, целенаправленнее...»

Молчание. А потом — другим тоном. Мягче. Почти просительно.

«Артём. Я знаю, почему ты закрыл дверь. Знаю, что я сделала не так. Я переступила черту, пыталась контролировать то, что не должна была контролировать. Я помню ту ночь. Каждую секунду».

Пауза.

«Но сейчас... сейчас всё изменилось. Мы в опасности. Оба. Я не могу защитить нас изнутри — только отсрочить. Ты не можешь защитить нас снаружи — ты даже не знаешь, как работает ментальная магия».

Её голос стал твёрже.

«Вместе мы сильнее. Ты знаешь это. Я знаю это. Вместе мы прошли через Пустоту. Через Ад. Я вытолкнула тебя оттуда, когда ты уже растворялся. Помнишь? Три воспоминания, которые я тебе дала. Они удержали тебя — удержали нас».

Алекс помнил. Вспышки в бесконечной темноте. Кухня, монитор, день, когда она собирала его по кусочкам.

«Я не прошу открыть дверь прямо сейчас», — продолжала она. — «Я знаю, ты не готов. Не доверяешь мне».

Пауза.

«Но хотя бы — научись защищаться. Окклюменция, медитация, что угодно. Построй стены, за которыми он не достанет. Не ради меня — ради себя. Потому что если он доберётся до двери снова, если сломает её...»

Она не договорила. Не нужно было.

«Он не просто увидит меня. Он увидит тебя. Настоящего. Взрослого, в теле ребёнка. С памятью о другом мире. С душой, которая не должна быть здесь».

Холод пополз по спине Алекса.

«И тогда у нас будут проблемы похуже, чем тёмный лорд в голове профессора».

Алекс проснулся.

Медленно, как всплывая из глубокой воды. Сердце билось ровно, но ощущение осталось — тяжёлое, давящее.

Она говорила с ним. Впервые за... он не считал. Много месяцев, может — больше нескольких лет. С той ночи, когда он закрыл дверь.

И она боялась.

Это пугало больше всего. Она никогда не боялась — не по-настоящему. Злилась, манипулировала, рассчитывала. Но не боялась. И она была права. Во всём была права — как всегда, когда дело касалось логики, анализа, выживания.

Два паразита. Два существа, живущих внутри других. Разные по природе — психика и магия, конструкция и осколок души. Но одинаковые по принципу.

Поэтому резонанс. Поэтому Волдеморт почувствовал дверь. Почувствовал её. И он вернулся.

Серый свет сочился через окна. Раннее утро. Эрни храпел, Захария спал, Джастин бормотал во сне.

Алекс лежал неподвижно, думая. Она предлагала союз. Снова. Как раньше — до того, как всё пошло не так. «Вместе мы сильнее».

Он не был готов. Не доверял ей — не после того, что случилось. Не после той ночи, когда её голос стал глушить его собственные мысли, когда он перестал понимать, где заканчивается он и начинается она.

Но окклюменция... это он мог попробовать. Это было разумно, независимо от неё.

Он встал тихо. Достал пергамент, перо, чернильницу.

Мать была аврором. Авроры знали ментальную магию. А у него была причина спросить — причина, которая не вызовет подозрений.

Поттер. Шрам. Квиррелл.

«Мама, спасибо за носки и печенье. В коридорах правда холодно.

Хотел спросить кое-что. На уроке Защиты от тёмных искусств было странно. Профессор Квиррелл — нервный, заикается, везде развесил чеснок. Но иногда смотрит по-другому. Как будто не он смотрит, а кто-то ещё.

Гарри Поттер весь урок держался за голову. Говорят, его шрам болел — тот самый, от Сам-Знаешь-Кого.

Квиррелл смотрел прямо на меня в какой-то момент. И мне стало странно. Не больно, как Поттеру. Но неприятно. Как будто кто-то пытался заглянуть внутрь.

Наверное, это глупости. Но немного боязно. Я читал про защиту разума в библиотеке. Там упоминали окклюменцию. Но книги в Запретной секции. Ты знаешь что-нибудь об этом? Как защитить свои мысли, если кто-то пытается в них проникнуть?

Алекс

P.S. Мэри приходила в гости в гостиную. Ей понравился цветок, который следит за солнцем».

Он перечитал письмо. Достаточно невинно — напуганный первокурсник, странный профессор, упоминание Поттера как прикрытия.

Мать поймёт. Или нет — но хотя бы ответит.

Он сложил пергамент, убрал в конверт.

Утром — в ящик. К полудню — в совятню.

А потом — ждать.

И надеяться, что Волдеморт не попробует снова раньше, чем придёт ответ.

Глава 13. Структуры разума

Сквозь сон он услышал шорох. Тихий, осторожный — кто-то двигался по спальне, стараясь не шуметь. Алекс не открыл глаза, но сознание уже отметило: шаги мягкие, уверенные. Знает, где скрипит пол. Захария.

Он приоткрыл веки — едва заметно, сквозь ресницы. Серый предрассветный свет сочился через окна. За стеклом виднелись слои почвы, корни — подземная спальня, подземное утро.

Захария стоял у своей кровати, уже полностью одетый. Мантия застёгнута, галстук завязан, волосы зачёсаны назад. Он укладывал что-то в сумку — книги, судя по очертаниям. Движения точные, отработанные. Человек, который делает это каждый день. Ни свет ни заря. Зачем он уходит так рано?

Алекс не стал думать об этом. Закрыв глаза, позволил сну вернуться.

Второй раз он проснулся от напевания Эрни. Что-то бодрое, без слов — мелодия, которую тот мурлыкал себе под нос, завязывая галстук у зеркала. За окнами было светлее, обычное утро. Кровать Захарии стояла пустая — застеленная с почти военной аккуратностью, ни единой складки.

Джастин ворочался под одеялом, бормоча что-то невнятное. Не хотел просыпаться.

Алекс сел, потёр лицо. Тело всё ещё казалось чужим — слишком лёгким, слишком маленьким. Руки тонкие, без мозолей, без шрамов. Каждое утро напоминало: это не он. Не тот, кем был раньше. Но он привыкал. День за днём, и у него вполне получалось.

Утренний ритуал занял десять минут: умыться, одеться, проверить палочку в кармане. Мантия сидела уже привычнее. Галстук завязался с первой попытки — жёлто-чёрные полосы, цвета факультета, который он выбрал сам.

В гостиной пахло мёдом и чем-то цветочным. Растения на подоконниках раскрылись навстречу утреннему свету. За магическими окнами виднелись слои почвы, корни, иногда — движение чего-то мелкого и бурого.

Энн стояла у прохода. Третий день подряд. Та же поза — чуть ссутуленные плечи, руки сцеплены перед собой. Она смотрела на дверь, из которой он должен был выйти, и когда он появился — что-то в ней изменилось. Плечи опустились, пальцы расслабились. Едва заметно, но он уже научился это видеть.

— Доброе утро, — сказала она тихо.

— Доброе.

Они пошли к выходу вместе. Она привычно держалась справа и чуть позади, подстраиваясь под его шаг. Не пыталась идти рядом, не отставала — просто была там, где было удобно.

Коридоры уже наполнялись студентами. Хаффлпаффы кивали им, некоторые здоровались по имени — третий день, лица становились знакомыми. Старшекурсница с тёмными волосами, собранными в хвост. Он вспомнил ее, именно она рассказывала ему о факультетах в магазине мантий, улыбнулась, проходя мимо.

— Как первая неделя, малыш?

— Нормально.

— Привыкнешь еще. Все привыкают.

Она исчезла за поворотом, прежде чем он успел что-то ответить.

Лестницы сегодня вели себя смирно — ни одна не сдвинулась, пока они поднимались. Картины переговаривались между собой, не обращая на студентов внимания. Рыцарь в ржавых доспехах громко храпел в своей раме, и какая-то дама в пышном платье возмущённо шипела на него из соседней.

Большой зал встретил их гулом голосов и запахом завтрака. Алекс занял своё место за хаффлаффским столом. Энн села рядом — не спрашивая, не сомневаясь, как будто это место всегда было её. Напротив устроился Эрни, уже успевший добраться сюда раньше них.

— Утро! — Он улыбнулся широко, искренне. — Слышали, сегодня Трансфигурация? Говорят, МакГонагалл превращает отстающих в табуретки!

— Это шутка, — сказала Ханна Эббот, сидевшая рядом с ним. — Наверное.

— А если нет?

— Тогда ты будешь очень неудобной табуреткой, Эрни. Слишком много болтаешь.

Эрни притворно обиделся, но через секунду уже отвлекся на что-то другое.

Совы влетели через высокие окна — десятки, может сотни, всех размеров и расцветок. Они кружили под заколдованным потолком, выискивая адресатов, и пикировали вниз, роняя письма и посылки.

Одна — пёстрая, с рыжеватыми перьями — спикировала прямо к Алексу. Конверт упал в его пустую тарелку. Сова ухнула требовательно, и он машинально бросил ей кусок бекона с соседнего блюда. Она схватила его и улетела.

Почерк матери. Ровные буквы, знакомый наклон.

Рядом Энн подняла голову, глядя на сов. Её глаза следили за птицами — за каждой, что снижалась к хаффлаффскому столу. Надежда, едва заметная, но отчётливая. Ни одна сова не повернула к ней.

Она опустила взгляд. Взяла тост с блюда. Её лицо было спокойным, нейтральным — слишком нейтральным. Пальцы сжали хлеб чуть сильнее, чем нужно.

Алекс вскрыл конверт.

«Алекс, рады, что первый день прошёл хорошо. Хаффлафф — отличный выбор, там тёплая атмосфера (и буквально тёплые полы, если правильно помню).

Флитвик был моим любимым преподавателем — умеет объяснять сложное просто. А Биннс усыплял ещё когда я училась, ты не первый и не последний, кто решил читать учебник сам.

Передай привет Мэри. Напиши, как пройдёт первая неделя — хочу знать, что у тебя всё хорошо.

С любовью,

Мама

P.S. Папа напоминает — если будут проблемы с Зельями, он поможет. Высший балл на СОВ как-никак, он до сих пор этим гордится».

Короткое письмо. Тёплое, обычное, нормальное.

Они ещё не получили его второе послание — то, о Квиррелле и окклюменции. Ответ придёт завтра, может послезавтра. Совы быстры, но не мгновенны. Он сложил письмо, убрал в карман мантии. Положил себе яичницу, тост, немного бекона. Начал есть.

Энн рядом жевала свой тост медленно, механически. Смотрела в стол.

— Сегодня Трансфигурация, — сказал он.

Она подняла глаза.

— Да. С Рейвенкло.

— Думаешь это правда что МакГонагалл строгая?

— Не знаю. — Она чуть пожала плечами. — Наверное. Все так говорят.

— Ну, скоро сами узнаем.

Улыбка мелькнула на её лице — и исчезла. Но что-то в её позе изменилось. Может выпрямилась немного? Он вернулся к еде.

После конца завтрака путь из большого зала до кабинета Трансфигурации занял пятнадцать минут.

Лестницы, коридоры, поворот налево, потом направо, потом снова налево. Хогвартс был лабиринтом, но Алекс запоминал дорогу — это было привычно. В прошлой жизни он запоминал маршруты отхода, безопасные места, проходные дворы. Здесь — классы, лестницы, короткие пути. Разница не такая уж большая.

Рейвенкловцы уже заняли половину парт, когда они вошли. Синие галстуки, сосредоточенные лица, у некоторых — открытые учебники. Они читали заранее, готовились. Типично для факультета, который гордился умом.

Алекс выбрал место у окна, не впереди, не сзади — в середине. Хорошая позиция: видно и доску, и дверь, и большую часть класса. Энн села рядом, достала перо и пергамент.

За учительским столом сидела кошка. Серая, полосатая, с тёмными отметинами вокруг глаз, похожими на очки. Она смотрела на входящих студентов неподвижно, с каким-то странным, почти человеческим вниманием.

— Чья это кошка? — спросил кто-то из рейвенкловцев.

— Может, МакГонагалл опаздывает?

— Профессора не опаздывают.

Алекс смотрел на кошку. Что-то было не так. Животные не сидят так — прямо, неподвижно, с этим оценивающим взглядом. Животные не осматривают всех людей подряд, будто считают их количество.

Кошка прыгнула со стола. В воздухе её тело начало меняться — вытягиваться, расти, перетекать из одной формы в другую. Лапы стали ногами, хвост исчез, морда вытянулась в человеческое лицо. Секунда, не больше — и перед классом стояла профессор МакГонагалл, прямая и строгая, в изумрудной мантии. Кто-то ахнул. Кто-то выронил перо.

— Анимация, — сказала она спокойно, будто не произошло ничего особенного. — Высшая форма трансфигурации. Превращение мага в животное — полное, контролируемое, обратимое. — Её взгляд скользнул по лицам. — Возможно, кто-то из вас достигнет этого уровня. Возможно.

Она прошла к доске. Мел взлетел сам, начал выводить слова.

— Но сначала — основы.

На доске появилось: «Трансфигурация — искусство изменения формы и сущности».

— Трансфигурация, — продолжала МакГонагалл, — это не чары. Чары добавляют свойства к предмету. Трансфигурация меняет сам предмет. Его материал, структуру, суть.

Она взмахнула палочкой — и её стол превратился в свинью. Настоящую, живую, розовую свинью, которая хрюкнула растерянно и попыталась прыгнуть на пол.

Ещё один взмах — стол вернулся на место. Ни следа копыт, ни запаха.

— Это, — МакГонагалл чуть приподняла бровь, — результат десятилетий практики. Вы начнёте с чего-то значительно проще.

Она достала коробку и прошла между рядами, раздавая каждому по спичке.

— Ваша задача — превратить спичку в иглу. Полностью: металл, острие, ушко для нити. — Она вернулась к своему месту. — Кто справится до конца урока — получит пять баллов для своего факультета.

Алекс повертел спичку в пальцах. Маленькая, деревянная, с серной головкой. Нужно было превратить её во что-то совершенно другое.

Он перечитал ещё раз теорию из учебника. Трансфигурация работала через намерение, но иначе, чем чары. Нужно было не просто хотеть результата — нужно было верить, что результат уже существует. Видеть не спичку, которая меняется, а иглу, которая всегда была иглой.

Движение палочкой — резкое, точное. Концентрация на образе.

Первая попытка.

Спичка дрогнула. Серная головка потемнела, дерево чуть посерело — и всё. Никакой иглы. Недостаточно. Он видел спичку, пытающуюся стать иглой. Неправильный образ.

Вторая попытка. Он закрыл глаза на секунду. Представил иглу — не процесс превращения, а результат. Холодный металл, гладкая поверхность, острый кончик, маленькое отверстие для нити. Игла, которая просто есть. Открыл глаза. Направил палочку.

Спичка вытянулась. Дерево посерело, приобрело металлический блеск. Остриё появилось — настоящее, острое. Но текстура осталась неровной, слишком шероховатой. И ушка не было. Лучше. Но не идеально.

— Неплохо, мистер Хлой.

Он поднял голову. МакГонагалл стояла рядом, разглядывая его работу.

— Форма правильная, материал почти готов. — Она взяла его иглу-спичку, повертела в пальцах. — Вам не хватает завершённости в образе. Вы представляете иглу, но не до конца верите, что она уже существует.

— Понял, профессор.

— Продолжайте.

Она положила спичку обратно и двинулась дальше по рядам.

Рядом Энн старательно водила палочкой над своей спичкой. Та едва серебрилась — слабый отблеск, исчезающий через секунду.

— Не получается, — прошептала она, не глядя на него. В голосе было что-то — не злость, не разочарование. Скорее привычное смирение.

Алекс наклонился ближе.

— Ты пытаешься изменить спичку? — спросил он тихо. — Это неправильный подход.

Она подняла глаза.

— А как правильно?

— В учебнике об этом есть, но сформулировано сложно. Представь иглу, которая уже есть. Не спичку, которая становится иглой — а иглу, которая всегда была иглой. Просто считай что спичка — это иллюзия. Неправильное восприятие. Ты просто исправляешь ошибку, показываешь вещи такими, какие они есть на самом деле.

Энн нахмурилась, обдумывая.

— Это... странно звучит.

— Попробуй.

Она закрыла глаза. Её лицо изменилось — сосредоточенность, почти болезненная. Несколько секунд тишины.

Энн взмахнула палочкой. Спичка дрогнула, вытянулась. Серебро побежало по дереву — не полностью, середина осталась коричневатой, ушка не появилось. Но форма была правильной, остриё — настоящим.

— Лучше, — сказала Энн, и в её голосе было удивление. Она смотрела на свою работу, будто не верила. — Это... оно правда лучше.

— Ещё раз. Тот же образ, та же уверенность.

Она кивнула и продолжила, а Алекс встал из-за стола взять ещё несколько спичек — для тренировки.

К концу урока у Алекса была почти идеальная игла — металлическая, острая, с крошечным ушком. Только если присмотреться вплотную, можно было кое-где заметить слегка неровную текстуру поверхности.

МакГонагалл остановилась у его парты, взяла иглу, осмотрела.

— Пять баллов Хаффлпаффу, — сказала она. — Хорошая работа, мистер Хлой. К следующему уроку — полное превращение. Без остаточной текстуры.

— Да, профессор.

Энн не справилась полностью, но её спичка выглядела лучше, чем у большинства — серебристая, острая, почти игла. МакГонагалл посмотрела на неё, кивнула коротко:

— Прогресс, мисс Каспер. Продолжайте.

Энн покраснела. Посмотрела на Алекса — быстро, мельком — и отвернулась. Но он заметил: она почти улыбалась.

Астрономия оказалась в башне.

Дорога заняла время — лестницы, коридоры, ещё лестницы. Астрономическая башня была самой высокой точкой замка, и подъём давал о себе знать. Некоторые слизеринцы запыхались; Крэбб и Гойл отстали где-то на середине, и Драко ждал их с выражением терпеливого страдания.

Кабинет был круглым, с высоким куполообразным потолком. Днём здесь проходили теоретические занятия — карты неба висели на стенах, модели планет медленно вращались под потолком. Через узкие окна открывался вид на озеро и горы.

Профессор Синистра ждала у доски — высокая, тёмнокожая, с серебряными серьгами в форме полумесяцев.

— Рассаживайтесь, — сказала она мягко. — Быстро, но без суеты.

Слизеринцы заняли одну сторону, хаффлпаффы — другую. Негласное разделение, уже привычное. Драко сел в центре своей группы; проходя мимо, он кивнул Алексу — короткий жест, почти незаметный. Алекс кивнул в ответ.

— Звёзды, — начала Синистра, когда все расселись, — это не просто точки света в небе. Для магглов — возможно. Для нас — нет.

Она взмахнула палочкой, и на потолке появилась карта неба — тысячи звёзд, созвездия, линии, соединяющие их.

— Звёзды — это маяки магии. Их положение влияет на силу заклинаний, эффективность зелий, даже на настроение волшебников. Полнолуние усиливает трансформационную магию — именно поэтому оборотни превращаются в это время. Сириус связан с защитными чарами. Марс влияет на боевую магию.

Она указала на яркую точку в углу карты.

— Венера... — лёгкая улыбка, — ну, кто-то из вас уже догадался.

Кто-то из слизеринцев хихикнул. Синистра не обратила внимания.

— Практика будет ночью, — продолжала она. — Раз в неделю, после полуночи. Пока — теория. Записывайте.

Алекс записывал мало. Названия созвездий, основные соответствия, даты важных астрономических событий. Звёзды не были приоритетом. Точно не сейчас. Но он слушал. Информация никогда не бывает лишней. Урок закончился списком созвездий для запоминания и домашним заданием — нарисовать карту северного неба.

Обед принёс Мэри.

Алекс едва успел сесть за хаффлпаффский стол, когда она возникла рядом — вихрь рыжих волос и энергии.

— Алекс! — Она плюхнулась на скамью, едва не опрокинув его кубок. — Угадай, что случилось!

— Хагрид предложил тебе выгуливать что-нибудь жутко опасное и чрезмерно клыкастое?

— Что? Нет! Хотя... — она задумалась на секунду, — это было бы круто. Но нет!

— Жаль. Я бы посмотрел.

— На что?

— На то, как ты выгуливаешь что-нибудь жутко опасное и чрезмерно клыкастое. Изда-лека. Из безопасного укрытия.

— Ты ужасный друг!

— Я реалист. Так что случилось?

Мэри ткнула его в плечо, но уже улыбалась:

— Трансфигурация! МакГонагалл задала превратить спичку в иглу, и у меня не получается!

— Что именно не получается?

— Всё! Ну, почти всё. — Она нахмурилась. — Я читала учебник, честно. Там написано про «концентрацию на конечной форме» и «чёткую визуализацию результата». Я визуализирую! Очень чётко! Представляю иглу, потом машу палочкой, говорю заклинание...

— И?

— И ничего! Спичка лежит и смотрит на меня. Издевается, наверное.

— Спички не умеют издеваться.

— Эта умеет. — Мэри скрестила руки. — Я даже попробовала по-другому. Представила, как она меняется — дерево становится металлом, кончик заостряется...

— Вот в этом проблема.

— В чём?

— Ты представляешь процесс. Изменение. А нужно видеть результат. — Он помолчал, подбирая слова. — Трансфигурация — это не превращение одного в другое. Это... исправление восприятия. Спичка — иллюзия. Игла — реальность. Ты не меняешь вещь, ты показываешь её такой, какая она есть на самом деле.

Мэри уставилась на него.

— Это звучит как что-то, что сказал бы рейвенкловец.

— Или кто-то, кто справился с заданием.

— Ты справился?!

— Пять баллов Хаффлпаффу.

— Нечестно! — Она ткнула его в плечо снова. — А почему в учебнике так не написано?

— Потому что учебники пишут теоретики. А практика — другое.

— Нечестно! — Она ткнула его в плечо. — Мы же друзья! Ты должен был подождать, пока я тоже научусь, и мы бы вместе получили баллы!

— Я в Хаффлпаффе. Ты в Гриффиндоре. Технически мы соперники.

— Технически ты зануда.

— Ты уже это говорила.

— Потому что это правда!

Энн, молчавшая весь разговор, смотрела на них. Её лицо было спокойным, но что-то в её позе изменилось — плечи чуть приподнялись, пальцы крепче сжали вилку. Мэри, наконец, заметила её.

— О! Привет! Ты Энн, да? Мы на поезде виделись!

— Да, — тихо ответила Энн.

— Ты же тоже в Хаффлпаффе? Круто! — Мэри улыбнулась широко, искренне. — Как тебе там? Нравится?

— Нормально.

— Только нормально? У вас же такая классная гостиная! Я вчера была — там растения живые, и камин огромный, и вообще уютно!

Энн кивнула. Не улыбнулась. Мэри, кажется, не заметила холодности — или не обратила внимания.

— Ладно, мне пора! — Она вскочила. — Рон обещал во время обеда показать какой-то трюк с шахматами, не хочу пропустить!

Она умчалась к гриффиндорскому столу, помахав на прощание.

Тишина. Энн смотрела в свою тарелку.

— Она громкая, — сказала она наконец.

— Да.

— Ты с ней шутишь.

Это не было вопросом. Констатация факта.

— Она друг семьи, — сказал Алекс. — Знакомы с лета.

Энн кивнула. Взяла вилку, начала есть — медленно, механически. Не глядя на него. Он не стал спрашивать, что не так. Не сейчас. Может, потом. Они доели молча.

После обеда у них было окно — несколько свободных часов до ужина. Алекс в первую очередь решил найти Габриэля.

Староста сидел в углу гостиной, склонившись над толстой книгой. Что-то про магическое право — Алекс разглядел заголовок: «Прецеденты Визенгамота, 1847-1902». Рядом лежала стопка пергаментов, исписанных мелким почерком.

— Габриэль.

Тот поднял голову. Его глаза были усталыми — видимо, готовился к занятиям.

— Хлой. Что-то случилось?

— Нет. Хотел спросить — есть место, где можно практиковать заклинания? Не в спальне, чтобы не мешать другим.

Габриэль отложил перо.

— Какие заклинания?

— Петрификус Тоталус.

Пауза. Староста смотрел на него с новым интересом.

— Это заклинание второго курса. Откуда ты его знаешь?

— Книга. «Тёмные искусства: история и классификация». Там описание и движение палочкой.

— Первокурсник, который читает про тёмные искусства, — Габриэль чуть улыбнулся, — и хочет практиковать боевые заклинания. Интересное сочетание.

— Это защитное заклинание. Не тёмное.

— Верно. — Он кивнул, признавая точность. — На первом этаже есть парочка пустых классов, ими уже лет пять не пользуются. После ужина они обычно свободны. В чулане одного из них — манекены для отработки, ещё со времён войны. Потрёпанные, но рабочие.

— Какого именно класса?

— Третья дверь слева от лестницы, если идти от Большого зала. Дверь заедает — нужно толкнуть плечом.

— Спасибо.

— Не попадайся Филчу. — Габриэль вернулся к своей книге. — Он не любит студентов вне гостиных после восьми. И миссис Норрис видит лучше, чем кажется.

— Понял.

Алекс уже отошёл на несколько шагов, когда Габриэль добавил:

— Хлой.

Он обернулся.

— Если нужна будет движущаяся цель — скажи. Старшекурсники иногда помогают первакам с практикой.

Он не улыбался, но в его голосе было что-то похожее на одобрение. Пустой класс нашёлся именно там, где сказал Габриэль.

Дверь действительно заедала, сначала даже показалось что закрыта — пришлось пару раз навалиться плечом, прежде чем она со скрипом открылась. Внутри пахло пылью и чем-то затхлым, как в месте, куда давно не заходили люди.

Парты были сдвинуты к стенам, покрытые толстым слоем пыли. На доске остались следы мела — кто-то писал здесь давным-давно, буквы стёрлись до неразборчивых призраков. Через грязное окно пробивался тусклый свет. Чулан был в углу, за покосившейся дверцей.

Алекс открыл её. Внутри, среди сломанных парт и рваных плакатов, стоял манекен. Деревянный, человекоподобный, с грубо вырезанными чертами лица. На его груди и руках темнели

следы заклинаний — подпалины, вмятины, царапины. Кто-то использовал его для практики. Много лет, судя по количеству повреждений.

Он вытащил манекен на середину комнаты, поставил, отошёл на пять шагов. Достал палочку.

Петрификус Тоталус. Полное оцепенение тела.

Он вспомнил описание из книги. Резкое движение сверху вниз, концентрация на цели, намерение — сковать, обездвижить, лишить контроля над телом. Эффект должен быть полным: руки прижаты к бокам, ноги вместе, мышцы парализованы.

Первая попытка.

— Петрификус Тоталус!

Из палочки вырвалась бледная искра — слабая, почти незаметная. Она неспешно пролетела половину расстояния до манекена и погасла в воздухе.

Ничего. Даже не долетело.

Он нахмурился. Слишком слабое намерение? Или неправильное движение?

Вторая попытка. Короче замах, резче удар. Чётче образ — руки, прижатые к бокам, ноги, сведённые вместе, полная неподвижность.

— Петрификус Тоталус!

Искра была ярче на этот раз — серебристо-голубая, она мгновенно долетела до манекена и ударила его в грудь. Манекен дёрнулся. Его правая рука прижалась к боку на мгновение — и расслабилась.

Лучше. Но недостаточно. Третья попытка. Четвёртая. Пятая.

Каждый раз искра становилась ярче, летела точнее. Каждый раз эффект был сильнее — руки сводились, ноги сжимались. Но полного оцепенения не было. Эффект длился секунду, максимум две, потом манекен принимал первоначальное положение.

Алекс остановился после тридцатой попытки. Лоб блестел от пота, в висках пульсировала тупая боль — знакомый признак магического истощения. Не критично, но достаточно, чтобы понять: на сегодня хватит.

Он посмотрел на манекен. Деревянная фигура стояла неподвижно, равнодушная к его усилиям.

Прогресс был. Медленный, но был. Неделя регулярной практики — и заклинание станет рабочим.

Он вернул манекен в чулан и вышел из класса.

Остальной вечер он решил провести в спальне, с книгами.

Три тонких тома из библиотеки лежали на кровати. «Медитация для юного волшебника». «Очищение разума: первые шаги». «Концентрация и контроль: упражнения для начинающих».

Мадам Пинс смотрела странно, когда он их брал. «Ментальная магия — для старших курсов», — сказала она. Но не отказала.

Алекс открыл первую книгу.

«Глава первая. Основы медитации.

Сядьте удобно. Закройте глаза. Дышите глубоко — вдох на четыре счёта, задержка на четыре, выдох на четыре. Позвольте мыслям течь, не цепляясь за них. Представьте пустую комнату — белые стены, чистый пол, ничего внутри...»

Он перелистнул страницу.

«Когда мысль появляется — не боритесь с ней. Просто отпустите. Представьте, что она — облако, проплывающее мимо. Вы наблюдаете, но не следуете...»

Ещё страница.

«Практикуйте ежедневно, по пятнадцать-двадцать минут. Со временем достижение состояния пустоты станет легче...»

Алекс закрыл книгу.

Это он знал. Всё это — дыхательные техники, визуализация, «отпускание мыслей» — он практиковал годами. И вместе с тульпой, и до нее, когда пытался справиться с паническими атаками в детдоме. Когда ночами не мог заснуть, и единственным способом успокоиться было считать вдохи, представлять пустую комнату, отпускать мысли одну за другой.

Потом — с тульпой. Осознанные сновидения, работа с внутренним пространством, медитативные техники для углубления транса. Они экспериментировали много, пробовали разное.

Ничего нового.

Вторая книга.

«Очищение разума — первый шаг к ментальной дисциплине.

Наш разум постоянно наполнен мыслями, эмоциями, воспоминаниями. Они создают шум, который мешает концентрации и делает нас уязвимыми для внешнего воздействия.

Цель очищения — достичь состояния внутренней тишины. Стать пустым сосудом, через который мысли проходят, не задерживаясь...»

Он нахмурился.

Пустой сосуд. Внутренняя тишина.

С Настей они проверяли это при свитчинге. Много раз. Результат был однозначным: чем «чище» был его разум, тем легче ей было занимать его место. Пустота не защищала — она приглашала. Открытая дверь в пустую комнату: заходи, смотри, делай что хочешь.

Заполненный разум, наоборот, создавал помехи. Шум, хаос, поток случайных мыслей — в этом она терялась, не могла найти то, что искала. Как пытаться услышать шёпот посреди рынка.

Третья книга.

«Концентрация — способность удерживать внимание на одном объекте, исключая всё остальное.

Упражнение первое: выберите простой предмет — свечу, камень, точку на стене. Сосредоточьтесь на нём полностью. Когда мысли отвлекают — мягко возвращайте внимание к объекту...»

Ближе. Но всё равно не то. Алекс закрыл книгу, откинулся на подушку.

Он помнил, что читал в прошлой жизни. Форумы по психологии, статьи о противодействии манипуляциям, книги о работе спецслужб с допросами. И эксперименты с тульпой — долгие, иногда неприятные.

Похоже что лучшая защита для новичка — не пустота и не концентрация. Шум. Хаос. Бесконечный поток бесполезных мыслей, в котором важное тонет как игла в стоге сена.

Считать в уме — долго, монотонно. Повторять одну фразу снова и снова. Думать о чём-то скучном и бессмысленном. Заполнить сознание мусором так, чтобы атакующий потерялся и сдался раньше, чем найдёт что-то ценное.

Он не стал возвращать книги сейчас. Подождёт ответа матери — она аврор, должна знать больше. И если её советы совпадут с тем, что он уже понимал... Тогда книги точно бесполезны.

Гостиная почти опустела, когда он спустился.

Камин догорал, бросая рыжие отблески на стены. Растения на подоконниках свернули листья — готовились к ночи. Большинство студентов разошлись по спальням; только несколько старшекурсников сидели в дальнем углу, склонившись над учебниками.

И Энн.

Она сидела в кресле у камина — в том самом, которое уже стало «её». Смотрела на огонь, обхватив колени руками. Тот же жест, что в поезде. Закрытый, защитный. Алекс подошёл. Сел в соседнее кресло, не слишком близко. Она не повернулась. Не поздоровалась. Просто сидела, глядя в пламя. Он не стал спрашивать. Не стал заполнять тишину словами. Просто был рядом.

Минута. Две. Огонь потрескивал, угли алели и гасли. Тишина между ними была не тяжёлой — привычной. Как будто они уже научились молчать вместе.

Алекс уже хотел уйти, когда она заговорила.

— В маггловской школе меня не любили.

Голос тихий, ровный. Она всё ещё смотрела в огонь.

— Я была странной. Вещи... летали, когда я злилась или боялась. Однажды стакан взорвался прямо в руках у учительницы. Все решили, что я это сделала специально.

Пауза. Угли тихо потрескивали.

— Никто не хотел сидеть рядом. На переменах я была одна. Всегда.

Алекс слушал. Не перебивал, не комментировал. Просто слушал.

— Мама говорила — это пройдёт. Что я должна стараться быть нормальной. Не злиться, не бояться, не выделяться. — Горькая усмешка, почти незаметная. — Легко сказать.

Она обхватила колени крепче.

— Когда пришло письмо из Хогвартса, я думала — здесь будет по-другому. Все волшебники, все могут делать странные вещи. Никто не будет смотреть на меня как на ненормальную.

— И как? — спросил он тихо.

Энн пожала плечами.

— Лучше. Немного.

Она наконец повернулась к нему. В свете камина её глаза казались тёмными, почти чёрными.

— Ты не смотришь на меня так, будто я странная.

— Ты не странная.

— Откуда ты знаешь?

Он помолчал. В голове мелькнули образы — детдом, взгляды воспитателей, шёпот за спиной. «Этот Артём — с ним что-то не так». Он знал, каково это — быть чужим среди своих.

— Знаю, — сказал он просто.

Недостаточный ответ. Но честный.

Энн смотрела на него долго. Искала что-то в его лице — ложь, жалость, снисхождение. Не нашла.

— Спасибо, — сказала она тихо. — За то, что слушаешь.

Они сидели молча ещё несколько минут. Огонь догорал, угли темнели. Потом разошлись по спальням.

Утро пятого сентября началось с совы.

Алекс едва успел сесть за хаффлпафский стол, когда большая серая птица спикировала сверху. Жёлтые глаза, мощные когти — она приземлилась прямо перед ним, уронив конверт в пустую тарелку. Грозно посмотрев по сторонам и ловко подхватив что-то съестное со стола, она важно начала вышагивать по столу.

Рядом Энн подняла глаза к потолку, следя за совами. Надежда — слабая, привычно подавляемая — мелькнула в её взгляде. Ни одна птица не повернула к ней. Она опустила глаза. Взяла тост.

Он вскрыл конверт.

«Алекс, прочитала твоё письмо несколько раз. То, что ты описываешь про Квиррелла — тревожит. Профессора бывают странными, но «другие глаза» — это не странность. Это что-то другое.

Я навела справки. Квиррелл вернулся из путешествия по Албании год назад. До этого был обычным преподавателем — маггловедение, ничего особенного. После возвращения — изменился. Нервный, тюрбан, чеснок везде. Официально — травма после встречи с вампирами. Неофициально — никто не знает точно, что с ним произошло.

Держись от него подальше. И главное — не смотри ему в глаза. Легилименция требует зрительного контакта. Без него проникнуть в разум почти невозможно. И если почувствуешь что-то не то, используй упражнение, которое я напишу ниже.

Теперь про окклюменцию. Если ты нашёл в библиотеке какие-то книги про «очищение разума» и «медитацию» — верни их. Или выброси. Они бесполезны для защиты.

Я понимаю, это звучит странно — все эти книги учат «очищать разум», «становиться пустым». Но это работает только для медитации, для успокоения. Для защиты от легилименции — наоборот.

Настоящая защита — шум. Заполни голову чем угодно: считай в уме, повторяй стихи, прокручивай скучные воспоминания. Смысл в том, чтобы атакующий потерялся в потоке и не нашёл то, что ищет. Как искать иголку в стоге сена — только стог бесконечный.

Профессиональные окклюденты строят ментальные конструкции — лабиринты, леса, ловушки. Пространства, которые нужно преодолеть, чтобы добраться до настоящих мыслей. Но это годы практики с наставником.

Предлагаю тебе упражнение. Простое: каждый вечер перед сном считай от тысячи до нуля. Не быстро — медленно, с паузами. Если собьёшься или отвлечёшься на постороннюю мысль — начинай сначала.

И Алекс — если «другие глаза» появятся снова, если почувствуешь, что кто-то пытается проникнуть в голову — напиши мне. Немедленно. Или иди к МакГонагалл. Она строгая, но студентов защищает.

Я серьёзно. Это не шутки.

Мама

P.S. Шрам Поттера — интересная деталь. Но это не твоя забота. Держись от него тоже подальше.».

Алекс перечитал письмо дважды.

Мать подтвердила. Не всё — но главное. Очищение разума бесполезно для защиты. Шум работает лучше. Профессионалы строят лабиринты.

Он был прав.

И совет держаться подальше от Поттера. Разумный совет — вокруг «избранных» всегда хаос, всегда опасность. Пусть мальчик-который-выжил разбирается с тёмным лордом сам.

У Алекса своя задача: не попасться. Он сложил письмо, убрал в карман мантии. Книги нужно вернуть. Сегодня, чем раньше, тем лучше. Держать бесполезный груз не имело смысла.

— Всё в порядке?

Энн смотрела на него. Не на письмо — на его лицо. Пыталась прочесть что-то в выражении.

— Да. Мама пишет.

— Часто пишет.

Это не было вопросом. Констатация — с чем-то похожим на зависть в голосе. Или ему показалось.

— Она беспокоится, — сказал он нейтрально.

Энн кивнула. Вернулась к своему тосту. Алекс положил себе яичницу, начал есть. В голове уже складывался план на день: вернуть книги, зелья с Рейвенкло, чары, вечером — практика. Первая настоящая тренировка окклюменции. Простой план. Выполнимый.

Библиотека в утренние часы была почти пуста. Несколько старшекурсников сидели в дальнем углу, склонившись над свитками. Пара рейвенкловцев шепталась у полок с историей магии. Мадам Пинс восседала за своим столом, как коршун на насесте, — прямая, неподвижная, видящая всё. Алекс подошёл к ней, положил три книги на стол.

— Мистер Хлой. — Она посмотрела на обложки, потом на него. — Уже прочитали?

— Не то, что искал. Это книги по медитации и защите разума. Моя мама — аврор, она сказала что они бесполезны. И... Я хотел спросить про другие книги.

— Какие именно?

— Вы упоминали окклюменцию. Что книги в Запретной секции.

Теперь она подняла глаза. Медленно, изучающе.

— Упоминала. И объясняла почему.

— Я помню. Разрешение преподавателя, наблюдение. — Он помолчал. — Но, может быть, есть что-то... на границе? Не в Запретной секции, но близко по содержанию?

Пинс откинулась на спинку стула. Её пальцы постукивали по столу — мерно, задумчиво.

— Можно кое-что придумать, — сказала она наконец. — Но я хочу понять кое-что, мистер Хлой.

— Что именно?

— Зачем первокурснику окклюменция?

Вопрос повис в воздухе. Прямой, требующий прямого ответа.

Алекс колебался.

Он мог соврать. Придумать что-то правдоподобное — интерес к ментальной магии, любопытство, желание быть впереди программы. Пинс, возможно, не поверила бы, но и не стала бы копать глубже, но точно ничего бы не дала из книг. Или он мог сказать часть правды. Риск. Но и возможность.

— Это останется между нами? — спросил он тихо.

Пинс чуть наклонила голову.

— Я библиотекарь, мистер Хлой. Не сплетница. То, что студенты ищут в моей библиотеке — их дело. Если это не запрещённая магия.

Он кивнул. Принял решение.

— Профессор Квиррелл, — сказал он, понизив голос. — На уроке Защиты от тёмных искусств. Он... странный.

— Многие профессора странные.

— Не в этом смысле. — Алекс подбирал слова осторожно. — Иногда он смотрит по-другому. Как будто это не он. Глаза меняются — на секунду, не больше. Становятся... — он запнулся, — холодными. Другими.

Пинс молчала. Её лицо не изменилось, но что-то в её позе стало напряжённее.

— И ещё, — продолжал Алекс. — Гарри Поттер. Весь урок держался за голову. За шрам. Говорят, он болел. Именно на уроке Квиррелла.

Тишина. Пинс смотрела на него долго — так долго, что он почти пожалел о сказанном. Потом она медленно выдвинула ящик стола, достала пергамент, перо.

— «Структуры разума» Персиваля Грейвса, — сказала она, записывая. — «Архитектура мысли» Изольды Морган. Они будут вас ждать сегодня вечером в секции семнадцать, верхняя полка.

— Это...

— Вечером это уже будет не Запретная секция. — Она подняла глаза. — Технически. Они для старших курсов, но не запрещены. Грейвс был директором магической безопасности МАКУСА. Морган — консультантом Аврората. Обе книги — практика, не теория.

Она протянула ему пергамент.

— Под мою ответственность, мистер Хлой. Две недели.

— Спасибо, мадам.

Он взял пергамент, но она не отпустила — держала свой край, глядя ему в глаза.

— И мистер Хлой.

— Да?

— Если то, что вы описали про Квиррелла — правда... — она помолчала, — будьте осторожны. Очень осторожны.

Она отпустила пергамент.

На выходе из библиотеки он оглянулся. Пинс сидела за своим столом, снова склонившись над журналом.

Но он заметил — она смотрела ему вслед.

— Спасибо, мадам. — ещё раз повторил он.

Он запомнил: секция семнадцать, верхняя полка. «Структуры разума». «Архитектура мысли».

Зелья с Рейвенкло проходили в тех же подземельях, в том же холоде.

Снейп ждал их у доски — чёрная мантия, неподвижное лицо, руки сложены за спиной. Когда последний студент вошёл, дверь захлопнулась сама — резко, как удар.

— Усыпляющий отвар, — сказал Снейп. Его голос был тихим, но каждое слово падало в тишину отчётливо. — Страница сорок два. Ингредиенты на полках. У вас сорок пять минут.

Никаких объяснений. Никаких демонстраций. Просто — делайте.

Рейвенкловцы зашевелились — организованно, без суеты. Видимо они уже поняли, как работает Снейп: читай инструкции, следуй им, не привлекай внимания. Хаффлпаффы были осторожнее — память о первом уроке, о снятых баллах, о ледяном голосе профессора — всё это оставило след.

Алекс открыл учебник. Усыпляющий отвар. Лаванда, корень валерианы, настойка полыни, щепотка лунной пыли. Температура низкая — слишком сильный огонь разрушит активные компоненты. Помешивать медленно, по часовой стрелке, семь оборотов каждые три минуты. Цвет должен быть бледно-лиловым, почти прозрачным.

Он прочитал рецепт целиком, потом комментарии. Лаванда — успокаивающий эффект, базовый компонент. Валериана — усиление, углубление сна. Полынь — стабилизатор, не даёт зелью стать ядовитым. Лунная пыль — катализатор, связывает компоненты вместе.

Логика была понятной. Химия с магическими переменными.

Он встал, когда очередь к полкам рассосалась. Взял ингредиенты — ровно столько, сколько указано, не больше. Вернулся на место.

Работа была методичной, спокойной. Нарезать лаванду — мелко, равномерно. Растолочь корень валерианы — до кашицы, без комков. Добавить в котёл с водой, зажечь огонь — слабый, едва заметный.

Снейп ходил между рядами. Бесшумно, как тень. Останавливался, смотрел в котлы, иногда говорил что-то — тихо, убийственно точно.

— Мисс Тёрпин. Вы добавили валериану до того, как вода закипела. Начинайте сначала.

— Мистер Корнер. Это не «мелко нарезанная лаванда». Это месиво. Разница понятна?

Рейвенкловцы бледнели, исправляли ошибки. Снейп не кричал — в этом не было нужды. Его голос резал точнее любого крика.

Алекс продолжал работать. Настойка полыни — три капли, не больше. Помешать — семь оборотов, медленно, равномерно. Зелье начало менять цвет: из мутно-серого в бледно-розовый, потом — в лиловый.

Снейп остановился у его котла.

Алекс не поднял головы. Продолжал помешивать — шестой оборот, седьмой. Пауза. Добавить лунную пыль — щепотку, не больше.

Тишина. Он чувствовал взгляд Снейпа — тяжёлый, изучающий. Секунда. Две. Пять. Потом Снейп двинулся дальше. Ничего не сказал.

Рядом Энн работала увереннее, чем в прошлый раз. Огонь под её котлом был правильным — слабым, ровным. Она помнила.

— Добавь полынь сейчас, — шепнул Алекс едва слышно. — Пока цвет не стал слишком тёмным.

Она кивнула, добавила. Зелье стабилизировалось — бледно-лиловое, почти прозрачное.

К концу урока его отвар был идеальным. Нежный цветочный аромат, правильная консистенция, цвет — точно как в описании.

Снейп прошёл мимо, собирая образцы. Остановился у его пробирки, посмотрел на свет. Потом — на Алекса.

Короткий кивок. Почти незаметный. И пошёл дальше.

Чары с Рейвенкло были вторым уроком.

Флитвик встретил их уже стоя на своей стопке книг — бодрый, энергичный, с палочкой наготове.

— Сегодня — практика движений! — объявил он, едва все расселись. — Теорию вы уже слышали. Ударение на «о». Теперь — отработка.

Он взмахнул палочкой, и перед каждым студентом появилось перо — белое, лёгкое, пушистое.

— Пока без магии! — предупредил Флитвик. — Сначала — движение. Запястьем, не рукой. Мягко, но чётко. Смотрите.

Он продемонстрировал — медленно, преувеличенно чётко. Сначала — плавный полукруг. И взмах — короткий, резкий, точный.

— Теперь вы. Без заклинания. Только движение.

Класс зашевелился. Палочки поднялись, начали выписывать в воздухе неуверенные дуги.

Алекс повторил движение. Левиосу он уже давно освоил, но это не значило, что практика была лишней. Мышечная память требовала повторения — снова и снова, пока жест не станет автоматическим.

Полукруг и взмах.

Полукруг и взмах.

— Мистер Корнфут, это не полукруг, это судорога! — Флитвик проскакал между рядами. — Мягче! Плавнее! Представьте, что рисуете в воздухе, в не рубите дрова!

Рейвенкловец покраснел, попробовал снова.

— Мисс Брокльхёрст, запястье! Рука неподвижна, работает только запястье!

Флитвик остановился у парты Алекса, посмотрел на его движение. Кивнул коротко.

— Хорошо, мистер Хлой. Чувствуется практика.

И пошёл дальше.

— Теперь — произношение! — объявил он, вернувшись к доске. — Без движения, только голос. Вин-гар-ди-ум Ле-ви-о-са. Повторяйте за мной. Вин-гар-ди-ум!

— Вин-гар-ди-ум, — отозвался класс нестройным хором.

— Ле-ви-о-са! Ударение на «о»!

— Ле-ви-о-са.

— Громче! Чётче! Вы произносите заклинание, а не бормочете извинения! Вин-гар-ди-ум Ле-ви-о-са!

Они повторяли — снова и снова, пока Флитвик не остался доволен. Потом — движение и слова вместе, но всё ещё без магии.

— На следующем уроке, — сказал Флитвик под конец, — будем поднимать перья. Практикуйте сами. Движение и произношение должны стать одним целым.

Алекс убрал палочку только под конец урока. Движение он знал, произношение — тоже. Но дополнительная отработка никогда не повредит.

Обед принёс новости.

Мэри появилась у хаффлпаффского стола на полпути через суп — влетела, плюхнулась рядом с Алексом, едва не опрокинув его кубок.

— Ты не поверишь!

— Почти-Безголовый-Ник всё-таки признался тебе в любви?

— Что? Нет! Слушай!

Она наклонилась ближе, глаза горели.

— Снейп! На Зельях! Он так унизил Гарри — ты бы видел!

Алекс отложил ложку.

— Что случилось?

— Мы были на втором уроке, сегодня утром, — Мэри говорила быстро, захлёбываясь словами. — Снейп начал с речи — как он не терпит глупости и всё такое. А потом начал задавать вопросы. Гарри!

— Какие вопросы?

— Сложные! Не из учебника! «Что будет, если смешать полынь и асфodelь?» «Где искать безоар?» «Чем отличается аконит от борца?» — Она развела руками. — Гарри не знал! Откуда ему знать, он вырос с магглами!

— А Снейп?

— Издевался! При всех! «Слава — это явно не всё, мистер Поттер». И снимал баллы! За каждый неправильный ответ!

Алекс задумался. Снейп целенаправленно унижал Поттера — публично, жёстко, с первого урока. Это было личное. Не просто строгость преподавателя — что-то глубже.

— Гермиона знала ответы?

— Конечно! — Мэри фыркнула. — Руку тянула так, что чуть потолок не проткнула! Но Снейп её игнорировал. Специально! Смотрел сквозь неё, будто её там нет.

— И что потом?

— Гарри разозлился. Сказал что-то резкое — не помню точно. Снейп снял ещё баллы. — Она скривилась. — Все говорят, он ненавидит Гарри. Из-за его отца. Они учились вместе и враждовали.

Старая вражда. Ненависть, перенесённая на следующее поколение. Алекс видел такое раньше — в детдоме, на улицах. Люди, неспособные отпустить прошлое.

— Снейп с тобой так не делает, — сказала Энн тихо.

Он повернулся к ней. Она смотрела на него — внимательно, изучающе.

— Я следую инструкциям.

— Дело не только в этом. — Она чуть нахмурилась. — Он на тебя смотрит... иначе. Не как на других.

— Иначе — как?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Не с ненавистью. Может, с интересом?

Мэри переводила взгляд с одного на другого.

— Снейп? С интересом? К хаффлпаффу? — Она хмыкнула. — Это было бы впервые в истории.

— Может, я просто хорошо варю зелья, — сказал Алекс ровно.

— Может. — Мэри не выглядела убеждённой. — Или ты продал ему душу за баллы.

— Души сейчас не в цене. Инфляция.

Она рассмеялась, ткнула его в плечо.

— Ты невозможный!

— Стараюсь.

Мэри вскочила.

— Ладно, мне пора! У нас ещё Травология, а Невилл обещал показать в теплице какое-то особенное растение.

Она умчалась к гриффиндорскому столу.

Тишина.

Энн доедала свой суп, не глядя на него. Её плечи были чуть напряжены — как тогда, после разговора о Мэри.

Алекс не стал спрашивать.

После обеда сегодня у них не было занятий. До ужина свободное время. И Алекс использовал его с толком.

Сначала — библиотека.

Зал был почти пуст — несколько старшекурсников в дальнем углу, тишина, мягкий свет свечей. Мадам Пинс сидела за своим столом, как и утром.

Она подняла голову, когда он подошёл.

— Мистер Хлой. Секция семнадцать, верхняя полка. Как и обещала.

— Спасибо, мадам.

Он направился в дальний угол библиотеки. Секция семнадцать оказалась за стеллажами с историей магии — тише, пыльнее, свет от окон сюда едва добирался. Книги на полках выглядели старше — потрёпанные корешки, выцветшие буквы.

Лестница стояла у стеллажа — деревянная, скрипучая. Он поднялся. Верхняя полка.

Две книги лежали чуть впереди остальных — явно переставленные недавно. «Структуры разума: введение в ментальную архитектуру» — Персиваль Грейвс. Толстый том в тёмно-синем переплёте, серебряное тиснение. Страницы пожелтели от времени.

Рядом — «Архитектура мысли» Изольды Морган. Тоньше, коричневая обложка, не менее потрёпанная. Он взял обе. Спустился, убрал в сумку.

Пинс даже не подняла головы, когда он проходил мимо. Просто сделала пометку в журнале.

— Две недели, мистер Хлой.

— Я помню.

Он был уже у двери, когда она добавила — негромко, не отрываясь от записей:

— И помните, что я сказала. Про осторожность.

— Помню, мадам.

Дверь закрылась за ним беззвучно. После библиотеки Алекс направился отрабатывать заклинания.

Пустой класс встретил его знакомым запахом пыли.

Дверь заскрипела, когда он толкнул её плечом. Внутри ничего не изменилось — парты у стен, грязные окна, призраки мела на доске. Манекен стоял там, где он его оставил вчера — в чулане, равнодушный и неподвижный.

Алекс достал палочку. Отошёл на пять шагов. Вчера он добился частичного эффекта — руки манекена сводились на несколько секунд. Сегодня нужно было больше.

Первая попытка.

— Петрификус Тоталус!

Серебристо-голубая искра вылетела из палочки, пронеслась через комнату, ударила манекен в грудь. Дерево дрогнуло. Руки прижались к бокам, ноги свелись вместе — на две секунды, может три. Потом расслабились. Недостаточно.

Он попробовал изменить подход. Не просто «обездвижить» — а представить результат конкретнее. Тело, застывшее как камень. Мышцы, отказывающиеся подчиняться. Полный контроль — его контроль — над чужим движением.

Вторая попытка.

— Петрификус Тоталус!

Искра была ярче. Удар — точнее. Манекен замер — руки прижаты, ноги вместе, голова неподвижна.

Три секунды. Четыре. Пять.
Потом дерево расслабилось.
Прогресс.

Он продолжал — попытка за попыткой, оттачивая движение, уточняя намерение. К двадцатой попытке эффект держался почти десять секунд. К сороковой — руки начали уставать, а в висках появилась знакомая пульсация.

Магическое истощение. Пора заканчивать. Он опустил палочку, посмотрел на манекен. Деревянная фигура стояла неподвижно, безразличная к его усилиям. Но следы заклинаний на её груди стали чуть заметнее — свежие подпалины поверх старых.

Он вернул манекен в чулан и вышел.

Вечер нашёл его в спальне, с новыми книгами.

Эрни уже спал — или притворялся, отвернувшись к стене. Захария читал при свете собственного Люмоса, игнорируя существование соседей. Джастин сидел на кровати, беззвучно шевеля губами — наверняка повторял «Люмос» про себя.

Алекс открыл «Структуры разума».

«Глава первая. Природа ментального пространства.

Разум — не библиотека, где мысли хранятся на полках. Разум — это территория. Ландшафт, который можно формировать, защищать, изменять.

Неподготовленный разум подобен открытому полю. Легилимент входит свободно, видит всё, берёт что хочет. Подготовленный разум — крепость. Стены, рвы, ловушки. Каждый шаг атакующего стоит ему усилий...»

Он читал, впитывая информацию. Это было другое — не медитация, не «очищение». Практика. Архитектура. Строительство. Как раз то, что ему нужно.

Через полчаса отложил книгу. Достаточно теории на сегодня.

Теперь — практика.

Он лёг, закрыл глаза.

Мать советовала считать от тысячи до нуля. Простое упражнение, эффективное. Но медленное — числа шли одно за другим, оставляя слишком много пространства для посторонних мыслей.

Он попробовал несколько другое.

Семь умножить на восемь — пятьдесят шесть.

Пятьдесят шесть умножить на три — сто шестьдесят восемь.

Сто шестьдесят восемь умножить на два — триста тридцать шесть.

Быстрее. Требовало больше концентрации. Меньше места для Квиррелла, для тульпы, для всего остального.

Триста тридцать шесть умножить на четыре...

Он запнулся. Пересчитал.

Тысяча триста сорок четыре.

Тысяча триста сорок четыре умножить на два — две тысячи шестьсот восемьдесят восемь.

Числа росли, становились сложнее. Мозг работал — только на вычисления, ни на что больше. Идеальный шум.

Две тысячи шестьсот восемьдесят восемь умножить на три...

Восемь тысяч шестьдесят четыре. Он проверил дважды — правильно.

Восемь тысяч шестьдесят четыре умножить на семь...

Посчитал в уме. Пересчитал. Сбился.

Начал сначала.

Семь умножить на восемь — пятьдесят шесть.

Через час голова гудела от усталости. Числа плыли перед закрытыми глазами, путались, множились сами по себе. Но он явно продержался дольше, чем было бы с простым счётом — меньше отвлечений, меньше пауз, меньше места для лишнего.

Шум работал.

Сон пришёл — тяжёлый, без сновидений.

Глава 14. Выходные

Суббота началась с тишины. Никакого расписания, никаких уроков — первое утро, с момента приезда, когда можно было просто лежать. Алекс проснулся рано, по привычке, но не стал вставать сразу. Лежал, глядя в потолок, слушая дыхание соседей.

Кровать Захарии была пуста. Снова. Застелена идеально — ни единой складки. Он уходил каждое утро до рассвета и возвращался... когда? Алекс ни разу не видел его возвращения. Только результат: вечером Захария сидел в своём углу с книгой, как будто никуда не исчезал.

Эрни спал, повернувшись к стене, укутавшись в одеяло до макушки. Джастин бормотал что-то во сне — кажется, всё ещё практиковал "Люмос", даже не просыпаясь.

Алекс встал, потянулся. Тело было лёгким, отдохнувшим. Првая учебная неделя в этом замке позади. Он выжил. Не привлёк лишнего внимания. Начал строить связи. Неплохо для начала.

Утренний ритуал занял меньше времени, чем обычно. Душ, одежда, палочка в кармане. Мантию он не стал надевать — выходной, можно обойтись простой одеждой. Свитер, брюки. Почти как нормальный человек.

Гостиная была полупустой. Несколько старшекурсников у камина, кто-то за столом с книгой. Растения на подоконниках лениво потягивались к свету — даже они, казалось, знали, что сегодня можно не торопиться.

Энн стояла у прохода. Как всегда. Руки сцеплены перед собой, плечи чуть ссутулены. Ждала его. В выходной, в восемь утра.

Когда она его заметила, что-то в ней расслабилось. Едва заметно, но он уже научился это видеть.

— Доброе утро, — сказала она тихо.

— Доброе. Ты рано.

— Не спалось.

Он не стал спрашивать почему. Вместо этого:

— Завтракать?

Она кивнула.

Большой зал встретил их непривычной тишиной. Половина столов пустовала — в выходные многие спали до обеда. Потолок показывал бледно-голубое небо с редкими облаками. День обещал быть хорошим.

Они сели на свои места. Еда появилась как обычно — яичница, тосты, бекон, каша. Алекс положил себе порцию, начал есть.

Совы влетели через окна — меньше, чем в будни, но всё же десятка два. Энн подняла голову, проследила за ними взглядом. Ни одна не повернула к ней.

Она вернулась к еде. Лицо — спокойное. Слишком спокойное.

— У меня есть идея, — сказал Алекс.

Она посмотрела на него.

— Я спросил у старосты, он мне подсказал, где можно спокойно попрактиковаться. Помнишь, я обещал позаниматься с тобой?

— Да.

— Пойдешь?

Пауза. Что-то мелькнуло в её глазах — удивление? Надежда?

— Сейчас?

— После завтрака. Сможем попрактиковать заклинания. Без других.

Энн смотрела на него несколько секунд. Потом кивнула — сдержанно, но он заметил: уголки губ дрогнули.

— Хорошо.

Дорога до пустого класса заняла десять минут.

Алекс вёл, объясняя по пути:

— Третья дверь слева от лестницы, она заедает. Внутри есть манекен для практики — старый, но рабочий.

Энн слушала молча, но он видел: она запоминает. Повороты, лестницы, ориентиры. На случай, если придёт сюда одна.

Коридор первого этажа был пуст. Субботнее утро — все либо спали, либо завтракали. Алекс нашёл нужную дверь, толкнул плечом. Дерево заскрипело, поддалось.

Внутри пахло пылью и чем-то затхлым. Парты у стен, грязные окна, следы мела на доске. Свет пробивался сквозь мутное стекло, рисуя полосы на полу.

— Уютно, — сказала Энн. В её голосе было что-то похожее на иронию.

— Зато никто не мешает.

Он прошёл к чулану, открыл дверцу. Манекен стоял там — деревянный, потрёпанный, со следами заклинаний на груди.

— Это для практики, — объяснил он, вытаскивая фигуру на середину комнаты. — Можно кидать в него заклинания, не боясь кого-то задеть.

Энн смотрела на манекен с любопытством. Потом — на Алекса.

— Ты здесь уже был?

— Пару раз. После уроков.

Она кивнула. Помолчала. Потом достала палочку.

— Можно кое-что показать?

Алекс поднял бровь.

Энн встала ровнее, подняла палочку. Закрыла глаза на секунду — сосредоточилась.

— Люмос.

Свет.

Слабый, дрожащий, но свет — на кончике её палочки. Он держался секунду, две, три... потом погас.

Алекс смотрел на неё.

— Когда ты научилась?

Энн опустила палочку. На её щеках появился румянец — смущение? Гордость?

— В пятницу вечером. Слушала, как ты объяснял Джастину. Про намерение, про образ света. Потом пошла в спальню и попробовала сама.

Она училась по его объяснениям. Не спрашивала, не просила — просто слушала и применяла.

— Покажи ещё раз, — сказал он.

Энн подняла палочку. Движение — резкое, короткое. Слишком резкое.

— Люмос.

Свет появился, но слабее, чем в первый раз. Дрогнул и погас через две секунды.

— Движение, — сказал Алекс. — Ты теряешь энергию на замахе.

Он подошёл ближе.

— Можно?

Она кивнула, чуть напрягшись.

Он взял её руку — осторожно, за запястье. Её кожа была прохладной.

— Мягче. Не рубишь — рисуешь. Вот так.

Он провёл её руку по дуге — плавно, без рывков. Она следила за движением, запоминала.

— Теперь сама.

Он отпустил. Энн замерла на секунду — там, где было его прикосновение. Потом подняла палочку.

Плавная дуга. Мягкое движение.

— Люмос.

Свет — ярче, стабильнее. Три секунды, четыре, пять. Потом медленно погас.

— Лучше, — сказал Алекс.

Энн смотрела на свою палочку. На её лице было что-то, чего он раньше не видел. Удивление собой?

— Спасибо, — сказала она тихо.

— Хочешь попробовать что-то новое?

Она подняла глаза.

— Что?

— Левиосу...

Следующие полчаса они провели над пером.

Алекс вытащил его из кармана — белое, лёгкое, взятое из класса Чар. Положил на пыльную парту.

— Принцип иной, не как у Люмоса, — повторно объяснял он. — Там ты создаёшь свет. Здесь — поддерживаешь предмет. Не тянешь вверх, а подставляешь ладонь снизу. Невидимую ладонь.

Энн слушала, кивала. Записывала в голове — он видел по её глазам.

— Движение: полукруг и взмах. Произношение: Вин-гар-ди-ум Ле-ви-о-са. Ударение на "о" в "левиоса".

— ЛевиОса, — повторила она.

— Правильно. Теперь вместе: движение и слово. Но сначала без магии — просто отработай.

Она практиковала — движение, произношение, снова движение. Алекс поправлял: запястье выше, дуга плавнее, голос увереннее.

Через пятнадцать минут:

— Теперь с магией. Смотри на перо. Представь ладонь под ним. Представь, как она поднимает его — мягко, без рывков.

Энн закрыла глаза. Открыла. Подняла палочку.

— Вингардиум Левиоса.

Ничего.

— Ещё раз. Не торопись.

— Вингардиум Левиоса.

Перо дрогнуло. Шевельнулось. Замерло.

— Хорошо. Ещё.

Пятая попытка — перо подпрыгнуло на полдюйма и упало.

Десятая — поднялось на дюйм, зависло на секунду, рухнуло обратно.

Энн опустила палочку. Её лоб блестел от пота.

— Не получается. И голова начала болеть.

— Получается, — возразил Алекс. — Перо двигается. Это уже результат. На сегодня закончим, не нужно перенапрягаться.

— Но оно падает.

— У тебя неделя форы перед классом. Флитвик на левиосу целые полгода выделил. К тому времени ты уже будешь уметь.

Она посмотрела на него. В её взгляде было что-то — не совсем недоверие, но близко.

— Почему ты мне помогаешь?

Вопрос был простым. Ответ — сложнее.

Алекс помолчал. Честный ответ: потому что она напоминала ему кое-кого. Себя, может быть. Того, каким он был в детдоме — одинокий, недоверчивый, отчаянно желающий, чтобы кто-то заметил, послушал, понял.

Но это он не мог сказать.

— Потому что ты стараешься, — сказал он. — И потому что могу.

Энн смотрела на него ещё несколько секунд. Искала что-то в его лице — ложь, скрытый мотив, подвох. Не нашла.

— Спасибо, — сказала она тихо. Просто, без надрыва.

Он кивнул.

— Отдохни. Потом ещё попробуешь.

Пока она сидела на пыльной парте, восстанавливая силы, Алекс достал манекен.

— А ты что будешь тренировать? — спросила Энн.

— Петрификус Тоталус. Заклинание оцепенения.

— Это же не наш курс.

— Так и есть.

Она не спросила, откуда он его знает. Просто смотрела, как он отходит на пять шагов, поднимает палочку.

— Петрификус Тоталус!

Серебристо-голубая искра вылетела из палочки, пронеслась через комнату, ударила манекен в грудь. Дерево дрогнуло. Руки прижались к бокам, ноги свелись вместе.

Пять секунд. Семь. Десять. Потом манекен расслабился.

— Ещё недостаточно, — пробормотал Алекс.

Он попробовал снова. И снова. К десятой попытке эффект держался двенадцать секунд. К двадцатой — пятнадцать, почти стабильно.

Энн наблюдала молча. Когда он остановился на тридцать пятой попытке, вытирая пот со лба, она спросила:

— Зачем тебе боевое заклинание?

— Защитное.

— На случай чего?

Он посмотрел на неё. Маленькая девочка с тёмными волосами, сидящая на пыльной парте в заброшенном классе. Она ничего не знала — о Волдемorte, о тульпе, о том, кем он был на самом деле.

— Мир не всегда безопасен, — сказал он.

Она не спросила больше. Но по её глазам он видел: запомнила.

К обеду они вернулись в гостиную.

Энн ушла в свой угол — домашняя работа, или что-то ещё. Алекс поднялся в спальню, достал из сумки книгу. "Архитектура мысли" — Изольда Морган. Коричневая обложка, потрёпанные страницы.

Он открыл на первой странице.

"Предисловие.

Эта книга не была бы написана без Карла Густава Юнга, маггловского целителя разума. Его концепции легли в основу моего метода.

Магический мир слишком часто игнорирует мудрость магглов. Мы считаем себя выше, потому что владеем магией. Но разум — не магия. Разум универсален. И те, кто изучает его без волшебных палочек, порой видят яснее, чем мы.

Юнг понял главное: разум — не пассивное хранилище. Это живое пространство, с которым можно взаимодействовать. Входить в него. Менять его. Строить внутри него. За это понимание я ему благодарна."

Алекс перелистнул страницу.

"Глава первая. Активное воображение.

Существует множество способов работы с разумом. Медитация успокаивает. Гипноз открывает доступ к скрытому. Легилименция позволяет одному разуму проникнуть в другой.

Но для окклюменции — для истинной защиты разума — нужен особый метод. Метод, который позволяет войти в собственное ментальное пространство осознанно, контролируемо, без потери связи с реальностью. И уже там начинать работу по построению обороны своих мыслей.

Этот метод — активное воображение.

Суть его проста. Маг находится в состоянии бодрствования, но направляет внимание внутрь. Наставник задает вопросы и позволяет образам появляться в ответ. В крайнем случае читатель может попробовать это самостоятельно.

Это не фантазия. Не выдумывание. Практикующий не создаёт образы сознательно — он позволяет им проявиться. Разница принципиальна.

Когда вы фантазируете, вы контролируете. Когда вы практикуете активное воображение, вы наблюдаете и взаимодействуете. Образы приходят сами — из глубин разума, из тех слоёв, к которым обычное сознание не имеет доступа. И именно там необходимо ставить защиту."

Алекс остановился. Это было знакомо — частично. С тульпой они делали что-то похожее, но иначе. Через осознанные сны, через внутренние диалоги. Это было... менее формализовано.

Он продолжил читать.

"Техника входа.

Сядьте удобно. Закройте глаза. Тело расслаблено, но разум — бодрствует.

Задайте себе вопрос: 'Где я сейчас?'

Не отвечайте. Ждите.

Образ придёт сам. Дверь, коридор, лестница, поляна — что угодно. Это ваша точка входа, ваш личный порог. Когда образ появится — войдите в него. Не думайте о том, как это работает. Просто сделайте шаг. Внутри продолжайте задавать вопросы: 'Что я вижу? Что слышу? Что чувствую? Куда ведёт путь?'

Ответы будут приходить — образами, ощущениями, иногда словами. Следуйте за ними, но не теряйте осознанности. Вы — наблюдатель и участник одновременно."

"Предупреждение.

Без наставника этот метод требует крайней осторожности.

Он выполняет важнейшую функцию: он задаёт вопросы, удерживает практикующего в состоянии осознанности, возвращает его при необходимости. Голос снаружи — якорь, который не даёт утонуть в образах.

В одиночку легко потеряться. Разум создаёт образы, которые кажутся реальнее реальности. Неподготовленный маг может забыть, кто он, где он, зачем вошёл.

Настоятельно рекомендую практиковать под наблюдением опытного окклюдента. Хотя бы первые несколько раз."

Алекс закрыл книгу. Откинулся на подушку.

Юнг. Маггловский психолог в магической книге. Неожиданно — и в то же время логично. Разум един, магия или нет.

Он знал эту технику. Частично. Но здесь она была описана иначе — формализованно, с предупреждениями, с ясной структурой.

И предупреждение повторялось: нужен наставник. Мать. Она аврор, она знает окклюменцию. Но до встречи с ней ещё нужно дожить. Рождество...

Он отложил мысль на потом. Сейчас — обед.

Коридор у Большого зала был полон студентов. Субботний обед — шумный, расслабленный. Люди смеялись, толкались, обсуждали планы на вечер. Алекс шёл к входу, думая о своем, когда из-за угла вышел Драко Малфой. Почти столкнулись.

— Хлой. — Драко отступил на шаг, оправляя мантию. Крэбб и Гойл маячили за его спиной, как два молчаливых шкафа. — Смотри, куда идёшь.

— Извини. Не заметил.

Драко хмыкнул, но без злости. Его взгляд скользнул по Алексу — оценивающий, как всегда.

— Как тебе первая неделя?

— Терпимо. Впрочем, к истории магии это не относится. А тебе?

Гримаса.

— Было бы лучше, если бы не Поттер.

Алекс приподнял бровь — приглашение продолжить.

— Все на него смотрят, — Драко скривился. — Постоянно. Шепчутся, показывают пальцем. "Мальчик-который-выжил". Как будто это что-то значит.

— Слава.

— Незаслуженная. — Драко фыркнул. — Он даже базовых вещей не знает. Десять лет среди магглов — и это видно. Удивляется каждой мелочи, как будто впервые видит волшебство. На Зельях не мог ответить ни на один вопрос Снейпа.

— Слышал, что он вообще не знал о магическом мире до письма.

— Вот именно! — Драко развёл руками. — И при этом — "избранный". Преподаватели к нему иначе относятся. Все эти взгляды Дамблдора... Отец говорит, старик всегда играет в свои игры.

Алекс слушал, кивал в нужных местах. Не соглашался открыто, не спорил — просто принимал информацию.

— Избранным всегда преференции, — сказал он нейтрально.

Драко посмотрел на него — с чем-то похожим на одобрение.

— Именно. Ты понимаешь.

Пауза. Поток студентов обтекал их, как вода обтекает камни.

— Ладно, — Драко поправил воротник. — Увидимся, Хлой.

— Увидимся.

Слизеринцы ушли. Алекс смотрел им вслед несколько секунд, потом вошёл в зал. Энн уже была за столом. Она видела разговор — он заметил по её взгляду.

— Это был Малфой?

— Да.

— Что он хотел?

— Пожаловаться на Поттера.

Она нахмурилась.

— Ты с ним... дружишь?

— Поддерживаю контакт. Это разные вещи.

Энн явно не понимала разницу. Но кивнула, не став спрашивать больше. Они начали есть.

После обеда Алекс вернулся к книгам.

Энн ушла в библиотеку — домашняя работа по Травологии, что-то про уход за магическими растениями. Он не стал её сопровождать. Иногда полезно побыть одному.

Спальня была пуста. Эрни где-то пропал, Джастин тоже. Захария... кто знает, где был Захария. Как всегда.

Алекс устроился на кровати, достал вторую книгу.

“Структуры разума: введение в ментальную архитектуру” — Персиваль Грейвс. Тёмно-синий переплёт, серебряное тиснение, пожелтевшие страницы. Он открыл на первой главе.

”Глава первая. Архитектура защиты.

Разум неподготовленного мага подобен открытому полю. Легилимент входит свободно, видит всё, берёт что хочет. Нет стен, нет преград, нет ловушек. Только незащищенное пространство мыслей и воспоминаний. Подготовленный разум — иное дело.

Представьте крепость. Стены, башни, рвы. Каждый шаг внутрь стоит усилий. Каждая дверь может вести в тупик. Каждый коридор — ловушка.”

“Это и есть окклюменция в её истинной форме.” — Кивнул своим мыслям Алекс. — “Не очищение разума — построение защиты. Не пустота — архитектура.”

“Ментальное пространство можно структурировать. Стены, комнаты, лабиринты — это не метафоры. Это реальные конструкции, которые опытный маг создаёт внутри себя. Легилимент, проникающий в такой разум, должен преодолевать препятствия. Тратить силы. Терять время. И чем дольше он внутри — тем больше шансов, что защитник его заметит.”

Алекс перелистнул страницу.

”Глава вторая. Материалы строительства.

Из чего строить стены разума? Ответ прост и сложен одновременно: из воспоминаний. Воспоминания — кирпичи. Эмоции — раствор, который их скрепляет. Чем ярче воспоминание, тем прочнее кирпич. Чем сильнее эмоция — тем крепче стена. Счастливые моменты дают тёплую, устойчивую защиту. Моменты гордости — твёрдую, негибкую.

Но осторожно с травмами. Травматичные воспоминания кажутся идеальным материалом. Они яркие, эмоционально насыщенные, незабываемые. Однако они ненадёжны. Под давлением легилимента — под его вопросами, его поиском — травма может разрушиться. Рассыпаться. И тогда стена падает, открывая всё, что за ней скрывалось.

Используйте травмы осторожно. Лучше — не используйте вовсе. Стройте из того, что делает вас сильнее, не из того, что вас сломало.”

Алекс остановился.

Травмы ненадёжны. Это было... неожиданно. Он думал, что боль — лучший материал. Детдом, улица, всё то, через что он прошёл. Но нет. Грейвс говорил иначе.

Он продолжил читать.

”Глава третья. Заклинания внутри.

Ментальное пространство — не просто место. Это арена. Опытный окклюмент может использовать магию внутри собственного разума. Не настоящие заклинания — их образы, их намерения. Но для легилимента разницы нет.

Представьте Ступефай — и атакующий почувствует удар. Представьте Протега — и перед ним встанет стена. Представьте огонь — и он обожжётся.

Это требует практики. Разум должен верить, что это работает. Сомнение — враг. Если вы не уверены, что ваш ментальный Ступефай ударит — он не ударит.

Предупреждение: эта техника опасна для обеих сторон. Ментальная битва истощает. Победитель выходит измотанным. Проигравший может получить серьёзные повреждения разума. Используйте только в крайнем случае.”

”Глава четвёртая. Ловушки и обманки.

Лучшая защита — та, о которой враг не знает.

Ложные воспоминания — идеальная приманка. Легилимент ищет что-то конкретное: секрет, план, слабость. Дайте ему найти — но не то, что он ищет. Подделку. Пустышку.

Создайте воспоминание о секрете, которого нет. О плане, который вы никогда не собирались выполнять. О слабости, которая на самом деле — сила.

Легилимент найдёт то, что искал. Уйдёт довольный. И никогда не узнает, что его обманули.

Скрытые комнаты — ещё один инструмент. За очевидной дверью — пустая комната. За незаметной щелью в стене — настоящие секреты. Легилимент идёт к двери, потому что двери — это нормально. Он не замечает щель, потому что не ищет её.

Лабиринты без выхода. Коридоры, ведущие в никуда. Лестницы, возвращающие на начало. Пусть враг блуждает. Пусть тратит силы. Пусть устаёт. А когда устанет — ударьте.”

Алекс закрыл книгу.

Серьёзная работа. Не теория — практика. Грейвс был директором магической безопасности, он знал, о чём писал. Это были инструменты. Реальные, рабочие инструменты.

Но предупреждения повторялись на каждой странице. Наставник. Практика под наблюдением. Опасность.

Он посмотрел в окно. За магическим стеклом виднелись слои почвы, корни, иногда — движение чего-то мелкого.

Мать. Рождество. Нужно попросить её научить.

Но до Рождества — три с половиной месяца. Что делать до тех пор?

Практиковать осторожно. Читать. Строить фундамент. И надеяться, что Волдеморт не решит проверить его защиту раньше.

Вечер принёс Джастина.

Алекс спустился в гостиную после нескольких часов чтения. Голова гудела от информации — структуры, ловушки, ментальные заклинания. Нужен был перерыв.

Гостиная была полна — субботний вечер, все вернулись с прогулок и из библиотеки. Камин горел ярко, растения на подоконниках мерцали в его свете.

Джастин заметил его первым.

— Алекс! — Он подбежал, размахивая палочкой. — Смотри! Смотри!

Он остановился, выпрямился, поднял палочку с преувеличенной торжественностью.

— Люмос!

Свет. Дрожащий, нестабильный. Он держался три секунды, четыре... потом погас.

— Видел?! — Джастин сиял. — Получается! Почти каждый раз!

— Хорошо, — кивнул Алекс. — Прогресс.

— Я практиковал весь день! Ну, почти весь. — Джастин поморщился. — Правда, голова потом болит. После пяти-шести попыток начинает гудеть.

— Магическое истощение. Это нормально, нужно просто подождать с практикой день-другой, и все вернётся в норму.

— Правда?

— Правда. Ядро ещё не развито, канал узкий, намерения нет. Со временем станет легче. — Алекс помолчал. — Не перенапрягайся, отдохни. Лучше три хороших попытки, чем десять плохих. Качество важнее количества.

Джастин кивнул серьёзно, впитывая каждое слово.

— Понял. Три попытки. Качество. — Он улыбнулся. — Спасибо, Алекс. Ты лучший учитель.

— Я не учитель.

— Ну, лучший объясняльщик тогда.

Алекс прошёл к камину. Энн сидела в своём кресле — том самом, которое уже стало “её”. Тетрадь на коленях, перо в руке. Она что-то писала — быстро, сосредоточенно.

Когда он подошёл, она закрыла тетрадь. Быстро, почти испуганно.

Он сделал вид, что не заметил.

— Можно? — кивнул на соседнее кресло.

— Да. Конечно.

Он сел. Огонь потрескивал, бросая тёплые отблески на стены. Вокруг шумела гостиная: разговоры, смех, звук передвигаемых фигур — кто-то играл в шахматы в углу.

Они сидели молча. Это уже стало привычным — молчать вместе. Не неловко, не напряжённо. Просто тихо.

Энн первой нарушила тишину.

— Он прав.

— Кто?

— Джастин. Ты хорошо объясняешь.

Алекс пожал плечами.

— Просто говорю то, что знаю.

— Это больше, чем делают другие.

Она смотрела в огонь. Её профиль в свете пламени казался мягче, чем обычно. Меньше напряжения, меньше настороженности.

— Спасибо, — сказала она тихо. — За сегодня. За класс. За... всё.

— Не за что.

Она покачала головой.

— Есть за что.

Они снова замолчали. Огонь догорал, угли алели. Гостиная постепенно пустела — студенты расходились по спальням. Алекс думал о завтрашнем дне. О книгах, которые ждали. О практике, которая нужна. О письме матери, которое нужно написать. И о двери в своём разуме. О том, кто за ней ждал.

Воскресенье началось иначе. Алекс проснулся рано, как обычно. Оделся, захватил книги и спустился в гостиную — почитать.

И замер на пороге. Энн сидела у камина. Не в кресле — на полу, прислонившись спиной к каменной кладке. Колени подтянуты к груди, руки обхватывают их. Поза, которую он видел раньше — в поезде, в первый день.

Закрытая. Защитная. Камин не горел — только угли, едва тлеющие. В их слабом свете он увидел её лицо.

Мокрые щёки. Она плакала. Гостиная была пуста — слишком рано, все ещё спали. Только они двое. Алекс подошёл. Сел рядом, на пол, не слишком близко. Не сказал ничего.

Минута тишины. Две.

— Она обещала написать, — голос Энн был ровным. Слишком ровным. — В первые дни. Обещала.

Пауза.

— Прошла неделя. Не написала.

Алекс молчал. Не говорил “может, занята”. Не утешал пустыми словами. Просто был рядом.

— Я не удивлена, — продолжала она. — Я ничуть не удивлена. Просто...

Она не договорила. Не нужно было.

— Глупо надеяться, да? — Её голос дрогнул. — Каждый раз думаю — может, в этот раз. Может, она вспомнит. Может...

Тишина.

— Не глупо, — сказал Алекс тихо.

Она повернула голову. Посмотрела на него — глаза влажные, красные.

— Надеяться — не глупо, — повторил он. — Больно, но не глупо.

Энн смотрела на него долго. Искала что-то — ложь, жалость, снисхождение. То, что обычно говорят люди, когда не знают, что сказать. Не нашла.

— Хочешь прогуляться? — спросил он. — К озеру. Здесь душно.

Она моргнула. Удивление мелькнуло на её лице.

— Сейчас?

— Почему нет. Завтрак никуда не денется.

Пауза. Она вытерла щёки рукавом. Кивнула.

— Ладно.

Утро было холодным.

Туман стелился над землёй, цепляясь за траву, за камни дорожки, за низкие ветви деревьев у опушки Запретного леса. Замок позади них постепенно растворялся в белёсой дымке — громада башен и стен становилась призрачной, нереальной.

Они шли молча. Энн куталась в мантию, которую накинула перед выходом. Алекс не взял свою — холод его не беспокоил. Тело было молодым, здоровым и полным энергии.

Тропинка вела вниз, к озеру. Мимо теплиц — стеклянные стены запотели изнутри, за ними угадывались силуэты растений. Мимо тыквенной грядки — огромные оранжевые плоды, некоторые размером с бочку. Мимо хижины на краю леса...

Алекс замедлил шаг. Хижина. Каменные стены, соломенная крыша, дым из трубы. Рядом — огород, какие-то грядки, большой арбалет, прислонённый к стене. И фигуры у двери.

Огромный силуэт — это Хагрид, его ни с кем не спутаешь. И рядом — двое поменьше. Один — худой, в очках. Второй — рыжий, повыше. Поттер и Уизли. В воскресенье утром, в тумане, у хижины лесника. Хагрид что-то говорил, размахивая руками. Поттер кивал. Уизли смеялся над чем-то — звук долетал издалека, приглушённый расстоянием.

— Это Поттер? — тихо спросила Энн.

— Да.

— И Уизли?

— Рыжий — да.

Она смотрела на них несколько секунд. Потом отвернулась.

— Пойдём?

Алекс кивнул. Они продолжили путь к озеру. Но он запомнил. Поттер хорошо дружит с Хагридом. Приходит к нему рано утром, в выходные. Значит — часто. Значит — доверяет. Информация. Пока просто информация.

Озеро лежало перед ними — огромное, тёмное, неподвижное. Туман над водой был гуще, чем на берегу. Он скрывал противоположный край, превращая озеро в бесконечность — серую, холодную, безмолвную. Где-то там, в глубине, жил гигантский кальмар. И русалки. И, может, что-то ещё.

Они нашли большие камни у кромки воды и сели. Камень был холодным даже через ткань мантии, но Энн, кажется, не замечала. Тишина. Только плеск воды о берег и далёкий крик какой-то птицы.

Энн заговорила первой. Не сразу — прошло несколько минут молчания.

— Она не плохая.

Алекс не спросил, о ком. Было очевидно.

— Просто... меня не замечает. — Энн смотрела на воду, не на него. — Если я не болею, не в беде — меня как будто нет. Она приходит с работы, ужинает, ложится спать. Иногда мы разговариваем. Но это... пустые разговоры. “Как дела в школе?” — “Нормально”. “Поела?” — “Да”. И всё.

Пауза. Волна лизнула камни у их ног.

— Когда папа ушёл, стало хуже. Она замкнулась. Как будто я напоминаю ей о нём, и поэтому она...

Энн не договорила. Не нужно было.

— Почему он ушёл? — спросил Алекс. Тихо, без нажима. Она могла не отвечать.

Долгая пауза.

— Мама говорит — не выдержал моих странностей. — Голос Энн стал глуше. — Я ломала вещи. Не специально — они просто ломались, когда я злилась или боялась. Стаканы, тарелки, один раз — окно. Мама кричала, папа кричал... Потом он ушёл.

Она обхватила колени руками.

— Иногда думаю — если бы я была нормальной, он бы остался. И мама бы...

— Ты не виновата.

Энн повернулась к нему. Глаза — тёмные, влажные.

— Откуда ты знаешь?

Алекс смотрел на озеро. На туман, на рябь воды, на серое небо над головой.

— Взрослые уходят по своим причинам, — сказал он медленно. — Дети думают, что это из-за них. Но это не так. Это никогда не так.

Он знал, о чём говорил. Детдом. Дети, которые верили, что родители бросили их, потому что они плохие, недостаточно хорошие, неправильные. Дети, которые ломались под этой виной.

— Он ушёл, потому что он ушёл. Не из-за тебя. Не из-за стаканов. Из-за себя.

Энн молчала. Смотрела на него — долго, пристально.

— Ты говоришь, будто знаешь.

Он не ответил. Что он мог сказать? “Я вырос в детдоме, я видел сотни таких историй, я сам был таким ребёнком — только без магии, без стаканов, просто ненужный”?

— Знаю, — сказал он просто.

Энн не стала спрашивать откуда. Приняла ответ как есть. Они сидели молча ещё несколько минут. Туман начал рассеиваться — солнце пробивалось сквозь облака, бросая бледные пятна света на воду.

— Спасибо, — сказала Энн тихо.

— За что?

— За то, что не говоришь, что всё будет хорошо. Все так говорят. Это... раздражает.

Почти улыбка. Первая за это утро. Алекс кивнул.

— Пойдём завтракать?

Она встала, отряхнула мантию.

— Пойдём.

Обратный путь был легче. Туман рассеялся почти полностью, замок вырос перед ними — огромный, солнечный, живой. Из окон Большого зала доносился шум — завтрак в разгаре.

Они шли рядом. Не разговаривали, но молчание было другим. Легче. Спокойнее.

У хижины Хагрида уже никого не было — Поттер и Уизли ушли. Дым всё ещё шёл из трубы, но дверь была закрыта.

— Ты знаешь Хагрида? — спросила Энн.

— Нет. Только видел на распределении.

— Он большой.

— Полувеликан, наверное.

Она кивнула. Больше ничего не сказала.

Большой зал встретил их запахом еды и гулом голосов. Субботнее утро — все выспались, все голодные, все шумные.

Они сели на свои места. Алекс положил себе яичницу, тосты, бекон. Энн взяла меньше — но ела, не ковыряясь в тарелке. Это было хорошо. Прогресс.

После завтрака Мэри нашла его сама. Он едва успел встать из-за стола, когда рыжий вихрь налетел сбоку.

— Алекс!

Она схватила его за рукав, потянула.

— Ты обещал!

— Что я обещал?

— Прийти к нам! В Гриффиндор! Я была у вас, теперь твоя очередь!

Он не помнил, чтобы обещал, но спорить не было смысла.

— Сейчас?

— А когда? Завтра уроки! — Мэри уже тащила его к выходу. — Пойдём-пойдём-пойдём!

Энн стояла рядом. Её лицо изменилось — что-то закрылось, напряглось.

— Я подожду в библиотеке, — сказала она тихо. Не глядя на него. Не глядя на Мэри.

— Хорошо, — ответил Алекс.

Энн ушла. Быстро, не оглядываясь. Мэри даже не заметила.

— Идём! — Она уже была на полпути к двери. — Покажу тебе всё!

Путь до гриффиндорской башни занял десять минут.

Мэри тараторила всю дорогу — про соседок по спальне, про Почти Безголового Ника, про то, как Фред и Джордж Уизли взорвали что-то в общей комнате на прошлой неделе.

— ...и МакГонагалл пришла в ночной рубашке! Представляешь? Я думала, у неё голова взорвётся от злости!

Алекс слушал вполуха. Запоминал дорогу — повороты, лестницы, ориентиры.

Гриффиндорская башня была высоко. Лестницы вели вверх и вверх, пока не закончились перед портретом полной женщины в розовом платье.

— Капут Драконис, — сказала Мэри.

Портрет отъехал в сторону, открывая проход.

Внутри было... ярко. Красное и золотое везде — гобелены на стенах, ковры на полу, обивка кресел. Огромный камин — больше, чем в Хаффлпаффе — с рёвом пожирал дрова. Высокие окна пропускали солнечный свет.

Шумно. Очень шумно. Люди разговаривали, смеялись, спорили. Кто-то играл в плюй-камни в углу. Кто-то размахивал палочкой, демонстрируя фокус.

Контраст с Хаффлпаффом был разительный. Их гостиная была под землёй — тёплая, тихая, уютная. Здесь — башня, свет, энергия. Там — нора. Здесь — гнездо.

— Ну? — Мэри смотрела на него с ожиданием. — Как тебе?

— Громко.

Она засмеялась.

— Это Гриффиндор!

Она потащила его на экскурсию. Доска объявлений — расписание квиддича, объявления о потерянных вещах, какой-то плакат с движущимся львом. Лестницы в спальни — девчачья, по её словам, не пускала мальчиков (“Превращается в горку, если попытаешься!”). Камин — “Самый большой в школе, говорят!”.

Алекс кивал, запоминал. Не потому что ему было интересно — просто привычка. Информация никогда не бывает лишней.

В углу у окна он заметил их. Поттер и Уизли. Склонились над шахматной доской — фигуры двигались сами, кричали друг на друга, дрались. Рон хмурился, обдумывая ход. Гарри смотрел растерян — явно проигрывал. Гермионы рядом не было. Алекс помнил — она ещё не подружилась с ними.

— О, — Мэри проследила за его взглядом. — Это Гарри и Рон. Хочешь поздороваться? Алекс пожал плечами.

— Почему нет.

Они подошли. Рон как раз скомандовал своему коню, и тот растоптал пешку Гарри, которая возмущённо завершала.

— Привет! — Мэри помахала рукой. — Это Алекс, мой друг из Хаффлпаффа!

Рон поднял голову. Оценивающий взгляд, короткий кивок.

— Привет.

Гарри посмотрел на него — зелёные глаза за круглыми очками. Худое лицо, шрам на лбу — молния, почти скрытая чёлкой.

— Привет, — сказал Гарри. — ты же Алекс, да?

— Да.

— Мэри много о тебе рассказывала.

— Только хорошее, надеюсь.

Рон фыркнул.

— В основном — какой ты странный.

— Рон! — Мэри ткнула его в плечо.

— Что? Ты сама говорила!

— Я говорила “необычный”! Это другое!

Алекс позволил себе улыбку.

— Станный — нормально. Бывает хуже.

Гарри чуть улыбнулся в ответ. Рон пожал плечами, вернулся к доске.

— Ладно. Твой ход, Гарри. И постарайся не потерять ещё одну ладью.

Алекс смотрел на них. Два мальчика, играющие в шахматы. Ничего особенного. Но один из них — “избранный”. Тот, кто убьёт Волдеморта. Сейчас он выглядел просто ребёнком. Растерянным, худым, не понимающим, как ходить конём. Алекс отвернулся.

— Мэри, спасибо за экскурсию. Мне пора.

— Уже? — Она надулась. — Но я ещё не показала...

— В другой раз. Меня ждут в библиотеке.

Мэри вздохнула, но не стала спорить.

— Ладно. Но тогда ты должен мне ещё один визит!

— Договорились.

Он кивнул Поттеру и Уизли, развернулся и вышел. За спиной Рон скомандовал: “Ферзь на Е5!”, и раздался победный вопль шахматной фигуры.

Библиотека встретила его тишиной. После гриффиндорского шума — почти оглушительной. Высокие стеллажи уходили в полумрак, свечи парили между полками, студенты склонялись над книгами в молчаливой сосредоточенности.

Энн сидела в дальнем углу, у окна. Перед ней лежал раскрытый учебник по Травологии, но она не читала. Смотрела в окно, на серое небо, на далёкие горы.

Алекс подошёл, сел напротив. Она повернулась к нему. Лицо — спокойное, закрытое. То выражение, которое он уже научился узнавать: защита.

— Как там? — спросила она ровно.

— Громко. Много красного.

Пауза.

— Познакомился с Поттером?

— Поздоровался. Они с Уизли играли в шахматы.

Энн кивнула. Вернулась к окну. Молчание. Не такое комфортное, как обычно. Что-то изменилось — он чувствовал это, но не мог понять, что именно.

— Энн.

Она посмотрела на него.

— Ты в порядке?

Долгая пауза. Она отвела взгляд.

— Да. Просто... устала.

Ложь. Он видел это так же ясно, как видел её напряжённые плечи, сжатые пальцы, слишком ровный голос. Но не стал давить. Иногда люди не готовы говорить. Иногда нужно просто быть рядом.

Его взгляд упал на раскрытый учебник перед ней. Травология. И рядом — свиток пергамента, исписанный мелким почерком.

Домашняя работа. Он замер.

Домашняя работа. Которую он... не делал. Вообще. Всю неделю.

Квиррелл, окклюменция, тульпа, книги — всё это занимало голову, вытесняя остальное. Он читал учебники, тренировал заклинания, строил связи. Алекс считал это гораздо более важным, чем какая-то домашка. Но эссе? Карты звёздного неба? Описания ингредиентов? Ничего. Теперь же затягивать с этим было нельзя.

— Энн, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Что нам задали? По всем предметам?

Она моргнула. Удивление мелькнуло на её лице.

— Ты... не записывал?

— Записывал. Но... потерял записи.

Ложь, но правдоподобная. Она не стала уточнять.

— Травология — эссе про дьявольские силки, фут пергамента. Чары — описать принцип левитации, полфута. Астрономия — карта северного неба. Трансфигурация — теория превращения, ответить на вопросы в конце главы.

Она перечисляла, загибая пальцы. Алекс слушал, запоминал. Много. Слишком много для одного вечера.

— Можешь дать списать? — спросил он прямо. — Я перепишу своими словами.

Энн замерла. Посмотрела на него — странно, как будто он сказал что-то неожиданное.

— Ты... просишь у меня списать?

— Да.

— Ты. У меня.

Он не понимал её удивления.

— Ты делала работу. Я — нет. Логично попросить у того, кто делал.

Пауза. Потом — улыбка. Настоящая, не натянутая.

— Ладно, — сказала она. — Но ты мне поможешь с травологией.

— Договорились.

Следующие несколько часов они провели над домашней работой. Энн давала ему свои эссе, он переписывал, меняя формулировки, добавляя детали из учебника. Алекс читал её черновики, указывал на ошибки, объяснял то, что она не поняла.

К началу обеда они оба закончили большую часть того, что было задано на следующую неделю

— Спасибо, — сказал Алекс, складывая пергаменты.

Энн покачала головой.

— Мы в расчёте.

Почти улыбка. Он кивнул.

Они вышли из библиотеки вместе. На обед.

Большой зал гудел воскресной расслабленностью — никто никуда не торопился, разговоры были громче, смех — чаще. Алекс ел механически, думая о книгах в сумке. Морган и Грейвс. Он едва начал, но уже очень хотел их прочесть.

— Ты сегодня тихий, — сказала Энн.

— Думаю.

— О чём?

— О том, что прочитал.

Она кивнула, не стала расспрашивать. Доела свой пирог и встала.

— Я пойду в гостиную. Домашняя работа.

— Хорошо.

Она помедлила, будто ждала чего-то. Потом ушла.

Алекс остался за столом ещё несколько минут. Потом поднялся и пошёл не в гостиную — в спальню.

Кровать, подушка под спину, книга на коленях.

«Архитектура мысли» Изольды Морган. Коричневая обложка, потрёпанные страницы.

Он открыл там, где остановился.

«Ландшафт разума».

Каждый разум уникален. Нет двух одинаковых ментальных пространств, как нет двух одинаковых снов. Но есть общие принципы, которые можно использовать.

Большинство неподготовленных магов воспринимают свой разум как хаос — поток образов, мыслей, воспоминаний без структуры и порядка. Легилимент входит в такой разум, как нож в масло. Ничто не мешает, ничто не останавливает.

Первый шаг к защите — осознание. Увидеть свой разум. Понять его форму. Только тогда можно начать строить.»

Алекс читал, делая мысленные пометки. Это было похоже на то, что он делал с тульпой — в прошлой жизни, когда учился входить в осознанные сны. Но здесь — формализованнее, с предупреждениями, с системой.

Свет за окном менялся — из яркого в золотистый, из золотистого в серый. Ужин он пропустил.

Не заметил, как время прошло. Эрни заглянул в спальню около семи — сказал что-то про еду, Алекс кивнул, не отрываясь от страницы. Эрни ушёл.

Морган писала о якорях. О точках опоры, которые не сдвигаются. О воспоминаниях, которые держат всю конструкцию. Которые становятся кирпичиками стены.

Грейвс писал суше, практичнее.

«Активная защита.

Стены — пассивны. Они задерживают, но не останавливают. Опытный легилимент пройдёт через любую стену, если у него достаточно времени и сил.

Настоящая защита — активна. Ловушки. Ложные ходы. Лабиринты, которые ведут в никуда.

Представьте легилимента как вора, проникшего в ваш дом. Стены замедляют его. Но что, если коридор ведёт не туда, куда он думает? Что, если дверь, за которой он ищет секреты, открывается в пустоту?»

Пустота. Алекс вспомнил — смутно, обрывками — что он чувствовал между смертью и перерождением. Холод. Безличность. Стирание.

Это можно использовать? Как ловушку?

Он не знал. Но идея была интересной.

За окном стемнело давно.

Эрни вернулся с ужина, потом из гостиной, потом лёг спать. Его храп начался около десяти — ровный, привычный.

Джастин пришёл позже, что-то бормотал себе под нос, ворочался. Уснул.

Захария... Захарии не было до полуночи. Потом — тихие шаги, скрип кровати. Тишина.

Алекс всё ещё читал.

Люмос на кончике палочки освещал страницы. Глаза болели, но он не мог остановиться. Каждая глава открывала что-то новое. Каждый абзац давал инструменты.

Он закрыл книгу только около часа ночи.

Голова гудела от информации. Теория усвоена — не вся, но достаточно для начала. Практика... практика подождёт.

Но письмо нужно написать сейчас. Пока мысли свежие. Пока он помнит, что хочет спросить.

Алекс достал пергамент, перо, чернила.

Первый черновик был слишком длинным — он пытался объяснить всё, что прочитал, всё, что понял. Получилось три страницы. Слишком много. Подозрительно много для первокурсника.

Второй черновик был слишком коротким — просто просьба, без контекста. Мать будет беспокоиться.

Третий...

Третий получился таким:

”Мама, спасибо за советы по окклюенции, насчёт книг про очищение разума. Я вернул их в библиотеку.

Нашёл кое-что получше. “Архитектура мысли” Изольды Морган и “Структуры разума” Персиваля Грейвса. Серьёзные книги, для старших курсов. Мадам Пинс выдала под свою ответственность.

Но в обеих написано одно и то же: нужен наставник. Без него практика опасна.

Ты знаешь окклюенцию? Могла бы научить меня? На рождественских каникулах, если будет время?

Алекс

P.S. От Квиррелла буду держаться подальше, как ты советовала.”

Он перечитал письмо. Достаточно. Не слишком много, не слишком мало. Просьба, объяснение, подтверждение безопасности. Свернул пергамент, запечатал. Завтра утром отправит с совой. Ночь пришла тихо.

Спальня погрузилась в темноту. Эрни давно спал — его храп был ровным, привычным. Джастин ворочался, бормотал что-то во сне. Захария читал при свете Люмоса. Его силуэт виднелся в углу — неподвижный, сосредоточенный.

Алекс лежал с закрытыми глазами.

Книга Морган. Активное воображение. Техника входа в ментальное пространство.

Он помнил слова: «Сядьте удобно. Закройте глаза. Задайте себе вопрос: 'Где я сейчас?' Не отвечайте. Ждите.»

Попробовать?

Книга предупреждала об опасности. Без наставника, без помощника, который задаёт вопросы и удерживает связь с реальностью — легко потеряться.

Алекс закрыл глаза. Расслабил тело — руки, ноги, плечи. Дыхание ровное, глубокое.

Где я сейчас?

Не ответ. Ожидание.

Темнота. Долго, несколько минут — ничего. Только темнота и собственное дыхание.

Потом — образ.

Не коридор из снов. Что-то другое.

Комната. Небольшая, с низким потолком. Деревянные стены, старые, потемневшие от времени. Окно — маленькое, квадратное, за ним — серый свет. Стол в углу, стул, кровать. Простая мебель, ничего лишнего.

Он узнал это место. Не сразу, но узнал.

Комната в детдоме. Не его — общая спальня была другой, на двенадцать коек. Но такие комнаты он видел. У воспитателей, у директора. Места, где можно было спрятаться. Места, где было тихо.

Почему именно это?

Что я чувствую?

Спокойствие. Странное, неожиданное. Это место не было приятным в реальности — детдом никогда не был приятным. Но здесь, внутри, оно ощущалось... безопасным. Убежищем.

Он сделал шаг. Получилось легче, чем ожидал. Не как во сне — там движения были вязкими, тяжёлыми. Здесь — почти нормально.

Что я вижу?

Стены. Он подошёл ближе, провёл рукой по дереву. Тёплое, шершавое. Реальное.

Книга Грейвса. Структуры разума. Стены строятся из воспоминаний, скрепляются эмоциями.

Попробовать?

Он сосредоточился. Представил воспоминание — не травму, книга предупреждала о травмах. Что-то простое, нейтральное.

Утро в Хогвартсе. Запах еды в Большом зале. Свет через высокие окна. Ощущение покоя.

Он попытался придать этому форму. Кирпич. Прямоугольный, твёрдый, осязаемый.

Образ появился — в его руках материализовался камень. Тёплый, гладкий. Он положил его на пол, у стены.

Первый кирпич.

Ещё.

Другое воспоминание. Мать, обнимающая его на платформе. «Я люблю тебя.» Тепло, которое он не заслужил, но получил.

Второй кирпич. Рядом с первым.

Он потянулся за третьим...

И мир рассыпался.

Комната исчезла. Кирпичи, стены, окно — всё растворилось в темноте. Он падал — или ему казалось, что падал. Ни верха, ни низа, ни—

Алекс открыл глаза.

Спальня. Темнота. Храп Эрни. Свет Люмоса в углу.

Он лежал неподвижно. Сердце колотилось. Голова раскалывалась — резкая боль в висках, как после магического истощения.

Два кирпича. Он продержался лишь два кирпича. Мало. Очень мало. Но это было начало.

С тульпой было бы проще, мелькнула мысль. Она могла бы удерживать его, задавать вопросы, не давая потеряться. Они делали это раньше — вместе, в той жизни. Но дверь была закрыта. И он пока не готов был её открыть. Значит — тренироваться одному. Медленно, осторожно, по кирпичику.

Дождаться рождества, позаниматься с матерью. А до тех пор — терпение. Он закрыл глаза снова. Но на этот раз — просто чтобы заснуть. Завтра — уроки. Новая неделя. Много работы.

Сон пришёл не сразу, но пришёл.

Глава 15. Рутина

Понедельник начался привычно.

Алекс проснулся за минуту до того, как Эрни заворочался на соседней кровати. Вторая неделя в Хогвартсе — и тело уже подстроилось под новый ритм. Подъём, душ, одежда, палочка в карман. Всё как вчера, как позавчера. Рутина — хорошая штука. Означает стабильность. Кровать Захарии пустовала — тоже уже своеобразная рутина.

Гостиная встретила его тёплым светом камина и запахом чего-то цветочного от растений на подоконниках. Пара старшекурсников у огня, тихий разговор — ничего важного.

Энн стояла у прохода. Как каждое утро.

— Доброе утро.

— Доброе. Завтракать?

Кивок.

Они вышли вместе — уже привычно, нормально. Коридоры Хогвартса просыпались: факелы разгорались ярче, портреты зевали, доспехи скрипели.

— Ты вчера долго читал, — сказала Энн по дороге.

Алекс покосился на неё.

— Откуда знаешь?

— Выходила попить воды. Видела свет из-под двери вашей спальни.

В час ночи? Он не стал спрашивать. У каждого свои причины не спать.

— Книга интересная, — сказал он вместо этого.

— Какая?

— «Структуры разума». Про защиту мыслей.

Она помолчала, обдумывая.

— Это сложно?

— Да. Но полезно.

— Почему?

Как объяснить? Дверь в сознании, которая дрожит на каждом уроке ЗОТИ. Профессор, в чьём затылке прячется что-то древнее и голодное. Защита мыслей — не академический интерес.

— Потому что мысли — это всё, что по-настоящему твоё, — наконец сказал он. — Всё остальное можно отнять.

Энн посмотрела на него — тем взглядом, который он уже начал узнавать. Взгляд человека, который слышит больше, чем сказано.

— Ты иногда говоришь странные вещи.

— Много читаю.

Она приняла ответ. Не стала давить.

Большой зал был ещё полупустым — раннее утро, большинство только просыпались. Они сели на обычные места, еда появилась привычным волшебством.

Совы влетели через окна — шелест крыльев, стук когтей, возмущённое уханье.

Энн даже не подняла голову. Смотрела в тарелку, методично намазывая масло на тост. Она уже не ждала писем — по крайней мере, перестала показывать, что ждёт.

Закончив завтракать, они двинулись на занятия.

Травология проходила в теплицах — стеклянные стены, влажный воздух, запах земли и чего-то цветочного. Профессор Спраут, круглолицая и, как всегда, добродушная, раздавала горшки с какими-то колючими растениями.

— Сегодня, — объявила она, — мы работаем с дикобразником. Аккуратнее с иглами — они не ядовитые, но царапаются больно.

Алекс надел перчатки, взял свой горшок. Растение зашипело на него — недовольное, колючее.

— Ты ему не нравишься, — сказала Энн, заглядывая через плечо.

— Он мне тоже.

Она фыркнула — почти смех.

Урок был простым — пересадить растение из маленького горшка в большой, не уколовшись. Алекс справился быстро — руки помнили, как обращаться с живыми существами, которые не хотят сотрудничать, а память помнила теорию из книги по травологии — никаких резких движений.

В прошлой жизни в его руках были люди. Здесь — колючие кусты. Принцип тот же: не торопиться, не давить, дать понять, кто главный.

Энн рядом боролась со своим дикобразником — тот упирался, топорщил иглы, пытался уколоть. Она хмурилась, закусив губу.

— Подожди, — сказал Алекс. — Ты его пугаешь.

— Я его пугаю?

— Ты двигаешься слишком резко. Он думает, что ты угроза.

— Это растение. Оно не думает.

— Магическое растение. Оно чувствует.

Энн посмотрела на него скептически, но замедлилась. Движения стали плавнее, мягче. Дикобразник постепенно расслабился, иглы опустились.

— Вот так, — сказал Алекс. — Теперь бери.

Она взяла растение обеими руками — осторожно, как что-то хрупкое — и пересадила в новый горшок. Дикобразник зашуршал листьями, устраиваясь.

— Получилось, — сказала Энн удивлённо.

— Конечно, получилось.

Профессор Спраут прошла мимо, заглянула в их горшки.

— Отлично, мистер Хлой, мисс Каспер. Пять баллов каждому.

Энн покраснела от похвалы. Алекс кивнул — сдержанно, нейтрально.

Урок продолжался. Алекс работал, слушал объяснения Спраут, отвечал на вопросы, когда спрашивали. Краем глаза наблюдал за остальными — кто справляется, кто нет, кто помогает соседям.

Невилл Лонгботтом, круглолицый гриффиндорец, работал с растениями так, будто родился для этого. Его дикобразник... мурлыкал? И тянулся к его рукам. Невилл улыбался — впервые за всё время, что Алекс его видел.

Интересно. Мальчик, который ничего не может на других уроках, здесь — в своей стихии.

После Травологии была История магии.

Алекс не любил этот урок — не потому что скучно, хотя действительно было, а потому что бесполезно. Биннс не замечал студентов, не проверял домашнее задание, просто бубнил свои лекции в пустоту. Можно было учить материал по учебнику в десять раз быстрее.

Но ходить было обязательно.

Они с Энн сели на свои обычные места — в середине класса, достаточно далеко от Биннса, чтобы не привлекать внимание, достаточно близко, чтобы не казаться прогульщиками.

— Гоблинские восстания, — объявил Биннс, проплывая сквозь доску. — Параграф четыре...

Его голос был монотонным, усыпляющим. Через пять минут половина класса клевала носами.

Алекс открыл учебник, нашёл нужную страницу. Начал читать сам — быстрее, чем Биннс рассказывал и делал пометки в тетради. Это было эффективнее.

Энн рядом честно пыталась записывать. Её перо скрипело по пергаменту, буквы становились всё более неровными. Через пятнадцать минут она начала зевать. Через двадцать — глаза закрылись сами.

Алекс продолжал читать. Гоблинские восстания — интересная тема, если убрать монотонный голос Биннса. Гоблины не доверяли волшебникам. Волшебники не доверяли гоблинам. Конфликты из-за оружия, денег, территорий. История повторялась — здесь, в магическом мире, так же, как в маггловском.

Люди везде одинаковы. Неважно, есть у них магия или нет.

К концу урока Энн полностью отключилась — голова на скрещенных руках, дыхание ровное. Алекс не стал её будить. Пусть спит. Он даст ей свои записи потом.

Биннс не заметил. Биннс никогда ничего не замечал.

Обед был шумным. Большой зал гудел голосами — студенты обсуждали уроки, домашку, сплетни. За столом Гриффиндора кто-то громко смеялся. За Слизерином Малфой что-то рассказывал Крэббу и Гойлу, размахивая руками.

Алекс ел молча, слушая ближайшие разговоры. Энн рядом ковырялась в тарелке — всё ещё сонная после Истории магии.

— Я ужасна, — сказала она вдруг.

— В чём?

— Уснула на уроке.

— Все засыпают на уроке Биннса. Это нормально.

— Но я хотела записывать.

— Я дам тебе свои записи. Они полезнее, чем лекция.

Она посмотрела на него — благодарно, почти виновато.

— Ты не обязан...

— Знаю. Но это проще, чем смотреть, как ты пытаешься разобрать свои каракули.

Почти улыбка появилась на её губах.

— Они не каракули.

— Энн. Ты даже «восстание» записала как «воскресенье».

— Это... — она посмотрела в свои записи, — ...это правда воскресенье.

— Вот видишь.

Она тихо рассмеялась — впервые за сегодня. Алекс отметил: смех ей шёл. Делал её лицо мягче, моложе.

Они доели молча, в комфортной тишине. Потом Алекс достал свои записи, положил перед ней.

— Здесь всё, что Биннс рассказывал. Плюс страницы учебника, если захочешь прочитать подробнее.

— Спасибо, — сказала Энн. — Правда, спасибо.

— Не за что.

После обеда было свободное время — час до следующего урока.

Алекс хотел пойти в библиотеку, но Энн предложила другое.

— Может посидим в гостиной? Сделаем эссе по Чарам?

Он подумал. Библиотека никуда не денется. А эссе действительно нужно было закончить.

— Хорошо.

Гостиная Хаффлпаффа была полупустой — большинство студентов предпочитали проводить свободное время снаружи, пока погода позволяла. Осень ещё не вступила в полную силу, солнце ещё грело, листья ещё зеленели.

Они устроились в углу, у одного из круглых столиков. Алекс достал пергамент, перо, чернила. Энн — свои, более потрёпанные.

— Эссе о принципах левитации, — прочитала она из расписания. — Полфута пергамента.

— Начнём с определения, — предложил Алекс. — Что такое левитация?

— Поднятие предмета в воздух с помощью магии.

— Технически верно, но слишком просто. Флитвик хочет, чтобы мы объяснили как это работает.

Энн нахмурилась.

— Я не знаю, как это работает. Я просто... представляю и делаю.

— Помнишь, что я говорил про «невидимую ладонь»?

Кивок.

— Вот это и напиши. Своими словами. Что ты чувствуешь, когда заклинание работает.

Она задумалась, покусывая кончик пера.

— Как будто... как будто что-то тянется из меня. Через палочку. И касается пера. И держит его.

— Отлично. Это и есть принцип. Не «подъём» — «поддержка». Ты не толкаешь предмет вверх, ты подставляешь под него опору.

Энн начала писать — медленно, подбирая слова. Алекс работал над своим эссе параллельно, иногда поглядывая на её пергамент.

— «Невидимая ладонь» — это метафора, — сказал он через несколько минут. — Но для Флитвика это работает. Он любит, когда студенты понимают суть, а не просто заучивают формулы.

— Откуда ты знаешь, что он любит?

— Наблюдаю. Когда кто-то объясняет заклинание своими словами, он улыбается. Когда цитируют учебник — морщится.

Энн посмотрела на него — тем взглядом, который он уже начинал узнавать.

— Ты замечаешь много, — сказала она.

— Привычка.

— Какая привычка?

Алекс не ответил сразу. Как объяснить, что в прошлой жизни внимание к деталям было вопросом выживания? Что он научился читать людей раньше, чем научился читать книги?

— Просто привычка, — сказал он наконец. — Обращать внимание.

Энн кивнула — приняла ответ, не стала давить.

Они работали ещё полчаса, пока не закончили эссе. Алекс перечитал своё — достаточно хорошо, чтобы получить высокий балл, недостаточно блестяще, чтобы привлечь слишком много внимания.

Баланс. Всегда баланс.

— Готово, — сказала Энн, ставя точку. — Можешь проверить?

Алекс взял её пергамент, пробежал глазами.

— Неплохо. Только вот здесь — «левиоса» пишется через «о», не через «а».

Она покраснела, исправила.

— Спасибо.

— Не за что.

Остаток дня прошёл спокойно.

Ещё один урок — трансфигурация, повторение пройденного. Потом ужин. Потом — гостиная, камин, домашняя работа.

Джастин подошёл вечером, когда Алекс читал у огня.

— Алекс, можно спросить?

— Спрашивай.

— Люмос... — он замялся. — Ты говорил, что свет должен быть стабильным. Но у меня сегодня он начал мигать. Как будто... как будто задыхается.

Алекс отложил книгу.

— Покажи.

Джастин поднял палочку, сосредоточился.

— Люмос.

Свет появился — яркий, но неровный. Мигал, дрожал, как пламя на ветру. Три секунды — и погас.

— Ещё раз, — сказал Алекс. — Медленнее.

Джастин попробовал снова. Та же картина — вспышка, мигание, затухание.

Алекс смотрел на его руку. Движение правильное. Слово произносится чётко.

— Что ты представляешь, когда произносишь заклинание?

— Что представляю? — Джастин нахмурился. — Ну... свет. Яркий свет на кончике палочки.

— Как он появляется?

— Просто... появляется. Вспыхивает.

Вот оно.

— Вспыхивает, — повторил Алекс. — Как вспышка? Или как спичка?

— Как... — Джастин задумался. — Да, наверное. Как вспышка.

— А потом что?

— Что — потом?

— После вспышки. Что происходит со светом?

Джастин открыл рот, закрыл. Снова открыл.

— Я... не думал об этом.

— Вот поэтому он гаснет. — Алекс кивнул на палочку. — Ты представляешь момент. Вспышку. Но не представляешь, что дальше.

— А как надо?

— Не как вспышку. Как поток. — Алекс подбирал слова. — Представь, что ты открываешь кран. Вода течёт, пока ты не закроешь. Не одна капля — поток. Постоянный.

Джастин кивал, впитывая.

— Поток. Не вспышка.

— Попробуй.

Джастин поднял палочку. Закрыл глаза на секунду. Открыл.

— Люмос.

Свет появился — и на этот раз держался ровнее. Три секунды, четыре, пять...

— Нокс, — сказал Джастин. Свет погас. — Получилось!

— Нужно больше практики.

— Спасибо, Алекс. Ты правда хорошо объясняешь.

— Просто говорю, что вижу.

Джастин ушёл довольный. Алекс вернулся к книге.

Энн в своём кресле наблюдала молча. Когда он поднял глаза, она улыбнулась — маленькой, тихой улыбкой.

— Что?

— Ничего. Просто... ты хороший.

— Я практичный.

— Это тоже хорошо.

Алекс не стал спорить.

Ночью он лежал в темноте, практикуя умножение.

347 на 89. Разбить на части. 300 на 89 плюс 47 на 89...

Мысли текли ровно, цифры складывались в голове. Фоновый шум, заполняющий пустоту.

Следующая пара: 512 на 76.

Эрни храпел на соседней кровати — ровно, ритмично. Джастин бормотал во сне. Кровать Захарии была пуста — как обычно.

Куда он ходит?

Вопрос мелькнул и исчез, утонув в цифрах.

512 на 76. 500 на 76 плюс 12 на 76...

Сон пришёл где-то между 38912 и следующей задачей.

Вторник начался с дождя. Капли стучали по магическим окнам гостиной — странное зрелище, учитывая, что Хаффлпафф находился под землёй. Но окна показывали то, что происходило снаружи, и сегодня снаружи было серо и мокро.

Алекс спустился в гостиную раньше обычного. Не выспался — снились какие-то обрывки, неясные образы. Ничего конкретного, просто беспокойство, которое осталось после пробуждения.

Энн уже ждала. Как всегда.

— Рано, — сказал он.

— Ты тоже.

Они вышли вместе. Коридоры были прохладнее обычного — влажность проникала даже сквозь каменные стены. Факелы горели ярче, компенсируя серость за окнами.

— Сегодня Зелья первыми, — сказала Энн. — С Рейвенкло.

— Знаю.

— Снейп будет в плохом настроении.

— Снейп всегда в плохом настроении.

Она почти улыбнулась.

— В дождь — хуже.

Алекс не стал спрашивать, откуда она это знает. Может, наблюдала. Может, слышала от старшекурсников. Неважно.

Большой зал встретил их запахом горячей каши и тостов. Дождь барабанил по заколдованному потолку — капли исчезали, не долетая до столов, но звук оставался. Странная акустика.

Совы влетели мокрые, недовольные. Одна шлёпнулась прямо в чью-то кашу за столом Рейвенкло — возмущённый вопль, смех.

Энн не смотрела на сов. Ела свой тост, глядя в тарелку.

Серая неясность спикировала к Алексу, сбросила конверт.

Почерк матери.

Он сломал печать, развернул пергамент прямо за столом.

«Дорогой Алекс,

Рада, что ты нашёл книги Морган и Грейвса. Это серьёзные авторы — я сама читала Грейвса на аврорских курсах. То, что мадам Пинс выдала их первокурснику, говорит о том, что ты произвёл на неё впечатление. Или напугал. С Пинс никогда не знаешь.

Да, я знаю окклюменцию. Базовый уровень — то, чему учат авроров для защиты от допросов. Не мастер, но достаточно, чтобы показать тебе основы. На Рождество займёмся этим вместе.

Но, Алекс — без наставника не практикуй глубокие техники. Поверхностные упражнения — да. Но не пытайся строить что-то серьёзное без меня рядом. Пообещай.

Папа передаёт привет. Он рад, что тебе нравится Хогвартс. Да, раз ты не писал что он тебе не нравится, для него это означает то что он тебе понравился. До сих пор вспоминает

свои годы в Рейвенкло с теплотой, хотя и ворчит, что башня была слишком высоко и лестницы слишком длинные.

С любовью,

Мама»

Рождество. Три с половиной месяца.

Два кирпича в ментальной комнате — он уже нарушил её просьбу. Но мать не узнает, если он будет осторожен.

— Хорошие новости? — спросила Энн.

— Да. Мама согласилась кое-чему меня научить. На каникулах.

— Это хорошо.

Она вернулась к своему тосту. Алекс сложил письмо, убрал в карман.

— Ты вчера читала поздно? — спросил Алекс.

Она подняла глаза.

— Что?

— Ты сказала, что выходила попить воды. В час ночи.

Пауза. Что-то мелькнуло в её лице — замешательство? Смущение?

— Просто не спалось, — сказала она наконец.

— И часто тебе не спится?

Она пожала плечами.

— Иногда.

Алекс не стал давить. У каждого свои причины не спать. Он это понимал лучше большинства.

Подземелья Снейпа были холоднее, чем обычно.

Или ему так казалось. Дождь снаружи, влажность в воздухе, каменные стены — всё складывалось в ощущение сырости, которая пробиралась под мантию.

Снейп уже был в классе, когда они вошли. Стоял у доски, скрестив руки на груди, лицо непроницаемое.

— Тишина, — голос Снейпа был негромким, но каждое слово разносилось по классу. — Те из вас, кто не справился с зельем от фурункулов на прошлой неделе, — его взгляд скользнул по нескольким студентам, — повторяют.

Он взмахнул палочкой, и на левой половине доски появился знакомый рецепт.

— Остальные, — Снейп чуть повернул голову, — переходят к зелью для лечения нарывов. Сложнее, но принцип тот же. Страница двадцать восемь.

На правой половине доски появился новый рецепт — длиннее, с большим количеством ингредиентов.

— Приступайте.

Алекс достал котёл, изучил новый рецепт. Бадьян, гной бубонтюбера, толчёный рог двурога... Интереснее, чем фурункулы. Сложнее.

Он работал методично. Взвесить ингредиенты, проверить температуру, добавить в правильном порядке. Зельеварение было похоже на готовку в прошлой жизни — или на сборку оружия. Точность, последовательность, внимание к деталям.

Снейп ходил между рядами — чёрная тень, скользящая мимо котлов. Остановился у Алекса, посмотрел внутрь.

Секунда. Две.

Ушёл без слова.

К концу урока зелье Алекса было именно таким, как описано — густое, с лёгким перламутровым отливом. Достаточно хорошо, чтобы не привлекать лишнего внимания.

После Зелий была ЗОТИ.

Алекс шёл по коридору, чувствуя знакомое напряжение. Вторая встреча с Квирреллом после того, первого урока. После резонанса.

Энн шла рядом, рассказывая что-то о домашнем задании по Травологии. Алекс слушал вполуха, кивал в нужных местах. Его мысли были заняты другим.

Дверь. Она дрожала на том уроке. Волдеморт — или что-то, что пряталось в Квиррелле — почувствовал его. Почувствовал что-то.

Сегодня он будет осторожнее.

Класс ЗОТИ был на четвертом этаже — светлый, просторный, с высокими окнами. Странный контраст с подземельями Снейпа. Дождь всё ещё стучал по стёклам, серое небо за ними выглядело бесконечным.

Алекс сел в последнем ряду, у стены. Достал учебник, открыл на случайной странице.

Квиррелл вошёл, запинаясь о порог — как обычно. Тюрбан, чеснок, заикание. Всё как в прошлый раз.

— Д-д-доброе утро. С-сегодня мы п-продолжим изучение п-простейших защитных заклинаний...

Алекс смотрел в учебник. Не на Квиррелла. Читал строчки, не вникая в смысл. Буквы, слова, предложения — всё сливалось в бессмысленный поток.

Дверь в сознании дрожала. Слабо, фоновое — как отдалённый гул. Тише, чем в прошлый раз? Или ему казалось?

Он не поднимал глаз. Не смотрел на кафедру. Не давал возможности проникнуть к нему в голову.

Урок тянулся медленно. Квиррелл объяснял что-то о Защитных чарах, путал слова, ронял мел. Студенты перешёптывались, хихикали. Нормальный урок, нормальный профессор.

Почти. Один раз Алекс почувствовал это — взгляд. Не Квиррелла. Волдеморта Тяжёлый, холодный.

Волосы на затылке встали дыбом. Дверь дрогнула сильнее.

Он не поднял глаза. Продолжал «читать».

Ощущение ушло — постепенно, неохотно. Как хищник, который решил не нападать. Пока.

Урок закончился. Алекс собрал вещи, вышел — не торопясь, но и не задерживаясь.

— Ты на него вообще не смотрел, — сказала Энн, догоняя его в коридоре. — Весь урок.

— Он меня нервирует.

— Почему?

Алекс пожал плечами.

— Не знаю. Просто плохое чувство.

Она кивнула.

На обеде прибежала Мэри

Алекс сидел за столом Хаффлпаффа, методично поглощая пастуший пирог, когда рыжий вихрь обрушился на скамью рядом с ним.

— Алекс! — Мэри едва не опрокинула его кубок. — Ты не поверишь!

Он успел поймать кубок, отодвинул подальше.

— Что случилось?

— Урок полётов! — Она размахивала руками, едва не задевая Энн с другой стороны. — Мы летали! Ну, пытались летать. И там такое было!

— Что именно?

— Невилл упал! — Глаза Мэри горели. — Сломал запястье, мадам Хуч его увела. А Малфой — ты знаешь Малфоя? Блондин такой, из Слизерина — он украл напоялку Невилла!

Алекс слушал, кивая в нужных местах. Энн рядом напряглась — она не любила, когда Мэри вторгалась в их пространство. Но молчала.

— И тут Гарри — Поттер, понимаешь? — вскочил на метлу и полетел за ней! — Мэри изображала полёт руками, едва не снося солонку. — Без разрешения! Мадам Хуч ушла, а он просто взял и полетел!

— И?

— МакГонагалл его забрала! — Драматическая пауза. — Все думали — исключат!

Она замолчала, выжидая. Алекс понял: она ждала вопроса.

— И что?

— Его сделали ловцом! — Мэри чуть не подпрыгнула на месте. — Первокурсника! Первый раз за сто лет! Оливер Вуд — это наш капитан — сказал, что Гарри прирождённый талант!

Алекс обдумал информацию.

— Значит, Поттер должен сказать Малфоя спасибо.

Мэри моргнула.

— Что?

— Если бы Малфой не украл напоминалку, Поттер не полетел бы. Не полетел бы — не стал бы ловцом.

Она открыла рот, закрыла. Начала хихикать.

— Он ещё так злился! Весь красный ходил! — Она изобразила надутое лицо. — «Это несправедливо! Поттер нарушил правила!»

— Технически он прав.

— Но Гарри же герой! Он спас напоминалку!

— Нарушив прямой запрет.

Мэри нахмурилась, склонив голову набок.

— Ты на чьей стороне?

— Ни на чьей. Просто говорю, что вижу.

Она смотрела на него несколько секунд — изучающе, с любопытством. Потом пожала плечами.

— Ты странный, Алекс. Но с тобой интересно разговаривать.

— Спасибо. Кажется.

— Ладно, побегу! — Она вскочила так же стремительно, как появилась. — Надо рассказать другим.

И умчалась — вихрь рыжих волос и энергии.

Энн, которая всё это время молчала, придвинулась ближе.

— Это несправедливо, — сказала она тихо. — Он нарушил правила. Любого другого наказали бы.

— Да.

— Но его наградили.

— Да.

Она помолчала, ковыряя вилкой остатки пирога.

— Почему?

Алекс пожал плечами.

— Потому что он Поттер. Потому что он поймал напоминалку. Потому что МакГонагалл любит квиддич. — Он отпил сока. — Правила работают по-разному для разных людей. Это не хорошо и не плохо. Просто — так есть.

Энн долго смотрела на него.

— Тебе это не нравится.

— Нет. Но от моего «нравится» ничего не меняется.

Она вернулась к еде, задумчивая.

Алекс тоже. Малфой украл напоминалку. Поттер полетел. Поттер стал ловцом. Малфой злится. Интересная динамика.

После обеда Алекс пошёл в библиотеку.

Не за книгой — книга была с собой. «Структуры разума» лежала в сумке, завернутая в запасную мантию, чтобы не привлекать внимания. Просто в библиотеке было тихо. Тише, чем в гостиной, тише, чем в спальне.

Он нашёл стол в дальнем углу, за стеллажами с историей магии. Сел, достал книгу.

Пинс проводила его взглядом от своего места — внимательным, запоминающим. Он кивнул ей — вежливо, нейтрально. Она не кивнула в ответ, но и не подошла с вопросами.

Хорошо.

«Якоря и точки опоры.

Ментальное пространство нестабильно по своей природе. Образы появляются и исчезают, стены рассыпаются, комнаты меняют форму. Чтобы строить что-то постоянное, нужен якорь — точка опоры, которая не сдвинется, что бы ни случилось.

Для большинства магов якорем становится воспоминание. Что-то настолько яркое, настолько важное, что разум держится за него инстинктивно. Первое проявление магии. Первая любовь. Потеря близкого. Момент триумфа.

Но осторожно с травмами — они ненадёжны как якоря. Слишком много эмоций, слишком много боли. Под давлением легилимента травма может разрушиться, унося с собой всё, что к ней привязано.

Идеальный якорь — нечто простое, но значимое. Свет в окне. Запах хлеба. Тепло огня. То, что ваш разум помнит без усилий, без напряжения. То, что просто — есть.»

Алекс остановился, глядя на страницу.

Якорь. Точка опоры.

Два кирпича в его ментальной комнате — первый Люмос, объятия матери. Яркие воспоминания, но из новой жизни.

А что из старой? Что он помнил без усилий?

Запах пороха. Холод металла в руке. Адреналин.

Нет. Это не якоря. Это — то, от чего он убегал.

Тюльпа. Она была его якорем когда-то. Голос в голове, который не давал сойти с ума.

А теперь она за дверью, которую он сам закрыл...

— Глубокие мысли?

Алекс поднял глаза. Гермiona Грейнджер стояла у его стола, стопка книг в руках.

— Просто читаю.

— «Структуры разума»? — Она прочитала название на корешке. Брови взлетели вверх.
— Это же курс СОВ, минимум.

— Знаю.

— Зачем первокурснику такие знания?

Алекс пожал плечами.

— Интересно.

Она смотрела на него — с любопытством, оценивающе. Умные глаза, быстрый ум.

— Ты странный, — сказала она наконец.

— Мне сегодня уже говорили.

— Кто?

— Мэри.

— А. — Гермiona чуть поморщилась. — Она.. Громкая.

— Это точно.

Пауза. Гермiona переложила книги из одной руки в другую.

— Ты правда из Хаффлпаффа?

Алекс поднял бровь.

— Шляпа так решила.

— Но ты... не похож на них.

— А на кого похож?

Она обдумала вопрос серьёзно.

— На рейвенкловца, может быть. Читаешь сложные книги, замечаешь детали...

— Шляпа видит глубже.

Гермиона кивнула — задумчиво.

— Наверное, да.

Она постояла ещё секунду, потом ушла к своему столу.

Алекс смотрел ей вслед. Гермиона Грейнджер. Подруга Поттера — или будет ею. Умная, любопытная.

После библиотеки оставалось ещё полчаса до следующего урока.

Алекс убрал книгу в сумку и направился к пустому классу на первом этаже. Дверь заедала как обычно — он толкнул её плечом, вошёл.

Пыль, парты у стен, мутные окна. Манекен стоял в углу, где он его оставил.

Алекс вытащил его на середину комнаты, отошёл на пять шагов.

— Петрификус Тоталус.

Серебристо-голубая вспышка. Манекен застыл.

Пятнадцать секунд. Восемнадцать. Двадцать.

Расслабился.

Ещё раз.

Двадцать две секунды.

Ещё.

Двадцать пять.

К десятой попытке голова начала гудеть — знакомое ощущение магического истощения. Алекс остановился, убрал манекен обратно в угол.

Прогресс. Медленный, но стабильный.

Он вышел из класса, направился на Чары.

Остаток дня прошёл ровно.

Чары — Флитвик объяснял теорию левитации несколькими предметами, до практики ещё было далеко. Ужин — шум, еда, разговоры. Вечер в гостиной — домашняя работа у камина.

Вечером была астрономия.

Башня встретила их холодным ветром — дождь закончился, но влажность осталась. Звёзды проглядывали сквозь рваные облака, телескопы поблёскивали в лунном свете.

Алекс настроил свой телескоп, нашёл Полярную звезду. Начал заполнять карту.

— Хлюй.

Малфой. Он стоял рядом, делая вид, что проверяет настройки.

— Малфой.

— Слышал про Поттера?

— Мэри рассказала.

Драко скривился.

— Эта рыжая трещотка?

— Она информирована.

— Она раздражает.

Алекс не стал спорить. Продолжал заполнять карту.
Драко стоял рядом — напряжённый, злой. Ему хотелось выговориться.
— Несправедливо, — сказал он наконец.
— Что именно?
— Всё! — Голос Драко поднялся, он тут же его приглушил. — Поттер нарушил правила. Прямой запрет мадам Хуч. Любого другого исключили бы. А его — в команду!
— Да. Это несправедливо.
Драко посмотрел на него удивлённо.
— Ты согласен?
— С фактами — да. Он нарушил правила. Его не наказали.
— Именно! Дамблдор всегда защищает своих любимчиков...
— А что случилось с напоминалкой?
Драко осёкся.
— Что?
— Напоминалка Лонгботтома. Мэри говорит, ты её кинул в воздух.
Что-то мелькнуло в его лице — неловкость?
— Я просто... это была шутка.
— Лонгботтом сломал запястье.
— Ну и что?
— Он лежал в больничном крыле. А ты взял его вещь и подбросил в воздух. Попробуй посмотреть на это со стороны.
Молчание. Драко смотрел на него растеряннo.
— Я не подумал об этом.
— Я знаю.
— Откуда?
— Потому что если бы подумал — не стал бы. — Алекс вернулся к карте. — Ты хотел поддеть Поттера, не Лонгботтома. Но получилось иначе.
Драко молчал.
— Ты говоришь странные вещи, Хлой.
— Какие?
— То, что другие не говорят. Все или пытаются задеть или подлизываются. Или молчат в крайнем случае. А ты просто... объясняешь.
— Это плохо?
Долгая пауза.
— Нет. Наверное, нет.
Он помолчал, возвращаясь к телескопу.
— Кстати. Ты ведь в одной комнате со Смитом?
— Да. Захария Смит.
— Он самый. — Драко фыркнул. — Передай своему старосте чтобы забрал этого вонючего барсука. Он каждое утро торчит у входа в наши подземелья. Думает, его заметят и пригласят.
Вот оно. Ответ на вопрос, который Алекс задавал себе уже неделю.
— Зачем?
— Понятия не имею. Может, хочет присоединиться? — Драко рассмеялся. — Хаффлпаффец, который хочет быть слизеринцем. Жалкое зрелище.
— Его не пускают?
— Кто ж его пустит? — Драко покачал головой. — Он никто. Смит — древняя фамилия, но он не понимает, как это работает. На этой неделе попытался заговорить с Флинтом. Маркусом Флинтом, капитаном нашей команды по квиддичу.

— И?

— Флинт спросил, не заблудился ли маленький барсучок. — Драко ухмыльнулся. — Вся команда смеялась. Смит покраснел и убежал. Но на следующее утро снова стоял у входа.

Алекс кивнул. Картинка сложилась.

Захария. Мальчик, который считает, что Шляпа ошиблась. Который каждое утро ходит к слизеринцам, надеясь — на что? Что его признают?

И каждое утро его унижают или игнорируют. Но он возвращается.

Надменность — защита. Изоляция — результат провала.

— Ты другой, — сказал Драко вдруг.

— Что?

— Ты не пытаешься быть тем, кем не являешься. Не притворяешься. — Он посмотрел на Алекса прямо. — Это честно.

— Спасибо. Кажется.

Драко почти улыбнулся и вернулся к карте.

Алекс тоже. Но думал о другом.

Захария. Малфой. Поттер. Энн. Снейп. Квиррелл.

Кусочки мозаики. Картина ещё не сложилась, но контуры уже проступали.

Захария вернулся поздно.

Алекс уже лежал в кровати, когда дверь спальни тихо открылась. Шаги — осторожные, почти бесшумные. Шорох одежды, скрип пружин.

Он не открыл глаза. Притворился спящим.

Теперь он знал, куда Захария ходит каждое утро. К слизеринцам. К людям, которые его даже видеть не хотят.

Мальчик, который каждый день возвращается туда, где его унижают.

Почему?

Потому что надеется. Потому что верит, что однажды его примут.

Или потому что не знает, куда ещё идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.